Age Rise

ИЗГНАННИКИ

Annotation

Отдалённое будущее, эпоха высших дроидов. Единственный континент Морская Звезда практически пуст. Животных нет, растений мало. Упорядоченная информация о прошлом сохранена дроидами в облаках, фрагментарная заполняет Великое Море. Люди самозарождаются из матриц на его дне. С помощью дроидов ориентируясь в беспредельных хранилищах облаков, они собирают из понравившихся фрагментов Собственные Миры. Но их можно утратить…

- Часть 1.
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.
  - Глава 14.
  - Глава 15.
  - Глава 16.
  - Глава 17.
  - Глава 18.
  - Глава 19.
  - Глава 20.
  - Глава 21.
  - Глава 22.
  - Глава 23.
  - Глава 24.
  - Глава 25.
  - Глава 26.
  - Глава 27.
- Часть 2. В башне.
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.

- Глава 9.
- Глава 10.
- Глава 11.
- Глава 12.
- Глава 13.
- Глава 14.
- Глава 15.
- Глава 16.
- Глава 17.
- Глава 18.

- notes

Часть 1.

Глава 1.

Глава 1.

Смириться? Для начала — осознать. Он пытался и не мог охватить мыслью огромное "никогда".

Собственный Мир, как гора, далёкая, но нерушимая, всё время стоял впереди.

Одна ошибка, и теперь уже — никогда.

Он сидел на верхней гряде каменистого побережья, где в берег врезается залив Туманного Моря Дроидов, уходя под землю, в пещеры волнами тумана. Только плеск, хлопки, вздохи и стоны воды под сводами. Обсыхал, надо же было вдобавок и сверзиться!.. В голове только шум морской, гул Свободных Впечатлений… И холод. На всём огромном небе перед ним беспредельной красоты облаками простирались миры, принадлежащие тем, кто создать их успел. Облачные миры приходили и уходили, таяли, изменялись, сквозь них, чуть-чуть просвечивало солнце, но кто видел его полностью? Чёрный Дракон, телохранитель сидел рядом, насупив белые брови, глядя в землю. Казалось, он улыбается. Дракон был видим, да.

— Зачем ты здесь? Что-то не так? Я никого не вижу.

— Очень, очень не так, — ответил дракон, — даже не представляешь насколько. И всегда теперь будет не так.

— Что именно?

Дракон молчал.

— Почему ты не отвечаешь?

— Я дроид. И я не для того, чтобы отвечать.

Молчали оба.

— Я даже не знаю — что — потерял...

— Ты всё потерял.

— Это я знаю, дроид.

Но дракон уже не слушал. Перекувырнувшись в воздухе, он взвился вверх и длинной каплей рухнул в море. Разбивая клочья тумана, его мощный, чешуйчатый хвост обвил кого-то незримого, со свистом, с размаху сделал вторую петлю, замер, стянул петли и резко ушёл в глубину. Туман сомкнулся. Стало неинтересно.

— Ага, ага... А остался ли у меня белый, могу я хотя бы летать?

Изгнанник встал, потянулся и запрокинул лицо в зенит, ощущая, как зов протяжной мелодией сам исходит из середины груди. Потом медленно опустил взгляд. И под его взглядом над землёй раскрылись огромные голубые глаза, морда, грива… полупрозрачные в покое. О, какое счастье! Он привычно запрыгнул на спину, откинул в обе стороны локоны гривы, поднял морду руками, склонился к ней и прошептал.

— В облака. Быстрее быстрого...

Они взвились, перекувырнулись и полетели. И радость захлестнула его впервые с момента утраты. А чем быстрее летит Белый Дракон, тем явственней он видим. Так, первый раз летая без цели, изгнанник любовался своим зверем, радовался ему, и учился не думать ни о чём.

Главные законы непоколебимы. Они известны всем. Они, как часть тела. Всё остальное — твоя воля, твоя удача, твои глупости, твои возможности, твоя несудьба...

И вот первый закон.

«Время на создание Собственного Мира ограничено и не может быть продлено». Это закон природы, в том виде, в котором она теперь существует, в той форме, на которой она остановилась. После того, как тысячелетиями люди усовершенствовали дроидов, а дроиды усовершенствовали людей, и те и другие, вместе перестраивали гнездо окружающего мира, ветка качалась, но система достигла равновесия и остановилась, наконец.

То есть, как бы, не понятно, что за проблема? Время ограничено? Возможности — безграничны! Что за проблема, лучший из телохранителей, единственный непобедимый дроид приносит Восходящего со дна Великого Моря? Что за проблемы, когда три расы дроидов предназначены ему служить? Они предоставляют доступ ко всем Впечатлениям предыдущих поколений. Всем сочетаниям Впечатлений. Воплощай! Какие проблемы, когда Восходящий в любой момент может стереть начатый мир, смыть облачный эскиз и приступить заново?

Начать заново... В любой момент... Какие ещё проблемы, когда Восходящий знает свой срок? Ну, почти знает. Ну, практически!.. И ведь так легко быть готовым заранее, правда? Задолго до переходного момента, чтобы всё желанное было собрано, всё нужное готово. Легко и просто. Со скоростью полудроида, всегда можно успеть! И смыть и успеть! Изначально ни на миг не забывая: то, что сейчас ты выберешь, останется с тобой навсегда... Только это... И ты никогда уже ничего не изменишь в Собственном Мире, не воплотишь ни одного нового Впечатления... Какие проблемы? Да так... Никаких.

Где вы, высшие дроиды второй расы, главы семейств? Где вы?.. Молчание.

Эта прекрасная раса, третья, служебная... Не наделённая обликом человека, техническая, преданная, простая... Как можно не любить её? Неповторимая красота Белых Драконов… Да и сами всадники, не дроиды ли наполовину?

Полудроиды... И у всех немного слишком красивые лица, все немного похожие. Бедные мимикой, не рассчитанные на проявление эмоций, не нуждающиеся в нём. Словно кто-то долго и тщательно создавал превосходный шаблон, но пренебрёг в дальнейшем деталями. Притом, ничего подобного нельзя сказать насчёт их характеров, тел, манер. И ещё одной черты... Как прежде человек эпохи до дроидов распознавался по меняющемуся, но непрерывному облику, как зверь по запаху распознаёт зверя, так им стал присущ тихий, обычно не слышимый, личный звук, мелодия, исходящая из центра груди. Из вертикально стоящего, чаще невидимого, Огненного Круга. Та, которой можно позвать Белого Дракона, запрокинув лицо в зенит.

Туманные Моря дроидов располагаются между пятью основными мысами континента Морская Звезда, почти полностью окружая его. Только один, ветреный залив бывает порой свободен от тумана. В сухой сезон. Да ещё с двух оконечностей, самых длинных, близко сомкнувшихся лучей Морской Звезды видна открытая вода Великого Моря. Оно свободно входит под материк, в просторные, запутанные пещеры подземелья, пронизавшие его весь. Если спуститься или скатиться по сухой красноватой земле с обрыва на мелководье, можно зайти под обсидиановые своды и идти дотуда, докуда тянутся змейки Тумана Дроидов, неся с собой свет. Там, пройдя сквозь толщу земную, капелью и водопадами стекает Чистая Вода забвения. Столь нужная порой… Белый Дракон там летать не может, и неохотно заходит Чёрный Дракон.

Туманное Море дроидов перешёптывается, переглядывается быстрыми огоньками. То один, то множество колокольчиков запоёт вдруг, им откликнутся другие из невообразимой дали, и другие, и другие, пока не закрутится маленький вихрь, встанет до неба, раскроется, и замолчит

всё. Но с изгнанником дроид не заговорит больше, в центре вихря человеком не проявится перед тобой… Потому что всё кончено, долг их выполнен, срок твой вышел. Только море перешёптывается и переглядывается. "Они ненавидят нас, ненавидят и презирают нас..."

— Не думаю, — сказал парень, приземлившийся за его спиной.

— Ты умеешь читать мысли?

— Ты сказал вслух. Ненависть должна в чём-то проявляться. Дроиды — безопасны.

— Или в отсутствии чего-то.

Парень отрицательно качнул головой.

— Слушай, у всех бывает такой период. Это пройдёт. Да, теперь заставить дроида говорить с тобой, дела стоит. Целое искусство. Плюс везение... Но если надо, то можно. И ещё смотря, какого именно, Индиго.

— Что?

— Чтобы вынудить дроида...

— Нет, что — индиго?

— Ты — Индиго. Тебе нужно имя, а это произнёс мой дракон, когда мы только заметили тебя.

— Но почему — Индиго?

— На тебе синяя куртка. Да кстати, береги штаны, курток, как артефактов, довольно много, а вот со штанами беда.

— Учту, — сказал Индиго и невольно усмехнулся, сколько миров ты успел создать и стереть за вчерашний день? А сегодня беспокоишься о штанах.

— Твоё имя?

— Бест.

— Мне незнакомо это слово.

Теперь уже тот усмехнулся:

— Бест означает "лучший".

— Ты лучший? И кто дал тебе это имя, тоже чей-то дракон?

— Нет. Я давно тут, на континенте. Мы ещё мало держались друг друга, только строили укрытие... И всё время что-то нужно: искать артефакты, обменивать артефакты, лезть на рынки, совсем незнакомые рынки... Но если и компанией придёшь на рынок, меняется-то своей рукой кто-то один. Меняться-то они не очень хотят, а вот советовать!.. И такие все ценители, знатоки: "...лучший вон тот... лучший вот этот!.." Ну а если, кто топлива добыл или даже растопки, почему не сказать, что оно самое-самое наилучшее!.. Может, ещё принесёт. А я рисковый, мне пофигу. И по приколу. Да, точно ведь, дракон однажды и сказал: "Бест!"

— Чей дракон?

— Ты всё равно не знаешь. Его и нет уже.

— То есть?..

— Давай после, ладно? Уходим с побережья?

— Ты пришёл нарочно за мной? — Индиго был немного озадачен, Восходящие другим Восходящим не особо нужны...

Бест ответил:

— Мы приняли конвенцию. И ты, можно сказать, её главный пункт. Новеньких не бросать.

— Что такое конвенция?

— Договор.

— С кем?

— Между нами. То, что будем выполнять мы все.

— Подчиняться? Как дроиды?

— — Э... ну, — Бест замялся, — неожиданное сравнение. Можно и так сказать.

— Упс… Я сам по себе. — Сказал Индиго, и тут его взгляд упал на Чёрного Дракона, чужого Чёрного Дракона, который, однако, уже успел дать ему имя.

Тот стоял на задних лапах, уперев бороду в грудь, в начинающихся сумерках белели сведённые брови.

— Сам, сам по себе, — кивнул Бест, — мы все сами по себе. Пошли уже.

— Я полечу.

— Ты так часто ходил по земле, что она тебе надоела? Не хочешь освоиться?

И снова чужой дракон сверлил его угольками глаз.

— Он у тебя странный какой-то, — сказал Индиго, — здесь так опасно или он держит меня за врага?

— Здесь очень опасно, но дело не в этом. Он у меня "спонтанно видимый".

— Почему?

— Полетели уже! Если б я имел хоть по паре ответов на каждую сотню таких "почему"...

И вот как началась для Индиго его первая в Пещерах ночь.

По наступлении темноты Чёрные Драконы плотным, двойным рядом встали снаружи, загораживая вход. Нервозность группы ощутимо висела в воздухе. Крошечные огоньки из Тумана Дроидов изредка опадали разноцветным дождём на бледные лица. Один, незнакомый Индиго, изгнанник отошёл в сторону, взял чашку, полную чистой водой, лёг на спину, медленно вылил её себе на лицо и остался лежать. Девушка, что сидела рядом с ним, не препятствуя, только проследила взглядом и осуждающе качнула головой.

— Зачем? — тихо спросил Индиго.

— Ну, тут трудно сказать, — отозвался Бест, — может, он и прав. Он много знает о них, часто сталкивался. О Чудовищах Моря. Это сильно помогает, конечно, но и сильно мешает. Дико мешает, вообще-то… Решил Впечатления немного смыть, рефлексы оставить.

— О них, это которые...

И тут не снаружи, нет, внутри, во мраке пещеры Индиго, проваливаясь в ужас, увидел два ряда кривых клыков, ощеренную пасть, способную проглотить кита! Она клацнула и приблизилась. Он рванулся к выходу, но подножка укоротила второй шаг, кто-то прижал Индиго к земле и перехватил локтём за шею.

— Тихо, тихо... как ты попался сразу... она не здесь, она там... смотри вдоль стенки, видишь, серый туман просочился. Ты воспринимаешь то, что она хочет. Морок...

Индиго не взглянул на туман, он глядел на зубы. Они снова, уже медленно смыкались и сияли ядовитым голубым светом.

— Образ, только видимость, хуже, когда ещё и чувствуешь то, что хочет тень... А если бы могла заставить думать то, что она хочет, то и рыпаться бы не имело смысла. Но, к счастью, это епархия дроидов.

Стояла тишина. Кроме сияющей пасти ничего не происходило, она начинала понемногу бледнеть.

— Видишь?.. Туман рассеивается, сила тает, скоро морок исчезнет совсем... Потом поймёшь, сейчас только помни: не приближаться к выходу! Не подходить. Над мыслями они не властны. А желания, это мысли. Запомни, Индиго, запомни, желания — это мысли, а не чувства.

Бледные уже очертания загнутых внутрь зубов дрогнули, исказились и так исчезли, словно нырнули в глубину.

— Оно ушло от входа? — прошептал Индиго.

— В смысле?.. Морское Чудовище? Нет, что ты! Оно и не покидало своих глубин. Ты не знаешь, кого видел? Того, кто очень, очень далеко. А произвела иллюзию созданная им тень, и сейчас её уже нет, ни у входа, ни на свете. Тень. Драконы разбили её.

— Но почему же она согласилась?..

— Не соглашалась... Это не существо с Огненным Кругом. Приспособление. Мне нравится, твоя любознательность сильней твоего страха, другой раз подойди и потрогай мираж, передай привет хозяину.

— А драконы, — вспомнил Индиго, — почему пропустили это?

— С туманом трудно. Они против него... почти не могут. Они против тех, кто приходит в своих телах, когда туман достаточно плотный, настолько густой, чтобы в нём они могли удаляться от моря. Против теней, имеющих основу, и монстров.

— В реальных телах? В настоящих... — Индиго попытался представить их там, перед входом.

— На правах сторожила утешу тебя, против них драконы очень даже могут. А у нас сегодня такой аншлаг, что можешь лечь вздремнуть спокойно. И не приближайся к выходу!

— А где мой Чёрный Дракон?

Бест недоумённо поднял брови.

— С остальными.

— Почему он не рядом?

— Он объединился с остальными. Так им удобнее. Да, дроид принял это решение за тебя. Возражаешь?

— Нет... — Индиго задумался, — Нет.

Индиго проснулся от нараставшего чувства тревоги, оно вытолкнуло его из сна и смешалось с низким, нежным голосом, выводящим песню тщательно и бесстрастно.

— Если нам закрыто небо,

Нам открыто море...

Девушка с распущенными чёрными волосами сидела в уголке, куда попадал рассеянный свет. Она последовательно склонялась над каждой из множества самых разнообразных сосудов и ракушек с водой, расставленных вокруг.

— Кто там был, и кто там не был,

С этим не поспорит...

Она окунала в них пальцы сосредоточенно, прикрывая глаза, вытирая тщательно, прежде чем опустить в следующий. Широкая пустая чаша на ножке стояла прямо перед ней.

— Если друг к тебе остыл,

Обнимись же с горем...

Девушка хмурилась, видимо, не находя искомого, но на последней, щербатой глиняной чашке её пальцы дрогнули, и губы — в улыбке. Подняв осторожно, она поднесла воду вылить в центральную чашу, вдруг передумала, быстро оглянулась вокруг, и выпила всё до капли. И рассмеялась тихонько, закрыв ладонью рот.

Индиго хотел сказать: "Привет..." Когда странным образом тревога растворилась, а сон нахлынул снова так, словно и девушка и песня уже снились ему.

Окончательное пробуждение неприятно поразило его тяжестью, тягостностью обладания

телом. Уже не Восходящий, изгнанник… Или он переродился, а до того и не было тела? Пусто в пещере. Индиго вышел, огляделся. Бест махнул ему, зовя на верхнюю террасу, валунами обложенный по обрыву полукруг красноватой сухой земли.

— Вчера был из ветра, сегодня из камня… — пробормотал Индиго. — Стоит так жить?

— Тебе кажется, — ответил на это Бест, — принципиально ничего не изменилось, просто раньше ты не обращал внимания. Ты был увлечён. И уверен.

— Слушай, кстати, среди вас есть черноволосая девушка? Или это был сон?

— Есть, Мурена. — Бест покосился на Чёрного Дракона, загородившего обзор. Его хвост подрагивал, раскидывая мелкие камешки по земле. — И что же тебе снилось?

— Песня. Красивая тревожная песня. А потом она выпила что-то.

— О, ясно! Я знаю эту песню! — взорвался Бест с неподдельным отвращением. — И что выпила, догадываюсь. Уж скорей бы она переходила от теории к практике, раз к тому всё идёт!

— А теперь объясни.

— Это, офигеть, плохая песня. Нет, конечно, пой что хочешь, другим от твоего нытья не холодно и не жарко...

— Но эта какая-то особенная?

— Да никакая она не особенная! Очень старая, разве что. Происхождение её, да, немного особенное. Так считается, может быть... она с тех времён, когда самые первые из Восходящих не успели закончить Собственный Мир и зайти в него. Точно-то мы не знаем, но по обрывкам Впечатлений, вроде как, они задумали сделать один на всех мир, вместе. А ведь так не бывает. Это же — Собственный Мир. Но одно у них получилось сообща — обломаться. А тут ты одной вещи не знаешь...

Бест задумался, внимательно посмотрев на Индиго.

— Прошу тебя, внимательно послушай, постарайся понять... В море, там Свободные Впечатления, неупорядоченные, быстрые. Объединяться с ними легко, а удержать очень трудно, толку от них мало, от них почти не бывает прока. Запомни, я правду говорю. Но дело даже не в этом... Как бы тебе сказать, там, в Великом Море, накопленные тобой Впечатления кажутся, будто есть на самом деле. Настоящими, материальными, как в Собственном Мире. То есть, я не знаю как в Собственном Мире, но будто всё это на самом деле есть. Но это только кажется! И не долго. Пока ты сам ещё способен их удержать, пока Свободные Впечатления не смоют прошлые до конца... Запомни, это только кажется.

— Да, да… точно. Я накануне свалился туда. Ладно, понял. А песня?

— Ну, вот они и придумали её тогда. Они пошли в море.

— И долго они прожили там? После всего, что я вчера видел...

— Ты совсем ничего не понял. Море было пустым, совершенно безопасным...

— То есть...

— То есть. Вот этим и закончилось их желание сделать мир вместе. Они перегрызли друг друга. Перебрали по косточке. Поглотили и перепоглотили. Но ведь кто-то оставался последним, да? Чудовищные гиганты, съевшие всех остальных. Тех, может и нету, но прошли века, новые падали, выживали. Сколько их всего в Великом Море? На что они там в действительности похожи? Мы знаем достоверно трёх. Одного из них зубки ты видел вчера. Красавчик?..

— А она?

— Она?

— Эта девушка, Мурена?

— Она собирает всё про них. Всё, что, как ей кажется, — это слово Бест иронически подчеркнул, — даёт представление о них.

— Это плохо? А вы, остальные, не делаете то же самое?

— Да... Я только иногда, всё чаще, дико сомневаюсь зачем... А вот зачем она собирает, я не сомневаюсь.

— Неужели она хочет попробовать?!

— Хочет.

— Ого!

— Во многих смыслах — ого. Знаешь, что скажу, Индиго. Я восхищаюсь ей. И есть за что. Мурена совершенно бесстрашна, она столько сделала для этого места, для всех нас. Но... чем дальше, тем больше... какая тёмная тоска от всяких, ею найденных Впечатлений, от самой мысли... Неужели она не замечает?

— Похоже, нет. Похоже на то, что ей нравится. А её имя? Мурена, что означает?

— Рыба такая, — Бест повернулся уйти.

— Красивая рыба?

— Ни разу не красивая. Жуткая рыба.

— И кто её так назвал, тоже дракон?

— Нет. Она сама себя назвала.

То был не лучик из-за рамы чужого мира! Луч всегда один… А там, над полоской Великого Моря, угадывающегося с высоты их гор, клубы облаков просвечивались ярким, тихим золотом. Ещё ярче, ещё светлей. Как красиво!...

— Это, круглое над горизонтом, солнце? Я вижу солнце?! — изумлённо воскликнул Индиго. — Есть место, откуда это возможно?

— Нет такого места, — ответил Бест. — Проливается безвозвратно чей-то Собственный Мир. Ты видишь отражение Царя-на-Троне.

— Э?..

— Не довелось повстречать? Такой дроид, вроде драконов, третьей расы, технический дроид.

— Это самое красивое, что я видел в жизни...

— Ну, ты ещё не видел его самого.

— Дракон красивее Белого Дракона?

— Нет, с виду он высший дроид. Выглядит, как человек.

— И какова его роль? И как могло получиться, что я не сталкивался с ним?

— Его редко видят Восходящие, причины нет. Хозяева в мирах никогда не видят, только снаружи. И Изгнанники. А действие я затрудняюсь назвать. Но любой скажет примерно так: если совсем абзац, в этот момент ты увидишь Дарующего-Силы. И не то чтоб ты стал сильней… То ли ты что-то понял... То ли всё рассосалось само... Коронованный — дроид спасения.

— Солнце скрылось.

— Это не солнце.

— Его часто видно?

— Часто ли проливаются миры целиком? Раз в сто лет…

— Разбудите меня через сто лет.

— Зачем ждать? Видишь, как мой телохранитель смотрит на тебя? Давай подерёмся и, возможно, ты увидишь Царя-на-Троне...

— А что? — восхитился Индиго, нырнул вниз, подсёк Беста и весьма удачно.

Смеясь, под рёв двух Чёрных Драконов они покатились по земле. Бест выиграл.

Они сидели по разные стороны подземного озерца, в пяти минутах ходьбы от овальной пещеры, на сводах пробегали разноцветные всполохи от тумана дроидов. Мурена расчёсывала мокрыми свои длинные чёрные волосы. Индиго смотрел на неё и на её отражение в воде.

— Мурена?..

— Новенький.

— А что было там, в чашке, что ты выпила тогда?

— Когда?

— После ночной атаки, когда пела песню.

— Подглядываем?

— Я проснулся. Так что? Если не секрет.

— У нас не особо приняты секреты.

— И?

— Важную вещь. Как оно Тенями управляет. Как удерживает, понятно, а вот как управляет? Давно хотела узнать, — и она улыбнулась самой себе.

— Оно, в смысле...

— Морской Гигант.

— Их ещё называют Морскими Чудовищами?.. И как же?

— Чудовищами, говоришь? Знакомые интонации... Да не важно, как. Что именно тебя интересует? Очевидно, что-то другое…

Индиго возмутился, но, задумавшись на миг, был вынужден согласиться с ней, и предпочёл открытую политику.

— Да. И позволь, спрошу. Если то Впечатление важно, почему ты не поделилась со всеми?

— А с кем, со всеми? — быстро бросила Мурена, раньше, чем он успел договорить. — С кем? Для всех важно... А кому это надо практически, кроме меня одной?

— Ну...

— Может быть, тем, которые в море одну ногу не спустят, на Белом Драконе сидя? Или тем, кто раз в год, набравшись храбрости, наступят в лужу после отлива, и то, держась за хвост своего Чёрного Дракона? Кто нырял со мной в море? Кто приносил артефакты не с рынков, а с подводных островов?

— Ты ныряешь в Великое Море?! О!... — такого Индиго не ожидал.

— Никто, никто, Новенький, я одна!

— Индиго.

— Никто из них, Индиго.

— О, я тоже хочу попробовать!

Он воскликнул так искренне, что Мурена внезапно с неподдельным интересом заглянула ему в глаза.

— Да ну? — сказала она.

— У меня уже сесть опыт! Однажды я сверзился в море на вираже, — он задумался, на последних словах воспоминания всплыли разом, и он спросил:

— Но даже если... — Он хотел сказать "ты остаёшься жива", — всё в порядке, как ты справляешься, смываешь затем с себя... весь этот хаос?

То был как раз случай, когда Индиго довелось поневоле ознакомиться с силой Чистой Воды забвения, и расстаться со всеми Впечатлениями, накопленными ради Собственного Мира, но так и не воплощёнными в него.

— Просто смываю. Как сейчас, например.

— Но ведь это не Чистая Вода забвения, разбавленная морской.

— Ну, и такой достаточно, упорядочить слегка. Отделить от связных Впечатлений, чтобы те было легче перевести в память. Я же не хочу смыть всё сразу. Какой смысл тогда?

И тут Индиго осознал, что вот сейчас, совсем недавно она... вышла из Великого Моря, из опасного и огромного пространства, полного тайных богатств. Некий ореол возник для него вокруг этой черноволосой девушки, навсегда.

— То есть, только что ты ныряла... И что там? Что ты видела сегодня?

— Э, ну... — Мурене польстил его интерес и непредвзятость. — Я, вообще-то ничего не искала нового. Так, тренировалась.

— В чём?

— Как обычно, убегать, догонять. Проникать внутрь. Разбирать на части. Если тень не ядовитая… Что ты делаешь такие глаза? Да, там много разных масиков, теней, остатков теней, но по отдельности они не страшны, большинство из них, в течении, на мелководье. Ну, как рука, живая, но без глаз. Или глаза без руки. Правда, — тут она засмеялась, — у них обычно есть зубки, и у глаз, и у рук!.. Но для того я и тренируюсь!

— Обалдеть! — воскликнул Индиго. — Круто, обалдеть!

Туман дроидов неспешно, но определённо начал струиться к выходу в пещеры из подземелий. Индиго проследил за ним взглядом и вспомнил про остальных.

— Слышишь, а всё-таки, ты с ними не поделилась... Неужели совсем не стоило?

— Стоило, не стоило... Пользы с гулькин нос, и то теоретически. Вот охов, ахов будет. То, что я нашла тогда, а самом деле супер, два сразу, и информация: слова, древние слова о море, и Впечатление. Очень удобно, и такая редкость! А для них это: "Какой ужас!.. Какой ужас!.." Нафиг.

— Мурена, а ты действительно хочешь…

— Что?

— Ну, стать одной из них?

— Кого?

— Морских Чуд… гигантов?..

— Что???

— Э...

— Что ты сказал?! Новенький не может придумать такую хрень самостоятельно!.. Бест, да, его работа?

Мурена пронеслась по берегу в одну сторону, в другую с таким выражением зелёных, раскосых глаз, что даже её Чёрный Дракон встревожено проявился на миг, но тут же растаял снова.

— Нет, ничего, ничего, не оправдывайся, я не злюсь, ты новенький. Я скажу, я тебе скажу, чтоб ты знал, а дальше уж, как хотите!..

Мурена перевела дух, встала перед ним руки в боки, с разметавшимися чёрными волосами, в глазах — огоньки дроидов, и два штормовых океана.

— Не существует никаких "чудищ", чёртовы трусливые идиоты!!! «Чудовище» — просто общее название морских хищников! Есть совокупности теней, гиганты, конгломераты, другие миры, по сути, и они — есть! Если б ты видел, как они уродливы! Неужели возможно сделаться таким и при этом сохранить Огненный Круг?! Я не верю.

— Конгломераты… Сообщества? Кого с кем?.. Не важно. Но в самой середине кто-то есть? Ты раньше сказала: "управляет", кто управляет?

— Не — кто!.. Почему обязательно кто? Оно само… Оно управляет!

— Но всё ж таки...

— Ладно, — между ручейками тумана стоял Бест, — договорите позже. У нас событие

мирового масштаба... — Он обратился к Мурене. — Трусливые идиоты создали место, откуда ты уходишь и куда возвращаешься, так, кстати. И добились сегодняшней встречи тоже они.

— Посмотрим, будет ли с неё прок, — бросила Мурена, выходя.

Глава 2.

Глава 2.

— Для начала. По законному требованию. Ваших Чёрных Драконов. Я отвечаю. На один незаданный. Вами вопрос.

Дроид 2-2, глава семейства Дом проявился в толще дальней стены пещеры, белый на чёрном троне, слепящий белизной. Перезвон колокольчиков превратился в маленький вихрь, а вихрь — в него. Белый человек, высокий и величественный. Свет, исходящий от него уменьшился, пробиваясь только в ладонях рук. Он смотрел на всех присутствующих сразу, не обводя их взглядом. Высокая спинка трона заканчивалась полумесяцем, устремлённым двумя острыми рогами вверх. И подлокотники и ножки трона представляли собой маленьких гривастых зверей, вроде львов, готовых к прыжку. Такие же звери окружали его кольцом. Индиго хотел сосчитать их и не смог. Не получалось смотреть на одного отдельно, они сразу начинали сливаться в круг, а затем начинала кружиться и вся пещера, наполненная Изгнанниками под завязку. Такое количество людей одновременно Индиго ещё не видел. Одежда действительно оказалась редким артефактом, а он-то ещё удивлялся на своё имя, как можно назвать целого человека по цвету его куртки! В основном белели лохмотья всех степеней потёртости и рваности, какие-то тряпочки, накидочки, повязки, всё, что можно использовать как плащ, всё, во что можно завернуться. Несколько групп людей сильно выделялись. Одни яркими, шёлковыми нарядами, с обилием лент, украшений, многие, и девушки и парни, в юбках до земли. Другие — коричневой, плотной одеждой, хорошо сидевшей на них. Индиго таких не встречал на драконах в небе, и кожаной одежды раньше не видел.

— И я. Не засчитываю. Этот вопрос. В общее число. Оговорённых.

Раздельная, медленная манера речи высшего дроида, его мелодичный, но бесстрастный голос могли бы производить отталкивающее впечатление. Но только не на Индиго, утратившего привилегию слышать этот голос так недавно и внезапно. Для него он был частью ностальгии, такой же болезненной и прекрасной, как и взгляд в чужой Собственный Мир.

— Так вот. Я отношусь. К холоду. Первой расы. Каждый из Утративших. Кто слушает меня. Замедляет свой Огненный Круг. И уменьшает. Срок своей жизни, — дроид сделал паузу, как бы задумавшись, не слишком ли большое одолжение делает, объясняя, но продолжил. — Этим и обусловлен. Отказ от контактов. Между Утратившими. И холодными дроидами, — он замолчал.

Мурена наклонилась к Индиго и торжественным шёпотом окончила речь:

— Поняли, дураки?

Индиго согласно хмыкнул.

Никто не собирался выходить из пещеры. Дроид склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, и сказал:

— Можете начинать.

И всё сразу пошло не так. У них было право на двенадцать вопросов, дюжину, очень много, как им казалось. Они потратили несколько месяцев, перебирая и выбирая их, подыскивая формулировки. Лучше бы они потратили это время, договорившись о порядке вопросов и поведении между собой. Предполагалось, что спрашивать будет Бест. Но и это они вслух не обговорили. Предполагалось, что он всё помнит... Он-то помнил, даже лишку, но как быть с уточняющими вопросами? Да и это оказались не главные неприятности.

Бледный, ещё бледнее в свете, исходящем от дроида, вырвавшись из круга остальных, как птичка из сети, перед троном уже стоял Донни и кричал:

— Есть ещё способ?! Он есть?! Есть ещё какая-нибудь возможность сделать его?!

— Нет, — ответил дроид спокойно. — Для утративших нет.

— А если, если...

— Донни!.. — все встрепенулись разом, схватили его, утащили, закрыли рот...

— Утоплю!.. — прошипела Мурена, — Завтра же собственноручно утоплю...

Так Индиго увидел, что эта встреча важна ей не меньше, чем всем остальным.

— Никакой возможности. Создать собственный мир. У вас больше нет. Я ответил. Засчитывается за один, — произнёс дроид.

Как показалось Индиго, с нескрываемым презрением. Он мог бы поклясться, что дроид сказал это и усмехнулся.

Повисло молчание. Тишина. Такая глубокая и долгая, что каждый в ней успел подумать: "А не такой уж и глупый был вопрос... Неизбежный". Одно дело знать, другое — услышать со стороны. Каждый заново стал Изгнанником, признал, устыдился минутной слабости, и почувствовал, как Огненный Круг в груди немного, но замедлил свой ход.

Бест тормознул тоже. После слов дроида все заготовленные вопросы показались ему одинаково пустыми и почему-то неуместными. Вопросы человека, который спрашивает: «Как, где, насколько?» А зачем не знает, даже о чём говорит, толком не знает. И все видят это, и тот, кого спрашивают, видит тоже. "Ну что спросить его? Кто мы?.. Ага-ага, и меня утопить, Мурена, прошу тебя... Что нам делать? Что нам делать с точки зрения дроида?.. Да провалитесь вы все! Не удивительно, что он так смотрит на меня, когда я сам на себя так смотрю..." Бест поднялся на ноги:

— Ты хочешь помочь нам?

— Нет. Я ничего не хочу. Я не подчинён. Дроидам Желания. Некоторые дроиды Желания. Подчинены мне. Отчасти, — отвечая, высший дроид явно старался быть подробным.

"По крайней мере, он честен и не мелочен, — подумал Бест. — Можно сделать вывод о стиле его ответов".

— Я ответил, — подчеркнул дроид. — Засчитывается за два.

Кто-то теребил его за рукав, другие шептали что-то, он Бест их не замечал. Он твёрдо вознамерился перейти к делу:

— Есть еще дроиды служащие нам, кроме Чёрного и Белого Драконов?

— Да, есть, — дроид подождал уточняющего вопроса, но не дождался и решил продолжить. — Дарующий-Силы, Коронованный, Царь-на-Троне. Других нет. Я ответил. Засчитываю за три.

— Как позвать этого дроида? — сорвался Индиго.

— Никак. Я ответил. Засчитываю за четыре.

Индиго плюхнулся на место под уничтожающим взглядом Мурены, Бест, не отвлекаясь, продолжил, перешёл к насущному:

— Где больше всего топлива на обмен, и существует ли оно, как ещё не найденный артефакт?

— Больше всего. Южный рынок. Хозяин Мира-со-Множеством-Малых-Форм, хищник. Хозяин Мира-Быстрых-Перемещений, его друг, хищник. Обмен. Возможен с первым. Не рекомендуется со вторым. Центральный рынок. Хозяйка. Не-Показывающаяся-Никогда, не хищник. Обмен маловероятен. Артефактами. Топливо есть. В потенциальном состоянии. В Великом Море. Каменный лес. Юго-западные, глубоко лежащие острова. Много. Добыча легка. Я ответил. Засчитывается за пять.

Бест оглянулся беспокойно, запомнили это те, кто обещали запоминать? И они, поймав его взгляд, закивали согласно.

— Есть ли что-то защищающее от Морских Чудовищ лучше огня?

— Есть, — дроид задумался. — Пустота от Впечатлений. Лучше. И от памяти.

"Ещё один вопрос в минус, дурак... — подумала Мурена. — Сто раз говорила тебе". Но дроид продолжил:

— И сила. Сила Впечатлений. Я ответил. Засчитывается за шесть.

Тут Мурена глубоко задумалась.

— Мы можем взять перерыв? — спросил Бест и добавил поспешно, — Это не вопрос.

— Можете. Только выйдите. Вам нехорошо находиться. Рядом со мной.

Всей толпой они послушно потянулись к выходу, Лелий оглядывался и отстал немного. Окружили Беста, и какой тут начался галдёж!

— Донни, ты внутрь больше не заходишь!

— Насколько здесь теплее, я весь промёрз!..

— Тоже мне, одолжение сделал, я эти леса тысячу раз видела! Откуда, по-твоему, коряги, что горят втрое дольше, с зеленоватым пламенем?

— Где он берёт такие имена: "мир быстрых перемещений"? У миров есть имена? И у хозяев есть?

— У тебя было имя раньше? — спросил кто-то Сонни-сан, юношу, который был изгнан обманом из Собственного Мира.

— Нет. Я никак себя не называл, а меня по-всякому называли, — ответил он и добавил, — я думаю, это не имена, а просто, дроиды 2-2 ведь одно только и делают — указывают направление, где что. Значит, если мы придём туда, то увидим что-то очень похожее на названное как бы имя...

— Да, да... — согласились с ним.

Они щурились от света, высший дроид точно принадлежал в первой расе к холоду, он, белый-белый, прямо излучал ледяной мрак.

— Что теперь, что у нас там по плану?

— Осталось шесть вопросов.

— Пять, — сказал Сокол твёрдо и с лёгким вызовом, — один мой.

— Да, — согласился Бест, — я помню, он твой.

Обернулся вокруг, окинув друзей взглядом.

— Теперь все молчат, ладно? — последнее относилось к Индиго.

— Да, конечно! — виновато откликнулся тот. — Извини.

Перебрав каждое услышанное от дроида слово, галдящее большинство притихло, опомнилось, и слышнее стал голос тех, которые с самого начала предлагали сосредоточиться на оставшихся пяти вопросах. Вот тут-то и начался полный хаос. Сотни вопросов, перебранные в предыдущих спорах, опять полетели на Беста со всех сторон. Он схватился за голову и плюхнулся на камень.

— Стойте, стойте, дайте подумать.

Народ не внял призыву.

— Давайте будем реалистами. Большинство самых важных для нас вопросов, это те, на которые мы давно уже получили ответ — нет. Вы настолько хотите услышать его снова? В то же время, мы почти ничего не знаем о тех, с кем имели дело, о второй расе дроидов. Кто у нас специалист по сказкам прежних времён? — Бест поискал кого-то глазами.

Высокий кареглазый юноша помахал ему рукой и вопросительно поднял брови.

— Амарант, что следует попросить у феи, когда осталось только одно желание?

— Вещь, исполняющую все желания, что ещё?..

— Вот так мы и сделаем, — кивнул Бест уверенно. — Пусть расскажет нам о себе. Сколько их. Как взаимодействуют. И о 2-1 пусть расскажет... Сейчас мы попали, не целясь. Но в последующем это поможет раскрутить их на разговор... Если повезёт...

Окружающие притихли, возражений не нашлось. Никто не спешил обратно в пещеры почему-то, и ещё некоторое время они посидели, переговариваясь. Когда встал Бест, то и другие направились следом. Сокол тихонько тронул его за рукав:

— Бест, один вопрос мой.

— Да, я помню.

"Ты против..." — подумал Сокол. — "Ты против, но мне всё равно".

Народ втянулся в пещеры. Почётный гость, казалось, совещался тоже, разноцветные огоньки из тумана дроидов брызнули от него в разные стороны при общем возвращении. Индиго взглянул, вздрогнул и похолодел. Дроид разглядывал, так и этак поворачивая в руке Огненный Круг... — чьё-то сердце.

— Что это? — воскликнул он, вскакивая с земли. И тут же осёкся. — Нет, не тебе!.. Бест, я молчу уже!

— Это. Огненный Круг, — ответил дроид бесстрастно. И медленно растворил его в своей руке. — Вопрос. Не засчитывается, — добавил он, проявив снисхождение.

— Последний раз ты встреваешь, — Бест взглянул на Индиго с нешуточной суровостью. — Реально, последний раз.

И без того шокированный, Индиго не отозвался.

Через небольшой промежуток тишины, Бест поднялся и спросил вдумчиво:

— Кто ещё... кто все главы семейств дроидов твоей расы?

На этом вопросе владыка Дом поднялся с трона и ответил, посмотрев на что-то невидимое остальным, поверх их голов.

— Я. Корень семейства. Дом, — он опустил взгляд и продолжил, на каждом следующем упоминании, немного переводя взгляд, — Он. Корень семейства. Сад... Он. Корень семейства. Там... Он. Корень семейства. Закрытого-ото-Всех-не-Дроидов... — сел на трон обратно. — Я ответил. Засчитывается за семь.

Мало кто в сказанном что-то понял, однако аккорд его голоса заворожил их. Один Индиго, оживившись, в тишине толкал Беста и шептал: "Про закрытые, про закрытые спроси..." Бест ощутимо ткнул его в бок, а дроид сказал вдруг:

— Юноша. Я не отвечу. И не засчитаю.

Вот этот простой и добровольный ответ перевернул сознание Индиго, весь ход его мыслей, надолго… Да навсегда. Этот человеческий, почти эмоциональный ответ заставил увидеть дроида получеловеком. Но не о том он задумался, а о себе. Себя осознал — полудроидом, кем и были они на самом деле. Обычно ускользало от понимания... Ощутил свою связь с дроидами, не прошлую, не прервавшуюся, свою принадлежность к ним. И не ту принадлежность, когда ты, Восходящий, можешь приказывать, нет. Другую, когда тебе есть, кому следовать, и ты ясно видишь зачем. Но всё это он осознал не скоро. Теперь ощутил лишь укол в сердце, огромную грусть. Напридуманные вопросы улетучились. Индиго откинулся к стенке и наблюдал, молча вглядывался, пока длилась Общая Встреча, в непроглядную черноту трона, в бесстрастные, надменные черты.

" Прекрасно, — подумал тем временем Бест. — Отлично, по одному вопросу на семейство, и последний на 2-1 дроидов, как раз".

— Что представляет собой твоё семейство?

— Создание. Потребности в месте. Удовлетворение. Потребности в месте. Обнаружение. Атрибутов места. Сочетание. Атрибутов места.

Тут Бест понял, что про остальные и сам понял, спрашивать нет смысла. Потому сопутствующие вопросы закрутились в голове снова.

— Я ответил, — закончил дроид. — Засчитывается за восемь.

— Кто все дроиды 2-1 второй расы, не объединённые в семейства?

— Подробно. Ответить нельзя. Бесконечное множество... Это дроиды. Создающие намерение. Осуществимое и неосуществимое. Представления о связи атрибутов. Существовавшие и выдуманные. Представления о представлениях. Истинные и ложные. Уточняй. Если хочешь.

— Спасибо. Они связываются с семействами 2-2 по своей или по их воле?

— Ни то, ни то. Случайным образом.

— Зачем они нужны тебе, как главе семейства?

— Мне. Никто не нужен. Я ответил. Вопрос засчитан за девять.

На последних словах дроида Бест и Сокол переглянулись с весьма говорящей усмешкой. Дроид молчал. "Осталось два, сосредоточься..." Пронизывающий холод давно охватил зал, иней начинал проступать по стенам, наведя Беста на новую мысль, может и без толку, но не хуже прочих.

— Какие из основных семейств дроидов 2-2 принадлежат к дроиду Тепло первой расы?

— Семейство Там. Тёплые дроиды. Я ответил. Засчитывается за десять.

Один, остался один вопрос. В том случае, если Бест хочет быть честным и плохим. Два, если возьмёт ответственность на себя. Причём, успеет взять. Но сначала первый вопрос. И Бест выбирал между большим, правильным вопросом и хулиганским, безнадёжным. Первый состоял в том, что кроме основных, есть ещё великое множество промежуточных семейств 2-2, как он понимал сейчас. Связанных с самыми разными и неординарными способами организации Собственных Миров. А значит, и хищники из этих миров стали бы немного понятнее, перечисли дроид их, сколько он там соизволит... Но, разумеется, Бест выбрал другой вопрос.

— Как заставить главу семейства Там говорить с нами?

Спросил и замер. И все замерли. Несмотря на полную безопасность дроидов, наученный горьким опытом многих сюрпризов, Бест ждал чего угодно в ответ. Но... Не зря они всё же затеяли этот разговор... Без тени задумчивости, дроид ответил:

— Заставлять. Не надо. Он говорит с вами. Всё время. Говорит.

В мёртвой тишине один только Лелий хлопнул себя по лбу и восхищённо рассмеялся.

— Я ответил, — добавил дроид. — Засчитываю за одиннадцать.

И Бест не успел. Он без проблем нарушил бы данное слово, но сам себя сбив с мысли последним вопросом, он просто не успел.

Сокол стоял уже перед троном дроида, поздно. Он держал в руке сорванную с себя рубашку. В центре его груди, и сзади и спереди видимый, как бывает в минуты крайнего волнения, вращался тонкий, стремительный Огненный Круг.

— Где этот мир? — спросил он повелительно, глядя дроиду в лицо.

Туман, пар исходил от его тела наружу и внутрь. Вот он собрался в середине Огненного Круга. Индиго оглянулся на Беста, но тот застонал только и качнул головой. Или зарычал. Молча, сидел величественный белый человек на троне. За спиной у Сокола стоял его Чёрный Дракон и бешено колотил хвостом промёрзшую землю.

— Как мне найти этот мир, дроид? — ещё громче спросил Сокол.

И тот ответил:

— Засчитываю. За двенадцать, — привстав с трона, высший дроид, глава семейства Дом протянул белую сияющую ладонь к капле, собравшейся в круге, в центре груди. Коснулся. И все исчезли, и дроид, и Сокол, и его Черный Дракон.

— Что это было? Чего он хотел, Бест?!

— Сейчас отстань, Индиго.

Бест вызвал своего дракона пронзительной песней из центра груди, и тот почти пал на них, стремительный, мощный.

— Стой, объясни, я с тобой полечу!..

— Не-а, не догонишь.

— Почему он исчез, Бест, куда? Дроиды безопасны... совершенно безопасны!.. Ну?

Бест сел на дракона и обернулся:

— Действительно безопасны. Он сам хотел этого. Поговорим ещё. Останься в пещерах.

И в облаках канул.

Глава 3.

Глава 3.

Десять-двенадцать дней, не меньше прошло прежде, чем в пещеры вернулось обычное тепло. Так что, совет оставаться там был не совсем удачен. Пока не наступила глубокая ночь, и не пришло время прятаться, те, что захотели остаться, провели время на верхней террасе, ловя тепло с неба, от многоцветных облачных миров, от случайных лучей, пробивавшихся в их надёжно закрытые двери. Остальные разлетелись на Белых Драконах, обдумывать слова высшего дроида наедине, искать подтверждения или опровержения своим мыслям в потоках Впечатлений под синими тучами, под сизыми тучами дождя, или забыться под ними же. Лелий улетел первым. За ним большинство. Индиго остался.

— А почему ты просил про Царя на Троне? — поинтересовалась у него Мурена.

— Ну, я не знаю, — Индиго замялся. — Когда я впервые увидел солнце...

— Чего ты увидел?

— А, ну да... диск этот над горизонтом... я... обалдел просто. А самого дроида, Коронованного я никогда не видел.

— Так это же здорово, — Мурена искренне не понимала в чём интерес. — Не видел, значит, не было причины, твоё счастье.

— Но мне любопытно. С тех пор, как я утратил, стал изгнанником... Кроме того, что нужно, мне ничего не нужно, — Индиго начал запутываться. — Ну, то есть, кроме того, что каждый день нужно... Немного воды, тепла, да и то...

Он помолчал, повертел в руках метёлочку красноватой травы.

— Но только очень красивые вещи, миры, пусть чужие, Впечатления как-то на время дают забыть, забирают всё, все мысли. Вот, например. У Беста Белый дракон сильней моего и быстрей, а мой — красивее! Намного. И я люблю его. Жаль, что они невидимы в покое. Зачем мне быстрый дракон? Куда мне спешить? Я люблю только самые красивые вещи, а он красивее того, что я могу найти, летая на нём...

— Да... — протянула Мурена. — Ты не трус, но и не боец. Не будешь ты мне морским боевым товарищем. Очень разные мы с тобой... — Она отняла травинку и исследовала её с той же тщательностью. — А про Царя-на-Троне... что тебе рассказать? Вопрос твой был дурацкий, звать его незачем. Он, этот дроид, присущ тебе. Ты же не зовёшь телохранителя? Если что, он сам приходит.

— Присущ мне? — Индиго не знал, как спросить по сути.

— Ну да, сказала Мурена. — Он, если так можно выразиться, телохранитель твоего Огненного Круга. Только он не хранит ничего. Он просто утверждает — ты ещё есть. Он — твои жизненные силы. Потому так и бывает, что на фоне, перед лицом смерти ты видишь его лицо. Конечно, оно тебе кажется невыразимо прекрасным! И не удивительно, что в этот миг ты видишь всё разом, все выходы, все возможности... Такой дроид, простейший. Наверняка относится из первой расы к дроиду Тепло.

Она помолчала и добавила минуту спустя:

— Это ведь тот самый дроид, что несёт Восходящего со дна Великого Моря... Ты не знал?

И тут Индиго вспомнил. Изумрудные, сине-зелёные толщи воды, тени огромных рыб и переливы серебристых косяков, подводные травы, лучи скользящие по ним... и шаги, шаги, шаги, не его, чьи— то, качающие его шаги. Этот дроид не плывёт, он идёт, словно по незримой

лестнице, мимо всех Чудовищ Моря, унося Восходящего со дна.

Когда оставшиеся уже ныряли в промёрзшие своды, Индиго обернулся на долину внизу и увидел, как Сонни-сан, отрешённый, неторопливый возвращается по высохшему руслу из подземелий. Чёрный Дракон вёл его, как пастушья собака вела бы стадо, преграждая путь с разных сторон, кроме одной, в нужном направлении. Необычный у него дракон, чёрный, но перламутрово-синий и показывается редко.

— Вот что интересно, — сказал Амарант, тоже заметивший эту картину. — Он каждый раз смывает всё целиком, все Впечатления, дочиста. Никогда не рассказывает об этом. Да и не может рассказать, как? То есть, в памяти, такой, как у нас есть, оно у него не откладывается. И, тем не менее, в следующий раз он делает ровно тоже самое. Почему? Как это желание складывается в нём снова? В каких глубинах что хранится?

Сонни-сан успел подойти к ним за это время, и теперь стоял невдалеке, глядя на вход огромными, тёмными, невидящими глазами, мокрый с ног до головы.

— Он замёрзнет там, — сказал Индиго.

— А ему и не надо внутрь, — отозвался Амарант. — Я согласен с дроидом, и с Муреной, такого никто не тронет. Утром дадим ему что-нибудь для начала. Пусть Лелий даст, если вернётся к утру. У него всегда что-то припасено как раз для таких чудиков, безопасное.

— Безопасное? С трудом представляю опасное Впечатление.

— Да? — Амарант улыбнулся. — Ну-ну… Да и не в этом дело, представь, в нём, совершенно отмытом, пустом — одно только Впечатление, первое, единственное. Грубо говоря, оно должно быть лёгоньким и лежать точно посередине, а то забросит чёрт знает куда.

Индиго ощущал невольную брезгливость, глядя на это отрешённое существо, словно мог заразиться от него или запачкаться.

— А если бы вы не приняли конвенцию, вы бы бросили его или обворовали?

Амарант изумился:

— Кто — вы? Я что ли? Мы тут до тебя вообще-то долго жили, и до этой конвенции. Сонни давно здесь. И никому не пришло в голову... А вот стоит ли приводить новеньких без разбора... для меня лично... — ещё вопрос!..

— Не злись, я сдуру спросил.

— Среди изгнанников хищников нет.

Индиго молчал.

— В конвенции… — Амарант подчеркнул это слово, — попросту перечислено всё сложившееся с ходом времени. А у Беста фантазий — более чем... Для чего самоочевидные вещи закорючками записывать, он один знает.

Они зашли в пещеру. Как же холодно! Злясь дальше, но уже не на Индиго, Амарант продолжил:

— Взял тряпку, понаставил на ней закорючек... Спорю, сам же их и придумал, ни на один из знакомых мне языков они не похожи, и... мне это нравится, все по очереди, глядя на одну закорючку, должны повторять первый пункт, на вторую, второй... Это он так новое Впечатление создаёт. Для грядущих поколений... — и, без паузы, Амарант предложил. — Хочешь участвовать?

— Хочу. Да и надо, наверное. Я ведь её целиком ещё не слышал.

— Ну, так пойдём. Сегодня будет твоя очередь.

Переходя во вторую пещеру, Индиго бросил взгляд туда, где Сонни-сан сидел без движения, тоненьким силуэтом среди заступивших на стражу Чёрных Драконов и ночных

облаков.

В холодном зале было непривычно безлюдно.

— Вот тебе смена, — сказал Амарант крепкому белобрысому парню с тряпичным свитком в руках.

— Лады, — отозвался тот. И неожиданно пристально взглянул в глаза Индиго. — Борей, — представился он.

— Индиго.

— Ясно. Садись, — и сам сел рядом.

Перед ними лежала небольшая прямоугольная тряпичка, которую прежде украшали узоры или цветы, но слиняли от времени. Горизонтально, одна над другой шли четыре строчки, а над всеми ними одна загогулина, написанные иссиня-чёрной, расплывшейся краской. Они, и правда, походили больше на орнаменты, чем на отдельные буквы письма. Но за короткое время Индиго успел проникнуться уважением к Бесту, потому смотрел на них безо всякой иронии. Да и Борей тоже. Он ткнул пальцем в верхнюю загогулину и сказал:

— Конвенция.

Взглянул на Индиго.

— Конвенция, — повторил тот.

Палец переместился на верхнюю строчку, и Борей уточнил:

— Смотри на саму строку, когда произносишь.

— Ага.

— Не лгать новоприбывшим.

Индиго повторял:

— Не торговать новоприбывшими... Не использовать новоприбывших... Не изгонять никого без особых причин.

— Всё, — сказал Борей. — Запомнил? Понял? Хочешь повторить?

— Запомнил, — быстро согласился Индиго. — А использовать?.. Ведь раньше написано: не лгать?

— Ну, это когда нарочно. А бывало, приходили с таким количеством своих тараканов... то есть, своих Впечатлений, что использовать их, раз плюнуть, тут и лгать не надо, — объяснил Борей и добавил, — да ещё бывают объединившиеся с дроидом 2-1. Если узнать, что за дроид, из человек верёвки вить можно. Был тут такой один...

— Но почему? — Индиго не слишком задумывался о природе дроидов, однако, на основании того, что знал, подобный расклад никогда не приходил ему в голову. — Почему он не освободился от этого дроида?

Амарант, слышавший их разговор, рассмеялся:

— Потому что он не хотел!..

— Но почему?!

Рассмеялись оба.

— Встретишь радостного 2-1, поймёшь, — Амарант посерьёзнел. — Только не делай так, слышишь? Бест не простит нам, скажет, мозги запудрили... И не ходи пока в Туманное Море дроидов в одиночку, ладно? Я серьёзно. А про то, когда новеньким что рассказывать, в этой... конвенции... ни слова.

Немного позже, любознательный Индиго принялся выяснять у книжника Амаранта про их имена…

— Борей? Из-за ездового дракона так назвали. В честь ветра из старых сказок. Его нашёл

Бест не на материке, где обычно тоскуют изгнанники первое время, а в полёте, на Белом Драконе верхом. И не смог догнать!

— Бест не смог догнать?

— Ага. Это сейчас Борей кажется таким спокойным. Вначале он был просто невменяем! Они дня три носились над океаном... Падали в него, между прочим!..

— И что? Бест догнал или Борей выдохся?

— Ни то, ни другое. Последний раз удачно, в кавычках, упали. Оба попались, целая стая там была морских хищников, слаженная стая. Обоих драконы вытащили. И Мурена. Вот так.

— Интересное начало новой жизни, — Индиго задумался, — как я понял, не типичное начало...

— Да уж, — Амарант улыбнулся. — Расспроси его при случае, деталей добавит.

Какие же беды подстерегают изгнанников, кроме хищников моря? Какие тревоги не проходят, со временем не утихают? Те, которым не подступиться. Мало знаний, слишком мало, никак. Что известно изгнанникам о природе миров, вещей и дроидов, помимо основных законов? Кто расскажет неведомое им?

И вот второй закон.

Гостем в чужом Собственном Мире можно творить. В этом хозяева и утратившие равны. Гость в чужом облачном мире волен превратить всё, что угодно, во что ему заблагорассудиться. Любое видимое, слышимое и так далее, он может превратить в любое другое: в артефакт, звук, свет, в неопределённое, безымянное чувство. Он творит, подняв и опустив руку, сказав, или держа в уме... Может превратить всё, кроме хозяина. А хозяин — ничего, кроме гостя. Гостя может — точно так же: подняв и опустив руку, когда видит его, даже молча, но только гостя, зашедшего или похищенного.

После того, как нагулялся под дождевыми тучами, Индиго следовало бы спуститься в подземелья и смыть с себя, пусть и наугад, хоть сколько-то лишних Впечатлений. Раз уж он не умеет делать это осторожно и выборочно, с помощью одной ракушки Чистой Воды забвения. Но, познав вкус утраты, он начал жадничать, боялся что-нибудь важное потерять... Перемешиваясь, дробясь, мысли и образы прошедших дней утянули его в глубокий, тяжёлый сон.

Индиго шёл мимо чужих миров, мимо огромных рам, причудливых и строгих. Он не летел между облаками, а широкими, тёмными коридорами шёл в полном одиночестве, где они висели вплотную друг к другу. Заглядывал в них, что-то видел, не чувствовал ничего. Хотел и не мог остановиться. Убегал от других людей. Ему казалось: ещё поворот, и за ним совершенно безлюдно, там можно отдохнуть, там он увидит что-то открывающееся для одного… Но что? Коридоры разветвлялись, вели вниз, не меняясь и не отпуская. Последний был короток. Он закончился тупиком. В самом тупике висела рама. Единственная. Вертикальная, простая, высокая чёрная рама. В ней темнота, ничего. Вокруг сидели люди, давно, он знал, очень давно сидели. Смотрели в неё. И Индиго почувствовал их ужас.

Они не могли ни отойти, ни отвернуться. Они могли сдвинуться только вперёд, сдаться. Из темноты за рамой появилась рука, высунулась наружу по локоть, правая рука, четырёхпалая, с отрубленным указательным пальцем. Она шарила в воздухе, искала, хватала, почти касаясь их плеч, их лиц. Убралась внутрь. Высунулась снизу, из-за нижнего края рамы, и шарила, шарила снова. Из углов, ощупывая раму, перебирая пальцами по ней. Вдруг перевернулась ладонью

вверх и поманила. Задохнувшись, Индиго ощутил вдруг мучительное, несомненное желание шагнуть к ней, сойти по пальцам, как по лестнице.... Что-то крепко стукнуло его в лоб.

Индиго проснулся. С мокрым лицом и волосами. Рядом валялась ракушка из-под воды, аж подпрыгивая от яростного рёва.

Его Черный дракон, вцепившись в Беста всеми до одного когтями четырёх крепких лап, катался с ним по полу. А чешуйчатый хвост уже обернулся вокруг сердца, готовый сдавить. Чёрный Дракон Беста кружился вокруг них и рычал, поскуливая, не находя момента вступить в схватку.

— Эй, эй! — крикнул Лелий драконам и хлопнул в ладоши. — Баста! Он проснулся.

Драконы отступили, ощерились друг на друга и исчезли.

— Ну и зачем так делать? — С упрёком спросил Лелий у Беста, пока тот отряхивался. — Не ожидал от тебя, честно.

— Он должен был увидеть. А так безопаснее. И, между прочим, ты сам это знаешь.

— Но можно же предупредить?

— Когда?.. А если завтра? Сегодня?

Индиго сел и тряхнул головой:

— Я без претензий. Но что там была за хрень?

— Пустой Чёрный Мир, — ответил Бест резко. — И ты должен был видеть его заранее, прежде чем где-нибудь натолкнуться на раму, чем даже услышать о нём!

— Особенный мир? Мир, который может ловить?

— Конечно, не может. Законы миров непоколебимы.

— Значит, ты полагаешь, что я польстился бы на приглашение из такого места?

— Нет, Индиго, ты не понял. Пустой Чёрный Мир, это только название. Это не Собственный Мир. Это рынок. И там не рука, а лестница.

Индиго пытался уловить его мысль:

— Но там же ничего не видно? Какой рынок?

— Такой вот рынок. Я хотел только чтобы ты видел его, знал, как выглядит.

— Зачем?

— Чтобы случайно не зашёл туда.

— Но зачем мне заходить туда, Бест?!

И тот взорвался:

— Ну чего ты не понимаешь?! Ты ведь уже хотел зайти!..

— Да... — прошептал Индиго и вспомнил последний момент перед пробуждением. — Я хотел зайти.

— Вот.

— Ты хочешь сказать, что и мог бы?

— Нет, конечно, нет. Сон, это только сон. А драконы, они простые дроиды, реагируют порой без разбора.

— Ты не врёшь?

Бест обиделся:

— Я вообще никогда не вру. Но есть много, очень много факторов... Любого из них достаточно, подтолкнуть, вызвать желание зайти в Пустой Чёрный Мир.

— Какие?

— Узнаешь. Вечером у нас большие посиделки. А днём, когда будешь кататься, не делай глупостей.

— Ладно. Но какие, например?

Бест, необычно грустный и усталый, потирал рукой свою щёку, дракон-таки оставил следы

когтей.

— Ну, например, — протянул он, внимательно заглянув в глаза Индиго, — мнимая простота его завоевания.

В глубине души ещё сохранив то чувство полной открытости и свободы, присущее Восходящим изначально, их разговору с дроидами и между собой, Индиго был уверен, что отвергнут быть просто не может. Подлети он к дверям любого Собственного Мира, постучись, выйдет хозяин, скажет: "Привет". Он не раз слышал, что хозяин не только не выйдет, но и не покажется, один шанс против тысячи, но не верил, как-то не верил. И, конечно, собрался убедиться сам.

Белый Дракон летел стремительно и плавно, восточная сторона светлела, серо-синие цепи облаков распадались на отдельные крутые горы, клубились, обведённые огнём недоступного солнца. Посмотрев вниз, на Великое Море, Индиго заметил, что летит давно вдоль какого-то течения, изгибавшегося, как молочная река. Вот его перепрыгнул по высокой дуге зверь с тёмным блестящим телом. Тень не распавшихся Впечатлений или Хищник Глубин? Вот целая стая таких зверей перелетели поток, свернув глянцем хребтов, вслед за первым. Почему? Что им не понравилось там, в перламутрово-белом потоке? Течение разбилось на рукава и незаметно исчезло.

Вдали облака окрасились розовым цветом, а прямо перед Индиго высилась кучевая, отдельно стоящая шапка большого белого облака. Солнце пробивалось, как всегда сквозь раму чужой прихожей, тонким лучиком на самой вершине облака.

— Посмотрим? — спросил Индиго дракона, и тот послушно направился ввысь.

По мере приближения, луч превратился в светлое пятно, пятно в квадратный проём, заполненный светом, а подлетев вплотную, Индиго увидел широкую раму серебристого цвета, отделявшую этот проём от тумана облаков. Красивые завитки на раме. А в ней...

В ней был чужой Собственный Мир.

За цветущим кустом шиповника в тени спал кот, серый в белых гольфиках кот возле серой же, каменной стены дома. Не происходило ничего, только ветерок сдул и перенёс два опавших лепестка через дорожку. Тени и пятна света заиграли на стене. Крик чайки над пасторалью. Это сад, это домик садовника. Незримое море за ним, пределы семейства Там…

Лесенка в несколько ступеней, с изящными коваными перилами, от края рамы шла вниз. На драконе перед рамой, он как бы стоял на крыльце другого дома, только что вышел из него и думал спуститься вниз. Если пригласят… Долго-долго смотрел Индиго на этого кота, на трещины камней. Цветки, живые под ветром... На чистую просинь неба... На — ничего особенного... Упоение. Это в другой раз, во все последующие разы, заглядывая, он ощутит горькую глухую тоску, но не сейчас. Сейчас...

На краю рамы, близкий и бесхитростный, Индиго увидел дверной колокольчик. Кованый, в завитушках, под стать перилам и раме. Он уже потянулся к язычку...

— Нет-нет-нет, — сказал Бест и перехватил его руку. — Нет.

Белый Дракон Беста завис рядом, сверкая тёмно-сапфировыми глазами.

— Почему? — Индиго словно проснулся, но не отошёл ото сна.

— Сейчас объясню. Ты бывал в каком-нибудь рынке?

— Конечно. То есть, мимо… бывал. Мне ничего там не было надо.

— Ага. Так вот, это, — Бест кивнул на раму, — может оказаться не Собственный Мир, а облачный рынок. Любой может оказаться им. Не такой большой и тяжёлый, как те, стоящие на

земле, но сути это не меняет.

— Какой сути? Если и рынок, почему я не могу зайти? Или позвонить?

— Потому что есть вероятность, что это не колокольчик, а артефакт, товар, выставленный на продажу.

Индиго молчал. Он смотрел на Беста с нарастающим тихим гневом, не понимая ничего. Бест заметил это:

— Пойми, возможно, ты не задумывался, но все мы, все изгнанники, и даже хозяева, находящиеся вне Собственных Миров, — артефакты. Мы вещи. Мы тела. А на рынке, когда меняются, что делают? Сталкивают с торговой пирамидки продающийся артефакт своим. Правильно? Ты хотя бы видел со стороны?

Индиго молчал. Да, он видел это. Если хозяин согласен, его артефакт упадёт с подставки, а твой на ней останется, твой он уже забрал. Ты тоже можешь поднять, который выменял, и уходить.

— Да, видел.

— Так вот. В общем, ты понял, если окажется, что для того колокольчик тут и висит, и ты прикоснёшься к нему... То у меня станет одним колокольчиком больше и одним другом меньше. А я, знаешь ли, не коллекционер. Тебя схватят за руку, и, оказавшись в чужом мире, вещью ты станешь по мановению руки, мгновенно.

— Там? — Индиго взглядом указал внутрь, за раму.

— Там.

Без колебаний, Индиго снова потянулся звонить.

— Нет, нет... — Бест опять перехватил его руку. — Ты под обаянием места, я понимаю. И, скорее всего, обойдётся... Хотя... Не все так уж прямо вывешивают на входе звонки. Большинство их очень даже прячет. Гостей не ждут. Но твой Чёрный Дракон не встревожился, хотя... И это не гарантия. Очень уж тут безмятежно, как-то...

Бест мимоходом взглянул вовнутрь:

— Нет, мы позвоним, ты не думай. Вот у меня есть камешек, им и позвоним. Если хищник караулит, то будет спешить, нам достанется красивый колокольчик, а ему простой камешек.

— Ей.

— Ей?

— Это мир девушки. Я вижу.

— А я не вижу, — Бест усмехнулся и осторожно камешком позвонил.

Но к этому времени Индиго уже чувствовал, что никто не выйдет, был уверен на сто процентов. Он и не ждал. Бест тоже так думал, но позвонил снова. Индиго с тоской смотрел в уголочек чужого синего неба, пока мелодичный звон не затих.

— Полетели отсюда? — спросил Бест.

— Она никого не караулит! — воскликнул Индиго со злостью и обидой. — Вы все помешались на своей безопасности, Мурена права!

— Ладно, она права. Ну, так, полетели?

— Как запомнить дорогу?

— Не понял.

— Как запомнить сюда дорогу?!

— Зачем?.. О небо и море! Попроси своего дракона и всё. Много путей они не запоминают, но несколько вполне способны.

— Ладно. Полетели.

Индиго словно умер, с момента утраты во второй раз. Или, скорее, до-умер до конца. До-понял, что мёртвый.

— Запомни, — прошептал он, наклоняясь к белой голубоглазой морде, хорошо запомни, пожалуйста.

Драконий глаз покосился на него, влажный, и согласно моргнул.

Мурена и Бест собачились снова. Индиго застал момент, когда она втолковывала ему:

— Во-первых, в море надо идти только с памятью, без Впечатлений. Освободившись от Впечатлений. Вы ими за всё задеваете, и всё вас цепляет. Вы держитесь за них, и они вас тормозят. Скорость… Там важна скорость. Наконец, они-то и делают вас уязвимыми. Вас видно! И не надо на меня так смотреть. Если это что-то стратегически важное, оставь себе память о нём, а само Впечатление — сотри.

Она держала руку на спине Белого Дракона, собравшись лететь давно уже, судя по тому, что дроид успел стать почти невидимым в покое.

— Мурена, это всё правильно, но мы не пойдём вниз, Мурена, мы созданы, чтобы жить в небе... — Бест говорил с ней так мягко сейчас, мягко и печально.

— Ну и?.. — переспросила она. — Что дальше? Мы никогда уже не будем жить в небе. А то, что сейчас происходит, вообще не жизнь. Ты предлагаешь что-то? Мы сидим на маленьком камешке, глядя в чужие облака…

Видимо, терпение, отпущенное ей на один разговор тут, иссякло, и проявились обычные нотки:

— Но они не станут нашими! Никогда! Нет способа, я знаю... Я вынуждена это признать. Можно отнять мир, сделать его рынком, но как сделать его только своим?! А... — Мурена махнула рукой, запрыгнула на спину дракона. — Сидите дальше.

И взвилась на своём юрком дроиде, спирально в небо, раскручивающимся серпантином.

Индиго был ни на чьей стороне в споре. Но ближе к Мурене с её беспокойной злостью.

Когда, пресытившись дождями связных Впечатлений, он сидел и слушал Беста среди низкой травы, на красноватой сухой земле, как ученик учителя... Или на Белых Драконах, когда они кружили над материком, безмятежно, болтая ногами, на драконьих спинах, и Бест отвечал ему или рассказывал всё подряд... Индиго смотрел на него, на прямое открытое лицо, волнистые волосы, которые тот постоянно укорачивал, обрезая ножом... У Беста есть нож, это круто!.. Смотрел и ощущал свою бездомность. Свою чуждость. Как недо-дроид смотрел он на человека. Бест, такой честный и щедрый, такой добрый, причём ко всем, без исключения... "Для него как бы Собственным Миром стали пещеры... Здорово, правильно, да..."

Он отвлекался и мысленно уходил в Туманные Моря дроидов, не для того, чтобы что-то понять, как сделал бы Бест, как делал Лелий. А только чтоб слышать перезвон, надеясь различить голос, дивный голос высшего дроида однажды и, если повезёт, другим же везло, увидеть самого дроида и заключить сделку. Нужную дроиду. Ненужную Индиго, мечтавшему об этом. Он хотел быть среди своих. Себе подобных. Он скучал по их власти и покою.

Невообразимая притягательность Собственного Мира манила его не золотыми россыпями оживших Впечатлений, а возвращением к покровительству высших дроидов. К их силе и спокойствию, способности пребывать в покое, без новостей, мыслей, сомнений. Индиго так страстно хотел этого невозможного возвращения, так жадно слушал про самые провальные и странные авантюры, переспрашивая мельчайшие детали по сто раз, что иногда Бест начинал подозревать в нём несостоявшегося хищника. Но нет, Индиго был самый настоящий изгнанник, самый что ни на есть, сирота.

Глава 4.

Глава 4.

И вот третий закон.

Как только больше двух человек оказались одновременно в Собственном Мире, он становится рынком, открытым для каждого. Такой закон, все знают его, но что такое — знать? Чистый хозяин может ли помыслить каково это: холодный сквозняк мироздания, исчезновение двери? На время… Кому ты доверился? А если навсегда?.. И они больше не гости, и ты — не хозяин.

А вот малый закон.

Отняв чужой мир или жизнь, становишься хищником и теряешь Чёрного Дракона немедленно, навсегда.

Большие посиделки, обещанные Индиго на ближайшее время, были весьма и весьма важным для группы мероприятием. Их устоявшаяся форма и неукоснительная регулярность являлись заслугой опять-таки Беста, но в том уж никто не мог бы ему возразить. Каждый вечер и ночь они рассказывали друг другу Впечатления под дождями накопленные за день, переводя их из яркой, но смываемой памяти полудроида в обыкновенную память. В слова. Делая общим достоянием. И чем дальше, тем больше людей делились своей добычей охотно. Более полными становились рассказы, вдумчивыми, подробными. Не как поначалу. Они объединялись. Как их Чёрные Драконы для защиты подопечных, так они сближались, всё ясней понимая силу группы и важность знаний.

От будничных пересечений большие посиделки Беста, или Общая Встреча ради Слов, отличалась вот чем. Далеко не каждый, внезапно обнаружив себя Изгнанником, утратившим возможность создать Собственный Мир, на момент утраты имеет в своём уме, среди накопленных Впечатлений хоть какой-то язык, слова. Зачем? Образы к образам, порывы к порывам, а дроиды понимают без слов. Изгнанник мог быть полиглотом, собирателем наречий эпохи до дроидов, но не знать общего их эсперанто — языка... Таким порой он и вступал первый раз под своды пещеры: ведомый за руку, пересвистывающийся, перещёлкивающийся, как дроид, с чем-то незримым или же думая вслух. Не то, чтобы такое состояние являлось обычным, он и редкостью оно не было тоже. И Бест нашёл выход.

На Общей Встрече, сколько в пещерах находилось артефактов, способных удерживать воду связных Впечатлений, то есть любых сосудов вообще, столько и припасали заранее. Собравшиеся, все по очереди опускали в неё пальцы, кисти рук, распознавая, что там, про что Впечатление. Кусочками, так много не разглядеть. Они шёпотом проговаривали увиденное для себя, в общих чертах, чтобы не позабыть сразу, как высохнут пальцы. И после всех в ту же воду опускал руки новенький, держал там, смотрел, впитывал это Впечатление, а все говорили с ним, рассказывали, что он видит. Они проговаривали в словах то, на что он смотрел в это время, что впитывал с влагой. Таким образом, уже после одной Общей Встречи новенький мог сносно говорить. Но какую чушь они порой несли!..

Бывали исключения в тематике собраний. Ближайшую встречу Бест решил посвятить Пустому Чёрному Миру, прося рассказывать всё при всё, и достоверное, и выдумки, и свои мысли по поводу. За последний год, от одного сухого сезона до другого в Пустом Чёрном Мире группа потеряла девять, девять!.. человек, не новичков и не дураков. Ни про одного из них Бест не имел понятия, ни малейшего предположения: как!.. Как их угораздило попасть туда? Зачем?!

По данному конкретно поводу он пребывал в бешенстве и тревоге.

Правда, в начале собрания для одного новичка у них была заготовлена чаша со смешанной водой нескольких простых Впечатлений.

На встречу с дроидом происходящее не походило ничуть. Холод, то замершее молчание ушли из стен. Сидели почти вплотную, болтали, перешагивали через головы, смеялись. Между людьми беспорядочно кочевала широкая чаша на ножке, та самая, с узором по краю, чернёной меди. Изгнанник, принимая её, окуная пальцы, не сдеживал улыбки, быстро шептал себе что-то под нос и передавал дальше, но не сразу, погодя... Видно, что самые простые впечатления, и видно, что собирал их Лелий, по замирающим в воде пальцам видно. Даже один человек на своей памяти не имел от него и плохого, грубого слова, не то, что обиды, даже рассказа о Впечатлении, способном огорчить.

Мурена прошмыгнула, проскользнула, просочилась в толпу и вынырнула рядом с Индиго. В руке она сжимала совсем маленький флакончик дивного голубого стекла, с пробкой. Он был полон.

— Ага, — сказала Мурена, — я успела и нашла тебя до торжественной части!

— Что такое? — Индиго был рад ей, всегда рад, и удивлён немного.

— Ничего особенного... Два глотка для тебя. А до утра долго, не люблю ждать, — она раскрыла ладонь. — О!..

— Что там?

— Помнишь, ты рассказал мне про чужой Собственный Мир, который тебе так понравился?

— Помню, конечно, — взгрустнул Индиго. — Хотел бы я хоть Впечатление подобное...

— Вот про это я и говорю, — кивнула Мурена, — помнишь, ты сказал, что там картинка на входе всегда меняется, каждый раз другая чуть-чуть? — тут она отвлеклась от темы, добавив: — А знаешь, что это значит? Там очень сложный Собственный Мир, такое создать не каждому дано... Да и с животным ты загнул. Артефакт, да, рисунок-проекция… Но животное — выдумки! Такого не бывает.

Индиго хотел возразить, поленился. С Муреной спорить! Он смотрел на флакончик.

— Так что там?

— Выпей!.. — весело отозвалась она. — Не то же самое, и вообще, маленький кусочек... Но очень похоже, по чувству, так...

Индиго открыл и выпил.

Он ощутил ветер, плеск воды, не лепетание дроидов, а самый обычный плеск воды о доски. Увидел водную гладь с уходящей рябью на плавном её течении. В отражении большое пятно, ярко-рыжее, разбитое ветром слегка. Индиго хотел вглядеться, когда снова заплясали на нём слепящие блики. Впечатление резко переменилось, перевернулось, и он откуда-то снизу, близко, вплотную увидел морду пушистого рыжего кота. С белой манишкой, с рыжими глазами. Кот охотился, любопытствовал. Уши его стояли домиком и наклонились вперёд, кончик хвоста подрагивал. Кот! Великолепный, огромный рыжий кот!.. Но флакончик Мурены был крошечный... Кот выгнулся, прижал уши и резко ударил лапой по воде...

— Кот! Рыжий кот! Мега-кот!.. Мурена, спасибо!

— Классный? — довольно спросила она.

— Не то слово!

— Я рада. Тише, начинаются церемонии...

Вокруг попритихли.

Новенький сидел рядом с Бестом, и, казалось, предпочёл бы сидеть за ним, а ещё лучше, держась за руку. С одного взгляда стало понятно, почему на тематической Общей Встрече Бест всё же решил уделить ему время, выглядел он плохо. Новенький — была девушка. Маленькая, как девочка, в светлом широком платье с поясом, прячущая лицо. Перед ними поставили чашу. Лелий поставил и мягко улыбнулся. Бест взял-таки её за руку, чтобы поднести эту руку к воде, кивнул головой, опусти, мол, в воду, и улыбнулся ей тоже. Девушка смотрела на него, молча, на свою руку в его руке, и осторожно самыми кончиками пальцев коснулась влаги.

Тут Индиго заново открыл для себя, как много у всех них с дроидами общего. Казалось бы, люди, толпа, должны говорить или по очереди или одновременно, сливаясь в неразличимый шум. Но в этом случае, как только пальцы девушки коснулись поверхности воды, весь зал наполнился голосами свободно переливающимися, не перебивая, переходя друг от друга, как перезвоном наполняется туман дроидов. Они повторяли ей:

— Это солнце... — светит солнце... — это блики солнца на воде... — это светит солнце... — это пятна солнца на лице... — это солнечные зайчики... — это вечер, солнце сквозь листву... — это в комнату заходит солнце... — это луч от солнца на столе... — это кто-то щурится от солнца...

Долго... Удивительная перекличка длилась и длилась. Ни Мурена, ни Индиго не успели потрогать Воды Впечатлений, так что они просто сидели и слушали.

Девушка опустила в чашу обе руки до запястий, вглядывалась зачем-то в неё, и заплакала вдруг. Индиго услышал, как сказали Бесту:

— Неправильно. Надо было сначала дать ей Чистую Воду забвения. Так без толку. Всё равно смоет. Баловство.

Бест нахмурился, хотел ответить, но передумал. Девушка откинулась назад, и оглядела зал пустыми ясными глазами.

— Лучше. Намного лучше, — сказала она в пространство.

— Выпей, — сказал ей Бест.

Индиго почувствовал зависть, даже ревность. И ещё почувствовал вслед за этим, что Лелий смотрит на него в упор, взглядом холодного дроида. Никогда не замечал раньше. Народ зашумел снова. Начиналась основная часть Общей Встречи, посвящённая Пустому Чёрному Миру.

А началась она с того открытия, что многие принесли с собой Впечатления, касательно этого мира, точнее блуждающего, непостоянного входа в него. А многие другие считали недопустимым их не только впитывать, но и смотреть. И оснований у этих, других, не было, но, почему-то их оказалось большинство...

— Кто хочет, смотрит. Кто не хочет, не смотрит, — разрешил коллизию Бест, и отказался принимать возражения.

Несмотря на глубокую древность Пустого Чёрного Мира, достоверных сведений о нём были крупицы, обычное свойство чужих миров, но уж ни как не рынков. Следующее имелось в наличии:

— Он пустой... Или был пустой?

— Он совершенно тёмный... Весь или только на входе?

— Он создан таким с самого начала, хозяин нарочно создал его таким... Зачем? Предполагая рынок заранее? В порыве отчаянья, не успевая создать ничего другого?

— Хозяин его никому не известен... Первый, теперешний, несколько?

— Хозяин единственный, кто ориентируется в темноте этого рынка... Во всяком случае, ни у кого больше такой способности нет.

— Многие заходили туда, ни один не вышел… Вот, сто процентов точная информация — ни один.

— Чёрные Драконы ненавидят приближаться к нему хуже, чем к побережью, и, когда вход располагается на земле, препятствуют всеми силами... Тут смешной момент. А как собственно телохранитель может помешать идти куда-то? Верный способ поговорить со своим драконом: направиться в сторону Пустого Чёрного Мира. Сначала дракон становится видимым и тащится сзади, потом догоняет, обгоняет, шипит, смотрит с упрёком. После начинает интересоваться, куда это ты направился и зачем... А потом ему даже можно задать несколько вопросов и получить ответы... правда, короткие, колючие и уклончивые... Ну, каков способ, таков и результат...

— На Белом Драконе нельзя залететь туда. Впрочем, они не летают и в любых других рынках за рамами, произошедших из облачных миров.

Вот и всё, что можно о нём сказать. Есть ещё предположение, выведенное логически:

— Ловят незваного гостя чрезвычайно просто, как на толкучке обычного рынка. Если коснулся товара, ты пропал, он достаётся любому, кто поднимет, а ты уже летишь в Собственный Мир продавца, где не будет даже секунды прежде, чем ты превратишься в то, во что он захочет... Или с тем же результатом оказываешься на подставке. Изгнанники, бывшие хозяева — самые большие хищники. Роль толкучки выполняет темнота. Это очень старый рынок. Должно быть, он заставлен весь артефактами, качающимися на своих подставках, дотронься до одного из них, и всё. Чем обезопасить себя? Разбрасывать горстями гальку вокруг, прислушиваться, обо что ударяется она? Звякнет ли торговая пирамидка? А если да, каких сокровищ на обмен искали? У зашедших теплилась ли надежда на успешный грабёж? Вдруг там хитро спрятан тайник коллекционера? Именно сейчас, вдруг он вышел? Но ведь никто не вернулся с добычей.

И касательно истории. Ещё есть сведения, полученные от дроидов. Их выменяли у дроида 2-1 на услугу. Тот был связан с семейством 2-2 Память-но-не-Плоть, принадлежал им, отчасти. Поэтому его словам и верят и не верят, ведь память бывает и о существовавшем и о придуманном. Но больше верят, очень уж похоже на правду. Дроид передал им Впечатление о том, как хозяин сам превратил в рынок Собственный, на тот момент, Мир. Его Впечатление, поэтому хозяин не виден. Виден мельком, в отражении морской воды.

Вот он выходит из темноты на свет, щурясь, подзывает Белого Дракона. Садится, летит над Великим Морем низко-низко, вглядываясь в толщу воды. Видит отмель, песок под лёгкими волнами, множество ракушек, перламутровых створок, раскрытых, разбитых и шепчет своему дракону: "Кружи...". Летает кругами и над скоплением их прыгает вниз. Там мелко, но вода Свободных Впечатлений оглушает его потоками образов, цветовых пятен, мыслей, чувств, вспыхивающих, уходящих сразу. За несколько секунд преодолев нерешительность, он опускает лицо под воду, вниз, и видит среди прочих одну крупную голубую жемчужину, ловит её нетвёрдой рукой, промахиваясь сначала. Встаёт. Зовёт снова, обнимает за шею своего Белого Дракона, подтягивается на его спину и летит обратно в Собственный — Пустой Чёрный Мир, дрожа от остаточного холода не испарившихся Свободных Впечатлений.

Дальше. От большого входа Центрального Рынка поднимаются в небо три Белых Дракона. Двое юношей летят в его мир рядом с ним. Какие тогда все были наивные! Они не изгнанники, а хозяева Собственных Миров, которые не увидят их больше. Двое светловолосых юношей, похожих, как братья. Они постоянно смеются и смотрят на него. Он не отпускает их внимания. Не даёт им шанса. Вот он оставляет своего дракона, ступив на край рамы, и церемониальным широким жестом приглашает их зайти внутрь. С любопытством и недоумением переглянувшись, они смотрят в кромешную темноту. Там нет ничего, только огромная рука

ладонью вверх лежит за рамой так, чтобы можно было спуститься по ступенькам пальцев. Оба тоже оставляют драконов и, перешагнув через раму, плечом к плечу спускаются вниз. Хозяин идёт следом.

Всё. Три человека оказались в Собственном Мире, и он сделался рынком. Теперь обратно Собственным Миром он станет, только если в нём хоть на миг останется кто-то один, это закроет дверь снова... На такую ли немыслимую победу рассчитывали пропавшие в нём изгнанники? Не того ли хочет и бывший Хозяин, когда накопит несметных богатств?..

Трое внутри. Хозяин во мраке, в молчании отступает от них. На подставке, неуловимо покачиваясь, лежит большая голубая жемчужина. Чуть светится. Хозяин обмакнул её в Туманное Море дроидов, и разноцветные огоньки ещё играют на ней. Жемчужина, единственное, что видно во мраке. Гости зовут хозяина, но он не отвечает. Тогда один... Да, конечно. Один подходит с интересом, без страха и берёт её в руки. Чем он стал в следующий момент? Во что превратил хищник свою первую жертву прямо на пирамидке торга, как утративший, как делают только они? Ответы остались во мраке. Жемчужина падает вниз со стуком. Хозяин поднял, спрятал её маленький свет в руке, и наступила полная темнота.

Из Впечатления это всё. Такое длинное связное Впечатление можно обрести в начале ливня под грозовой тучей мира, уходящего целиком, или получить от дроида. Связность и была основным аргументом против доверия ему.

— А тот, второй, — добавил дроид, — так и ходит во мраке. Чтобы рынок оставался открытым. Как его удерживает там хищник, где заставляет блуждать, этого я вам сказать не могу.

Всё. Достоверно ли Впечатление они не знали, но, в любом случае, большего не имелось.

Индиго не был напуган. Он был дико заинтригован, что и обеспокоило Беста, просёкшего сразу. Интересы их снова разошлись. Индиго интересовало: ему, бывшему хозяину это зачем? Что он там чувствует, живя на ощупь? Что он создаёт из пойманных, такое ценное для него во мраке?

Беста интересовало: какого чёрта люди туда лезут?!

— Мурена, а ты что думаешь, зачем они заходят? — спросил Индиго. — Откуда это сладковатое чувство берётся?

— Понятия не имею, — отрезала Мурена. — Видела, пролетала мимо не так давно, и не было у меня никакого чувства. Придурки вы, сами себя накручиваете. Извини.

После того, как, очередной раз, в педантичном изложении Амаранта собравшиеся выслушали эту старую историю, кто-то спросил:

— А почему тому, кто взял жемчужину не помешал его Чёрный Дракон?

— Так ведь это был ещё Собственный Мир, — ответили ему, — телохранители не заходят внутрь миров.

— Да, точно... Но с тем, который там, внутри, остался его дракон? На рынке он должен быть рядом.

— Наверное, он и есть рядом. Наверно, он и не позволяет касаться артефактов во тьме, стать одним из них.

— То есть, играет на руку хозяину.

— Выходит, да.

— Нет, — возразили с дальнего конца зала, народ распределился, сев в тесный круг. — Здесь несостыковка. Можно спрятать лестницу от человека, но не от дроида. А кто помешает Чёрному Дракону вывести человека с рынка за пять секунд?

— Верно, — признал Бест.

И жутковатая догадка посетила сразу многих.

— Значит, — продолжил юноша, — тот, второй, не мог ни стать артефактом, ни остаться там против своей воли, то есть...

Кто-то выдохнул и договорил:

— Он тоже стал хищником, и утратил своего телохранителя!..

— Да, — согласился юноша. — И произошло это очень быстро, моментально.

— Невозможно, — возразили ему. — Даже если бы третья жертва была припасена специально для этого. Невозможно заставить человека охотиться на других против его воли.

— Обмануть можно. Один раз достаточно.

— Неважно, — перебил их Бест, — не об этом сейчас. Значит оба они вышли из мира, и он пустовал некоторое время.

— Да, — отозвался тот же юноша. — Иначе не складывается. В момент первого нападения дракон распознал в хозяине опасность и вывел того парня прочь. Хозяин же неотступно следовал за ними.

— Лучше б дракон задушил его!

— Ну, видимо, тот не нападал. К тому же, превратив Собственный Мир в рынок, он стал не только хищником, но и изгнанником, а Чёрные Драконы избегают нападать на изгнанников всерьёз.

— Что мы имеем? — Бест захотел подытожить. — Они вышли вместе, и не в состоянии вражды.

— Почему? Не факт. Оказавшись вне рынка, тот парень мог кануть в Собственный Мир, и никогда больше не высовывать оттуда носа.

Спорщики замолчали. Народ тихонько переговаривался между собой. Бест перемешивал в ладони несколько круглых камешков, смотрел на них и хмурился.

— И так... сказал он. — В Пустом Чёрном Мире не может находиться один хозяин. Там не могут быть только случайные люди, изгнанники или чистые хозяева Собственных Миров, без него они всё растащат и всем расскажут. Но никто не вышел и не рассказал. Значит там одновременно должны находиться минимум два хищника: он и ещё кто-то, по доброй воле или нет, но хищник, лишённый Чёрного Дракона, — Бест взглянул на остальных. — Так?

— Так, — согласились с ним.

— А уж тот это парень или другой, не суть важно.

И с этим согласились тоже. Помолчали, перебирая в уме, за что ещё можно зацепиться.

— Это тот парень, — произнесла девушка, с которой началась Общая Встреча, в тишине.

Изгнанники обернулись к ней, из-за неожиданности и уверенного её тона.

— Ты так думаешь, Селена? — спросил Бест.

— Я знаю.

— Ты имеешь Впечатление об этом?

— Нет. Я просто знаю, как могло быть… Хищник пообещал вернуть его брата. За артефакт. В виде другого человека. И он согласился. Сразу.

Кто-то из зала быстро продолжил:

— И добровольно вернулся с ним в Пустой Чёрный Мир, чтобы таким образом остаться без телохранителя.

— Да, да, — согласились в зале. — Весьма вероятно. Так обмануть было проще всего. Быстрее всего. Неужели тогда все были столь наивны!

— И дроид сказал: "он блуждает там".

— Селена? — Из круга поднялся высокий, сильный парень, одетый в коричневую кожу с ног до головы.

Девушка подняла взгляд и привстала.

— Да, — отозвалась она еле слышно.
— Селена... А у тебя есть Чёрный Дракон?

— Нет! Нет!.. Нет и нет! — неслось со всех сторон.
— Пусть живет, где хочет!
— Пусть живёт на помойке за рынком!
— Пускай зовёт своего Белого Дракона и уматывает на нём!..
— И не слезает с него никогда!
— Бест, ты вчера появился на свет?!
— Бест, ты много на себя берёшь!
— Бест, ты знал?! Ты о чём вообще думал?!
— На сей раз не будет по-твоему, Бест!
Он стоял перед ними, как перед бушующим морем и кричал тоже:
— Не изгонять никого без особых причин!
— Без особых причин?! — отвечали ему. — Каких тебе ещё надо особых причин?!
— Она — хищник, Бест! Ты идиот, а она — хищник!
— А вы?! — кричал им Бест. — А вы?!

Индиго стоял за его плечом вплотную и чувствовал себя Чёрным Драконом на все сто. Его не взволновала ни судьба новенькой, ни суть спора. Девушка не понравилась Индиго сразу, они успели обсудить её с Муреной и придти к общему выводу. Он вообще не любил всяких чудиков, слабаков, любил только силу и красоту. Вот Мурена нравилась ему очень. Но звериным чутьём, прошедшим сквозь тысячелетия человеческой эволюции и преображений дроидов, он выбрал сторону победителей и тактику преданности, игнорируя численный перевес. Пренебрегая временным и случайным. Безошибочно.

В пещере стало тесно, вдвое тесней. За каждым из пришедших, такого уровня достиг накал страстей, проявился его дроид. Толпа представляла собой хаос из людей, одетых в лохмотья, и блистающей чешуи.

За каждым проявился телохранитель, кроме Селены. Она сидела, опустив голову на руки, без слова и без движения. Лелий сидел рядом с ней, напевая что-то с таким видом, словно ничего не происходило. От толпы их загораживали только Бест, Индиго, Борей, Мурена, разумеется, и их телохранители.

Из-за всей этой бучи драконы и допустили непростительную ошибку. Ведь шла ночь. Туманная ночь. Шла к ним от Великого Моря. Спешила дотянуться языками тёмного тумана, обогнув маленький костёр на входе. Стремилась пролиться в глубину пещер.

Устав от криков, от злых голосов, а сильнее прочего, от голоса пустой надежды, Селена встала тихонько, отстранила Лелия, нырнула под его руку и стала пробираться к выходу. Увы, никто не препятствовал ей. Во второй пещере, оставшись одна, она помедлила, насторожилась. И тут, не воровской украдкой, а падающей волной ударил тяжёлый, жуткий туман в просвет входа. Через мгновение изгнанники стояли в нём по щиколотку. Чёрные Драконы взвыли и рванули наружу. Густой туман проложил широкую дорогу, для хищников моря, для морских теней. Послышался свист драконьих хвостов и скрежет чешуи. Кто-то застонал, кто-то схватился за голову. Многие устремились вниз, за потоки Чистой Воды забвения, предпочтя потерю Впечатлений риску. Но у Селены не было выбора. Там, в первом зале, с первым же броском среди рваных лоскутьев тумана оказалось Чудовище Моря, быстрое, как молния, обликом, как крокодил. И Селена стояла, замерев, перед его улыбающейся пастью, сливаясь с темнотой почти. Её Огненный Круг вращался так быстро, словно не вращался вовсе, сливаясь в

сплошное кольцо, видимый сквозь платье, она была совсем юный изгнанник. И Бест с дальнего конца зала, забитого людьми, увидел чудовище. Он не успел. Он по любому бы не успел. Да и его Чёрный Дракон в такой ситуации стал бы защищать только его самого. Крокодил улыбнулся ещё шире, выдохнул туман, втянул его обратно, и Селена исчезла вместе с ним.

Когда они добежали, чудовище не на лапах, а извиваясь змеёй, исчезало в ночных облаках. С добычей. Бест застыл на месте. А Мурена, Мурена, которой и дела нет, одним хриплым воплем в небо призвала своего Белого Дракона, взлетела на него и устремилась вослед. Бест опомнился, Индиго крикнул ему:

— Я с вами!

Но улетавших заслонила от него густая тень и стеной пала на голову. «Холодом в кости...» Впечатления, спрессованные в ней, гудели пчёлами, звенели на пределе слуха. Невыносимо. «Больно?.. Тогда иди с нами». «Колючие мысли, думать не надо...» «Холодом в кости...» «Иди с нами». Драконий хвост разорвал морок со свистом. Разбил середину тени. Индиго пригнулся, откатился прочь, подавил стон остаточной боли и увидел, как Бест догоняет Мурену уже у края горизонта.

Глава 5.

Глава 5.

Мурена и Бест летели рядом, переговариваясь сквозь свист ветра. Её Белый Дракон, остроносый, длинный, напрочь лишённый шерсти и даже гривы сразу взял след, но отставали они порядочно.

— Если он подошёл к берегу, — кричала Мурена, имея в виду Морского Монстра, — вниз не идём, ей конец.

— С чего бы он подошёл? — возражал Бест. — За добычей? Откуда ему знать?

Они всё еще неслись над континентом, и попали в тучу. Такое странное чувство, посреди погони на тебя вдруг обрушиваются потоки Впечатлений... холмистая, цветущая земля... ветер, не этот, бешеный, а нежно проходящий по траве... дом вдалеке... и главное, можно взглянуть в чистое голубое небо, ни облачка, только солнечный свет... Драконы привычно замедлили ход, но сразу исправились и вылетели за пределы тучи. Длинные чёрные волосы Мурены облепили её всю.

— Расслабляет, да? — буркнула она себе под нос.

Бест тучи будто и не заметил.

Материк кончился. Прямо перед ними в Туманное Море дроидов уходил длинный мыс, западный луч Морской Звезды. Они взлетели повыше. Мурена огляделась и твёрдо сказала:

— Здесь никого нет.

Бест поразился её уверенности, но не стал спорить. Вывод совпадал с его намерениями, он собирался идти дальше, в море.

— Значит так, — продолжила Мурена, — не всё потеряно. Прямо идти к Морскому Гиганту он не может. Да, Бест, и для них не всё так просто. Он может идти по течениям более-менее последовательных Впечатлений, цепляющихся друг за друга. Иначе Свободные Впечатления исключают его, а тени вклинятся и разорвут на части, он и добычу и самого себя забудет, он ведь крупный, но простой совсем. По течениям... А течений здесь два. Круговое и южное, уходящее вниз, в воронку... А ему и надо вниз...

Неожиданно ласково и мягко она направила морду своего дракона на юг и прошептала, склонившись к нему:

— Правильно говорю? Там они?

Дракон прищурился и хрюкнул в щёку ей мокрым белым носом.

— Правильно! — обрадовалась Мурена. — На юг!

Они снова летели рядом. Туманное Море дроидов осталось позади. Под ними Великое море катило свои волны ночные, огромные валы.

— Слушай, Бест. Падаешь в воду за мной, через несколько секунд, в ту же самую точку. Сразу идём на глубину, это течение глубоко. Дальше… Ты смотришь только за крокодилом, я только вокруг. Если догонишь первым, твой телохранитель справится с ним легко. Но для этого тебе придётся напасть. Хотя бы символически. К зубцам на хребте не прикасайся. Они бывают ядовитыми отдельными тенями, типа, если в руку попадают: "…она не сжимается в кулак... она не гнётся..." Такую иллюзию создают. Ан, она уже намертво в кулаке, и вывихнута до предела. Чтоб тебе раньше всё это от меня выслушать!..

Белый Дракон Мурены тормознул и обернулся к ней, выгнув длинную шею, с недоверием, с недоумением на сморщенной морде.

— Здесь! — крикнула Мурена.

Чмокнула благодарно белый нос и соскочила в воду, под гребень падающей волны. Бест за ней. И растаяли оба дракона.

Колючий, кусачий хаос Свободных Впечатлений они миновали быстро, одним нырком, оказавшись во власти неоднородного, но стабильного течения: "…туда.. — всем надо туда... — там хорошо... — там плохо... — там может быть... — там не будет..." Навязчиво, но терпимо. И вот он, крокодил!

Медлительный в потоке, с крокодильей пастью, с высоким зубчатым гребнем вдоль всей спины до кончика чрезмерно длинного хвоста, бледно зелёный. Он плыл, извиваясь, держась середины течения, подальше от опасных краёв. Бест догонял его медленно, но верно, а вокруг крутилась Мурена, изумительно быстрая в воде. Когда расстояние между ними и зверем уже существенно сократилось, Бест увидел, что рядом плывут их Чёрные Драконы, насторожённые происходящим. Судя по тому, что они не проявились раньше, море вокруг было свободно от каких-то ещё хищников. Так рассудила и Мурена, решив на время оставить Беста без присмотра. Она выскочила из течения, обогнула чудовище и остановилась перед ним вдали, осторожно загребая, относимая вдаль. "Вот как окажется сейчас, что этот крокодил не из тех, кто крадёт и уносит, а из тех, кто попутно разбирает на части, ища связные Впечатления!.. Вот будет картина, когда мы выпотрошим его самого!.. Ой, зря Бест за мной увязался..." Зверь увидел её и остановился. Резко крутанулся вправо, влево. Сзади Бест и дракон. Глаза крокодила загорелись, они светились ярким зловещим светом. Течение относило этот свет, словно он был слезами, гневными слезами чудовища. Мурена, любопытный зверёк, протянула руку в него, тут же отдёрнула, затрясла и высунула из потока в море Свободных Впечатлений, почти освободив крокодилу путь. Но два Чёрных Дракона оказались проворней. Когда, памятуя о гребне, Бест нырнул под брюхо чудовища, дракон обвился вокруг, чёрным хвостом вырисовывая петли мимо бьющей его перепончатой лапы. Дракон Мурены бросился, образовав вторую петлю вокруг туловища, сдавил... И тут зубастая пасть раскрылась, как крышка шкатулки, крокодил перестал биться.

Между двумя рядами зубов сидела Селена. Спокойная. Торжественная. Радостная. Но без улыбки в глазах. Вода из стороны в сторону легонько качала её одежду и волосы. Селена протянула руку и жестом поманила их к себе. "О, нет!.. — подумал Бест. — Нет! Какой же я идиот! Так легко попасться!" Не в силах отвести взгляд, он потихоньку отплывал к краю течения, а Мурена тем временем, прочитав его мысли, кричала в своём уме беззвучно: "Да нет же!.. Ну как ты не видишь, она не хищник, не для нас!.. Заходи же!.. Тени вокруг!" Течение ощутимо пошло вниз, начиная закручиваться спирально. Воронка. Бест не успел вынырнуть за его пределы. Мурена настигла его, схватила руку, и затащила в крокодилью пасть одним рывком. Пасть захлопнулась. Крокодил ожил и, борясь с течением, начал всплывать. Сам, будучи по форме Впечатлением древнего зверя, а по повадкам — совокупностью теней, он для троих, оказавшихся внутри, был темнотой и мыслью: "... крепость... — надёжная крепость... — принести хозяину... — быстро принести..." Зверь дёрнулся, глаза обеих девушек вспыхнули и засветились, у Селены — белым, перламутровым, у Мурены — зелёным светом. Они взглянули друг на дружку и усмехнулись. "... крепость... — надёжная крепость... — идущая вверх..." Зверь выровнял ход, он вздрагивал, сквозь его крепкую шкуру уже проникали Свободные Впечатления Великого Моря, достигая сидящих внутри: "... стук... — осколок... — мы были здесь всегда... — очень ярко... — или-или... — стайка рыб..."

Зверь достиг поверхности, стало тише. Селена сделала неуловимый жест. Пасть открылась,

теперь он снова бессильно качался на волнах, раскинув короткие лапы.

По беспокойному ночному морю млечным путём скользит вдали одинокая лента тумана дроидов, неведомо, зачем и куда. Знобко. Тревожно. Трое, с тремя непередаваемо разными чувствами разглядывали друг друга. Мурена опомнилась первой.

— Давайте пересядем на драконов, — предложила она.

И они позвали своих Белых Драконов. Селенин проявился первым, явив разительный контраст с её заледеневшей грустью, маленький, вёрткий, улыбающийся во всю пасть.

Достигнув материка, они оказались далеко от пещер, зато рядом с общим тайником артефактов. Нашлось немного топлива.

— Останемся здесь? — спросила Мурена. — Незачем возвращаться, скоро рассвет.

Она обратилась к Селене с полупоклоном:

— Респект. Моё почтение. Ты мастер, я недооценила тебя… — и спросила у Беста, — Есть у тебя искра с собой?

— Да.

Они подожгли те каменные коряги их подводного леса, несколько штук, те, что горят долго ровным зеленоватым пламенем.

Бест, что редко случалось с ним, чувствовал себя потерянным, и немного лишним. Мурена теперь смотрела на новенькую во все глаза.

— Давай, рассказывай как!.. Как вырубить я знаю, а вот как управлять... Совсем недавно что-то начало проясняться... Рассказывай!..

Она была очаровательна, и просительна, и ревнива к чужой силе.

— Ты сама этому научилась?

Селена, с явной неохотой, но послушно, отвела взгляд от танцующего огня и спросила в свою очередь:

— Как тебя называют?

— Мурена.

— Мурена, я никогда прежде не сталкивалась с подобным. Этот зверь... унёс меня. Но я и хотела уйти. Он направлялся в глубины... Видимо, — она задумалась, вглядевшись в лица напротив, — видимо, это плохо, вы что-то имеете против. Я ничего не имела против. Вниз, так вниз. Но тут появились вы. Он начал крутиться. Я захотела, чтобы он остановился, выглянуть наружу, поговорить с вами. Вот и всё. Я вижу сквозь тени. А вы видите?

— Ого!.. — восхитилась Мурена. — Тут есть, над чем подумать. Я — нет, вижу, когда зазоры большие, но не насквозь... Ого! Это было по-настоящему круто! Ты напугала его! — кивнув в сторону спутника, бестактно добавила она.

— Я не нарочно, — живо отозвалась девушка.

Бест встал.

— Мурена, поговорить.

Они отошли от костра и от моря, поближе к тайнику в скалах.

— Мурена, крокодил — Чудовище Моря... Они живые, с Огненным Кругом, как у нас! Я готов признать себя идиотом в любой степени, по всем статьям, я ошибся дважды, в обе стороны, что не каждому дано... Но если она может так с ним, то может и с нами...

— Чего?! — Мурена присела, заглядывая ему в лицо, и согнулась от смеха. — Бест, Бест!.. Мы ведь говорили уже! Что же ты не слушаешь меня совсем!.. Ну, с чего ты взял, что у него был Огненный Круг, ты видел, что ли? Только потому, что он двигается, как живой, ты решил, что он живой? Бест! Не существует никаких Чудовищ Моря!.. Крокодил, это приспособление! — она погладила его по плечу. — Понимаешь? Инструмент, тень, плотная совокупность Впечатлений, не последовательных, не с древних времён, чужеродных друг другу по сути,

связанных уже здесь, в море. Совокупность, движущаяся благодаря внутренним противоречиям, используемая с какой-то целью...

— Ладно. Ладно!.. Ты знаешь о них всё, я ничего не знаю... Но если, созданная с целью, то — кем?

— Я не сказала, созданная с целью, я сказала, используемая с целью...

— Ты играешь словами! Ладно, пусть так, используемая — кем?

Мурена ухмыльнулась.

— Бест. Назови мне причину, почему крокодил не может использовать крокодила.

— Ты хочешь меня запутать.

— Назови мне причину, и мы продолжим разговор. И вот ещё что...

Селена не смотрела на них, сидела тихонько и грела у огня руки.

— Вот что… Девушка, и правда, необычная. Откуда взял, я тебя потом спрошу. Но ты же понимаешь, что там, в море, она остановилась только, чтобы поговорить с тобой? Кто был к ней добр, я видела в пещерах, ты, да Лелий. А отпускать её нельзя. Это ты хотя бы понимаешь?

Мурена пинала камешек, а он не выковыривался из земли. Край валуна, наверное.

— У неё и слов и знаний, как у Сонни-сан после помывки, ну, чуть больше. И никто не будет ей покровителем, никто не согласится. Так что, если ты тоже передумал, — Мурена сделала паузу, — отдай её мне. Прямо сейчас.

— Я не передумал. Я идиот. И я устал. Но не передумал.

— Ну и отлично, — ответила Мурена живо, словно к тому и вела, и добавила про себя уже. — Я должна, просто обязана узнать, как она потеряла своего Чёрного Дракона...

Мурена вернулась обратно к костру, а Бест остался, оглядывая горизонт, во внутреннем смятении и раздрае. Волны стелились гладью. Светлело в нескончаемых облаках. Пренебрегши риском, он пошёл на побережье. Вода лизнула пальцы ног, прозрачная, свободная от тумана дроидов. Не хищница, приведённая в собственную стаю, не, вечно мучившая его запутанность в должном и не должном, произвели такое смятение, нет. Это море, этот колючий хаос Свободных Впечатлений, когда охватил летящее сквозь него тело, разом проявив всё, что есть на душе. Тогда Бест спешил, тогда не обратил внимания. Но теперь, в промокшей одежде, ощущая затихающий, испаряющийся лепет множества случайных голосов, он вспомнил... От воды Великого Моря те Впечатления, что есть в тебе, кажутся явью, до тех пор, пока само море не вторгнется, не сотрёт, не исключет их на маленькие клочки, превращая в себя самого. Сколько прошло долгих лет, за которые он не пересматривал прошлое, даже не прикасался. Зачем? Но не мог и избавиться тоже. И вот, один прыжок в воду стал прыжком в толщу Впечатлений, собранных не теперешним им, а им юным, Восходящим, не помышлявшим об утрате. Бест понял, что хоть на миг, но сейчас, немедленно, хоть на несколько мгновений должен его воскресить, целиком увидеть Собственный мир, созданный, но не воплощённый.

Бест сделал несколько шагов к горизонту и лёг на воду лицом вниз. Волны покачивали, полу-образы, образы, полу-мысли, мысли… колючей пеленой окружили его. С лёгкой саднящей болью он ощутил их, бессвязные, неукротимые, ощутил поверхностью всего тела разом и заглянул внутрь, в Огненный Круг сердца.

Ничего-ничего не переменилось за прошедшие годы... Величественное, но простое, Бест делал его, глядя на многие храмы, здание под куполом, с единственной дверью, пустое, светлое. Открытая дверь, окна по трём стенам. Бест намеревался построить дом, передумал, захотел святилище, но, скоро поняв, что совсем другое его интересует, оставил затею.

Изначально он принадлежал той счастливой когорте Восходящих, которые не мечутся от

одного к другому и не стирают начатые миры, только собирая, украшая, совершенствуя до последнего дня.

Вот он, Восходящий, вынесенный Царём на Троне со дна Великого Моря, идёт на манок дроида первой расы Тепло, это первое, что он слышит, и хочет увидеть. Приближается и видит его перед собой янтарным человеком. Тогда звучит манок дроида Холод и он останавливается. Видит обоих, и пропадают оба. Тогда начинают петь, и он слышит их одновременно, манки дроидов четырёх главных семейств 2-2, затем промежуточных, всех семейств вообще высших дроидов второй расы. Они не противоречат друг другу, не сливаются, и слышно даже безмолвие между ними, даже их между собой разговоры. Впоследствии так никогда уже не будет. Но, чтобы побудить к действию, снова звучит манок дроида Тепло, переходя от одного 2-2 к следующему, подыгрывая им. Пока Восходящий не захочет сделать первый шаг к одному, к главному в своей жизни дроиду, начав тем самым построение Собственного Мира.

Бест откликнулся, как он понял впоследствии, на манок высшего Дроида Сад, главы семейства 2-2. То есть, дом не особо привлекал его, но мало кто отважится остаться совсем без дома, так что: просторный зал, на полу случайные вещи, книги, да полки, чтобы впоследствии разложить. Единственное, со вниманием, тщательно продуманное: вход для солнца, для лучей, переходящих из окна в окно. Другой собрал бы витражи, Бест даже не застеклил их, кроме северного, где солнце играло в огранённых квадратиках высокой рамы, а ветка в инее снаружи тянулась к окну.

Обратившись к могуществу семейства Сад, Бест с его помощью узрел во всей красе многообразие форм природных, но приручённых, схожих, но не полностью, с холодной красотой ландшафтов семейства Там. И времена года. Совершенно пленила его смена времён года. На них тоже указывают дроиды Сада, знающие, где набрать снега, ветерков, или росы. Где бутоны, где гудение пчёл. Ветки, склонённые под тяжестью плодов. За всем этим Бест и провёл отпущенный ему срок. И погорел на этом. Не будучи авантюристом, он просто опоздал, не заметил, увлёкся. Думал не о себе, а о том, что надо ещё вот здесь и вот здесь подправить чуть-чуть…

Ближе к моменту воплощения, когда снова начинает доминировать дроид Холод, Восходящий как бы засыпает перед рамой облачного эскиза, а дроид Тепло туманной дымкой заносит его туда, где нет Огненного Колеса сердца, а вместо него есть вокруг Собственный Мир. В решающие, последние минуты Бест был далеко. Среди молний, под грозовой тучей, он даже вспомнил, что искал там — одну нотку ветра между зимой и весной, такой свет особенный на облачках...

Дроиды не подсказывают касательно точных сроков. Табу. Нельзя напоминать, это значило бы настаивать. Время относится к свободе воли, к свободному выбору людей. Дроиды помогают в пространстве: учат складывать, собирать, носят на спинах, защищают…

С тех самых времён всё это и хранилось в его душе нетронутым, и непроговоренным, недоступным... Бест понял, что не верил, до сих пор не поверил в потерю!.. Понял, что, не отдавая себе в том отчёта, он продолжал собирать... Любые Впечатления, подходящие, новые, не встречавшиеся раньше. Словно, изгнание только снится. Словно, может быть временной утрата. И это открытие своего неразумия горько поразило его.

Мир Беста обещал стать прекрасным. Он был умён и терпелив, он умел видеть цельную картину, понимать, что детали, это только детали. Вокруг дома не мельтешила суета, а раскрывались чудесные, сложные панорамы, перетекая на пределе зрения в недоступную красоту семейства Там. Создавая мир, он называл его — Универсум, хотел вместить всё. Впрочем, большинство желает того же, просто, представляют по-разному. Бест представлял так: четыре стороны света, четыре времени года, спрыгни в любое из окна. Или любуйся, сидя на

подоконнике. Плавные снега зимы переходили в ограничивающую область дроидов Там, высокие горы. Причудливые сосенки и лапы огромных елей держали голубоватый, искрящийся снег. Сколько Бест нашёл для него тонко меняющихся оттенков, для каждого нового часа... Как он раскладывал звёзды над ними, указывал место восхода удивительному открытию — луне...

За восточным окном — пруды, весенние разливы, диньканье птичье. А юг Бест задумал только, всё время откладывал на потом...

Он долго бился над переходом областей своего противоречивого сада одной в другую, отчаялся, и просто закрыл. Нет перехода. Залезай в одно, вылезай в соседнее. И вход в Собственный Мир придумывал долго, то с купола, то лестницей снизу. Но понял неожиданно, что не любит осень. И стёр эту часть сада, раму поставил… Один красный клёник, маленький, у входной двери.

Обнаружив себя Изгнанником, Бест, хоть это и глупо, суеверно попенял себе, как на ошибку, на смытую область увядания, спелых плодов. Уничтожил, на её месте вход сделал, и сам ушёл через него в вечную осень...

"Ещё несколько секунд, и я никогда больше ничего этого не увижу..." — сказал себе Бест, встал на ноги и, пошатываясь, вышел на берег. Девушки и рядом, отыскавший их, Индиго, в недоумении смотрели на него.

— Что ты делаешь? — спросила Мурена.

— Пытаюсь понять тебя, — ответил Бест и позвал своего Белого Дракона, покружиться, высушить одежду в полёте.

— Меня? Что-то не похоже... Бест!

Мурена подошла быстро и тронула его локоть, заглянув глубоко в глаза.

— Понимаю... Но так нельзя, Бест. Море, это море, а Чёрные Драконы не всемогущи, прости за нотацию. Сегодня тебе повезло.

— Да знаю я. Я не понимаю, как ты сама, со всем этим можешь...

— С чем этим? Бест, я совершенно пустая. Во мне ничего, кроме простой памяти. А ты — лакомый кусочек для них, судя по тому, что я сейчас видела.

"Мурена, я не могу отпустить... — подумал он с горечью и тоской. — Я и не подозревал, что оно там всё ещё есть..."

Глава 6.

Глава 6.

Безо всяких конвенций, Индиго врать не любил, да и не имел возможности научиться. Восходящим кому врать? Дроидам, которым говоришь: "Хочу то, и то, и ещё что-то вот такое?" А они отвечают: "Вот возьми, и это возьми, а это, не просил, но очень подходит..." И на предложение для первого раза прогуляться вместе, он ответил честно:

— Бест, не сердись, я уже был в Туманном Море дроидов 2-1 и ничего вообще не увидел. Дважды был. Всё то же самое, тишины больше. Как вы с ними общаетесь?.. Или там на год поселиться надо. И чего ждать?

— Дважды, так дважды, — буркнул Бест. — Твоё дело.

— Расскажешь?

— Нет, сохраню в тайне. Дождусь, пока ты сам напорешься. Или как? Придётся рассказать.

Бест потрепал своего Белого Дракона по шее, и замедлил полёт.

— Хитрость действительно есть, — начал Бест. — Ты смотрел вовне, наружу и прислушивался, да? Заговаривал? Ты всё делал неправильно. Их область немного похожа свойствами на Великое Море. Надо зайти, а когда окажешься в тумане с головой, то не смотреть глазами по сторонам, а заглянуть в свой Огненный Круг. Только в этом случае ты увидишь не свои накопленные Впечатления, а их область, их условную землю.

— И как она выглядит? — оживился Индиго. — А, чего я?.. Встретимся!..

— Супер... — сказал Бест. — Просто супер... Может, дослушаешь хотя бы?

— Чего ты меня одёргиваешь всё время? Не лучше ли увидеть, чем услышать?

Бест покачал головой:

— Не помнишь ли, кто разволновался, когда Сокола увёл высший дроид в конце встречи? Кто-то спрашивал у меня, что за дела, а не как пойти вслед за ними.

— Причём здесь это? Дом — глава семейства 2-2.

— Но зачем он разговаривать-то с нами стал? Затем, что Сокол добыл ему дроида 2-1.

— Сокол? Изгнанник? Дроида — дроиду?!

— Добыл... привёл, помог сохранить.

— Пас. Рассказывай по порядку, я ничего не понимаю.

И Бест начал с того места, на котором остановился:

— На вид их область напоминает лес в пасмурный день, совсем без солнца. Очень старый лес. Неохватные деревья, холмы, ущелья, овраги. Он всегда плохо просматривается, на несколько шагов вперёд. До тех пор, пока дроид не решит показаться тебе, тогда открывается пространство. Лес шумит, и в нём всегда кто-то ходит. То ветер, то шорох, то шум крыльев. Нет, он не мрачный, — оговорился Бест. — Там есть, например, пригорки с вереском и мхом, изумрудным совершенно, бархатным мхом... Ты знаешь мох и вереск? Ну, неважно.

— И где они сами? — Спросил Индиго. — Скрыты в чём-то?

— Нет. Не знаю… Они выходят тебе навстречу, если хотят. Не они, он. Он всегда один, 2-1 ведь одиночки. Когда дроид выходит тебе навстречу, ты видишь перед собой единственного хозяина леса... Понимаешь? Весь лес — его. Вокруг уже ни ветерков, ни шорохов.

— Не совсем, но продолжай. И что? Зачем он к Изгнаннику выходит?

— Зачем? Кто как... Посмотреть. Поговорить. Отождествиться.

— Как?! По его, дроида, воле отождествиться?

— Технически как? — Бест решил немного поиздеваться, и заговорил тихим зловещим голосом. — Он медленно подходит, ближе, ближе, протягивает руку... и когда она коснётся Огненного Круга... — ты, это он, а он, это — ты... — Бест сменил замогильный голос на нормальный и добавил. — Хочешь уйти оттуда, коснись Огненного Круга сам, видение исчезнет, а Туманное Море дроидов проявится. Если тебя не заинтересовала предложенная сделка. И если успеешь.

— Сделка?

— Ну не просто так же он подходит? Индиго, дроид, это идея плюс действие. "Дроид объединяется с человеком по своей воле..." Как ты сам-то себе это представляешь? В твоих устах звучит, словно он другой человек или хищник моря. Он идея, он не может напасть на тебя. В этом, на самом деле, и состоит проблема. Не только он не может напасть, но и у тебя нет оснований отвернуться от предложенного. А последствия могут быть о-го-го!

— Да, да, — Индиго вспомнил, — мне что-то говорили про одного Изгнанника, одержимого дроидом 2-1, который не хотел от него освободиться. Ты знаешь кто это?

— Знаю, — ответил Бест резко.

— Я никогда его не видел?

— Они были изгнаны, оба. Дважды изгнанники...

— Э... оба кто?

— Давно было, задолго до конвенции. Камень на душе, честно говоря. Один объединился с дроидом 2-1, а со вторым они дружили. Дроид 2-1 типа Только-Ты или Ты-но-не-Я... Или ещё что-то в том же роде... Счастливый, знаешь ли, дроид, не нейтральный, а радостный. Друг этого, с дроидом, сначала удивлялся, потом просёк, что можно нехило ситуацией пользоваться... В конце концов, отнял у приятеля всё и примерялся продать его самого, подороже. Не считая мелких поручений. Смотреть невозможно. Мы его, гада, и выгнали. Оба ушли, конечно...

— Но почему он не избавился от дроида?

— Он не хотел! Радостный дроид, понимаешь? Он не хотел.

— А почему вы его не освободили? Это вообще возможно?

— Во-первых, никому и в голову не пришло. Каждый занимался своими проблемами. Во-вторых, мы ничего почти не знали, такая процедура требует искусства и терпения. Надо найти дроида-антипода данному 2-1, если таковой имеется. Причём, он должен искать объединения со своим антиподом, а не избегать его всеми возможными средствами. Бывает и так и так. Если избегает, или чистый одиночка, дело — труба, безнадёга вообще. Вот, например, из моих знакомых, Освещающий-Путь, дроид ищущий объединения, его антипод — Запутывающий-Тропу — угадай, в силу наименования? Как думаешь, сколько шансов его повстречать? А договориться? Как правило, найти антипода может только третий дроид для тебя. То есть, и он должен захотеть говорить с тобой почему-то... Целая история, ясно? Нет, сейчас бы я сделал, но тогда...

— Ясно, — Индиго задумался. — А Сокол?

— Сокол смог провернуть такую сделку на невероятном уровне. Между 2-1, владыкой семейства и нами.

— Как? Расскажи.

Их драконы летели рядом, мягкими зигзагами, переглядываясь, словно беседуя тоже. Они обогнули континент, Морскую Звезду и шли на второй круг.

— Расскажу покороче. Сокол встретил в Туманном Море дроида 2-1, и тот заговорил с ним, это момент удачи. То был дроид Надежда-на-Себя, не одиночка, как может показаться. По природе он принадлежит к первой расе Тепло, а по семейству, отчасти, принадлежал тому, кого ты видел — главе семейства 2-2, высшему дроиду Дом, который по природе — холод! И этот

дроид 2-1, Надежда-на-Себя, он отдалялся от семейства Дом, ближе к иным, тёплым, промежуточным: Корабль, Дерево-и-Птицы, особенно Корабль. Похоже было, что уйдёт туда скоро. Это всё Сокол увидел, отождествившись с ним. Тёплые 2-1 ищут новостей в людях, они любознательны, подвижны, но их меньшинство, холода повсюду больше... Так вот, увидел, потом освободился и они разошлись. «Хороший дроид, — сказал Сокол. — Многое дал мне». По иронии судьбы, в наших, человеческих понятиях, можно сказать, что Сокол этого дроида предал, причём, опираясь на его же силы. Об их встрече узнал дроид 2-2, наверное, они вообще всё знают, предложил сделку. Но цена Сокола не устроила его, в подобном заведомо не участвуют... Да, ладно. Тогда Сокол запросил встречу и двенадцать вопросов, свою цену подразумевая, молча, в одном из них. И глава Дом согласился. И того, план действий. Сокол находит антипода 2-1 Надежда-на-Другого с помощью дроида Освещающего-Путь. Это не сложно. Такие дроиды, в которых есть понятие "Другой...", не бывают чистыми одиночками, они стремятся к объединению, даже когда траектории их запутанны и сложны. Договаривается с ним. Когда Сокол и 2-1 Надежда-на-Другого едины, владыка Дом своей властью главы семейства, пока ещё она у него над этим дроидом есть, отправляет дроида 2-1, Надежда-на-Себя, приказывая ему тоже объединиться с изгнанником. Ситуация редкая, странная, но он ещё не покинул семейство и ослушаться не может. Так и вышло. Я видел сам. В туманном море он подходил к Соколу, как человек из сверкающей стали, блеск её распространялся перед ним. Но по мере приближения перестал распространяться, и он подошёл к границе этого блеска, к своей собственной границе "безнадёжность". Вскинул руки, Сокол схватил их, и остался стоять, один уже, без обоих дроидов. Когда они делают так, то исчезают, чтобы возникнуть на своих первоначальных местах, свободными от памяти. В общем, глава Дом получил то, что хотел. Получил своего 2-1 обратно. Конечно, из-за противоречия в стихиях, в первой расе Тепло-Холод, тот начнёт отдаляться от семейства снова, но это когда ещё произойдёт. Ну и нас он не обманул, насчёт двенадцати вопросов.

— А Сокол? — Индиго слушал заворожённо. — Что ему было надо? Что за мир?

— Сокол, — помедлил Бест, склонив голову, — был хороший и смелый друг.

Отдав так долг памяти, Бест продолжил:

— Дурак он был, натуральный, каких мало, к чёрту! Увидел однажды чужой Собственный Мир, очень красивый на входе, как ты тогда. И не смог его снова найти...

— И что? Почему рычал Чёрный Дракон? Почему он исчез?

— Почему, почему... В отличие от тебя, он тогда, на пороге получил приглашение зайти...

— И?

— И не воспользовался им, мозги ещё оставались. И дорогу нарочно не стал запоминать. Но он не забыл! Он стал одержим этим миром, буквально.

— Ну и что? Риск — благородное дело!

— Риск?! Индиго, это был мир хищника. Собственный Мир хищника! Он это знал, и все это знали!

Индиго призадумался… Он-то Сокола понял. Но предпочёл сменить тему:

— А как ты представляешь себе, что дроид 2-1 отдаляется от семейства? Реже заходит к ним, в соседнее Туманное Море дроидов? Неохотно поручения выполняет? Главе грубит?

— Ну не знаю!.. — Бест рассмеялся. — Многое ведь не менее умозрительно и условно. Вот, как ты думаешь, подлетая на драконе к облаку, и наблюдая за ним чужой мир, тут — облака, там камни, каменные здания?

— Это меня не удивляет.

— Тебя просто дроиды интересуют больше. Ты смотришь на них, как на людей. Ты что, Индиго, думаешь, если 2-2, владыка Дом, хотел сохранить свою власть над тем дроидом, так он

этого — хотел? Он же сам ответил, что нет, и сказал правду. Он не человек, а центральная точка в саморегулирующейся системе, которая, как и любое из семейств, думаю, стремится к расширению снаружи, внутри — к стабильности. То есть, они все друг другу немного конкуренты. Границы чуть-чуть плавают между их областями всегда.

— Ты знаешь, Бест, он — хотел.

— Ох, Индиго, все приятели у меня какие-то чокнутые. Что ты, что Мурена, только каждый по-своему. Она считает несуществующим существующее. Ты ищешь там, где ничего нету.

«Точно, с приятелями тебе не везёт, Бест…» — подумал Индиго. «Будь мы с тобой дроидами, то не антагонистами ли?» Невесть почему, когда Бест произнёс её имя, Индиго вспомнил рассказ Мурены, сказку давних времён. Один раз Морское Чудовище выпрыгнуло высоко в облака, испустив яркий свет из глаз. Те, что приняли его за лучи из чужих миров, устремились навстречу и были проглочены...

— Мне надо подумать над этой историей, — сказал Индиго. — Я не хочу сейчас туда, как-нибудь потом.

— Ты хотел сказать: как-нибудь один, — поправил его проницательный Бест. — Не понимаю твоего упрямства. Я подтолкнул тебя к какой-то мысли, рассказав про сделку?

— Я хочу пойти один.

— Да в любом случае туда каждый заходит в одиночку! Несколько человек со своими телохранителями будут, пока ты занят, совсем не лишними со стороны Великого Моря.

— Брось, ты же знаешь, только с открытой воды стоит опасаться внезапного нападения. А пока чудовище пройдёт Туманное Море дроидов, а так делают только глупые, то есть слабые, то есть наименее опасные из них, Чёрный Дракон его сто раз отследит.

— Глупых, не глупых, а их может оказаться несколько.

— Бест, ты прав. И я не знаю почему, но я хочу пойти один.

— А я хочу видеть, каким ты выйдешь оттуда! — сорвался Бест. — И в какую сторону, и за каким чёртом, выйдя, ты направишься! И можно ли тебя будет обратно в пещеры пускать...

— Много бывало инцидентов? А за Соколом ты тоже следил?

— Нет. Нужды не было.

— А за мной есть?

— Ну, ведь совсем ничего ты ещё не знаешь!

— Вот и узнаю. Сам.

— Иди к чёрту!

На том и расстались.

Приближалась ночь. Вдали золотые облака сменились на сизые облачные цепи, над головой слились, где в рябую брусчатку, где в разорванную пелену. Но единственный луч ещё проглядывал из чьего-то Собственного Мира, печаля и маня. Провёл по глазам Индиго, по щеке, сквозь молочную белизну его дракона скользнул и скрылся.

Вместо того, чтобы спешно направляться внутрь материка, Индиго снизился и сошёл на землю. Дракон прикрыл огромные голубые глаза и медленно сверху вниз растаял: глаза, морда, грива, туловище, мохнатые лапы... Красивый дракон.

Туман моря дроидов 2-1 стоял высокой стеной, качался, колыхался, захватывая высокую часть суши, помимо отмелей. Пахло свежестью и покоем. С некоторым трепетом Индиго шагнул в него, развязал пояс куртки и, наклонив голову, взглянул в Огненный Круг. Жар ударил ему в голову, в межбровье, побежал по телу, стремительно охватывая его. Достиг ступней. Индиго осознал, что стоит на колючем, высохшем мху перед корявым стволом дерева толщины

и высоты невероятной. А крона шумит. Шумит весь лес в вышине. Замерев, Индиго оглядывался. Травы нет на земле, мох островками, ветер гоняет прошлогодние ржавые листья. Веточка отломилась и упала со стуком, на ней два жёлудя, зелёных. И ещё одна на голову: иди, мол, чего стоишь... Индиго потрогал кору дерева, изумляясь, как всё подробно и реально. "Интересно, а если не выходить отсюда?.." Он обошёл древний дуб почтительно, мысленно попрощался с ним, раздвинул ветки кустарника, увидел внизу овражек, спустился и направился, куда глаза глядят между подобных же деревьев и замшелых, потрескавшихся валунов. Шум леса забирал внимание, беспокоил, почти мучил. Вдали он казался голосами неразборчивыми, гневными, голосами великанов. Эти звуки ничем не напоминали мелодичный перезвон в тумане. Широкая тень, заслонив половину неба, пролетела с дерева на дерево, как если бы лес был подводным, а тенью — огромный скат. "Выйди?.." — тихо сказал Индиго, не дождался ответа и пошёл дальше. А тень последовала за ним, и маленький смерч из листьев... он взвивался то здесь, то там. И звук хрустнувшей ветки. Ещё раз, ближе. Путешествие переставало быть забавным. Индиго остановился у большого камня, сел на корточки спиной к нему и решил: " Сосчитаю до десяти и выйду прочь". Только успел подумать, как ветер, шум крон совершенно, полностью стих. Лес молчал, переменилось неуловимое нечто, и теперь весь он принадлежал одному дроиду.

Издалека, из-за купы деревьев показался четвероногий, гибкий силуэт. Он направлялся в сторону Индиго. Вне всяких сомнений. Скрылся за кустами, показался ближе, грациозный, но не драконий силуэт. Исчез в низине, взошёл на склон и неторопливым, упругим шагом приблизился к незваному гостю. Индиго встал. Зверь остановился тоже, поднялся не задние лапы и сделал ещё один шаг. Перед Индиго стоял высокий дроид с телом одетым в отвратительно мельтешащие, узкие, яркие полосы: тёмная — яркая, тёмная — яркая. Они не затрагивали только его светлое лицо, глядящее с вызовом и насмешкой. Вопреки выражению своего красивого лица, дроид говорил мягко и музыкально:

— Я дроид. 2-1. Принадлежащий. К Холоду. Первой расы. Разговор со мной. Укорачивает срок. Твоей жизни. Я сказал.

Рука Индиго застыла в сантиметре от Огненного Круга, он уже хотел свалить. Отвратительное тело дроида резало глаза и вызывало оторопь. Но любопытство и сознание редкой возможности взяли верх.

— Ты можешь назвать своё личное имя? — спросил Индиго, стараясь смотреть только в лицо дроиду.

— У нас. Нет имён, — ответил тот. — Я дроид 2-1 Отторжение.

— А... — выдохнул Индиго и расслабился, — тогда понятно. Что тебе надо?

Он вспомнил про возможность сделки.

— Что мне? Может быть? — дроид рассмеялся ему в лицо, беззвучно открывая зубы. — От тебя надо?

Невыносимо отвратительные полоски. Индиго разозлился. И растерялся. Но дроид продолжил:

— Это тебе. Должно быть. Что-то очень надо. Раз ты. Пришёл сюда ночью. Изгнанник.

— Верно, — согласился Индиго, и честно продолжил, — но нет, мне тоже ничего не нужно. А можешь ты изменить свой облик?

— Могу. Но будет хуже.

— Ого, ясно...

Дроид смотрел на него сверху вниз, покачиваясь, спокойно, с насмешкой. Всё при всё, совершенно всё понимая, Индиго безнадёжно вгляделся в презрительные черты и выговорил это:

— У меня есть ещё, какая угодно, возможность создать Собственный Мир?

— Нет, — ответил дроид, но не рассмеялся, — Никакой. Возможности нет.

"Я ничтожество..." — подумал Индиго. А дроид продолжил:

— Вы все спрашиваете это.

— Ясно. А зачем ты подошёл? — спросил Индиго.

— Дроиду Отторжение. Подходят. Любые расстояния. Я и подошёл. И не подходил. Разницы нет.

"Отличный ответ..." — подумал Индиго. — "Шикарный ответ".

— А ты принадлежишь какому-то семейству 2-2?

— Ни к одному. Я между ними.

Индиго решился уйти.

— А кто создаёт этот лес? Приходящий или вы сами? — спросил он напоследок.

— Какой лес? — переспросил дроид.

Индиго отвёл взгляд от его лица. Древних деревьев не было в помине! Ничего не было!.. Вокруг мельтешили горизонтальные, острые, яркие, резкие полоски. Тёмная — яркая, тёмная — яркая!.. Изгибались, извивались, передёргивались от одного конца до другого, нависали над ним, улетали вглубь пространства, сквозь такие же: тёмные — яркие, тёмные — яркие, отторгали сами себя. Среди них потерялось человеческое тело дроида, осталось только его лицо близко-близко и рука... С ладонью раскрытой напротив Огненного Круга Индиго!

— Какой лес? — повторил дроид, любуясь кистью своей руки.

— Ты не можешь сделать этого... — прошептал Индиго, один в разорванном на ленточки мире.

— Что — это? — отозвался дроид. — Разобщиться с тобой? Могу.

И убрал руку. Адская дрожь пространства обратно собралась в его полосатой коже. Лес проявился снова. Дроид стоял и смеялся, хохотал, откинув голову, тихо, как ветер.

— Вот так. Это работает, — сказал он, смеясь.

Индиго задохнулся.

— Но ты — дроид! Вы не имеете такой власти... сами... по своей воле!.. Где тот момент?!

— Какой? Момент?

— Который я пропустил! Момент времени отождествления? Отвечай, дроид!

— Какого? Времени? — переспросил дроид, смеясь. — Пространство, расстояние. Не важно. Для меня. Здесь или там. Мне всё равно.

Как ни странно, Индиго начинал понимать...

— То есть, ты, как дроид, повсеместен в своей области... Везде настолько близко... что момент отождествления настолько тонок... и выражен и не выражен... что его можно и не заметить!

— Да, — торжественно согласился дроид. — Почти невозможно. Заметить. А в людях. Согласий и несогласий. В обычных изгнанниках. По нескольку одновременно.

— Но зачем?! Про себя я понял, ладно, я разберусь, но вы, дроиды, вы соглашаетесь или не соглашаетесь, так зачем?!

Дроид рассмеялся снова, открывая зубы.

— Нас. Попросил Бест. Отвести от тебя. Радостных дроидов. "Отторжения" нейтральны. Я из них.

— Что?!!!

— Попросил. На короткое время. Через чистого. Хозяина.

— Ненавижу! — воскликнул Индиго. — До глубины души ненавижу!

Выкрикнул это, обе руки прижимая к Огненному Кругу в середине груди. Туманное Море дроидов снова покачивалось вокруг него. Вдалеке три силуэта на Белых Драконах, между ним и

Великим Морем. Один, с длинными волосами, обернулся, заметил его и шикнул:

— Вон там, вот он, Бест...

Тогда другой, на крупном, мощном драконе развернулся, хлопнул его по шее и, сорвавшись с места, пропал в утренних облаках. Двое оставшихся, помедленней, но улетели тоже, не стремясь, видимо, к беседе.

Утро пришло на верхнюю террасу.

— Я была против! — заявила Мурена и сделала честные глаза, запрыгивая на дракона.

Индиго растянулся на земле, молча.

— Ага, — подтвердил Борей, — она была против. Только предложила, как это можно провернуть, и тут же сказала: "Но я — против!.."

— Мне всё равно, — сказал Индиго, не глядя на них, — я вас всех ненавижу.

Взвившись вертикально с земли, по своему обыкновению, перекувырнувшись с седоком вместе, дракон Индиго нёс его в зенит сквозь кучевые облака, сквозь облачные миры. Развивалась белая грива. Играя, изображая бег, дракон то сжимался, то растягивался в прыжке, рисуясь, выкидывал поочерёдно лапы, дальше иноходью, снова прыжок. Дроид в свободном полёте, созданный для полёта.

"Какого чёрта, — думал Индиго, — я просто хочу увидеть Солнце! Почему только хозяева в Собственных Мирах могут видеть его, а мы никогда?! Ни на земле, ни даже в дверях чужого мира? Ясное небо — кусочек, свет — единственный луч, солнце — никогда… Почему?! Только во Впечатлениях, внутри самого себя..." Он миновал синие клубы чьего-то огромного, угасающего мира, почти грозовой тучи. Можно бы заглянуть, попасть под дождь и присвоить, чего там было. Не разбитым, хозяйски последовательным. Редкая удача. Но нет, Индиго был в тоске и гневе. "Сколько бы их ни создали, миров, ведь кончатся они когда-то… Кончаются они где-то в вышине!" Ясно, не он первый так делал. Ясно, не получится. Но лучше, чем сидеть и смотреть на опостылевшие рожи предателей...

Огибая следующий, из сиреневатых облачных барашков состоящий мир, Белый Дракон понёс Индиго прямо на мягкий луч света из рамы, из входной двери. Луч рассеялся. За рамой пейзажа не оказалось. Светила покрытая тканью лампа на круглый стол. На столе кружевная скатерть, яблоки и фотография в оправе. Двое стоят под цветущим деревом, мужчина и женщина, немолодые. Среди полудроидов не бывает таких. Индиго замедлил полёт. Дракон фыркнул разочарованно. "Интересно, а чем они рисковали, деля один мир на двоих? И чего достигали?" Дракон перебирал лапами облачный туман. "Подожди…" В комнате были стулья, низкие окошки с занавесками, задёрнутыми не до конца, пронизанные светом. В щель между ними тоже пробивался луч, вечерний… Почудилось, можно отдёрнуть занавеску, в следующий мир зайти... Иллюзия царапнула Индиго и, на радость дракону, он устремился прочь, к солнцу за облаками.

Упрямство имеет пределы. Обиды тоже. Надежда? Трудно сказать. Однако на этот раз Индиго устал, соскучился, простил старшего приятеля и даже понял, отчасти. Облачные миры и не думали кончаться. Если б хоть признак какой, что они вообще где-то кончаются! Нет. Купы за купами, гряда за грядой… Белоснежные, золотом обведённые, сизые, долгие, перистые, раскатившиеся дорожкой... Снова купы, горы облаков. Индиго обнял дракона, похвалил ни за что, попросил возвращаться на землю, а сам растянулся на его спине лицом в недоступное.

Дракон, не получая указаний, обогнул в полёте несколько дождей, но немного задел

последнюю тучу. И там, чудесная шутка судьбы, необыкновенное чувство, там Индиго попал во Впечатление о дожде! Летний ливень полился, омыл и прошёл насквозь, до сердца, до Огненного Круга, закончившись ароматом травы, лёгким грибным дождём, пригревшим солнцем. Будто судьба извинилась перед ним, с улыбкой. За недоступность. За прерванный полёт.

Индиго приземлился на верхней террасе, где Бест на ветру разложил, прижав камнями, старые карты, выменянные не так давно. Он встал, примирительно поднимая руку.

— Проехали, — опередил его Индиго.

Он сел рядом. Взглянул на карту. Пятна жёлто-коричневые, зелёные, голубые.

— Так она выглядела раньше, суша, — сказал Бест и обвёл рукой очертания материков.

— А это? — Спросил Индиго, указывая на карту, состоящую из лоскутков разного цвета.

— Это границы всякие. Страны. Так люди жили — странами.

— И чем они отличались?

— Я не знаю. По-нашему, так ничем. Наверное, границы для чего-то нужны были.

— А как ты думаешь, звери, что их населяли, исчезли тоже, срок их вышел?

— Может и так. А может они сами вышли за пределы нашего восприятия.

— И нераздельно с тенью-рыбой в море плывёт настоящая рыба?

— И да, и нет, это ведь не настоящее море...

Бест взглянул искоса.

— На солнце смотреть летал?

Индиго рассмеялся от души.

— Вот откуда ты всё знаешь?!

— Долго не возвращался.

— Нет-нет, не принимается!

— Ну, уж не следил за тобой!

— Да я не об этом. Правда, откуда ты знаешь?

— Не знал я, — Бест задрал голову к облакам, — угадал и всё. Один раз каждый пробует долететь до чистого неба. Не велика хитрость, угадать.

Глава 7.

Глава 7.

Побережье, обрыв. Под нерукотворные колонны забегает море. Ряды обсидиановых, в соляных потёках и наростах, приземистых опор для скалы, нависшей над ними. Они стоят на источенном водой основании, расширяясь к верху. "Да, неправильно жить, вовсе не приближаясь к Великому Морю. Каково бы оно ни было, лучше знать, чем не знать... Я смою…" Мурена, не любившая прогулки в полумраке, среди перешёптывания дроидов, собралась улетать, когда Бест сказал вдруг с деланным безразличием:

— Если хочешь, пойдём со мной. Ты хоть услышишь его, мой не созданный мир, — взглянул вопросительно. — Их так много, оказывается, всяких разных, старых Впечатлений.

Мурена, чуждая сентиментальности, удивилась. Последнее время, включая последнюю минуту, они с Бестом встречались только чтобы спорить, читай, ругаться. И согласилась охотно.

Плескалась вода под туманом об истончённые основания колонн. Дальше обсидиановые своды освещались только огоньками дроидов, то искорками, то многоцветными змейками. Нависли своды пещер, с которых отдельными каплями срывалась Чистая Вода забвения. Бест обходил капель стороной. Он шёл дальше и дальше, в ту сторону, где на поверхности есть большой кратер, собирающий дожди, чтобы пропустить их через земную всеочищающую тяжесть. Шёл туда, где не капелью, а ровным потоком сбегает прозрачный ручеёк на камни, на плечи, на голову. Из-под купола, тающего в темноте, по скалам зигзагами, по лесенке. Мурена встала рядом, взяла в руку лодочкой один глоток просто так. Ей нравился этот неопределённый странный вкус, пугающий многих изгнанников, небесных бродяжек.

Бест, вздохнув, огляделся как пойманный, сел под нисхожденье потока. И стал рассказывать, всё с начала, не спеша, ровным голосом. Сделанное и незаконченное, желаемое и удавшееся, что передумал, что переменил. Мурена стояла рядом, потом сидела, полулёжа, опершись на локоть, но не скучала, нет. Её тронуло спокойное мужество его решимости, красота рассказа, любовь к несостоявшемуся миру... Готовность отпустить и нежелание забывать.

"Если мостик маленький, горбатый, — рассказывал Бест, — я не делал перил на нём, но было кваканье лягушек, и воздух, запах травы менялся чуть-чуть, когда перейдёшь за речку. Высокие стебли, осока, гвоздики, тропинка сквозь них... А холм — неожиданно. И с него виден дом. А раньше не видно..."

До следующего утра хватило ему рассказывать. Они вышли тем же путём. Озадаченная Мурена, и насквозь промокший Бест.

— Я похож на Сонни? — спросил он, щурясь от света.

— Ничуть, — ответила и добавила, колючка. — Ни разу не видела перепуганного Сонни.

Бест улыбнулся. Она поинтересовалась:

— И что ты чувствуешь?

— Ничего нового. Я ведь и не заглядывал в них.

Мурена толкнула его плечом легонько.

— Я полетаю, темнота надоела.

— Спасибо за компанию.

— Небо и море! Таки-ты немножко странный, Бест!

На дракона... И среди белых облак пропала.

Из бессчётных изгнанников последней эпохи Мурене единственной довелось взглянуть в лицо дроида спасения, Царя-на-Троне не по причине внешних коллизий, а из-за невыносимости своих внутренних переживаний. Запутавшись до предела. В желанном и устрашающем. Возможном и невозможном. Между риском не смочь, риском не успеть и самым ужасным — риском не попытаться даже.

А началось всё с ошибки, как всегда. Или, как посмотреть, с подарка судьбы. Но это её дело, что предлагать, а соглашаться, не своя ли ошибка? Ведь ничего не начинается сразу с боли, и с тревоги не начинается, и с неуловимого недовольства собой, беспокойной тоски. Всё начинается с ошибки, а от неё ещё ничуть не больно, она неощутима, правда?

Не жалуя рынки, ища скорее знаний и навыков, нежели артефактов, Мурена всё же заходила на них иногда.

Как бы накрытые полупрозрачным пологом, уходящим в небо, к Собственным Мирам их хозяев, один за другим простирались торговые шатры. Шатры хищных изгнанников таились среди них, приняв ту же форму, но не уходя никуда. Единственный их приют, полный артефактов, пылящихся веками. Ряды шатров, кривые, сложно закрученные, похожие на рисунок древесины. Проходы между ними, протоптанные до углублений в сухой земле. За пологом, тихо светящиеся, пирамидальные подставки разной высоты, и на их остром верхнем уголке, в хрупком ненарушимом равновесии покачивается то, что выставлено на продажу. Сам же продавец может стоять рядом, а может оставаться за порогом Собственного Мира, или одет с ног до головы в плотную ткань. Если видим и не держится в глубине, в полутени, то, скорее всего, это хищник. И уж беги прочь, если их двое. Чистые хозяева, случись им выйти наружу, почему-то очень любят прятаться. С некоторых пор, глядя на них, и хищники стали так делать, маскировка. Как будто, это что меняет.

Мурена шла по рынку, за поясом у неё была коническая ракушка, завёрнутая в кусочек ветхой ткани с вышивкой, старый и маленький, вряд ли кому понадобиться, и ракушек таких — миллион. Она шла мимо цепляющих щёлочек жадных глаз, влипая в них, за поворотом отрываясь, и размышляла о том, что лучше: Чёрный Дракон или свободная охота. Еще о том, как хорошо, что люди не умеют читать мысли, Бест, например…

Бывает, что за артефакт выставляется не вещичка прежних времён, а сосуд с водой Впечатления. Но это на дурака, ведь, что там? Ерунда? Действительно то, что обещал продавец? Или Чистая Вода забвения? До того, как поменяешься, потрогать всё равно нельзя. Такую чашку, выставленную на продажу пиалу без ручек, и увидела Мурена сквозь вуаль шатра. Ракушки ей было не жалко, тряпички тем более. "Соврёт, — подумала Мурена, — я ему пиалу не отдам". Продавец не был виден за пологом. "Хищник, небось, кто ещё выставит такое? Ну и ладно..." Сначала она хотела спросить. Всё веселее, чем получить молчаливый отказ от кого-то невидимого. Она зашла на шаг под полог и хлопнула над артефактом в ладоши. Через короткое время вверху показался белый драконий хвост, с него скатился человек, спрыгнул на землю, словно разбуженный, и недоумённо воззрился на неё. Взаимно. Так они разглядывали друг друга. "Либо мега-артистичный хищник, либо чудик какой-то..."

— Что там? — без предисловий спросила Мурена.

— Впечатление, — честно и быстро, но недостаточно развёрнуто ответил он, понял свою ошибку и добавил. — Дорогое, редкое Впечатление.

Мурена саркастически хмыкнула. Продавец понял.

— Да, конечно, — согласился он. — А что у тебя есть?

Мурена показала. И он хмыкнул. Квиты.

— Про что Впечатление? — Мурена решила уточнить.

— О Восходящем, не поднявшемся из глубины.

Земля поплыла у неё под ногами. Подводное Впечатление последнего времени, невероятно! Большинство считает, что таковых и вовсе не может быть... Но она поверила — сразу, без колебаний. "Хватай!.. — завопил внутренний голос. — Отдавай, что у тебя там есть!.." — "Что же у меня есть? Тайники с топливом... Подстилка в пещере, пара флакончиков... Пояс, платье, я сама... Заткнись! — отвечала ему Мурена. — И не пялься на чашку! Первый раз торгуешься, что ли?"

— Да... — протянула она. — Интересно. Но мало похоже на правду. И какой в нём смысл? Оно красивое? Там видно много Недоступного Моря?

— Смысл в редкости, — без обиды ответил продавец. — Насчёт красоты не знаю, я заглядывал только, как ты понимаешь. А что, есть доступное море?

— Смотря для кого...

Мурена постояла, посмотрела на продавца, на воду и спросила:

— Идёт?

— Согласен на то и другое вместе, — заглянул в глаза, добавил, — и чашку верни.

Мурена прикусила губу и кивнула. Она завязала ракушку обратно, взяла за уголок тряпички, качнула осторожно. Ракушка ударилась о пиалу и осталась, покачиваясь на подставке, на верхнем её уголке. А пиалу Мурена ловко подхватила левой рукой. Продавец не изменился в лице, он не лгал. Мурена сунула нос в чашку, вдохнула странный запах, огуречно-морской, выпила. И упала. Чёрный Дракон унёс её с рынка. Он же позвал белого, положил поперёк спины и летел рядом, не давая соскользнуть вниз. Оставил в пещерах перед Бестом, прошипев: "Не моё дело..." Только тогда исчез.

Не его дело, правда. Мурена не была ранена. В продавце не нашлось ничего такого, от чего дракон обязан был её защитить. Само Впечатление оказалось чрезмерно огромным, неохватным, она потерялась в нём. Огляделась, изумилась, обошла… Потрясённая, вышла на белый свет.

Мурена увидела дно Великого Моря, не того моря, где вылавливают коряги и собирают раковины, жемчуг, кусочки битого стекла, а самое дно, где под снегом спят Восходящие, бескрайнюю, Заснеженную Степь. Над ней колышется брюхо океана, роняя снежинки, обрушивая снега, сметая бураны, гоняя позёмки, и падая, падая, падая безветренным снегопадом. Который никто не видит, некому. Пока не начнёт спускаться Коронованный, Дарующий-Силы, Царь-на-Троне, идя на единственный манок для дроидов, который неотделим от Восходящего в мир. Пришло время. Тогда свет дроида охватывает степь от края до края, озаряет каждую снежинку над ней.

Картина сама по себе завораживающая, достойная того, чтобы смотреть на неё часами. Но там были — близнецы! Прекрасные, безмятежно спящие рядом. Зов один. Дроид один. И он взял одного! А второй остался... Мурена видела его глаза, открывшиеся первый раз в жизни, снегопад, отразившийся в них, и удаляющийся абрис прекраснейшего дроида на свете.

"Я найду его... — шептала Мурена в забытьи. — Он есть, я знаю... Даже если прошли тысячи лет, если пройдёт ещё столько же... Он есть... Я найду его..."

Самые противоречивые порывы запутались в один клубок. Мурена не могла бы стать хищницей, по сути, дикий любознательный зверёк, для которого день прожит впустую, если в который раз не проверены свои силы и не открыты новые горизонты, но хищницей... Это другое. И вот, впервые в жизни она столкнулась с болью сострадания, несправедливости! Посмотрела в глаза существу, в отличие от Изгнанников, не получившему и одного шанса!

И сочувствие, и любопытство, и жадность. Мурена знала о хищниках моря достаточно, чтобы утвердиться в мысли: они бессильны, возможно, даже слепы перед этой куколкой, чистой

нулевой фазой. Он, Невзошедший, пройдёт сквозь тени, как нож — масло, как иголка, беспрепятственно. А что дальше? Не имея помощи дроидов, не ведая Впечатлений древнего мира, эпохи до дроидов, какой он сейчас? Проникая в хищные тени, в Морских Гигантов, он ли управляет потоками их зацикленных теней-основ? Или сам бессильно кружится в этих потоках? Он представлялся Мурене то потерявшимся ребёнком, ищущим спасения, то владыкой Великого Моря, подчинившим его хищников, управляющим ими, как дроид глава семейства принадлежащими ему дроидами, то вещью, чудесным артефактом, давно утратившим Огненный Круг, цельным, неразрушимым отпечатком чистоты и горя.

— Даже если тебе ничего не надо, — Бест сидел на корточках над Муреной, свернувшейся клубком, — я понял, ты всё знаешь, всё на свете видела уже, но жить без воды нельзя. Попей! Не нужно тебе это Впечатление, мешает, так возьми и смой, но совсем без воды невозможно...

Гроза бушевала над Морской Звездой, совсем недалеко от пещер, молнии, разветвляясь перевёрнутыми кронами, уходили в землю. Белые Драконы со своими всадниками носились в потоках дождя. Борей вернулся весь мокрый, что-то мурлыкая, сел у стены… Сорвался и улетел снова. Мурена лежала неподвижно. Не всё она знала, не всё видела, в том-то и суть, но возможность поделиться сомнениями, особенно с Бестом, была для неё полностью исключена. Выводами — пожалуйста. Трофеями — сколько угодно. Предположениями? Тоже. Но проблемой — характер не тот. Её мысль металась между тремя равновеликими, равноудалёнными вершинами вероятности. Металась и металась, кружила и кружила. А чем меньше в человеке, в полудроиде воды, тем легче поначалу вращается его Огненный Круг, медленней исчерпывается срок жизни, но и мысли слушаются хуже. Ей бы следовало спросить себя: и что? Что мне даёт, оказавшись истинной, любая из этих версий? Остановившись на одной, выберу ли я способ действий отличный от единственного — идти наобум и напролом? Или, может быть, рассмотреть перспективу: если — то? Если он выжил, если Впечатление недавних времён, и он всё ещё юн, затерянный в глубинах, как он мыслит, не зная помощи дроидов? Примут ли они его? Сделают ли Восходящим, раз прежде не сделали? Если он вырос и сам смог отнимать Впечатления, ловить на поверхности, накапливать, объединять, делать тени? Если он сам — пресловутое Морское Чудовище, что даёт эта встреча? Удовлетворение любопытства и гибель? А если всё так и случилось, но только давным-давно? Если его Огненный Круг остановил вращение? В глубинах моря движется по инерции лишь удивительный артефакт, тень человека, не знавшего помощи дроидов. И что? Она сможет эту тень присвоить? Использовать?..

Даже этих, промежуточных вопросов Мурена не задавала себе. Она безостановочно по кругу перебирала одну вероятность за другой, словно в её власти решить, каким ему плавать там, в океане.

Обеспокоенный состоянием, Чёрный Дракон, уже несколько дней видимый, не отходил от неё, лежал, обогнув хвостом, а голову положив у ног. Кто-то подошёл и одну за другой вылил несколько больших раковин Впечатлений ей на голову: вилась среди леса дорога, размеренный стук, город издалека, много старинных книг ровными рядами. Кто это был? Бест Наверняка. Мурена приоткрыла глаз и увидела рядом его круглое колено. Её всегда поражала эта его способность, будучи по природе ненавязчивым, а часто и неуловимым, оказываться рядом с новичками первым, а ещё со всякими ранеными и убогими, вроде того, что она представляла собой сейчас. Вот же, остальные заняты, нашли пещеру и расширяют её, он здесь...

В следующий раз, приоткрыв глаза, Мурена увидела беседующими своего Чёрного Дракона и дроида, прячущихся, отступивших в тень. Дракон косился на неё, указывал носом и шипел

что-то. Дроид высокий, надменный не смотрел вовсе, повернувшись спиной. "2-1 дроид, — подумала Мурена, — странно, они недолюбливают друг друга…" Дроид играл, выпуская из ладони луч в облачные миры, переводил на темноту стены и рисовал им узоры.

— Куда подтолкнуть? — возражал дроид дракону.

Дракон шипел, не расслышать что.

— Нет, — отвечал дроид, — узнать я не могу. И ты не можешь тоже.

Дракон шипел.

— Да, — говорил дроид, — это могу, толкнуть в спину. Но только это. Пусть выберет сначала. Сама.

Надменный дроид обернулся к Мурене, встретился с ней взглядом, усмехнулся и исчез. Дракон улёгся на землю и в землю уставился. Мурена засыпала снова.

Свет разлился перед закрытыми веками. "Что это? Неужели дракон вытащил меня из пещеры, зачем?" Не похоже, слишком яркий свет. "Бест, это ты? Ты выменял фонарик?" Он давно хотел фонарик, Впечатление о нём имел, а самого не имел. Мурена открыла глаза. "Бест?.."

Прямо перед ней сияло совершенно другое лицо, излучающее силу и умиротворённое одновременно. Царь-на-Троне... Воплощённое совершенство.

Несмотря на свою авантюрную жизнь, ловкая и везучая, Мурена видела его только раз, юной изгнанницей, запутавшись в водорослях, пропадая в Великом Море. С тех пор никогда. "Какое красивое лицо... Какое поразительно красивое лицо!.." Взгляд Дарующего-Силы, Коронованного, Царя-на-Троне снисходительный и сосредоточенный, как будто, да так оно и есть, на всём белом свете кроме неё, Мурены, для него не существует даже пылинки бытия. Дроид спасения. Безукоризненная, покоряющая красота. Одна складка сосредоточенности между бровей. И вдохнув его беспредельную силу, она поняла всё разом: Невзошедший может быть только в Морском Гиганте, никак иначе! А, главное — он жив, он существует!

Видение дроида исчезло. Великолепно! Она уходит в Великое Море! В самую глубину. К хищникам и теням. Великолепно! "Всё остальное — дело техники. И удачи. Я ухожу. Бест, ты и в этом оказался прав, я ухожу в море! И насчёт моих шансов тоже... Какое красивое лицо! По крайней мере, ещё один раз в жизни я увижу нечто прекрасное. И скорее там, чем здесь…"

После своего ностальгического купания, в расстроенных чувствах, Бест перепоручил-таки Селену ей. Сама, будучи бродяжкой, Мурена не повела девушку обратно в пещеры, брезгуя новым скандалом, а кочевала с ней на драконах в бездонности неба, порой на земле, среди своих личных тайников. Селена с поразительным упрямством избегала новых Впечатлений, довольствуясь минимумом, утоляя жажду из хаоса мелководья или лёгких дождей, сразу запивала их Чистой Водой забвения и никогда не пересказывала. Так что, сначала говорила одна Мурена, рассказывала про изгнанническую их жизнь, но наткнувшись на полное, несомненное безразличие, замолчала тоже. Однако они не поссорились и не разлетелись в разные стороны. Им нравилось кочевать вместе, спускаться к морю, нырять. У Мурены был опыт, у Селены нюх на опасность, не на опасность даже, а на чужое присутствие. И потрясающая личная история, рассказанная ровно до половины, до момента утраты, которая задела Мурену своей красотой, какой-то незнакомой ей сдержанной страстью.

Приняв окончательное решение, Мурена вспомнила вдруг о редком свойстве своей подруги: быть совершенно чистой, не только от накопленных впечатлений, но и от памяти о них. Свойство равнозначное огромной силе в глубинах Великого Моря. Вспомнила и получила ощутимый укол совести. "Не использовать новеньких". "Ах, Бест, ты прав. Конечно, ты прав, как

всегда". И такие отмазы, типа: какая он новенькая?.. И когда новенький перестаёт быть таковым?.. Они не катили. "А сколько ты успела передать ей, — спросила совесть голосом Беста, — общих, всей группой накопленных знаний? Сколько ты проявила терпения?" "Я расскажу, я по правде всё расскажу, куда зову её. Да и как иначе?" Почему-то она знала сразу, заранее, что Селена согласится. И та согласилась, без размышлений.

— Во-первых, — загибала пальцы Мурена, — я предлагаю тебе очень опасную прогулку. Во-вторых, я нарушаю конвенцию...

Селена понятливо и согласно опускала веки. В отличие от Индиго, незнакомые слова её не интересовали. Нарушаешь, так нарушаешь. Конвенцию, так конвенцию. Теперь, после своего кризиса, Мурена куда лучше понимала многообразие чужих душевных состояний и бросила приставать с уточняющими: ясно?

— В-третьих, нам надо потренироваться. Пару дней на мелководье. Как общаться, понимать друг друга, и вообще.

— Не надо, — ответила Селена.

— Правда? С тобой разговаривать, как с дроидом!

— Потренируемся в дороге. Подозреваю, на глубине всё иначе. И проще.

А уж что Мурена не любила, это ждать. В дороге, так в дороге.

— Используем течение, в котором догнали тебя, с водоворотом, — предложила Мурена, — теперь спрыгнем поближе к нему. Чтобы близко к поверхности, среди хищной мелюзги-теней долго не плыть. Лучше уж сразу!

Селена кивнула. Темнеющее небо над ними между размытыми пятнами облаков источало необычайный зеленоватый свет. Он окрасил белые драконьи тела и отражался от них. Зловеще. "С Бестом не попрощалась... Мурена, ты поганка. Неблагодарная. Ладно, постараюсь вернуться живой. В знак раскаянья..."

— Здесь, — Мурена вгляделась в морские волны, поменявшие цвет. — Готова? Прыгаем!

Они одинаково взмахнули руками, как крыльями, и ушли под воду.

Селена, чистый изгнанник, невольная хищница, под водой оказалась невидима почти. Она плыла вперёд только ногами, раскинув руки свободно, обнимаясь с океаном. Хаос Свободных Впечатлений беспрепятственно входил в её тело и выходил, оставляя то бирюзовый, то золотистый длинный шлейф, подобный всполохам северного сияния. Чьи-то круглые, вращающиеся глаза воззрились на этот шлейф из глубины, но не заметили его хозяйку.

Мурена подплыла к ней, извиваясь в движении, поймала за руку и попыталась направить мысль к руке, как удаляемое Впечатление к Огненному Кругу. "Направо, поворачиваем направо". Селена остановилась, задумалась и повернула направо. "Отлично!" — подумала Мурена. — Работает!.. Но что-то не то... Хаос Свободных Впечатлений кусался, грыз её, стремился добраться... До чего? О, какое безумие! Она, скрытная зверушка, никому, ни Селене, ни самой себе не рассказала вслух то, судьбоносное Впечатление! Сейчас она забудет! Ненормальная! Как можно забыть о самом главном! А смыть его?.. Забыла и смыть! Она в Великом Море! Видимая, светлые дроиды! "Всплываем, — сжала она руку Селены, — немедленно!" Та удивилась, кивнула, поняла. Но было уже поздно.

Опасливо обогнув многоцветный, переливчатый шлейф за спиной Селены морской хищник увидел добычу. Мощный торс на извивающемся круглом хвосте, толстые мускулистые лапы с когтями. Прозрачная голова, пасть от уха до уха. А внутри головы вращается единственный красный глаз. Вращался, пока не остановился на Мурене.

Он мог бы проглотить и целиком, так делают тени-ловушки. Но он был хищником сам, сам

и похитил. Его интересовали части: большие, связные Впечатления, попадающие так редко и так ненадолго в Великое Море, вкусные, сладкие, интересные и пригодные для создания сильных теней, из которых и лепят хищники себе новое тело. Видел ли красный глаз Впечатление о Невзошедшем? Нет, ощущал, что оно есть. Мурену — определённо видел. Отпуская её руку, Селена успела крикнуть в уме: "Выброси! Отдай!.." "Ни за что!.." — ответила Мурена уже самой себе. Когти чудовища загорелись, выросли втрое, течение повлекло её к ним, загребающим воду. Лапа с множеством локтей обхватила поперёк, и второй раз в жизни Мурена ощутила, как холодеет, сжимается Огненный Круг сердца, замедляет движение. Когти горели, царапали искрами. Её Чёрный Дракон, слишком маленький для моря, пытался замкнуться в круг на груди хищника и не мог. А зачем вокруг? Затем, что, вот же тебе, Мурена, Огненный Круг у него, как и у тебя, — был! Дракон рванул чешуйчатый торс зубами. Разворачиваясь, одной лапой хищник отбросил его, не ослабляя хватку. Широкая мелкозубая пасть, глотка уходит в пространство небытия. Мурене стало холодно и безразлично.

Лапа разжалась. Там, за его гримасой, над прозрачной головой зависла Селена, сосредоточенная и безмятежная, как на земле. Обхватила ногами грубую шею, наклонилась, взяла, повернула к себе огромный глаз, заглянула в него с интересом... И выбросила вон! Чудовище с резким, невыносимым воем, кувырнулось на неё, через спину и ушло в глубину. Мурена была свободна. Глаз тоже. Он был тенью. Словно того и ждал, красный глаз выпустил перепончатые плавники по сторонам и устремился, напротив, к поверхности.

Ожив, Мурена стремительно вылетела из воды, и подруга за ней, как два дельфина. Через мгновение они сидели уже на своих драконах. Селена, как ни в чём не бывало, спросила, отжимая волосы:

— Зачем надо было всплывать?

— Я забыла кое-что важное... — пролепетала Мурена.

— Где забыла? Мы возвращаемся?

— Нет, сделать забыла... Ты спасла мне жизнь.

— На то мы и вместе. Чем ты так засветилась?

"Это потрясающе, это совершенно невероятно..." — думала Мурена, глядя на невозмутимую девушку.

— Расскажу. Тут неподалёку Синие Скалы. Побудем на них недолго? И я расскажу.

— Ладно, — отозвалась Селена, как всегда легко и бесстрастно.

— Послушай, как бы спросить... Ты совсем не испугалась?

— Испугалась? Мне было немного жаль... Но глаз, это только тень, Чудовище новый сделает... Нет, чего бояться? Смерти? Хищник — само море, просто море, стихия, он, по сравнению...

И она замолчала.

— Когда вернёмся, ты расскажешь мне свою историю? Всю целиком? — спросила Мурена.

— А ты хочешь услышать, после чего изгнанница не боится Морских Чудовищ?

— Хочу.

Селена задумалась.

— Если вернёмся — да.

— Договорились!

Синие Скалы, белёсые, лазурные к вершине, ультрамариновые к основанию — единственная твердь, помимо континента Морская Звезда. Две девушки сидели на уступе, как две маленькие птички. Мурена рассказывала, всё вперемешку, и про Заснеженную Степь на дне Великого Моря, и про рынок, на котором выменяла Впечатление. О дроиде спасения, прекраснейшем дроиде, который для одного существа оказался самым бессердечным в мире. А

когда дошла до света, удаляющегося в снегопад, почувствовала, что ей легче петь, чем говорить, словно звать дракона из поднебесья. Пение, зов наполнил её Огненный Круг и перелился наружу. Следом потеряли значение и слова. Она пела на своём каком-то, несуществующем языке, про беспредельное одиночество, про уходящий свет и снежинки, которые всё крупней, всё чаще, и не видно уже Коронованного за ними, дроида третьей расы. Селена молчала. Приближалась заря.

— Всё, — сказала Мурена, очнувшись, — теперь я не забуду.

— Это сделало нас уязвимей, — отозвалась Селена, не упрёкая, констатируя факт.

— Да. Но тут без вариантов.

В глазах Селены переливались отсветы утренних облаков. Перламутровые на сером.

— Мне... Стало интересно... — Задумчиво, раздельно, как дроид, проговорила она.

— Что с ним сделалось, — подумала Мурена вслух, — с этим хищником?..

— Не знаю... Плавает, как и раньше. Тебя ищет. Только на ощупь или на звук. Может, наловил коротких Впечатлений и предусмотрительно налепил много маленьких, красненьких теней-глаз...

— Фу!.. — Мурену передёрнуло. — Нырнём подальше оттуда.

Она задумалась, припоминая.

— А давай прямо здесь. Под Синими Скалами внизу необычная штука: из скалы вытекает огонь и превращается в металлические фигурки. Дальше окаменевший лес. Он такой густой, что морской хищник, вроде того, что ты ослепила, в него не протиснется. Проплывём на запад, окажемся у края воронки, только с другой стороны.

И она вопросительно взглянула на Селену. Та кивнула. Не поднимаясь на ноги, они соскользнули вниз, в барашки утренних волн.

Непривычно тёплая вода, чем глубже, тем теплее. "Смотри". Оранжево-красный поток дугой извергался из большой, как овраг, вертикальной трещины в тёмно-синей скале. Рядом с ним не кусались Свободные Впечатления моря, утихали, растворялись в его тепле. Он и не смывал и не привносил ничего от себя во внезапно успокоившийся ум Мурены. Огненный Круг вращался легко и свободно. "Если б не хищники, здесь бы жить..." — подумалось ей. Селена обогнула пылающий поток, заглянула в расщелину и исчезла в ней! Не успела Мурена обеспокоиться, как та выплыла обратно: "Дальше?" Они развернулись и направились к темнеющим вдалеке подводным холмам, крутым, сверху донизу покрытым каменным, древним лесом. Перекрученные, покорёженные стволы, мощные ветви, отбеленные до цвета слоновой кости, иные — до абрикосово-рассветной белизны, некоторые — словно в инее. Под стать им извивались между оголённых корней тени подводных змей, с фосфорицирующим узором на спине, возникшие или созданные миллионы лет назад, смертоносные каждой своей частью, не нападающие ни на кого, просто, тени прошлого. Девушки не столько плыли, сколько пробирались с дерева на дерево между ветвей. Но не пожалели о выбранном маршруте, лес того стоил. Тени гигантских бабочек, еще более древние, чем змеи, раскрывали и складывали обратно бирюзовые крылья, сидя на тонких ветвях, безопасные совершенно, не нужные хищникам. Одна бабочка медленно, непрерывно превращалась в бархатно-чёрный цветок, подобный ирису, и обратно: с жёлтых тычинок-усиков, до крыльев-лепестков. На неё любовались долго... И всё время, словно она смотрела сквозь мираж, Мурена внутренним зрением видела, что стоит над заснеженной равниной, и снег валит. Великое Море делает Впечатление иллюзией реальности, пока не растворит до конца... Лес стал редеть. Мурена обернулась к нему и простилась, как с другом, может быть, навсегда.

Мимо отдельно стоящих деревьев, широко раскинувших кроны, течение начинало относить девушек, закручиваясь влево. Вынесло из леса прочь. Холмы пропали, внизу открывалась бездна. Их кружило всё быстрее... Уже волчком! И — раз!.. Выбросило в неподвижные воды. Такие синие! Мурена перевернулась на спину, раскинула руки и ноги, отходя от кружения, летя в глубине сапфира, густо-синего, как глаза Белого Дракона, ездового дракона Беста... "Как в глазах твоего дракона, Бест, вот в каком море я была..."

Селена тронула её руку. Вверх-вниз изгибаясь, плоский огромный зверь приближался к ним, уходя в ещё большую глубину, зависал, перебирая плавниками. Без Огненного Круга в теле. С двумя лимонными лунами глаз, блюдцами на тоненьких ножках по сторонам головы. Между ними тысяча тонких щупалец, обрамляющих рот, вылетают, вытягиваются струной, ловят что-то незримое, убираются... "Ой, какая гадость!.." — подумала Мурена и сжала Селенину руку. Та, невозмутимая, смотрела на приближающегося монстра без отвращения, спокойно, пристально. "Это не хищник, — подумала она, сжимая руку в ответ. — Это орудие хищника. И ему нечем останавливать Огненный Круг... Плыви мне за спину. Заходим!" "Нет! — безмолвно возопила Мурена. — Зачем?!" "Так проще. И мимо других, и в нужном направлении". "Нет! Гадость!.." Но два глаза-блюдца уже качались перед ними... Подруги ринулись сквозь склизкую извивающуюся чащу в мертвенно-синие раскрытые губы.

"Раз и два, раз и два, я схватил их..." Гул от смотрящей тени, одной из теней гигантского тела, эхом гулял в его чреве, под сводами тонких стеклянных рёбер. Там не оказалось воды, чтобы не размывать Впечатления пойманных жертв, донести целыми.

— Крутой монстр, — флегматично заметила Селена. — Не живой даже, а до двух считать умеет.

Мурену бил озноб. Такого она ещё не вытворяла...

— Ты можешь управлять им, как тем крокодилом?

— Не знаю, наверное. А зачем? Ясно, что он принесёт нас к кому-то больше себя, а нам и надо к кому-то побольше. Так ведь? Главное вовремя выскочить.

"Как зачем?! Как зачем?! Чтобы вырваться на поверхность, где дневной свет, где ждут драконы, белые, как облака... с сапфировыми глазами... Что на меня нашло?" Мурена устыдилась минутной слабости.

— Я... просто так спросила. Как убегать будем, если что.

Селена улыбнулась, первый раз на её памяти.

— Вы все чуть-чуть другие.

Монстр вздохнул, изогнулся и круче стал уходить в глубину.

— Да, ты не такая, — согласилась Мурена. — Но я думала, это только грусть, и она пройдёт. Но ты не боишься смерти, а это уже не грусть. Шрам от раскаянья? От разлуки?

Селена покачала головой.

— Холодно. Мы ещё не вернулись, правда? И лучше бы оно... умерло, утонуло со мной. На дне океана таким воспоминаниям самое место... Но если вернёмся, я расскажу. Ты всё равно не отстанешь.

— А как думаешь, — Мурена сменила тему, — у нас есть ещё путь назад? Ну, скажи, как человек, который ничего не боится, у тебя должна быть редкостная интуиция.

Селена улыбнулась снова, но не своим мыслям, а своей подруге.

— Поход будет удачным.

— Спасибо! Ты хочешь спать? Я хочу.

— Я нет. Разбужу тебя.

Селена маленькой статуэткой, скрестив ноги, сидела над спящей черноволосой девушкой. Сквозь стеклянные рёбра плавучей ловушки она наблюдала только синюю глубину, изредка — далёкие огоньки.

Будучи похищенной из пещер, Селена тогда, глотнув тягостного морского тумана, из одного Впечатления солнца и одного, чужеродного ему, Свободного Впечатления создала неосознанно тень-проходящую-насквозь. Впервые… Так бывает. Чаще всего именно так и бывает: невольно, от ужаса, жаром Огненного Круга. И приобрела неизбежно в тот же момент, силу Морского Чудовища, которая позволяет не только разбирать тени, но и разбивать, и удерживать в руке… Потому её кожа и глаза светились перламутром. Селена не заметила и не сохранила, уничтожила первыми глотками Чистой Воды забвения эту присущую тень. Горечь её тоски застила окружающий мир. Сотворила, не заметив того. Смыла, не обратив внимания. Мурена нашла себе исключительную компаньонку… Через недолгое время она открыла глаза, потёрла их, потянулась и начала приставать с вопросами:

— Как же мы глубоко! Селена, а те впечатления, что ты выпила на Общей Встрече, тоже смыла? Или они не делают тебя видимой?

— Не-а. Они не мешают мне.

— Но как это может быть?

— Правда, не знаю. Лелий гениален. Я так удивилась, узнав, что не он у вас за главного.

Селена помолчала, выражение её лица смягчилось, но морщинка пролегла между бровями. И она добавила, задумчиво:

— Хотя, конечно... Зачем, ненадолго если?.. Он ведь такой старый, скоро уйдёт. Наверно, ушёл уже...

— Что?! — глаза Мурены расширились, — С чего ты взяла?

Перед её внутренним взором предстал Лелий, с его овалом кроткого лица, юношеской грацией движений, копной соломенных волос до колен, всегда завязанных узлом. Даже в воспоминании он излучал поддержку и тепло. Селена ответила:

— Как, с чего? Его Огненный Круг. Совсем-совсем медленный, остановившийся почти.

Мурена снова взглянула в свою память. Плотная куртка, застёгнутая на ряд круглых медных пуговиц до ямочки на шее. Да и в теле Огненный Круг не виден почти, если всё хорошо.

— Когда ты увидела это? Подожди, тебя нашёл Лелий, а не Бест, верно?

— Да, Мурена. Спас меня. Тогда и видела.

Селена откинулась назад, устремив взгляд в пространство.

— Мне ведь было всё равно тогда... Я летела в мир хищника... Не приставай с уточнениями! Мне настолько всё равно было... А тут появился Лелий и позвал меня в свой.

Мурена решила, что ей послышалось.

— Что ты сказала?

— Он такой добрый...

— Нет, что ты сказала? В свой мир?!

— Ну да.

— Невероятно!!!

— Почему? Потому что я хищница? Да, невероятно. Тем более что он, по-видимому, знал это. Там, внутри Собственного Мира, нет Огненного Круга в груди. Наверное, сам мир и есть этот круг. Но на входе он виден вполне отчётливо, и на выходе тоже...

"Не может быть! Невероятно! Лелий — хозяин!!! Не изгнанник, чистый хозяин Собственного Мира!.. И никто, никто из них не знал... А эта девочка, эта хищница побывала гостьей в чужом Собственном Мире!"

— Я ничего не испортила там, — добавила Селена поспешно. — Ты не думай. Он только

спрятал меня на время, дал отдышаться. Потом набрал воды, и мы вышли.

"Так вот почему он всегда был так безошибочен... Ни одного пустого или злого Впечатления, принесённого в пещеры! Когда трогаешь, кажется одно, а дальше — другие слои. Он не искал их под тучами, он прямо знал, что берёт!"

— Как он выглядит, Селена, облачный мир изнутри?

— Прекрасно... Как что-то большое и хрупкое. Нежно-хрупкое, податливое, открытое. Тем более хрупкое, что очень большое. Там были ручейки... Ивы. Солнце грело. Шалашик какой-то из веток. Я ни к чему не прикоснулась там!

"Так вот откуда его дружба с дроидами 2-1! Их помощь, судя по всему, не прекращается с завершением Собственного Мира, после этого отдаляются только дроиды 2-2, они сделали свою работу. Но Лелий... Зачем? — мысли Мурены приняли новый оборот, она сопоставила известное и похолодела. — Стоп… Сколько живут изгнанники? Несколько тысячелетий? Если не ныряют в Великое Море, ха-ха... А хозяева? Определённо больше. Не знаю насколько, но больше. Многообразие Впечатлений, проливающееся из туч, собрано невесть когда. Мы видим только старое, очень древнее. Ближайшее — никогда. Значит, вне своего мира он проживает срок изгнанника... Но зачем?! Лелий большую часть времени провёл рядом с нами. Зачем? И поначалу, когда мы ещё не разговаривали, не доверяли друг другу, возле первых костров... Он был рядом, как равный. Почему? Если это чистая, чистая доброта, чем он мог помочь дуракам, по большому счёту?.."

— Селена... Ты поразила меня в самое сердце. Лелий. Мы, как слепые были, честное слово!.. Но, как ты считаешь, зачем? Ты недавно на континенте, но можешь мне верить: ни поучений, ни провокаций, ни пристрастия к торговле на рынках за Лелием не замечали. Так, болтовня, да маленькие подарки, сюрпризы, редкости... Для чего ему быть с нами? Зачем?

— Да ни зачем, — сразу ответила Селена. — Я так думаю, он просто любит людей, а хозяева — большие буки, прячутся, не собираются вместе, совсем из миров не выходят. Если выходят, то хищники. Вот Индиго любит дроидов, помешан на дроидах, а Лелий — людей.

И замолчала. Мурена тоже. Она поневоле начала вспоминать, вспоминать, вспоминать... Каждый эпизод представал в другом свете, многозначительном. "Слепые, вообще!.." "Старый? Он такой старый уже... Селена?"

Глава 8.

Глава 8.

Тем временем, плавучая ловушка приближалась к пункту своего назначения. Сапфировые глубины вокруг уходили в густой фиолетовый мрак. Угрожающие, таинственные купола медуз-теней поднимались из него к поверхности за добычей, которая будет на месте разорвана ими до первоначальных Впечатлений, которые увеличат их прозрачные тела и так достанутся к морскому хищнику, не Впечатлениями, но уже тенями, сырьём для ещё больших. Селена, не глядя наружу, прислушалась к чему-то в себе и резко бросила:

— Пора уходить!

— Но как? Обратно, через пасть?

— Ай, нет!

Селена встала вплотную к стеклянному ребру, прислонилась лбом к нему. В своём уме она услышала резкий "дзинь!" и вышла в фиолетовую бездну. Мурена последовала за ней. Со всей возможной скоростью они устремились прочь, не обнаружили преследования и замедлились немного. С удивлением, Мурена отметила, что всё это время они плыли вдоль ровной тёмно-синей скалы. "Основание Синих Скал? Какая же высота у них? Немыслимая. Странно... Самые высокие скалы стоят на дне самой глубокой впадины. Это не просто так. Должна быть причина…"

И тут они увидели сначала в сиянии, вдалеке, одно из великих Морских Чудовищ — Женщину в Красном. В красном платье. Она может казаться обычной, или огромной. Она плывёт, как будто умерла или крепко спит, раскинув руки, распустив медно-рыжие волосы. А её огромную красную юбку, алую, пурпурную, многослойную, с атласными лентами носят течения, развевают волны. Коснись только краешка, она тебя схватит, это мир-рынок, и ленты: товар на входе. Если заглядишься, запутаешься в складках её платья, блуждай в них до тех пор, пока не блеснёт лучик солнца, из двери в её Собственный Мир. К тому времени заплутавший странник настолько измучен без связных Впечатлений, погибая от жажды, от острой и кислой морской воды... что легче согласиться и зайти. Есть легенда, будто один сбежал из мира Женщины в Красном. И рассказал. Там горит вечный красный закат. Сосны. Зелёный, красный, розовый мох под ними. На нём же: вереск, алые маленькие цветы, волчьи ягоды на кустах, брусника. И похищенных она превращает в это, коллекционирует красный цвет...

Мурена задержала подругу, чтобы та не вздумала проявлять лишнее любопытство. "Там не может быть никого, кроме самой хозяйки... Держись подальше. Это чужой мир, мир хищницы. Я знаю". Селена кивнула. Но они ещё долго любовались на всполохи красного, на багровые зарницы, пока та совсем не уплыла.

" Почему ты вытащила нас? " — подумала Мурена. " Потому что он совсем рядом, пославший ловушку". — "Где?" — "Не вижу. Сделаем круг?" Тревожно оглядываясь, всматриваясь в фиолетовую темень, прислушиваясь к непередаваемым звукам глубины, они начали удаляться от основания синих скал. Вон, вдали, то чудовище, покинутое ими. Оно бьётся как-то странно, словно, протискиваясь. Куда? Вокруг только море. Девушки шарахнулись от огромной голубой медузы в сторону, а когда вернулись, монстр уже исчез. Ещё медленней они поплыли к тому месту, где это случилось. Там, тонкая, как волос, бесконечная в обе стороны светилась горизонтальная зубчатая черта. Вот она превратилась в две параллельные... Вот они начали расходиться!.. "Бежать!" Но куда?! Челюсти, сияющие сквозь фиолетовый мрак,

загнутые внутрь зубы... Вправо и влево, до бесконечности. Позади скала, стена.

"Морской Гигант... — сказала себе Мурена. — Ты искала его? Заходи. Гигантский клубок теней, потоков, Впечатлений. Хищников, наверняка. Сколько ты проживёшь в нём? Кого успеешь найти?" Селена тащила её в сторону и трясла за плечи. Указывала пальцем. Из-за верхних клыков пробивался тоненький луч света! Это тоже чужой мир, мир хищника, не входить!

От скалы над ними отделилась пятнистая тень. Зыркнула. Щёлкнула клювом. Защёлкала им часто-часто... И щупальца с присосками обвили Мурену с ног до головы!.. Селена снова осталась незамеченной. Чёрный Дракон Мурены связал собой крючковатый, нависающий над ней клюв, большее, что он мог сделать. Эти щупальца раздавили бы её в мгновение ока, но они сжимались медленно, как тоска, как исподволь подступающее отчаянье. Прежде, чем остановится Огненный Круг, этот клюв хотел узнать, нет ли чего внутри, что можно добыть только из живого тела... "Мурена, тебе не вернуться на белый свет..."

Что это? Перед ней, на раме из острых зубов, на раме Собственного Мира стоял угольно-чёрный человеческий силуэт. Протянул руку. Лассо распространилось из неё, обвилось и потащило к входу. Щупальца разлетелись в стороны, кроме одного на щиколотке. Широким, церемониальным жестом хозяин предлагал ей зайти... " Как холодно в сердце..." В это время Чёрный Дракон сумел разжать клюв чудовища. И скользнул внутрь. У этого монстра тоже был Огненный Круг. Дракон обвил его всем телом, выпустив когти, сдавил… Последнее щупальце отпустило Мурену. Клюв защёлкал, защебетал, изверг дроида, и круглая голова рванула прочь от опасной добычи. На линии острых зубов чёрный хозяин высунулся, огляделся и ушёл, стал невидим за рамой.

Селена обняла подругу, прислонилась лбом ко лбу и стала разговаривать, медленно всплывая вместе с ней. " Ты как? Тебе надо согреться. Отступим на время, поднимемся в каменный лес..." — "Почему он ушёл, Селена? " — " А о чём ты думала в тот момент?" — "Ни о чём, о словах дроида, силе Впечатлений, способной защитить в Великом Море". — "Он принял тебя, за чужой мир, решил, что ошибся. И ушёл. Я так же видела тебя: дверь, красный клёник у двери..." — "Что за бред, это и не моё Впечатление даже, это мне Бест рассказывал... И что нам дальше делать?"

А дальше он вернулся. Выяснить, что за новый хищник завёлся в его море.

Обнявшись в безмолвном разговоре, девушки, замерев, увидели Морского Гиганта из самой бездны летящего на них. Увидели целиком. Отчётливо, потому что он, подобно Белому Дракону, проявлялся в движении. Цветом, как грозовая туча, с очертаниями акулы. Весь в серых пятнах. Хвостовой плавник — наконечник стрелы. По бокам туловища две белые полосы взмывают к глазам, обводя их снизу, по складкам ощеренной пасти. Он был даже прекрасен, до жути. Ни сколько не замедляя ход, Морской Гигант открыл жабры и выпустил стаю за стаей серебристых рыб, сразу обогнавших его, слившихся в одну тучу. "Бежать!.."

Селена устремилась вертикально вверх, Мурена тоже, крутясь спиралью. Она заметила восходящий поток и стала забирать вправо. Чёрный Дракон потерялся в серебристой стае, настигшей их через несколько мгновений. "Беззубые?.. Странно. Ничего не разобрать за ними. Только вверх! Хоть бы небо увидеть напоследок!.. Какие забавные рыбки..." Они не нападали, не кусались, смотрели умными маленькими глазками. "Что за тень, эти рыбки? Как звучит, чего хочет?" Наугад выставляя руку, в стремительном восхождении Мурена пыталась поймать одну, и не могла. Ещё раз, ещё… Дохлый номер. И вдруг в её ладонь сама легла малюсенькая серебристая рыбка. Тишина. "Артефакт? Невероятно!.." Из артефакта заструилась тень, окружила его, превратила в жемчужинку, холодный перламутровый шарик, тень с голосом низким и властным произнесла: "Стой!.. Остановись!.." — "Так вот, что ты такое! Ага, прямо

сейчас остановлюсь!.."

Насколько могла Мурена ещё ускорилась. Давно внизу осталась фиолетовая бездна, и сапфировую толщу они миновали, и великолепие её смертельно опасных медуз. Над головой сине— зелёную воду уже просвечивали разноцветные блики... Последний рывок! Девушки вылетели на поверхность, попав в затерянную среди океана полоску тумана дроидов, навстречу уходящей ночи, сквозь серебристую стаю, вместе с ней.

И через одно мгновение прямо перед ними из опадающей волны вылетел по пояс их преследователь. Юноша иссиня-чёрный, широкоплечий, чуть не вдвое крупней любого изгнанника. Длинные волосы завязаны пучком. Гнев, смешанный с азартом в сведённых бровях. На поверхности все рыбки разом превратились в жемчужинки, холодные, невесомые. Перламутровое озеро, разбиваемое слабыми волнами. Они скатывались с его волос, по чёрным плечам, по груди, бросая на эбеновую кожу голубоватые блики.

— Почему ты не остановилась? — спросил он Мурену, ещё больше нахмурившись, изумлённо и требовательно.

На такое не сразу найдёшь ответ...

— А должна была? — выдохнула она.

— Я сказал.

У Мурены не нашлось совсем ни одного слова...

— И почему ты не зашла в мой мир?

"О, ну это уже слишком!.."

— Мне не понравилось приглашение!

— Чем? — он не иронизировал.

— Чем?!

— Да. Этот Враг, он мог придушить тебя. Но ты всё равно не зашла. Почему?

Мурена уже готова была высказать всё по поводу таких ультимативных приглашений, когда Селена, тронув её за плечо, выплыла из-за спины и сказала мягко:

— Это был не его монстр? Понимаешь?

— Кто ты?! Я тебя не заметил...

Юноша вздрогнул, последняя жемчужина скатилась по чёрной груди. Селена поймала её. "Стой... — повторила она вслух слова, заключённые в перламутровый шарик. — Останься рядом... Остановись..." Она смотрела на чёрного великана неотрывно, молча. И он смотрел, не требуя ответа, в глаза, где переливался рассвет, облака, волны и сам он посередине, в зрачке.

— А ты? — спросил он Селену мягко и напевно, словно ветер переменился с северного на южный. — Ты согласна зайти в мой мир?

— Нет! — рявкнула Мурена.

— Почему? — Селена держала парня за руку.

Похоже, что навсегда...

— Нет! Поговорим на берегу, прошу тебя!

Селена кивнула. Они обе позвали своих драконов, вскарабкались из воды на них. Мурена спросила парня:

— Ты переносишь огонь?

— Я? Конечно.

— Отлично. Нам нужен костёр. Мы летим, ты плывёшь вон в ту сторону.

Она указала в направлении северного мыса Морской Звезды.

— И я полечу.

Он лёг на воду, исторгнув из своей груди эхом раскатившуюся песню, зов. Белый Дракон тугим клубком пал с неба и развернулся на самой поверхностью. Белый змей с рогами. "Вот же

вам... Ну и дела. А над континентом его не видали... Скорее к костру…" Лютый холод остался в груди от Великого Моря, от того, что была на краю...

"Что ж это я, ни веточки, ни одной коряги из леса не захватила... — бормотала Мурена с обращённым на себя сарказмом, пряча искру в опустевший тайник. — Спешила, наверное, очень. Было не по пути... Искала кого— то зачем-то..." Оказавшись в компании двух влюблённых хищников, она несколько растерялась. Результат похода превзошёл все ожидания, но и разочаровал одновременно. А случись что с Селеной, нет ей прощения. Уже случилось.

Костерок получился маленький, но весёлый. Открытые воды не видны с северного мыса. Его целиком окружает Туманное Море дроидов. Высокое зелёное пламя, на просвет — разноцветные огоньки, так хорошо, так знакомо, словно пещеры за спиной. И нормальные люди.

Юноша одним движением опустился на землю возле костра и замер, скрестив ноги. Он вообще не делал лишних движений, перемещался, как волна, огромная волна, угрожающе-плавно. "С чего же начать? С чего бы ты начал, Бест? Селена уйдёт с ним, это очевидно. Её право... Он — Невзошедший? Или хищник, чей мир от тяжести злодеяний опустился под воду, как рынки на землю под тяжестью артефактов. Он — Морское Чудовище. Я сижу напротив человека, который охотился на наших... Будет охотиться".

— Как тебя называть? — спросила Мурена.

Юноша поднял брови, недоумевая.

— Называй, как хочешь.

Хорошее начало.

— Ты охотился на наших! На моих друзей...

Он перебил:

— Охотился?

— Да!

Отрицательно покачал головой.

— Мне хватает Впечатлений. А тени я делаю из теней. Так веселее и проще, из груди вырывать не надо. Я знаю всё море. Выходил и на сушу. Скучную, маленькую сушу. Посылал свои тени с туманом, ловушки, Врагов посылал иногда. Я любопытствовал, а не охотился. Что ты знаешь об охоте? Я приглашал...

— И к тебе заходили?

— Иногда заходили.

— И что с ними стало?

— Не знаю... Они не хотели остаться. Я говорил: "Стой..." И они исчезали. А рыбки появлялись. Мои рыбки-стой...

"О нет! — перед глазами Мурены заволновалось снова жемчужное озеро посреди Великого Моря. — И каждая из них была когда-то... Все они были похищенными людьми! Эти маленькие артефакты с одной говорящей тенью..." Мурена сжала кулаки. "Успокойся. Он совершенно невинен. Очевидно, он не имел помощи дроидов, не видел ничего, кроме моря. Он не понимает того, что делал, не знает, о чём говорит. Успокойся..."

— Ясно, — Мурена провела рукой по лбу. — А тебе что... Что ты хотел спросить?

— Почему вы не заходите? Или бежите?

— Да потому! Извини… Как объяснить сразу?..

— В ваших глазах я больше похож на Морского Монстра, на Врага, чем на вас самих?

— Ну... А зачем тебе гости?

"Неужели он не знает даже двух основных законов? Или все-таки знает и хотел, чтобы те

ему что-то создали?"

— Просто так. Мне не нравится, слишком тихо. Мне не нравится там одному. Море снаружи, море внутри, безмолвное. Правда, есть ещё мир брата. Но и он давно опустел.

"Ты тот, кого я искала!.."

— Ты можешь заходить в ещё один мир? Невероятно! Твой брат... Что с ним стало? Он тоже превратился в рыбку-стой?!

— Да. Откуда ты знаешь?

Селена, видя её замешательство, села ближе и предложила:

— Я расскажу ему. Как сумею. Большую часть.

Мурена взглянула с отчаяньем.

— Ты зайдёшь и превратишься в рыбку-стой...

— Нет. Я не стану бежать. Некуда. Незачем.

"Да хоть бы и в рыбку... " — добавила она про себя.

Они обе поднялись на ноги.

— Мурена, я очень люблю тебя. Ты стала мне первым другом. Давай сейчас попрощаемся. Обещаю, встретимся здесь. Я принесу веток из каменного леса. Я объясню ему, и в следующий раз вы сможете говорить на равных. Хорошо?

Зелёный костёр догорел, а розовый рассвет захватил всё небо. Мурена обняла её, погладила по распущенным волосам.

— Ладно. Ты очень сильная. И я верю тебе.

Что-то в голосе Мурены заставило погрустнеть взгляд подруги, удержало её.

— Мурена!.. Я не хищница! Я не сделаю хуже для вас. Мы должны верить друг другу... Бест прав.

— Он всю дорогу прав... Не хотела тебя обидеть.

На том расстались, Мурена ушла первой.

По северному мысу континента Морская Звезда Мурена отправилась домой, в пещеры, к основанию мыса юго-западного. Пешком. Надеясь собраться с мыслями в дороге. Или отсрочить... Что? Неприятный разговор? Признание своей неправоты: очевидно, кроме огромных сложных теней и простецких, и Морские Чудовища с Огненным Кругом существуют тоже. "Как они стали такими? Хищные изгнанники тысячи лет назад покинувшие небо и землю. Посылают ли они теней, создают ли? Или только хищные хозяева могут это? С одним она встретилась… Есть ли другие? Где кончаются легенды и начинается быль? Великое море... Целый мир. Ужасающий, зато огромный и открытый. Если — создают, то создание тени или сама морская вода так уродует тело? Тот огромный глаз монстр нашёл или сделал себе? Селена думает, что сделал. Чем же я отличаюсь? Я не знаю, как сделать. Этим. Но я узнаю... О Бест, неужели когда-нибудь и я взгляну на тебя, пролетающего на драконе из-под воды вращающимся огненным глазом? Какой кошмар. Если ты против такого пути, против совсем, окончательно, бесповоротно, зачем мне возвращаться? Рассказывать то, что никто не желает слышать?"

Мурена шла день за днём, звала и отпускала дракона. Она поднималась к центру материка по высохшим руслам, изрезавшим его весь от середины к краям. Русла широкие и узкие, от глубоких рек и маленьких ручейков, сходящиеся, распадающиеся на рукава, песчаные, каменистые. Желая оглядеться, она поднялась по склону расщелины. Низкая сухая трава с метёлочками, бурая, красновато-жёлтая. Крутой обрыв на подходе к Центральному Рынку.

Среди камней маленький жёлтый цветок с пятью круглыми лепестками. Артефакт. Незнакомый. Недолговечный. Хотела сорвать, передумала, и начала спускаться.

Над Центральным Рынком висели маревом узкие вершины прозрачных и непрозрачных торговых шатров, уходящие в небо, в облачные миры их хозяев. Вокруг него истоптанная красная равнина, без травы, без следов русел. Пересечь рынок невозможно, одна входная рама, призрак, оставшийся от неё, но не утративший своих свойств. Вот растает до конца, исчезнет облачная суть его, останется лишь пространство с шатрами. Собравшись обходить рынок справа, Мурена сделала привал среди круглых, замшелых камней, всегда приятней глазеть сверху.

Пройдено больше половины пути. Ни решимости, ни решений. "Рассказать надо. Это слишком важно для нас..." Она вспомнила массовую истерику по поводу Селены. "Хищница, хищница!.. Друзья, а с кем торговать-то вы ходите? Не спрашиваете, есть ли у них Чёрный Дракон? Нет?.. Спрашиваете, чего у них появилось новенького? Разорались... Цирк и древние звери в нём!.. Нет, публично не расскажу, только Бесту, пусть дальше сам решает".

Два Белых Дракона покружились над рынком и спустились в отдалении. "Что же так идти-то не хочется, до ледяного ужаса прямо? Наверно, остаточное — от глубины, от Свободных Впечатлений, надо смыть их и насквозь прогреться. Полу-образы, полу-мысли, беспокойная муть".

Внезапно она различила в маленькой группе, пересекающей равнину, клетчатую рубашку Беста, и вздрогнула от неожиданности. На рынке? Не частый гость. Идущие рядом с ним болтали, смеялись. Направлялись в её сторону, ко входу в другой маленький рынок. Особо мнительные хозяева создают такие рядом с основным на время, не желая углубляться в бесконечные ряды с их непредсказуемыми группами слоняющихся хищников. Рынки-спутники без рам, открытые во все стороны, доступные Белым Драконам. Бест остановился, его приятели звали Белых Драконов. Махнул на прощанье рукой, что-то крикнул вдогонку. Заметит, не заметит? "Да что со мной? Я боюсь выйти ему навстречу?"

Мурена встала, забралась на валун и свистнула трижды, каждый раз дольше предыдущего, как обычно. Услышал. Спрыгнула вниз и — с обрыва, туда, где скрестив руки на груди, ждал её Бест. Ветреный день. Пыльная одежда. Улыбающийся. Светлый и беззаботный, склонивший голову в лёгком упрёке… Какое невероятное счастье.

Она хотела крикнуть: "Привет! Не представляешь, какую историю я замутила!.." А вместо этого, словив его посерьёзневший взгляд, сказала:

— Знаю. Я вообще никакая... Мне надо согреться.

И боднулась лбом в плечо.

Постом они сидели под капелью, среди огоньков дроидов, в обсидиановых подземельях, она говорила, а Бест слушал. Как перед её уходом, только наоборот. А после они грелись у костра, разведённого сразу днём, и она говорила дальше, а он снова только слушал. Факты закончились, Мурена перешла к версиям, прогнозам, догадкам. Его молчание стало её тяготить и напугало:

— Ну не молчи уже!.. Я что-то забыла сказать? Бест, ты был прав? Ты прав, ты прав!.. Но и я не совсем ошибалась.

— Всё нормально! — он очнулся от задумчивости. — Я должен увидеться с ним. Ты как?

— Мне холодно. Да, в порядке...

— Ты феерическая авантюристка! Я не против новых знаний, пойми. Я против некоторых экспериментов, необратимо меняющих экспериментатора...

— Вещи связанные, не находишь?.. Лелий! — воскликнула Мурена, вспомнив. — Мне надо увидеть его!

— Хорошо бы, не лишне совсем, сам давно не видал.

"Не может быть, — Мурена похолодела. — Не могла она знать так точно..." И осторожно спросила:

— А когда ты видел его в последний раз?

— Да сразу, как ты исчезла. У нас же, в пещерах. Я запомнил, редко бывает, чтобы такая туча и прямо над входом. Он мне флакон какой-то оставил, позвал дракона и в туче исчез. Я его понимаю, шикарная гроза была! Чистые, связные Впечатления, весна, обожаю весну, ивы, ручьи бегут, на ряби солнце играет... Ничего особенного, но так последовательно, волшебно...

— Нет! — крикнула Мурена. — Ничего ты не понимаешь!

И разрыдалась горько. Первый раз повергнув приятеля в шок.

— Ого, — Бест выслушал рассказанное сквозь слёзы. — Это большая потеря. Он был очень важен для нас. Связи с дроидами 2-1 практически без исключений — через него...

Мурена подняла заплаканные глаза:

— Ну, ты даёшь... Не знала, что ты такой. Большая потеря... Связи с дроидами... Бест, да я что угодно бы отдала, чтобы только увидеть его сейчас, только сказать: «Спасибо!»

— Конечно, разумеется!.. Я просто думал на будущее...

— На наше будущее, Бест. Не его уже, только наше...

И ночью горел костёр, Мурена грелась и не могла согреться.

Глава 9.

Глава 9.

Известие, принесённое Муреной, о том, что Лелий был чистым хозяином Собственного Мира, и что теперь его нет на свете, надолго захватило изгнанников. О чём бы ни шла речь, они возвращались к нему, так или иначе. Вспоминали. Вещи, связанные с ним, стали казаться интригующе важными. А интриги в Лелии как раз таки не было никакой. И Бест понимал, это он размышлял: "Мы просто не обращали внимания. Вот, например. Изгнанники, которые только накапливают Впечатления, не вполне властны над ними. Не только вспоминать по своей воле нельзя, но и запрещать им подниматься со дна. Образы всплывают в виде чувств, чувства в виде образов, не распознаются, тяготят, пугают. А Лелий, в отличие от остальных, очень часто освобождался от них почти полностью, но не терял о Впечатлениях памяти и по своему желанию распоряжался ей. Некоторые заметили это его свойство. Удивились его полезности и силе. Тогда он рассказал без утайки, что прежде, в одиночестве, на драконе верхом он пел песни обо всём, что увидел и понял. И так запоминал. Проговаривая. Теперь это все умеют. Или вот ещё. Как освобождаться от одного Впечатления, а не скопом под водопадом обсидиановых подземелий? Посредством чашки Чистой Воды забвения. Надо время, покой. Обнаружить внутри себя и подвести к Огненному Кругу, испарить. И это значит — взглянуть прямо на нежеланное, на мучительное. Есть и другой момент — если желанное, на краткий миг воплощаешь мечту, оно кажется живым, словно в морской воде, но только перед полной утратой. Знали они это? Нет. Лелий научил. Ещё добавил, что можно и без воды забвения, но замедляется Огненный Круг. А сколькому он научил их исподволь? Сколькому меня самого?"

Прощальное Впечатление в синем флаконе Бест не тронул, даже не посмотрел, про что там, оставив до первой Общей Встречи.

Она наступила. Шел сухой сезон, когда спокойно можно гулять до утра по всему континенту, не опасаясь морских туманов и тех, что приходят в тумане. Люди собирались медленно, опаздывающих ждали, темнело. Несколько человек, разбившись на пары, играли в шашки, в "Кто-Тут-Есть". Одна доска имелась, как артефакт, старая-престарая. Остальные игроки чертили на земле квадратики поля. Расставляли камешки. Они играли бы в них, как в обычные шашки, но быстрый ум полудроида, когда известны все обстоятельства, слишком легко просчитывает ходы. Поэтому был добавлен элемент непредсказуемости. У игрока на всё количество шашек приходилось 31 очко. Распределяй, как хочешь. Цифры писали на нижней стороне шашки оранжевым мягким мелком, обломком древнего кирпича. Можешь написать 31 на одной шашке, он тогда нельзя её ставить в задний ряд. Если повезёт, ты съешь все зачётные шашки противника прежде, чем он доберётся до неё. Игру назвали по словам, которые произносят переворачивая трофей: "Кто тут есть?" Азартная игра. И на артефакты играют. Ещё есть один момент: если игрок поставил 31 на единственную шашку, то на любую другую он имеет право поставить ноль — Слепое Око Судьбы. Если противник съел её, игра немедленно заканчивается в твою пользу. Слепое Око Судьбы не может ничего: ходить, есть другие шашки, ничего не может. Так что, если у противника одна из шашек не увиливает и не нападает, когда можно бы, это единственная возможность заподозрить в ней Слепое Око Судьбы.

Так они ждали припозднившихся, восклицая периодически: "Кто тут есть?" Вскрикивая радостно или придумывая замысловатые проклятия. Сонни-сан, неизменно отрешённый, играл в шашки просто фантастически! И он никогда не думал, прежде чем сделать ход, наблюдал за

всеми переменами лица соперника, после чего сам ходил сразу, без паузы. Ни колебаний, ни азарта. Как же это злило! Сейчас он схлестнулся с группой парней, выделявшихся дорогой, кожаной одеждой. Коллекционеры. Они держались несколькими компаниями и нечасто появлялись в пещерах. Сначала выиграл у одного, без ставок играли. Потом у другого — кожаный ремень. Повертел в руках, пожал плечами, отложил в сторону. "Этот дроид когда-нибудь проигрывает?!" — буркнул парень нарочито громким шёпотом. Снова сел играть первый, на тот же ремень, а со своей стороны поставил никому не ведомую штуку, механизм какой-то или часть его, с шестерёнками. Проиграл снова, отдал семь очков и напоролся на Слепое Око Судьбы в первом же своём результативном ходу. Его кулаки сжались. Сонни-сан за все три игры бровью не повёл. От него слышали только напевное, тихое: "Кто тут есть?" Немедленно за его спиной проявился Чёрный Дракон и оскалил клыки. Парень провёл рукой по лицу, выдохнул и отошёл от них.

Мурена, наблюдавшая от своей доски, удовлетворённо хмыкнула. Компания этих парней ей не нравилась. А Сонни-сан она любила какой-то особенной братской любовью, сестринской... Нет, скорее, братской. Бывало, она сама приводила его из подземелий, омытого дочиста, почти беспамятного. И телохранитель Сонни настолько доверял ей, что в этом случае даже не проявлялся.

А вот поинтересоваться, зачем он так делает, что заставляет его избавляться от всех Впечатлений без разбору, ей не приходило в голову. Раз делает, значит надо. Может быть, поэтому ей одной ей одной он и сказал однажды, задумчиво:

— Внутри тела жить плохо, Мурена, так глухо, так пусто... Чем больше Впечатлений, чем больше памяти, тем глуше. Всё превращается в скорлупу, она толще, толще... И становится совсем не слышно...

— Не слышно чего, Сонни? — спросила она, смущённая его неожиданной исповедью.

— Их не слышно, — он присмотрелся к недоумению на её лице и уточнил, — манки дроидов не поют.

Закрыл глаза ладонями и продолжил:

— А когда идёшь на поверхность из подземелий, как будто только что Восходящий из глубины моря... они поют... Их все слышно. Они не ответят, нет... Я знаю... Но мне и не надо.

Что-то толкнуло Мурену, она не успела подумать, как сказала:

— Сонни, ты говоришь про пенье всех рас дроидов? Или про одну чью-то песню?

— Одну, — откликнулся Сонни, не удивлённый вопросом. — Они, без исключенья прекрасны, но я хочу слышать пение одного дроида...

Какого именно, Мурена уже не спросила. Догадалась сама. Вспомнила прежние разговоры. Сонни-сан был изгнанником не изначально. Он имел и утратил Собственный Мир. А там существует особый дроид, "Я-Владыка", тёплый дроид, не проявляющийся ни до, ни вне мира, ни после утраты. Тот, который озаряет весь мир, делает хозяина — хозяином, и поддерживает второй закон: вошедший в чужой Собственный Мир становится его частью, хозяин полностью властен над гостем. Для того, кто помнит, песня этого дроида — непреходящая боль утраты.

— Больше не ждём, — сказал Бест громко.

Он достал приземистый синий флакон из углубления в стене и вылил в широкую чашу. Опустил в воду пальцы, задумался. Передал нетерпеливой Мурене. Она всматривалась долго, зажмурившись. Переглянулись. Чаша ушла дальше по кругу. Пока другие смотрели её, Индиго поинтересовался:

— Бест, у тебя такое лицо?.. А там ничего почти. Полоска на небе разноцветная. Дождевые

тучи и два хозяина. Даже не древность... Я снова чего-то не понимаю?

— Да, — признал Бест, — не понимаешь. Но ты и не сталкивался с таким количеством Впечатлений, чтобы сейчас удивиться. Среди дождевых Впечатлений современных нам нет. Вообще. Это первое на моей памяти. И я не понимаю, что оно значит. Но раз Лелий оставил его, несомненно, что-то важное значит.

— Это да, — согласилась Мурена.

Чаша побывала у последнего из собравшихся и возвратилась в центр.

— Кто целиком получит его? — не спросил даже, а задумался вслух Бест.

— Я! — воскликнула Мурена и вскочила на ноги, обведя зал гневным взглядом.

Кто и открыл рот, закрыл его. Охота связываться. Да там и нет ничего особенного. Мурена выпила, забилась в уголок и притихла. Впечатление ясной картинкой проявилось перед ней и плавно ушло в глубину.

Облачное полдневное небо, в многообразии высоких перистых, быстрых кучевых облачков. Темнеющее понемногу. Две тучи. Две… Сближающиеся... Так не бывает. В одну из них, справа ныряет Белый Дракон со всадником на спине, как тоненький белый иероглиф на сизой размытой туши. Хозяин вернулся домой. Судя по туче, в последний раз. Вот с другой стороны происходит то же самое. Хозяин на драконе не надолго задерживается у входа. Он смотрит на землю, затем на тучу, которая рядом, прежде чем скрыться в Собственном Мире. По сути, всё. Дальше они проливаются. Полностью. Редеют, сближаясь. Когда дождик уже совсем мелкий, сливаются в одну, и над ней возникает ореол, изогнутый дугой, пятицветный, похожий на туман дроидов. Затем тает и он. Теперь совсем уже всё.

— Интересно. Необычно, — сказал парень, дважды проигравший Сонни. — И ты хочешь, чтобы мы истолковали его, Бест?

— Нет, Гром, я просто счёл своим долгом поделиться.

— Спасибо. Но тогда, о чём же нам поговорить? — Гром сделал паузу и произнёс с ударением. — Ещё двое. Может, об этом?

— Что?! — вскричал Бест. — Проклятье дроидов! Новички?!

— Отнюдь... Марсий и Светлоглазый.

— Проклятье!.. — повторил Бест. — Об этом. Я не коротко знал их. Расскажи про них. Как всё было, зачем пошли, чего хотели, небо и море! Мы ничего не угадаем об этом проклятом мире, каков он изнутри!.. Давайте хотя бы подумаем, что их объединяло, зашедших туда? Что у них общего?

— Объединяло? — Борей улыбнулся. — То, что ничего не объединяло.

Бест разозлился:

— Тебе самому-то понравился этот дурной каламбур? Что он даёт?

— Не каламбур, а тавтология, — Борей пересел поближе. — Я хотел сказать, Бест, ни между собой, ни с другими их ничего особо не объединяло. Они все — одиночки по типу.

Бест задумался, припоминая, и кивком согласился с ним.

Они и на этот раз ни до чего не договорились. Принципиальных новостей не нашлось, прозрений тоже. Пропадали люди. Уходили сами. Всё. Когда Индиго поинтересовался, а где собственно вход в Пустой Чёрный Мир? На земле, как в громадные тяжёлые рынки, или в облаке, как в маленькие, недавно возникшие из чужих миров? Бест, темнее тучи, ответил резко:

— И так и так бывало.

— В смысле?

— Рама в тумане. Иногда на облаке, иногда на материке.

— Нет постоянного места, — уточнил для Индиго Борей, — как у облачного мира, только облака не ложатся на землю.

Один из коллекционеров, Клад, открывший однажды древний тайник артефактов с монетами, протянул задумчиво:

— По-видимому, он великий обманщик, хозяин... вот странное словосочетание... хозяин этого рынка. Он знает о каждом из людей какой-то секрет. Или объединён с дроидом 2-1, дающим ему силу быть убедительным, непреодолимо убедительным...

— Наедине, — добавил парень, сидевший рядом.

— Да, кстати. Никогда не бывало, чтобы компания или двое увидели вход, и кто-то зашёл.

— Постойте, — сказал Индиго, — а откуда вообще становится известно, пропал человек там или не там?

— Как откуда? — Бест удивился. — Ты ещё не видел? Тебе везло. Если Огненный Круг остановился, у кого бы то ни было, со всеми, знавшими его, в этот миг прощается его Белый Дракон, проявляясь от края до края неба. И в глазах дракона можно видеть то место, пустое место...

— Обалдеть! Дракон размером с небо!

Бест устало возразил:

— Самое худшее зрелище на свете.

— Самое прекрасное! У нас разные вкусы.

— Индиго, — Бест развернулся к нему, — Представь своего дракона, сейчас, вспомни. А сейчас его уже нету. Не будет совсем никогда. А ведь ездовой дракон — последнее, единственное, что есть у каждого, даже у хищника, потерявшего телохранителя, остаётся преданный Белый Дракон. Но не у тебя. Представил? А теперь посмотри на свою морду величиной с небо, что там в глазах?

Индиго обладал хорошим воображением. Он открыл рот, закрыл, чуть кивнул Бесту и потупился. Мало кто так привязывался к своему дроиду, как Индиго. Втайне, он даже дал ему имя: Лучик. В глубокой тайне. "Мой зверь... Мой. Никуда он не денется. Мурашки по коже…"

Обсуждение продолжалось.

— Знаете, что меня смущает в версии с обманщиком? — смуглый, крупный парень Зарок встал походить по пещере. — Отсутствие промахов. Либо это не убеждение, а принуждение, либо он безошибочен. Рассказов об отвергнутом приглашении я не слышал. Должно же быть хоть одно!

— Если и безошибочен, — Борею тоже надоело сидеть на месте, — то не из-за дроида. 2-1 непредсказуемы, это да, но хищникам, кроме одного дракона, никакие дроиды не служат.

— Зачем нужно приглашение на рынок?! Он настолько страшен? Зайдемте туда целой толпой, раз это единственное, чего с ним не случалось!

— Зарок, во-первых, его раму и не видел никто, будучи в компании...

— Давайте договоримся, первый наткнувшийся запоминает место. И возвращается с компанией.

Бест покачал головой.

— Я бы сказал, что против, но уверен: это просто не сработает.

С ним согласились. Индиго очнулся от навеянного Бестом кошмара своего обездраконивания и встал познакомиться со смуглым парнем. Любопытный к словам, он спросил первым делом:

— А почему — Зарок?

— Обещание, обет.

— Тайна?

— Если меня так называют, какая же здесь тайна? Я однажды обещал себе подлетать к любому в ходу в Собственный Мир. Откуда пробился лучик света, туда и лечу. И не остановлюсь, не разыскав её...

— Поэтому ты такой смуглый?

— Да, парень улыбнулся, — немножко чужого солнца. В общем, так и проходит жизнь. Не хуже, чем у других.

Индиго живо согласился:

— Лучше. Я на земле однажды провёл три дня подряд, на рынках. Думал, сойду с ума, темень, пыль, и всё зря, а хотел ножик... И ты умеешь запоминать дорогу к облачным мирам самостоятельно, без дракона?

Зарок пригляделся к нему после этого вопроса, угадав родственную душу, и кивнул со сдержанной гордостью:

— Умею, примерно. Это не просто. Но небо — не хаос. Небо — ветра и время.

— Научишь? — предчувствуя зародившуюся дружбу, спросил Индиго со всей бесцеремонностью новичка. — И что за мир ты хочешь найти?

— Мир одной девушки. Я помню эскиз на входе. Восходящими мы дружили с ней. После она успела, а я утратил. Она стала хозяйкой Собственного Мира.

"Но если она не выходит... " — подумал Индиго, на этот раз у него достало такта промолчать.

Парень понял. Он слышал это не раз и от других, и от себя самого.

— Да, — сказал он, — она не выходила наружу, так думаю, на Морской Звезде не искала меня. Но я дал слово, — улыбнулся, — зарок.

— Полетаем, уже рассвело? На скорость. До Синих Скал и обратно?

— Почему бы и нет?

Они вышли. Белый Дракон Зарока с гордым гребнем на голове подбросил его, перекувырнувшись на взлёте, точно, как и дракон Индиго. Смеялись. Утро.

А лететь на скорость, означает лететь над самой поверхностью моря. Потому что там быстрей. Чем выше, тем медленней летят дроиды, возможно, такова причина недостижимости ясного неба, выхода за облачные миры. Глядя кого-то, летящего рядом, не заметишь падения скорости на высоте, но если бросить что-нибудь или уронить, сразу становится понятно. Впрочем, к собственному телу не относится этот закон. Падать с дракона в облаках, как парить на крыльях, совершенно безопасно, поймает точно, без труда. Над морем же падать смертельно опасно, если сразу не сожрут, надо несколько секунд, чтобы позвать обратно, чтобы заново проявился Белый Дракон.

Сухой сезон. Недолго пробывшие зелёными метёлочки низкой травы побурели. С высоты континент предстал змеистыми оврагами посреди засохшей травы. Вблизи побережья красно-бурый цвет сменился на нежно-розовый: зонтики ароматных соцветий Горечь-травы уходили в туман дроидов. Она настолько же благоуханна, насколько горька на вкус.

Открытые воды начались за туманом. Индиго пригнулся к шее дракона и резко ушёл вниз. Высокие волны бросали пену в лицо. Немного повыше. Его дракон, всегда радующийся зову и прогулке, не спешил приносить хозяину победу. То ли он желал любоваться на чужого дракона, то ли боялся, что тот отстанет и потеряется над морем... Факт, что Индиго не один раз увидел его морду в пол-оборота. Зарок обошёл его и замедлился. Очевидно, нарочно летел сзади! Индиго рассердился на дроида:

— Отлично, раз выиграть охота мне одному, можешь быть свободен! Я поплыву, так будет быстрее!

Дракон покосился на него, хрюкнул, распластал лапы по сторонам и понёсся прямо сквозь

гребни волн. Не сразу опомнившись, Индиго рассмеялся от восторга свободы! Только скорость и ликование! Где Зарок? Может быть впереди? Не важно! Волны кончились. Индиго объяло облако пены! Свечой вверх!.. Мокрый, счастливый он скатился с драконьего хвоста на голубые, словно линялые камни. Вторым? А вот и нет. Зарок приземлился через минуту.

— Поздравляю! Можешь смело вызывать Беста на поединок!

— Ага… Он не соревнуется с новичками. Боится, что они упадут в воду!

— Правда? Верю, верю... Бест порой немного зануден.

— Немного?! Порой?! Не будем о грустном, Зарок. Лучше о мечтах. Что ты скажешь, когда найдёшь её, свою девушку? Что ты спросишь?

— Не знаю. Я уже всё переговорил за двоих, обе партии, все мыслимые варианты. Просто хочу увидеть её.

— Ты помнишь облачный эскиз? Прихожую за рамой?

— Помню, как иначе?

— И что там? Что она любила?

— Любила цветы. Кошек.

— Я тоже кошек! А какие цветы, как Лаура, ярко-красные, словно они горят?

— Все без разбора. Она их столько насобирала! Её дроид был близок к семейству Сад, как теперь понимаю, "Улочка-домик-садовника". Море цветов. И те, что росли дичком, и те, что на окнах в доме, на балконе, на крыльце. Но первыми от входа у каменной стены такие, вроде розы, на колючих кустах, но не розы. Широкие пять лепестков и пьянящий запах.

Индиго опешил.

— Как думаешь, — глядя в облачное небо, спросил он, — сколько миров там всего?

— Шутишь? Таких чисел не знают даже дроиды!

"Такого не может быть, — подумал Индиго, — совпадениям есть предел. А несовпадениям?.."

Глава 10.

Глава 10.

"Селена, Селена, как ты, и где ты? Как ты там?.. " Мурена всё чаще беспокойно взглядывала на небо, когда облака казались уж слишком белы, опасаясь увидеть милую улыбчивую морду Селениного Белого Дракона, тающую, с морем в глазах. "Только не это... Сейчас ей должно, должно повезти!"

Не меньше занимало Мурену Впечатление, оставленное Лелием, с радугой между двух туч. Нет, над одной... Она разглядывала его, насколько это возможно, без морской воды, и без Чистой Воды забвения, мельком разглядывала снова и снова. Не рисковала переводить в обычную память, в слова ценой полной утраты. Вдруг что-то не уловила, не поняла, не разглядела в нём самое важное. А значит, его не окажется и в словах, какого-то тайного знака. Ключ к пониманию не перейдёт в них, потеряется навсегда.

Так, вопреки обыкновению, Мурена проводила сухой сезон без подводных прогулок, среди пыльной красно-бурой травы, в тучах и облаках. Куда и откуда бы ни направлялась, она пролетала над северным мысом Морской Звезды, где Селена обещала встретить её. И не видела там никого. Однажды, возвращаясь в пещеры, и без особой надежды бросив взгляд вниз, она заметила что-то необычное на земле, рисунок. Присмотрелась. Крупными плоскими створками перламутровых раковин выложен полукруг с двумя полосами: в основании — прямой, а рядом с ней — волнистой. Придуманный изгнанниками символ утра. Символ надежды. Он появился, когда первые из них решились проводить ночи не верхом на драконах, в относительной безопасности неба, а в пещерах, друг с другом, под объединённой защитой Чёрных Драконов и костра на входе. И её оказалось достаточно... Невыносимая тоска ночь за ночью лететь в никуда, в бесприютности неба, кружить над землёй, внизу перекликаются огоньки дроидов, шепчут, но не тебе... Не отвечают. В пещерах же у них появился костёр — свет, который не уходит! А после были слова. И атаки в тумане, и утро, рассеивающее туман... Волнистая черта означает опасное море. Прямая, отделяющая от него полукруг, означает сбывшуюся надежду — мы дожили до утра! "Утро, — подумала Мурена. — Селена?.. Она в прядке! Она бывает здесь по утрам!"

Ещё только полоска зари пробивалась под тёмными облаками. Мурена сидела на камне, без опаски глядя на колыхание мелководья под разноцветными огоньками тумана дроидов. Лепетали, лепетали волны, далёкий перезвон приблизился и снова отдалился, словно лёгкие волны гоняли шарик с колокольчиком внутри. Её Чёрный Дракон, недовольный пребыванием на побережье, высился сумрачной горой, стоящий на задних лапах.

Раздался тихий всплеск. Перед розовой полосой горизонта вынырнул по пояс мускулистый чёрный юноша в украшениях моря: браслетах и бусах из жемчуга, из крошечных ракушек. И сразу же перед ним вынырнула Селена, вся перламутровая, оттеняя светом своего несомненного, безусловного счастья его угольную черноту. "Селена! Небо и море, и благословение дроидов!.." Она широко улыбнулась, нырнула к берегу и мокрая вылетела на прибрежную гальку.

— Красиво?! — вместо приветствия спросила, с ходу. — Ну, скажи, красиво!

Огромный чёрный юноша не спеша выходил из воды, в украшениях, в юбке до колен, широкий пояс со множеством кисточек из неведомых толстых нитей... Короны не хватает.

Мурена засмеялась и не могла остановиться. От облегчения. Всё хорошо. Все живы.

— Красивый, — выговорила она наконец, — очень. Твоя работа?

— А то!

Юноша оставался серьёзен. Либо же он не умел выражать свои эмоции лицом, только голосом.

— Она, конечно, дала тебе имя? — обратилась к нему Мурена.

— Да.

— Какое?

— Бескрайний Веер, Раскрывающийся в Великом Море, Драгоценный Изумруд, Владыка Теней и Течений.

Мурена прыснула и рассмеялась снова, не удержавшись.

— Ооочень длинное! Мне не запомнить! Но зато не "Бест", а поскромней!

Юноша подался немного вперёд и тихо сказал с ударением:

— Я совсем-совсем-совсем не понимал, что я делаю. Как хозяин мира.

И она перестала смеяться.

— А теперь понимаешь?

— Теперь — не — делаю. Да, конечно. Но я по-прежнему не понимаю, те, которые нарочно… Хищники на рынках, зачем так поступают они?

— Ты же хозяин, а я изгнанник, тебе виднее, чего может настолько не хватать в Собственном Мире.

— Нет, мне не видно. Мой мир, как сейчас понимаю, создан одним только тёплым дроидом Там. Без моего участия, и без помощи других, я и не подозревал об их существовании. В моём мире только море, вода, поверхности нет, дна тоже. Но мне хватает. Чистое пространство. Заходишь в него, ложишься, летишь, кружишься... кувыркаешься, переворачиваешься как угодно... Теперь он наполнен пением дроида... Хочешь зайти?

Холодок пробежал у Мурены по коже. Возникла короткая пауза, и он продолжил, предупреждая её ответ:

— Я знаю, что ты откажешься. Сейчас, по крайней мере. Теперь я понимаю, почему.

Селена добавила:

— Там просто восхитительно. Тихо, никого. Игра света и течений, темнота... бархатистая. Голос дроида... А до того, как мы первый раз поменялись, Изумруд его не слышал.

Мурена давно хотела побольше узнать об этом дроиде Я-Хозяин, третей расы.

— И что он говорит? Он отвечает на вопросы?

— Вопросы?! — Селена удивилась. — У меня не было ни одного… Он не говорит, поёт, без слов, иногда неуловимо тихо, снаружи, внутри тела. Как волна, смотри, накатывается на берег и отбегает... Изумительно. Однажды ты должна зайти. Если не доверяешь, — улыбнувшись такой нелепой мысли, она бросила взгляд на юношу, — он может оставить меня за хозяйку. Сам выйдет, а я тебя приглашу, что скажешь?

Настолько внове для изгнанника слышать про подобную степень доверия, что у Мурены сорвалось восклицание:

— И вы так делали уже?! Менялись?

— Конечно, — юноша пожал плечами, — какая разница, кто остаётся последним внутри?

— Огромная... разница. Ладно, понимаю, ты не нуждаешься в большем, но неужели, то, что есть, пространство и дроида Собственного Мира ты не боишься утратить?

Он озадачился.

— Нет... Море там, море здесь. Различий много, много и общего. Потере Селена огорчилась бы, наверное …

— Нет, — возразила она, — сильно бы не огорчилась.

— Всё-таки иногда я тебя не понимаю.

— А чего огорчатся? Если бы и второй мир пропал, Чёрный Дракон остался бы, но и это не главное...

— Что?!

Юноша поднял руку.

— Кажется, теперь моя очередь объяснять. У меня был брат, близнец.

— Я знаю.

— У нас всё было общее, открытое для обоих... Недолго... Я не знал. И когда он превратился в рыбку-стой, мой Чёрный Дракон исчез, по заслугам, а его дракон объединился со мной, и я стал не изумрудным, а чёрным. Он не мог просто исчезнуть, понимаешь? И мир его тоже остался, он всегда низко над горизонтом.

— Невероятно! А что ты можешь, как дракон? Что ты умеешь особенного?

— Как я могу ответить, я же не знаю, что для тебя особенное? Я самый умный и самый быстрый в Великом Море. Но несколько сотен раз, я чуть не погиб. Мой мир движется внутри тени, состоящей из многих теней, я создал её сам. Во всём этом нет ничего особенного.

— А что его Белый Дракон, он тоже с тобой?

— Это нет. Особенный, личный дроид.

— Я сделаю костерок.

Мурена ставила коряги шалашиком. Растопки не было, растопка редкость, сухой травы мало, не книги ведь жечь, и не ткань… Она долго чиркала искрой, рассуждала так: "О чём бы мы ещё ни расспросили друг друга, что бы нового я не узнала, я либо зайду, либо нет. Главное было очевидно сразу, да, он хищник. И что? Мы не на рынке. Он не таящийся хищник, а чудо морское. Сниму вопрос раз и навсегда, или-или. Правильно, Бест?.."

— Я хочу зайти, — медленно проговорила Мурена.

— Отлично! — Селена вскочила на ноги. — Так, значит, я выходила первой, ты следом. Значит, теперь мы меняемся...

— Не надо, — Мурена кивнула юноше. — Я доверяю тебе.

Он кивнул в ответ:

— Сейчас позову его.

"Удивительно: позову Собственный Мир! Кому подчиняется движение облачных миров в небе? Ветрам и только". Юноша подошёл к кромке воды, походя, выхватив из-за пояса кистень, разбил какую-то тень, карауливщую у берега, прикрыл веки. Осторожно, без брызг он топнул ногой, обернулся к Селене:

— Я велю им принести дров для вас, или хочешь, нырнём вместе?

— Пусть тащат, — отозвалась Селена. — Я давно не была на суше.

К берегу, бросая на гальку одну волну за другой, поднималось нечто огромное из глубины. Следующая волна окатила Мурене ноги. Чёрный Дракон зашипел и вышел вперёд.

Огромная, невообразимой ширины морда высунулась из моря и легла на берег. Гладкая, сизая в серых пятнах. Маленькие глаза по сторонам горят, как в ночи, она заслонила собой свет утра. Юноша топнул ногой снова, и пасть раскрылась. Зубы острые, загнутые внутрь. Чтобы увидеть верхнюю челюсть надо запрокинуть голову. Из глубины гиганта исходил приглушённый рыжий свет. Он хлопнул в ладоши, изобразил какой-то замысловатый сложный ритм с ускорением в конце. Серые пятна начали двигаться под него, несколько слились и отделились, двумя тенями, высунули из моря тонкие длинные носы, глаза-блюдца, подо всем этим — шевеление щупалец. Чёрный юноша ещё раз хлопнул в ладоши, уже короче, и тени, пятясь, исчезли в Великом Море.

— Готово, — сказал. — Можем идти. И я доверяю тебе. Я оставлю тебя за хозяйку.

Он запрыгнул внутрь огромной пасти, встал прямо на клыки и обернулся. Девушки подошли ближе.

— Интересно, где здесь дверной колокольчик? — спросила Мурена.

— Вот, — Селена дотянулась с трудом, встав на цыпочки, до яростно горящего глаза и вдавила его. Раздался низкий гул, затихая, ушёл внутрь гиганта.

— Ничего себе, замаскировал звоночек!.. С таким можно не волноваться, что тебя будут часто беспокоить!

Чёрный Дракон Мурены, отчаявшись, с тихим шипением заходил то с одной, то с другой стороны. Юноша хмыкнул, взглянув на него, приосанился, и церемониальным жестом пригласил её в Собственный Мир.

Сколько дней и ночей прошло? Глухой, но явственный рокот по синему бархату глубины прокатился из конца в конец. Мурена слышала его, но не обращала внимания. Наверное, так должно быть, это часть мира или... неважно что. Поёт дроид... Поёт без слов... Рокот повторился снова. И ещё раз, и ещё, пока не привлёк к себе её мысли, подобный смутному воспоминанию... Звонок. Дверной колокольчик, вот что это. Но в какой стороне рама, и как пригласить? Здесь нет даже верха и низа. Мурена дождалась следующих гулких раскатов и поплыла на источник звука. Сквозь толщу воды перед ней сияла зубчатая, двойная горизонтальная щель. Что дальше? Делать ничего не пришлось. Когда Мурена достигла просвета, он расширился сам собой, открылся в пространство Великого Моря, где чёрный юноша плыл на одном месте, заглядывая внутрь.

К чести Мурены сказать, церемониальный широкий жест приглашения она сотворила без колебаний. Искушение не коснулось её. Юноша заплыл, прислонился головой к голове и подумал: "Они ждут тебя..." Мурена кивнула и первой покинула Собственный Мир, юноша плыл следом.

"Как же велика разница, непередаваемо велика, это не то, что расскажешь словами..." Голос дроида затих в ней, остался эхом, а всё вокруг — грубое и неуловимое одновременно, и Свободные Впечатления и тело.

Мурена, пошатываясь, встала на мелководье. На берегу светился зелёный костёр в зелёном же, нарастающем сумраке. Целая компания смотрела на неё. Амарант, Борей невдалеке, набычившись, говорил с Громом, оба их Чёрных Дракона стояли видимые за спинами людей, плохо дело, опять что-то не поделили. Коллекционеры Сота и Манок, пришедшие с Громом, от скуки подняли торговую подставку, шатёр и менялись друг с другом на какую-то мелочёвку, как будто без подставки нельзя. Зазывали к себе Амиго, Ксандра, Амаранта, державшихся поближе к костру, поторговаться. Селена тихо-мирно склонилась над шашками. Сонни-сан то и дело поднимал на неё удивлённый взгляд, неужели проигрывает? Мурена вышла из воды, дрожа от холода и земной тяжести, села рядом с ней.

— Селена, привет. Сколько меня не было?

— Дней двадцать, — сказала та, не отрывая взгляда от доски, начерченной грубо.

— Двадцать?!

— Ага... —

Селена сделала ход, перепрыгнула чёрный камешек, перевернула: "Кто тут есть?" И с досадой швырнула в море Слепое Око Судьбы. Сонни-сан улыбнулся:

— Ещё партию?

— Непременно! После.

— В честь чего такая делегация? — спросила Мурена.

— Не, не тебя ждём, — Селена понизила голос, — они не знают, где ты была, наши тайны только наши. Они ждут Изумруда.

— Вижу, ты сократила его красивое имя.

Сонни-сан обратился к Мурене:

— Была атака. Морские хищные тени, стая. Простые, но необычайно скоординированные, как будто ими управляет кто-то один. Были потери.

Селена добавила:

— Меня, хищницу, уже не гонят с верхней террасы! Мы играли там с Сонни, когда вернулись выжившие, раненные. А Изумруд много может, и я решилась познакомить, рассказать. Но его не было, он искал тебя.

— Ой, да! Там совершенно забываешь о времени... Вы решили, что я не выйду?

Селена улыбнулась:

— Забываешь? Там его просто нет... Нет, что ты, ничего подобного мы не думали. Смотрящая тень стала так хаотично управлять им, беспорядочно. Скорость у гиганта не всегда предсказуема... Мы беспокоились. Вдруг ты выйдешь, вокруг столько теней, хищников, подчинённых только Изумруду, а он потерял гиганта из виду на какое-то время. Нельзя доверять только смотрящей тени.

— О-хо-хо, Селена, ни о чём подобном не помышляла, что там осталось снаружи...

Чёрные Драконы Борея и Грома исчезли, оба парня подошли к костру. На поднявшегося из воды Изумруда, огромного, чёрного, в полтора раза выше любого изгнанника они воззрились, застыв как изваяния. Да и все, кроме Амаранта и Сонни, они не удивились, кивнули приветственно. Молчание затягивалось. Мурена тихонько шепнула Амаранту:

— Щас начнётся... А где прирождённый переговорщик Бест?

— Думаешь, он не пришёл бы ради такого знакомства? Он болен. Ранен.

— Чего?!

Земля ушла у неё из-под ног. Болен, такого с полудроидами вообще не бывает. А ранен, означало только одно — сильно ранен, действительно ранен!

— Амарант, говори! Что случилось?!

— Произошло нападение. Не на пещеры, над морем. Один коллекционер следил, как он думал за вором, и обнаружил целую группу новичков, изгнанников, кочующих на драконах. Странную группу, вещи собирают, ни с кем не говорят, друг с другом тоже. Рассказал Бесту. Вместе полетели, с Громом и с пятью парнями. Я не собирался, потом передумал, догнал. Ну, нашли мы их, ну летают, как замороженные. Они как будто заражены... Что-то общее... Во взгляде. Словно, они поймали какое-то общее Впечатление, ложное. Или общую тень. Мы казались им — враги. В принципе, такое возможно, если очень большая тень идёт в Великом Море, и они упали в неё разом...

— Невозможно, Амарант, ерунду ты говоришь! Неважно! Что дальше?

— Мы удивились, дальше… Идей не нашлось, никто их силой тащить не собирался. Они напали первыми. Трое сбросили Грома вниз. И мгновенно появились тени, караулили, не иначе. Гром бы вырвался без труда, но вся эта сумасшедшая компания, чтобы только удержать его попадала в воду. Ну и мы тоже. Куча мала. Чего они хотели? Гром взлетел, Белый Дракон вынес его, телохранители сработали отлично, жертв не было, среди нас... А вот у новеньких...

— Не оказалось Чёрных Драконов...

— Да, не трудно угадать. Хищные тени, они были, как единороги, рогатые рыбы в крупной чешуе. Они не душили, нечем, и не кусались почти. Они стремились проткнуть своим рогом, зацепить и утащить в глубину. Когда я увидел витой рог в его Огненном Круге... Я, не предать

словами... А Бест вытащил несчастного дурака, представляешь?!

— Бест!.. Я поняла, что дальше, я поняла!

— Да. Он не отдал морским хищникам ни одного. Ни одного не бросил. Они становились вялые от морской воды. Не удивлюсь, если изначально они были как-то скоординированы с подводной стаей. Бест вытащил всех. Двое ранены, и все по-прежнему невменяемые, ну хоть на людей не кидаются. Из наших пропало трое, коллекционеры. Только с одним Бест дружил на суше, а в море, вот так... Прекрасные ребята, настоящие бойцы. Дела им до этих новеньких...

— Амарант, сам он, Бест?!

— На воде уже никого не осталось, он уходил последним, должен был позвать Белого Дракона. Волны. И не хватало дыхания. Тени окружили его кольцом, они были, как рисунок на воде, который сжимался. Чёрный Дракон, сверху разбил нескольких хвостом, отгонял, не давал бодаться, но и только. Они сжимали круг, начали вращаться, образовалась воронка. Тогда Гром спикировал вниз и выхватил его из воды, оставшись верхом, пролетев связь волну, и дроид не исчез, чудо, почти невероятно! Без сознания. С едва не остановившимся Огненным Кругом...

— Гром... — Мурена терпеть его не могла, — Гром... Бест в пещерах?

— Уже да.

Как стрела, вытянувшись вдоль драконьей спины, Мурена летела в пещеры.

А вот что до того происходило с Бестом. Гром принёс его к ближайшему тайнику и разослал гонцов. Тепло для Огненного Круга. Он двигался рывками и еле-еле, но всё-таки двигался. Горючее у изгнанников в дефиците. Только не на этот раз. Его было много, столько не видел никто и никогда. Первыми без промедления откликнулись другие коллекционеры, чьи тайники находились вокруг. За первую ночь они сожги всё, что могло гореть: ветки, коряги, подушки с мягкими сухими водорослями, пучки редкой травы, стопку очень тяжелых книг, огромных, как валуны, какие-то промасленные тряпки, белые таблетки, горевшие долго, но слабо, дорогие ткани, расшитые золотом, бисером, серебром. Им не нужен был костёр на ночь, им нужен был жар, способный вернуть к жизни, удержать её. Они бросали в костёр одежду с себя. Иначе и не могло быть. Столько и более того значил Бест для группы. И больше того.

На другой день, перенесённый к пещерам, Бест лежал в полукруге костра. Рядом огромная куча, гора всевозможного топлива. От жара к нему трудно было подойти. Вокруг пещер и внутри многолюдно. И тихо. Изгнанники почти шёпотом переговаривались между собой.

Мурена спрыгнула прежде, чем лапы дракона ступили на землю, и подбежала. Её, ледяную, охватил жар костра.

— Бест!!!

Огненный Круг вращается ровно, но настолько медленно, что, не присмотревшись, не заметишь.

— Бест, ради неба и моря, и милости дроидов, какого чёрта, Бест!..

Он улыбался в беспамятстве, в глубоком сне. Но там, внутри, он боролся. Не с ними уже, не с хищными винторогими тенями моря, но с тенью внутри. Неуловимой и неотступной, смыкающейся кольцом, убегающей змеёй, опережающей даже мысли. Бест должен был, если хочет выжить, найти, изловить в своём теле этот скользкий холод. И он искал. Всё в нем сопротивлялось, не желало смотреть в сторону этой тени, в тень отвращения и боли. Он предпочёл бы сунуть голову в остатки своих Впечатлений и забыться там. Бест отвлекался, выдыхался, забывал, но снова и снова заставлял себя возвращаться, идти по следу. Когда же он схватит её, эту проклятую тень, этот сгусток яда, посмотрит прямо на неё и скажет: "Вот ты, и не прячься больше!" Тогда подведёт её к центру груди, испарит, вырвет... И всё, и покой...

Жизнь Беста зависела сейчас от двух взаимоисключающих факторов. Жар огня позволял легче вращаться его Огненному Кругу, и он же мешал. Слишком мало влаги. Мысли неповоротливы, слабы. Даже если удастся в такое ничтожное количество влаги, уловив, заключить тень, испаряясь, она остановит Огненный Круг. Точно.

Регулярно, раз двадцать за день, кто-нибудь подходил к нему и выливал на голову чашку Чистой Воды забвения. Но они не понимали, как этого мало! Они опасались лить больше холодной воды. Мурена смотрела в его закрытые веки. "Чёрта с три, — повторяла она про себя, — чёрта с три!.."

— Давно он так? — спросил он через плечо, ни на кого не глядя.

— Два дня.

— И сколько это может продолжаться?

Ей не ответили.

— Дроид... — сказала Мурена. — Нам нужно посоветоваться, нужен дроид.

— Я бы не рассчитывал на это, — заметил Ксандр и отошёл, слишком жарко.

С северного мыса и остальные вернулись следом, и Селена, и Изумруд. Перед ним расступились изгнанники. Странно было Мурене впервые увидеть его в толпе, со стороны, огромного чёрного хищника, наивного, как Восходящий, могущественного, как Чудовище Моря.

— Знаю, знаю, — отвечал он Амаранту на ходу, — не сложно, я знаю про них.

Неожиданно Изумруд остановился, не доходя костров, глянул на Беста, лежавшего посреди, развернулся, позвал дракона и улетел без единого слова. Изгнанники переглянулись недоумённо, кроме Селены. Она опустилась на колени рядом с Бестом и посмотрела Мурене в глаза… Изумруд вернулся раньше, чем кто-либо успел удивиться вслух его исчезновению. Кожаный мешок размером с него самого колыхался, перекинутый через плечо. Стремительный, чёрный, он прошёл, рассекая толпу, развязал верёвку и вылил, обрушил на тело, лежащее между кострами поток обыкновенной морской воды. Окружающие ахнули, отступили, зашипели брызги на раскалённых камнях. Но Чёрный Дракон Беста не проявился. Селена, удержала какого-то парня: "Поверь, он знает, что делает..." А внутри себя Бест жадно вдохнул и — увидел! Вот оно — мерзкое, скользкое и вертлявое, то, что мешало дышать!

Изумруд склонился над ним и тихо, уверенно произнёс:

— Не надо. Я.

Он вытащил из-за пояса длинный, витой рог.

— Точно, как у хищных теней... — прошептал Амарант. — Но артефакт...

Изумруд прищурился, перехватил его обратным хватом и отправил медленным закручивающим движением прямо в Огненный Круг. Мурена вздрогнула, отвернулась. На острие вынутого рога вился тёмный туман, и висела одна мутная капля.

— Видите каплю? — спросил Изумруд. — Это вся вода, что была в нём. Какие вы глупые. Дайте ему попить.

Изумруд перевёл взгляд на безмятежное лицо Беста и продолжил, уже задумчиво:

— Незаурядный. Необычный человек. Хорошо, что мы не встретились раньше.

Он махнул рукой Амаранту, сказал ему на прощанье:

— Ничего не надо. Я сам. Про создавшего — после.

Изумруд окинул единственным взглядом толпу, позвал Селену, следовавшую за ним, как ветерок за грозовой тучей, и они улетели вместе.

Бест выправился от раны настолько быстро, насколько возможно. Мурена — нет. Больше всего она хотела бы поговорить с Лелием, посоветоваться, услышать: "Всё обойдётся, всё

образуется..." Не судьба. Амарант совершенно другой, ближе к коллекционерам. Но книги лучше, чем шмотки. По крайней мере, серьёзный и знающий, он напоминал Лелия этим.

— В книгах ты встречал хоть какие-нибудь попытки, способы заставить Огненный Круг снова идти быстрее? — приставала она, и не первый раз.

— Неудавшиеся, — отвечал Амарант, — абсурдные. И ещё: приводившие к фатальным последствиям.

— Я не старик, — смеясь, бросил Бест, улетая по своим, как всегда неотложным делам, как всегда связанным с новичками, — уймись, Мурена. Чуть быстрее, чуть медленней... Это не катастрофа.

Амарант лукаво посмотрел на неё и добавил, в шутку:

— Впрочем, есть один способ...

— Говори, а!..

— Если нельзя ускорить Огненный Круг, то можно замедлить время.

— Отличная философия, она очень утешает!

— Нет... Не философия. Мурена, ты задумывалась когда-нибудь, сколько живут изгнанники и сколько хозяева Собственных Миров?

— Хозяева дольше. У них жизнь спокойная.

— А насколько дольше?

— Я не знаю.

— Один к тысяче в их пользу. И это даже если хозяин домой почти не заявляется. А если не выходит из Собственного мира, наши десятки тысяч лет против их сотен миллионов.

Таких цифр Мурена не ожидала, она смотрела, открыв рот:

— Откуда знаешь?

— От Лелия. А Лелий от дроидов, для него актуально было.

Амарант взглянул на её потерянное лицо:

— Ну, извини. Не стоило упоминать. Опечалил тебя.

Глава 11.

Глава 11.

После очередного пропавшего в Пустом Чёрном Мире появились крупицы новой информации, разрозненные, но всё же. Известие снова принёс Гром. Принадлежа к группе, преимущественно парней, не часто появляющихся в пещерах, принявших, тем не менее, конвенцию, он был, так называемый, коллекционер. Они предпочитали кочевать между своих личных тайников и общих, для мены без торговых подставок. Зачем? Они ни на кого не охотились, не торговали людьми. Подобное притягивается к подобному. Забавно, их индивидуализм сделал коллекционеров одной из самых сплоченных и многочисленных групп. Они любили артефакты. Собирали их, как Восходящий собирает облачный эскиз. Конечно, жалкое зрелище в сравнении с Собственным Миром. Но на фоне других изгнанников они были великолепны. Добротная одежда, часто кожаная, количество украшений на ней, доходящее до смешного. Иные предпочитали древние механизмы. Иные — книги, из-за чего общения с ними искали Амарант и Бест. Внутри группы обычным делом были стычки, набеги на тайники друг друга. Была пара жертв. Пока их драконы сражались... — вот почему эта третья раса сражается, а не растаскивает хозяев, не тащит каждый своего?.. И почему невозможно полетать на чужом Белом Драконе?.. — пока сражались, хозяин тайника, боровшийся с вором, сжимал его поперёк груди, пока Огненный Круг не остановился... Но это было давно, ещё задолго до конвенции.

Благодаря своему хобби или, кто как называет, смыслу жизни, коллекционеры чаще других бывают на рынках. А у кого там самые желанные, самые удивительные штуки, самые ценные вещи? Мёдом намазанные крючки с золотой наживкой? У хищников, древних, старых, опытных. Тех, что собирали артефакты столетиями, создавали их из незадачливых покупателей. Таким образом, у коллекционеров сложился весьма специфический круг общения, которым побрезговал бы иной, или побоялся. Но жадность и азарт, похоже, сильно меняют взгляд на красоту и уродство. В пределах рынка хищники и коллекционеры были запанибрата.

Очередной пропавший в Пустом Чёрном Мире был старый знакомый Грома, хозяин, хищник. Его называли Один-за-Два, по курсу обмена. О чём бы ни шла речь: один за два. Почему же их знакомство дало ключ к пониманию происходящего? Изгнанники видят крайне мало хозяев. Если кто из них и пропадал прежде, как его опознать? В последнем же случае, Гром не только узнал Белого Дракона Один-за-Два, тающего в небе, он направился ко входу в его облачный мир, просто так, напоследок рассмотреть специально у рамы выставленные сокровища. Не получилось. На входе, на месте прежней, золотой, он увидел высокую чёрную раму! Чуть не свалился в море. Ещё секунда, шагнул бы на раму, к манящей четырёхпалой руке. Умчался. Психанул. Страшно. Но этого он Бесту, конечно, не рассказал. Зато рассказал всё остальное.

— Счёл своим долгом, — иронически поклонился Гром.

— Спасибо, — ответил Бест серьёзно. — Так ты говоришь, предыдущие двое, пропавшие изгнанники, Марсий и второй... После их исчезновения видели вход на земле, чёрную раму в тумане?

— Да, совершенно точно. В обоих случаях я говорил с людьми. В одном и том же месте, где был тайник Марсия. Туда пришёл и Светлоглазый.

— Грабить пришёл?

— Что значит, грабить? Оно был уже ничьё.

— И его не стало... Мне жаль. На самом деле, мне жаль.

Гром задумался, дёрнул плечом брезгливо.

— Не могу понять, как они лезут туда. Даже не зачем, а как? Такая мерзость. Мне пора.

— Подожди, тоже одну вещь расскажу. Нам известен ещё пропавший хозяин, давно в прошлом. Хищник. И того, из трёх известных: два хищника и один грабитель. На статистику не тянет! И тем не менее...

— Совпадений не бывает. Ну, пока.

Очередное потрясение для Индиго.

Зарок, Бест и Сонни-сан сидели кружочком и, как ни в чём не бывало, обсуждали очередную пропажу в Пустом Чёрном Мире. Как рядовой несчастный случай... Ладно остальные, но Зарок! Он узнал Белого Дракона тающего в небе. То был дроид его разыскиваемой им девушки. Зарок поймал недоумённый взгляд Индиго, мудрено не заметить, когда на тебя пялятся в упор, и пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, что случилось, то случилось. Она была хищницей, жаль, но по всему, что мы знаем, судя, это так.

— Одни догадки, одни слова! Пусть она хищница, особенно если так, то, что она не приблизилась к тебе, а это было проще простого, совсем тебя не трогает?

— Даже очень, — ответил Зарок, — и печалит одновременно. Но ведь всё уже кончено, о чём говорить.

И оставил их, улетел грустить в одиночестве. Разминулся с Громом. "Ничего себе, кончено!.. Нет, Зарок, раньше ты знал, что она живёт где-то, но не знал где. А теперь не известно жива ли, но вот где она, теперь ты знаешь точно!.."

— Бест, конечно, ты мне не поверишь, надо, надо было сказать ему!.. Но тот мир, в который мы заглянули вместе с тобой... Так похож... И ты тоже засомневался, что это мир чистого хозяина. Тот или не тот, предположим, да. Скажи, почему, будучи хищницей, она не открыла нам, когда мы стояли у рамы?

— Потому что нас было двое, Индиго. Шансов мало, зачем рисковать.

— Рисковать? Чем?

— Тайной. Открывая своё лицо. Может быть, она активно торговала, охотилась на рынках, а тут мы. Чистые хозяева с роду к себе не приглашали.

— Бест, я просто не верю! Слетаю и взгляну ещё раз. Какой шиповник, какой кот!..

— Что?

— Мир очень милый.

— Какой кот, Индиго? — Сонии-сан переспросил его, изумлённо раскрыв глаза.

— Нормальный кот, серый... Что вы так смотрите? Бест, ты что? Мы же стояли рядом, кот за шиповником, у стены...

Бест поднял руку:

— Подожди, подожди. Я видел только дом, кусты и дорожки. Да я не особо и приглядывался. Может быть, там был нарисованный кот? Или скульптура у входа?

Индиго рассмеялся:

— Нет, настоящий!.. Словно во Впечатлении. Он дышал, спал в тени, какая скульптура?..

Индиго был достаточно убедителен, чтобы все призадумались. Сонни-сан утвердительно качнул головой:

— Значит, это не выдумки. Возможно сделать. Нарочно, будучи чистым хозяином, всё понимая, с открытыми глазами превратить гостя в живой артефакт. И верится и не верится.

— О чём ты?

— Индиго, — обратился к нему подошедший Амарант, — а тебя совсем не смутил этот кот? Разве ты видел зверей прежде, любых, каких угодно зверей, в прихожих чужого мира, или здесь, на континенте?

— Нет. Только во Впечатлениях, ну и тени-рыб, чудовищ, конечно.

— И сразу — целый кот? Внезапно. И он не насторожил тебя?

— Нет! Понравился! Я не понимаю, к чему ты клонишь.

Сонни-сан прервал начинавшуюся перепалку:

— Индиго, животных нет на свете. Ни больших, ни малых, никаких. Либо они вышли за пределы нашего восприятия. Они были подобны нам, людям эпохи до дроидов. Не похожи по форме, но подобны по сути. Если бы жили сейчас, имели бы Огненный Круг, как и мы. Подумай, разве откуда-то появляется Восходящий, иначе, как со дна Великого Моря? Разве может Восходящий забрать из Впечатления подобного себе и заключить потом в Собственный Мир?

— Не может, абсурд, — ответил Индиго.

— Не может, правильно. Но гуляет такое поверье: первого, приглашённого в Собственный Мир, хозяин, не хищник до этого момента, а чистый хозяин, способен превратить из живого в "как бы живое". Не в вещь, а вот в такой удивительный артефакт, движущийся, лишённый Огненного Круга, кажущийся живым. За подобными артефактами, говорят, и была начата одна Большая Охота... Хотя, ни зачем они не нужны, и не все так заманчивы, чтобы сходить с ума... Если твой кот, это кот, то значит, всё правда. Теперь понимаешь?

— Думаю, этот кот и лежал там, как приманка, — добавил Гром.

— Тебе виднее, ты их уловки лучше знаешь, — сказал Бест и поинтересовался. — А могло сработать?

— Ещё как! — Гром кивнул в сторону Индиго. — Не заметно?

Поистине, верить можно только плохим новостям. Что бы ни узнавал Индиго нового с момента утраты, всё разочаровывало, отгрызало кусочек мироздания, по-прежнему открытого в его представлении, всё ещё полного надежд, отламывало уголок за уголком. "Нет, совсем нет зверей на свете..."

— И почему, Амарант, когда исчезли звери?

— Давно. Я не знаю. У меня много старых книг, но все разрозненные, большинство — чьи-то фантазии. С исчезновением зверей косвенно связана легенда о создании двух дроидов, близких изгнанникам — Чёрного и Белого Драконов. Хочешь, расскажу.

— Я тоже не знаю, — удивился Гром. — Рассказывай.

— Ладно. Она не длинная, легенда.

"С самых давних времён звери использовались людьми, погибали, чтобы стать одеждой, пищей... Пища для них это не как переживание для нас, не одно лишь Впечатление вкуса. Это как, если бы нужно было топливо для Огненного Круга. И то, и то — и еда, и одежда не всегда и не обязательно делались из зверей. Но так было. А ещё на них ездили. По земле. И ещё они погибали, для развлечения, очень дурного, я не разобрался вполне, зачем они так поступали... Но и без того можно сделать вывод, что звери всегда были в низшем положении, кроме давних-давних эпох, тогда люди и сами были зверьми. Наступил момент, когда появились первые дроиды, роботы. Затем автономные дроиды. Затем они возросли, стали менять людей и собственные формы. Мало-помалу, исчезли явления, с которыми не был связан процесс перемен, которые не помогали ему. Звери в том числе, и весь прежний мир. Они оказались за пределами их, дроидов, и нашего восприятия. Дальше среди дроидов случился раскол. Оставшиеся во взаимодействии с людьми стали развиваться дальше, пошли разделяться на расы,

семейства. Полностью автономные исчезли.

Так вот, за время преобразований дроиды оставшиеся рядом с людьми не принимали форму зверей никогда. Она не ценилась. Не уважалась. Это были низшие формы, по определению, подчинённые или враждебные. Такое представление, усвоенное дроидами ещё от людей. Тем более что на заре создания автономных дроидов, совсем ещё зависимых и примитивных, люди как-раз-таки придавали им звериные обличья. Больше для развлечения, может, для красоты, может, чтобы молчали, наговорились с первыми, с роботами... Оно сохранилось в истории!.. Дроиды памятливы!

Так или иначе, на тот момент, когда будущее уже не представлялось каким-либо, кроме совместного у дроидов с полулюдьми, обнаружилась ниша в простейших потребностях: защиты, передвижения. Для каждого лично. Иначе уродливый муравейник разрастался и начинал представлять угрозу для себя самого. Ведь люди сделались отчасти дроидами, но ангелами они не стали. Однако никто из высших дроидов не захотел — так — служить в своём, царственном, согласитесь, теле. И принять другое обличье, звериное, например, тоже никто не захотел.

Среди полностью автономных дроидов на тот момент оставалось двое, не прекративших существование. Они сознавали, что являются последними среди подобных себе. Что остальные пропали… Дальше, совсем легенда. Кто же постигнет мысли дроида? Легенда такая. Один из них подумал так: "Единственный выход, вернуться к высшим дроидам и согласиться служить так, как они скажут". А второй, ни о чём таком не помышляя, сам, мало-помалу, начал сближаться с людьми, полюбил их, заинтересовался ими. Они-то и стали Чёрным и Белым Драконами. Только не известно, кто каким".

На другой день, глядя, как тоскливо, потерянно, Зарок выходит, мокрым от Чистой Воды забвения, из подземелий, Индиго думал: "Я пошёл бы за ней. Что бы там ни было, да на авось, и за Муреной и за Бестом. А он — нет, предпочитает, как Сонни, забыть... Почему?" — "Там темно, — ответил ему внутренний голос, — Зарок всю жизнь летел на свет, а его хищница ушла во тьму..." На этой мысли Индиго остановился. Недавно выменянный Бестом фонарь торжественно стоял в углублении стенной ниши, тайников Бест не делал. "Если спросить, будет катастрофа... Апокалипсис занудства на несколько дней, в лучшем случае... А если взять и быстренько вернуть?.. Ничего не будет. Бест не прячет своих вещей, он не удивится, кто-то взял поиграть..." Индиго сунул фонарик в рукав. "Я только снаружи загляну. Если вообще, это тот мир. Может, совпадение, и всё окажется на месте, и шиповник и кот... Ах, что б ему выбежать, если уж он такой удивительный артефакт!.."

"Пора, мой прекрасный Лучик, — Индиго склонился к драконьей морде, — проверим, что там переменилось... К той раме!" Дракон покосился на него, фыркнул, выдернул из-под руки кисточку мохнатого уха, поднялся и полетел неспешно, широко, полностью расправляя крылья, то взмахивая ими, то паря. Белый Дракон нёс его единственной дорогой, которую Индиго просил твёрдо запомнить.

Обида на то, что столь прекрасное может принадлежать хищнику, быть ловушкой, не убеждённость в этом до конца, любопытство, скука, всё вместе толкало его вперёд. А ещё Индиго бесило, что про Пустой Чёрный Мир постоянно все говорят, но ничегошеньки не предпринимают! Понятно, и почему говорят, и чего опасаются, но не до такой же степени! А как же сунуться и посмотреть?

Разнообразные интересы и намерения, как туман дроидов над водой, носились на поверхности его сознания, маскируя только одно: " Я изгнанник, изгнанник, изгнанник! Помощи больше не будет! Не надейся на помощь извне, изгнанник!" Да, в глубине души,

Индиго хотел не заглянуть, а зайти. Подобно многим, многим до него, он избежал искушения мыслью: завоевать, отнять этот рынок, превратить его в Собственный Мир. "Ваши рассуждения, ваши наблюдения ничего не дают, они ничего не прибавят. Я всё узнаю и всё сделаю сам!"

Высоко, но море видно. Ещё выше. Дракон вознёс Индиго над барашками облачных миров, рядами, идущими внизу как волны. А над головой темнело. Сперва незаметно, потом всё явственней, и наконец, Индиго обнаружил себя в подбрюшье какой-то совершенно невообразимой дождевой тучи. Доживающий последние минуты Собственный Мир невиданной им прежде величины. Сейчас он обрушится потоками. Сверкнула зарница. "Грозовая, — подумал Индиго. — Этот мир уходит целиком, а не теряет часть себя в лёгком дожде. Что там? Скоро узнаю".

Совсем скоро. Первый раскат грома вдали, следующий — прямо над головой, грянул и рассыпался. Белый Дракон покосился на всадника виновато, замедлился и стал нарезать узкие круги. "Что с тобой? — удивился Индиго. — Ты как будто извиняешься, что залетел сюда, и как будто не хочешь улетать. Тебе мешает что-то, Лучик?" Дракон встряхнул гривой, всем телом до хвоста мелкой дрожью и взял прежний курс. Первые капли упали на него и на всадника. Слишком много отчётливых, связных Впечатлений обрушилось на Индиго через несколько мгновений. Многовато... для того, кто летел по своим делам.

Он увидел большое, приземистое некрасивое здание, с прямыми углами, плоской крышей, среди унылого пейзажа лежащее буквой "П". Изнутри увидел. Ни одного просторного зала. Крошечные комнатки, зарешеченные окна... "Вот непонятность... Зачем?" Вдоль стен узкие кровати, железные. "Какой странный хозяин. Для чего ему столько одинаковых комнат? Вокруг пустыня. Уж лучше одна комната и одна клумба под окном". Следующее Впечатление донеслось из прежних времён. То же здание, те же комнатки, только полные людей, за закрытыми дверями. Понимания эта картина не прибавила. "Если только, людям эпохи до дроидов нравилось делать, то, что не нравилось, а это никому не понравится... Тогда зачем?" Дождь шёл стеной. Благодаря такой плотности Впечатлений, Индиго мог проследовать всеми этажами, железными лестницами, заглянуть во все двери, железные, с маленьким окошком. Ничего не менялось от одной к другой, ни полосатая одежда на людях. Даже в их лицах застыло нечто общее. Ему уже хотелось отряхнуться, когда на верхнем этаже, в средней перекладине буквы "П" он увидел изнутри совсем другую комнатку. Немногим просторней, обставленная мебелью, на стенах бордовые обои с крупным узором. Кресла пустые. А на полу у стены игрушка — огромный, серый, лохматый медведь с грустной мордой. На его толстых лапах сидела коротко стриженая девочка или одетый в платье мальчик. Ребёнок держался за густую медвежью шкуру, стараясь дотянутся до морды, заглянуть в кругленькие чёрные глаза, и говорил, говорил ему что-то. Впечатление переменилось, следующий момент: Индиго снова ходил по этажам, но уже не древнего Впечатления, он обходил хозяином этот мир. Комнатки пустовали, он открывал, закрывал их тщательно, на ключ, искал что-то, прислушивался, звякал связкой ключей, гремел шагами на железных лестницах, искал, не находил, и всё-таки пустоту запирал обратно. Вот снова он на верхнем этаже. Толкает дверь, тёмные обои, кресла, нет ребёнка, медведь у стены. Он оглядывается, и отсюда уходит. Узкой железной лестницей спускается вниз. И всё сначала. До бесконечности. "Если это хозяин, до такого безумия додумался он первый... И единственный, надеюсь". Индиго содрогнулся. «Это не нарочно так задумано. Это чья-то ошибка. Никто такое сам не создаст для себя. Кто-то вторгся в этот мир, был приглашён и предал, испортил его. Все опасаются хищников, хищных хозяев. Но если таков мир испорченный гостем, кто страшней?» Индиго хотел уже вылететь из-под мрака тучи. "Лучик, быстрей!.. Кого он искал, хозяин? Ребёнка из Впечатления, гостя погубившего всё?"

Туча осталась позади, долго ей громыхать. Но Индиго не полегчало. Мокрый и разбитый он

смотрел на цель своего полёта: белоснежную облачную гору. И на чёрную раму в ней.

Дракон парил на восходящем ветре. Гигантская рама, куда больше, чем во сне. Сладковатая тоска накатила на Индиго. Рука показалась из тёмного провала, слепая, жадная, четырёхпалая... Тянется и тянется, манит... "Пикируй!" — закричал Индиго дракону. Вот и вся решимость. Дроид резко нырнул вниз, Индиго воспарил над его спиной и увидел, как, не приближаясь и не отставая, чёрная рама тоже пошла вниз, как она падает призрачным четырехугольником мрака, оставаясь перед ним, а он пред ней, напротив неизбежного. Ветер позволил ему мягко спуститься на мелководье, утонуть в тумане дроидов. Белый Дракон исчез. Рука показалась снова. Индиго отступил на шаг. Сквозь дрожащий, неверный туман чёрный проём показался ему вдруг зеркалом под чёрной вуалью, отражающим и его и весь мир за спиной. Континент и море. Без людей. Только он один. Проём рос, расходился. Росла и рука. Индиго увидел вблизи: она не ищет и не манит! Она обрывает нити вокруг себя, вокруг него, как паутину. Он был до этого, как узелок, перевязавший тысячу нитей, идущих к людям, морю, облакам, но рука обрывала их, становилось всё холоднее, тоскливей и слаще. «Обрывает… Ну, и прекрасно!..» Индиго почудилось, явственно представилось, что сейчас, обернувшись, он увидит мир без людей и дроидов, без миров... "На всём белом свете есть я один… значит это... моя рука!.. пальцы достают до горизонта…" И он обернулся. Не затем, чтоб позвать дракона, не затем, чтоб вернуться и рассказать, чтобы выслушать похвалы и упрёки... Обниматься и хлопать по плечу... Обернулся, чтобы взглянуть на пустой мир, без дроидов и людей, чтобы взять его, ощутить в четырёхпалой руке, Пустой Чёрный Мир... Увы, Бесту вовек не понять, зачем "они туда лезут", потому что никто и не лез... Не входят в него лицом... Сладкий-сладкий, липкий холод покачнул Индиго, потянул назад. И не за что ухватится четырёхпалой рукой. Он хватается, а она обрывает последние нити. Вереницей изгнанники промелькнули перед мысленным взором и последним — владыка Дом, сияющий, белый... "Нет! Я идиот!.. Нет, я случайно! Нет!.." Рука за спиной перевернулась ладонью вверх. Как по лестнице, Индиго скатился в темноту по четырём её пальцам. Вдохнул обжигающий холод полного мрака, выстрелы, залпы, канонаду, звуки неведомые полудроидам, закрыл голову руками, зажал уши, и не смог заставить себя шевельнуться, пока это не прекратилось.

Звенящая тишина. Капель.

"Мир-рынок, рынок-ловушка? Если так, странно, что я не налетел на подставку с каким-нибудь артефактом сразу в падении". Индиго сгруппировался, сел на колени, ощупал себя, ещё человек, ни во что не превратился. Искра за поясом, фонарика нет. "Бест, я потерял твой фонарик!.." Встал на ноги, щёлкнул искрой. Она у Индиго была несколько вычурная, в виде жука, — округлый артефакт на цепочке, из двух пластин, заходящих одна за другую. Увидел только свою дрожащую руку. На цепочке, с другой стороны искры в качестве противовеса привязан кусочек коряги, утащенной из растопки, сохранённый для красоты. Индиго решил поджечь его. Получилось не сразу. Ничего не разглядеть вокруг в свете маленького зелёного огонька. Но можно идти. Пара шагов, и огонёк погас от первого дуновения, только деревяшка тлеет. Поджёг снова. И так шаг за шагом, пока не подошёл вплотную к отражению зелёного огонька на мокрой стене, в трещинах и ручейках. Обсидианово-чёрная стена. Знакомо. Индиго стоял перед ней, соображая, коряга разгорелась ярче, и осветила его отражение на гладком мокром камне. Позади, или, скорей, вокруг себя он различил дышащего в затылок, насупленного телохранителя. И подскочил от неожиданности. Дракон! Нахмуренные брови, голубоватые белки глубоко посаженных глаз, огромных и круглых.

— О, небо и море! Дроид, ты здесь. Где мы? Ну, сейчас-то ты можешь ответить?!

Дракон молчал. В маленьком дрожащем свете Индиго впервые так близко разглядел его, напрасно ожидая ответа, — непрерывно, плавно расширяющиеся и сужающиеся зрачки дроида. Молчишь? Молчи. И отвернулся от дракона. Обсидиановые стены, капель... Подземелья! Он прижался щекой к камню, поймал струйку воды и сделал глоток. Точно. Чистая Вода забвения, она проскользнула в его уме по недавнему, тягостному впечатлению, бессильная смыть его, слишком мал глоток, не до того сейчас. Но это точно она. Подземелья... Какая же часть и насколько глубоко? Рынок в подземельях?

— Дракон, выведи меня наружу!

— Я телохранитель, а не проводник.

— Да ну?! — вспылил Индиго. — А дракон Сонни?..

Нет ответа. Белеют прикрытые глаза, скрипит чешуя, когда хвост, распрямившись, собирается в кольца.

— Исчезни!

Нет ответа. "Ненавижу! А ведь тоже дроид, и тоже дракон..." Индиго представил себе морду Лучика, не дождавшегося его, тающую в небе. "Этому не бывать!"

Сначала Индиго шёл осторожно, зажигая снова и снова гаснущий обломок коряги, потом бросил зажигать, шёл, выставив её тлеющим концом перед собой, пока не померкли и угольки. Затем он шёл, протянув руки, щёлкая искрой иногда. Спеша, падая, натыкаясь на стены, обходя потоки на слух. "Всё кончается, и континент, и подземелья под континентом..." Поверхность земли стала ровнее, стены отступили. Привыкнув уже пробираться по ним, Индиго несколько раз упал, потеряв равновесие на ровном месте. Встал и сорвался на крик. Белые Драконы не летают в подземельях, не летают там, куда нельзя опуститься вертикально с неба. Но ему так захотелось попытаться... Закрыв глаза... Представив в зените... В полуденном облачном небе... Откликнулось только эхо. Но какое эхо! Индиго понял, что оказался в высоченной пещере. Он присмотрелся ещё раз, без особой надежды к окружающему мраку и решил, что у него помутилось в глазах. Далеко впереди змеился туман дроидов. Неужели выход близко?! А сам рынок? Он его миновал? Туман дроидов немыслим на рынке. Индиго подбежал и вступил в него, рассеивающий тьму. Действительно беспредельная пещера. Выходом и не пахнет. Пахнет холодом, запретом, угрозой. И туман дроидов какой-то необычный, ни шёпота, ни перещёлкиваний, кроваво-красные огоньки. Они медленно разгораются и мгновенно гаснут, смотреть на это неприятно, тревожно. Странный туман.

Индиго с Чёрным Драконом за спиной шёл и шёл, туман сгустился, стало почти светло, но тем более ничего не видно, туман поднимался. А под ногами начали попадаться странные штуки. Металлически валуны, сложенные друг на друга, явно рукотворные, обтекаемые артефакты с одним заострённым концом. Много таких же маленьких, они звенели под ногами, откатываясь. Индиго поскользнулся на них и поднял один. Незнакомое что-то. Дракон зашипел за спиной. Артефакты сложной формы, пустая трубка с одной стороны, с другой утолщение, иногда с кольцом. У других эта трубка была двойной, или одинарной, но длинной. При иных обстоятельствах, обнаружив такое ничейное изобилие, Индиго был бы счастлив. Сейчас ему не нравилось ни место, ни сами артефакты.

Туман сомкнулся вокруг колен, непроницаемый, Индиго перестал различать что-либо под ногами. Змейки его больше не текли по земле, они поднимались, дрожа, под незримый купол пещеры, пробегали по лицу, и, красные, холодили его, а не согревали.

Когда Индиго не мог различить, кроме искорок совсем ничего и намеревался повернуть назад, обойти это странное место, туман поредел неожиданно. И снова похолодало. Индиго, остолбенев, увидел перед собой ниспадающий с высоты поток, тихий, без пены и брызг. Красные искорки разгорались и пропадали в водопаде. "Такая мощь за секунду смоет что

угодно, любую силу Впечатлений!" И тут он обратил внимание, что Чёрный Дракон не следует больше за ним, темнея, остался в тумане, светиться глазами, бить хвостом. А почему заметил? Дракон — тёплый дроид, принадлежит из первой расы к теплу. Похолодало сильнее.

"По всему, если рассуждать здраво, этот водопад и есть то, чего здесь не надо касаться. Такая вода, из которой не выйдешь. Вот я и не буду. Но можно ли обойти?" — думал Индиго, когда заметил своё отражение в водопаде, весь в красных искорках и дракон... И что делал дракон?.. Его дроид, его Чёрный Дракон удерживал нечто в тумане... Заслонял, как подумал Индиго, от него. "Ревниво, как тайну..." — так подумал Индиго, но он ошибался... Чёрные лапы раскинув, дракон удерживал за собой, состоящую из человеческих фигур и лиц, большую волну. Волну запретных Впечатлений. Увидев, что обнаружен, дроид ударил хвостом, распался на огоньки. Повеяло теплом на миг.

Не сдерживаемые уже никем, в зеркальной поверхности водопада проступили и потекли одна за другой непостижимые, немыслимые картины.

Ряды людей вставали у кирпичной стены, напротив другого ряда, лицом к нему. У них в руках поднимались горизонтально те артефакты, валявшиеся под ногами по дороге сюда. И после этого первый ряд весь падал. Такое повторялось снова и снова. Индиго начал приглядываться. Нет, не одни и те же, всё время разные люди. Стало ещё холодней. "Холодней уже некуда, небо и море!.." Они бывали одеты все одинаково, люди в одном ряду, иногда связаны, иногда на коленях, то лицом, то спиной. В других картинах второго ряда не было, люди лежали на земле, артефакты в руках, перед ними поле... И грохот, непрерывно. Взрывы, вой, раскаты, хлопки… Незаметно для себя самого Индиго подходил к водопаду. Подошёл вплотную и вздрогнул, увидев не фигуры вдалеке, а глаза близко-близко, смотрящие на него из невообразимой древности. Взгляд неопределённый и пустынный, как пустынная в трещинах земля, охватывая Индиго, был направлен на маленький, металлический цилиндр с заострённым концом, оставшийся у него в руке. Он, обладатель этих глаз на худом лице смотрел так, словно только что спросил что-то бесконечно важное для себя, и теперь, с напряжённым отчаяньем ждал ответа. От Индиго! Смотрел и ждал! Ошибки быть не могло. Холодно, совсем холодно сделалось под его взглядом… Так что же это: реальность, морок, Впечатление?! Невыносимо холодно... предельно. Индиго опустил взгляд и не поверил своим глазам, Огненный Круг почти остановился... Потемнело... Владыка Дом помстился ему, сиятельный, надменный, дроид последних секунд... И ладно, и хорошо...

— Он. Имеет. Право, — слова, как птички, раздельно, одно за другим слетели с высоты, — Знать!

А сам Индиго взлетел, раскрыв руки, воспарил им навстречу. Золотой дроид с тигриными, жёлтыми глазами держал его за локти, дунул теплом в лицо и оттолкнул от себя, от своего трона в середину зала без тумана, без водопада уже. Высший дроид второй расы 2-2, глава семейства Там. Справа от него остальные двое сидели на чёрных тронах: владыка Сад и владыка Дом, четвёртый трон пустовал. И множество, великое множество самых разных: видимых, полупрозрачных, проявляющихся только в движении дроидов находилось вокруг. Они приходили, уходили, некоторые стояли на одном колене, глядя на главу своего семейства и не двигаясь совсем. При виде их Индиго достало самоиронии подумать: "Ого, радуйся, ты всегда хотел увидеть нечто подобное!.." После чего от слабости он просто сел на землю.

Золотой дроид, владыка Там подозвал свою точную копию, стоявшую преклонив колено, сказал что-то тихим напевом. Тот приблизился к Индиго, светлый, жаркий, брезгливо взглянул на него, снял с себя и повесил цепочку ему на шею. Медальон, круглая бляшка, вдавленный

абрис дракона в полёте. Стало теплей... Стало шумно! Прекрасно и удивительно!.. Он словно сделался Восходящим снова, он готов был поверить в возможность подобного чуда! Только уже не манки дроидов он слышал, а настоящие их голоса! Все! Чудесные, разные, нечеловеческие... И как же они спорили!.. Люди, люди во всем!

О, это невозмутимое величие тронов! Эта раздельная речь!.. Всё иллюзия, всё напоказ. Их несомненная гармония оказалась состоящей из постоянного противоборства, из тысячи противоречий!.. Мечтал? Ты об этом мечтал? Смотри же. Индиго оказался в эпицентре событий, среди четырёх главных семейств второй расы, поразительная удача! С одной маленькой поправкой: предметом их яростных споров был он сам... Согревшийся, оживший, изумлённый Индиго вертел головой во все стороны, пока не наткнулся на взгляд тёплого дроида, повесившего медальон ему на шею. И не брезгливый вовсе, он смотрел с озорным лукавством. Дроид положил руку себе на грудь, отворачиваясь. Индиго сделал то же самое, тронул медальон и услышал отдельно от других голос этого дроида, голос тёплого ветра в траве: "Дурашка, не верти головой!.. Оставайся на месте. Отвечай только на прямые вопросы. Не смотри на пустой трон! Заметит — ты пропал. Не вздумай засмеяться. И убери руку с медальона, немедленно!.." Так сказал и сам рассмеялся, чудный дроид тепла. Индиго стоило усилий сдержать улыбку. Он отдёрнул руку от медальона и, конечно, немедленно взглянул на пустой трон... Пустой?!

Тот, кто сидел на четвёртом троне, глава семейства, Закрытого-ото-Всех-не-Дроидов, ничем, ничем, ничем не походил на остальных! "Не вздумай засмеяться?.." Он был страшен... Заинтриговавший Индиго самим названием семейства, казавшийся средоточием каких-то сложных, абстрактных, непостижимых материй... Он, четвёртый владыка... был шут, фигляр, паяц на троне!.. Ан, единственного взгляда хватило Индиго, чтобы понять, кто тут главный. Дроид в короне, он выглядел, как плешивый старикашка, полосатые штаны, пиджачок кургузый, рубашка с жабо, ядовитый смех и ярко-красные, тонкие губы. Он непрерывно вертелся на своём троне, закидывал ногу за ногу, разваливался на нём, залезал с ногами. Он непрерывно ссорил и высмеивал глав семейств и ничем другим не занимался. За спиной у него были растрёпанные серые крылья. Когда смеялся, он хлопал ими, когда задумывался, выдёргивал и грыз перо. Но, прикрыв наивно глаза рукой, бросив сквозь пальцы второй и последний пристальный взгляд, Индиго увидел на смеющемся лице те же глаза дроида, безупречные, непроницаемые. Паяц тоже принадлежал к холоду первой расы. Вокруг его трона коленопреклонённых, да и вообще никого, не было.

О чём же ругались дроиды? Давно ругались. То были первые долетевшие к Индиго слова владыки Там:

— Он имеет право знать!

Младшие 2-2, главы промежуточных малых семейств и многие одиночки 2-1 поддержали его:

— Это общее право!

— Люди знают во времени, а не в пространстве! А ловушка стоит в пространстве.

— Он не знал. Узнал, если б успел ответить!

— Только такие, как мы, только дроиды: слышат и поют, смотрят и излучаются. Одновременно. Человек останавливается, чтобы понять, чтобы получить ответ!

— Он не успел ответить, а значит не получил ответ!

Главы семейств Дом и Сад переглянулись, пожали плечами. Между ними явно существовало наибольшее согласие. Индиго решил, что они принимают сказанное. Уж кому-кому, а ему было очевидно: о чём бы ни шла речь, он не знал!.. Он совсем ничего не знал! Однако глава Сад возразил:

— Он не собирался отвечать... И прежде он не спрашивал.

Глава Там, золотой, желтоглазый удивился:

— А мог? У кого?! Он — утративший!

— У себя. Себе. Заранее. Разве дроиды виноваты, что поздно?.. Что обычный вопрос во времени, в пространстве — последний вопрос? Это у них, как на рынках с обменом: если не взял ничего с собой, никакого ответа заранее, собой он и платит за товар, пустой рукой касается. Холода. Владыка Там, они имеют все возможности НЕ подходить... Даже утратившие. Ты владыка случайностей, ты владыка путей, тебе ли не знать?

— Но вы, холодные дроиды, перекроили пространство! Вы завязали петлю! Открыли доступ к запретному.

— Открыли?! Мы собрали и закрыли Запретные артефакты, Запретные Впечатления со всех сторон, кроме одной лазейки. Так?

— Это сделало их смертельными!

Холодный дроид Зимний-Сад махнул руками:

— Ой, не это! Смертельными их делать не было надобности!

Но владыка Сад возражение принял:

— Верно. Артефакты давно пустяки. А вот что касается Впечатлений, одно их двух: либо они рассеяны повсеместно и опасны для всех людей с некоторой вероятностью, либо собраны вместе и смертельно опасны для того, кто зашёл.

Глава Дом добавил вопрос к общеизвестным аргументам:

— Владыка Там, называя чёрную дверь петлёй и удавкой, считаешь ли ты, что дроиды вправе полностью закрыть от людей созданное людьми? Правильно ли это?

— Не лукавь, — ответил ему золотой дроид. — Ты, а не я считаешь такой вариант правильным, наилучшим. Ты уничтожил бы и Запретные Впечатления и артефакты, после того как погибнут те, кого манят они. Поэтому дверь открыта! Поэтому в последний холод снова зашёл человек!

— А где ты был? — рассмеялся паяц на троне. — Где ты-то был?!

— Как где? — подыграл ему дроид Сад. — Он и вёл утратившего. Ну не мы же?!

— Каждый раз, — один из дроидов Дом, приближенный к главе семейства встал на ноги, — каждый раз одно и то же! Он сам пришёл! Сам, и этим всё сказано! Эта ловушка для хищников хоть раз ошиблась? Вы о каждом из них спорите! Мы вам в споре хоть раз проиграли?

"Но я не хищник... — подумал Индиго. — Тогда почему?.."

Один из тёплых дроидов встал между Индиго и остальными, подняв обе руки, обращаясь к собранию. На его одежде были золотые доспехи, геральдические львы на груди, солнечные зайчики бежали от них в разные стороны... Откуда падал свет?

— Он не спрашивал, — произнёс дроид, склоняя голову в знак согласия, сделал большую паузу и продолжил, упрямо подняв подбородок, — но! Он имеет право знать. Те, что идут по течению, и те, что, увы, идут против течения, не знают. Но те, в чью судьбу мы вмешались, имеют право узнать. Не заранее, так напоследок.

"Ой, вот это мне уже совсем не нравится..." То был дроид близкого семейству Там малого семейства Привратник, единственный из тёплых, взаимодействовавший с главой Дом часто и тесно. Поэтому глава Дом тоже склонил голову и ответил:

— Нет слова — нет эха.

— Владыка Дом, а сколько слов без эха?

Паяц завопил раньше:

— Три тысячи! Это наше право, наше! Смотрите, Дом обсуждает что-то с ковриком у

двери!.. С обувной щёткой, владыка, не разговариваешь? С ней он в ссоре! — захлопал крыльями и гордо расправил жабо на груди. — Оно наше: право трёх тысяч первых неотвеченных вопросов!

Глава Дом молчал, ни согласиться, ни поспорить. Привратник обратился к нему ещё раз:

— Ловушка не ошибается. Но кто-то проходит мимо, а кто-то насквозь. Он обжёгся холодом, а не запутался. Он прошёл сквозь ловушку. А если так, то имеет право не знать! Выйти и не знать!

"О!.. — заметил Индиго про себя, — это свежая мысль! Жаль не понимаю, о чём разговор... По себе судят, наверное, решили, что я хочу знать тайну... Спросили бы лучше, может, я жить хочу..."

— Не прошёл! — крикнул один из холодных дроидов. — Он всё видел! Так? Пусть ответит!

Владыка Сад вмешался в спор:

— Точно видел? Чего же ещё надо? Разве он не получил ответ? Промолчав, разве он сам Впечатлению не ответил?

— Я не уверен, — сказал глава Там, — что для человека значит видеть, если видел случайно, если не ожидал... Люди нового не замечают.

Он обратился к Привратнику:

— Позови Четырёхпалого, мы поймём, видел утративший или нет. Хотел ли увидеть.

Привратник поклонился, и пропел что-то с закрытыми глазами. Паяц, качая головой, щурясь, стуча ногтями по подлокотнику, заявил вдруг:

— Проигрываем!.. Мы проигрываем, глава Дом!.. Придётся идти к ним в услужение... Вместо твоего семейства Там слепит другое: Воздушный-Шар! Будет ветрами носить... Весело? А твоё, Сад, заменит на… Лабиринт, наверное... Чтоб уж никто, никогда... не оступился! И не вышел! И не остановился! Всё будет Там, а не здесь… Здесь ничего не будет. Про себя молчу. Как это грустно, проигрывать!

Владыка Дом, сидел на троне величественный, неподвижный. Не понятно: слушает, нет? Он затмевал и подобных себе. Так казалось Индиго, не сводившему глаз с него одного. После слов паяца царственный дроид нахмурился, и первый раз обратился к самому Индиго:

— Утративший. Ты видел бомбы?

— Что?

Ответа не последовало. Индиго вглядывался в непроницаемые черты.

— Ты видел пули?

— Что это?

Тёмный холод струился из зрачков высшего дроида. Ничего не защищало, ни медальон.

— Утративший. Ты держал их в руке?

Теперь Индиго тоже не ответил. Горечь подступила к сердцу, заслонив и любопытство и любование. "Почему — он?! Почему самый главный, самый важный для любого дроид источает такой непобедимый холод? Почему он ненавидит меня?.." Дроид молчал и ждал ответа. Даже его ожидание было непобедимым, как холод, как взгляд.

— Я не знаю, — ответил Индиго, — не понимаю. Я отвечу, если ты уточнишь вопрос.

Паяц... как же трудно не смотреть на него... крикнул:

— Проще! Владыка, спроси, поднимал ли он вещи с земли? Из тумана Памяти-о-Крови?

— Конечно, — вспылил Привратник, — вещи с земли поднимать нельзя! Это под запретом!

Паяц соскользнул змеёй с трона, рванул к нему и стал виться вокруг, толкаясь, переходя от дроида к дроиду. Жуткий и без того, он весь сделался, как ядовитое жало:

— Эти проклятые артефакты! Проклятые Впечатления! Мы нарочно собрали их здесь? Нарочно! Мы не можем уничтожить их? Какая жалость, мы не можем! Мы сделали это для

себя? Это оружие против нас? Разве?

Никто не отвечал ему. Дроиды сторонились, пропускали. Паяц не унимался:

— Может быть, милый владыка Там, мы злоупотребили властью? Может, обделили людей? Или им стало тесно? Понадобился ещё один, этот, последний, единственный зал? Помоги же им, владыка тепла, открой им путь повсюду! Впусти их сюда! Почему только хищники? Все имеют право! Знать? Не так ли? Право знать?.. Дроиды, любящие свободу, давайте отпустим Водопад-Памяти-о-Крови на свободу! Пусть знают! Пусть черпают из него! Пусть обжигаются холодом где угодно, куда разлетятся капли... Когда обожгутся, теплые дроиды, это и будет их право знать! И в мирах, дроиды? Память-о-Крови окажется и в Собственных Мирах?!

Привратника в золотых доспехах не смутил злобный словесный натиск. На то он и Привратник!.. Он прервал паяца:

— Мы говорили об одном человеке, и дальше будем говорить об одном. Он пришёл не за оружием, не как грабитель.

Вполне справедливые на первый взгляд, эти слова заставили Индиго сжаться от безысходности. Потому что нельзя, конечно, придти за тем, о существовании чего не подозреваешь, но вполне можно за тем, что целиком хочешь присвоить, как целый мир. И ещё потому что вызвали общий ропот в зале, среди холодных дроидов, и не только:

— Но он пришёл!.. Он пришёл сюда... Это главное!.. Только это и важно... Он сам пришёл сюда... Сам... Сам... Сам!

Мало-помалу дроиды смолкли, Индиго заметил, что они смотрят на кого-то за его спиной, и обернулся тоже. Вызванный по требованию главы Дом, за ним стоял дроид семейтва Там, Четырёхпалый. Принадлежа, как и всё семейство, к дроиду первой расы Тепло, он был одет в золотисто-лимонные искорки, однако, являясь по природе дроидом 2-1, имел белую правую руку, лишённую указательного пальца. Насколько дроид может быть удивлён, он удивился приглашению, поклонился главам семейств, извинился за задержку, сказал:

— Дверь запирал долго. На ключ.

И поклонился ещё раз. Совсем не страшный дроид, только рука немного странная.

— Четырёхпалый, — обратился к нему глава Дом, — произнеси. Кто ты, как одиночка? Имеешь ли антогониста?

— Имею. Я дроид второй расы 2-1 Здесь-и-Сюда, — и рассмеялся, называясь, — а мой антогонист, — он повернулся к трону главы тёплого семейства, — ближайший к высшему дроиду Там одиночка 2-1 Прочь-Навечно.

— Имеет ли он влияние на тебя? Отторжение? Притяжение?

— Нет, владыка Дом, никакого не имеет.

— Прекрасно.

Высший дроид Дом поднялся с трона и, глядя на Индиго, спросил медленно, раздельно:

— Дроид 2-1, одиночка. Мы решаем. Получил ли утративший ответ. Скажи нам, Здесь-и-Сюда. Хотел ли утративший зайти?

— О, да! — дроид, откинув голову, рассмеялся. — Он очень хотел зайти!

— Всё?! — паяц закинул ноги на подлокотник трона, — всем понятно? Все довольны?

— Благодарим тебя, — сказал дроид Дом Четырёхпалому.

Привратник вздохнул и добавил:

— Можешь идти обратно.

Так же, как владыка Дом, спрашивал у дроида, а смотрел на Индиго, так и он, слушал заново разгоревшуюся перепалку, думал о своей, вплотную подошедшей судьбе, недолгой, неудавшейся жизни, а смотрел на его ледяное, невозмутимое величие. "Здорово, — думал Индиго, — у них всё складывается. Я получил ответ на вопрос, который мне неведом. И

подтвердил это дроид, сказав, что я хотел зайти туда, куда не решился, не решился бы..." Но где-то в глубине души, Индиго не спорил, а соглашался, в голове крутились слова, сказанные Бестом: "Желания, это мысли. Запомни, желания — это мысли, а не чувства..." Эти слова оставались на периферии сознания, теперь всплыли. "Выходит, все они правы, и дроиды и Бест... Я должен знать, что за вопрос. Но я не знаю! Наверное, я мог бы угадать... Но зачем, если, оказывается, я уже получил ответ!.."

Глава Дом, глава наиважнейшего и самого большого семейства, подавляющий, презрительный, безмятежный, сидел на своём чёрном троне, отдавая только холод, забирая всё внимание Индиго, всё тепло, всю жизнь. Гнев и тоска поднялись в нём.

"Почему бы мне не спросить, а им не сказать, по-простому?.." — но немедленно он вспомнил, трудно вообразить, про три тысячи первых вопросов. "Если шут не шутил, ха-ха... Он не шутил, о нет!.. Как же успеть их придумать, как задать эти три тысячи, на которые дроид имеет право не отвечать? Не хочет отвечать!.." И он представил себя перед лицом высшего дроида говорящим, говорящим, говорящим... "Три тысячи! Для Беста — легко!.. Почему ты не отзываешься, непостижимый дроид?.. Зачем мне ответ? А зачем тебе молчание? Да, я грабитель, но… Небо и море, не за странными штуками, а за самим Пустым Чёрным Миром я пришёл сюда!.. За утраченным Собственным Миром!.. За тобой, царственный дроид!.. Почему ты ненавидишь меня?.."

Страшный паяц прыгнул с трона, приблизился к Индиго и стал обходить его кругом, разглядывая, задевая полой пиджака, наклоняя голову и так и эдак. Индиго смотрел мимо, дальше его, насквозь, изо всех сил стараясь не выдать себя. "Пусть не отвечают, я должен заговорить, чтобы отвлечься от него..."

— Дроиды...

Паяц остановился напротив и перебил его:

— Ты должен не замечать меня на троне! А здесь — можно!

И щёлкнул ногтями по медальону. Индиго вздрогнул, дроиды замолкли. Стемнело и похолодало разом.

— Закончим с этим, — продолжил паяц. — Дети мои, — он обвёл глазами дроидов со злой намешкой, — вот мы и пришли к согласию! Снова! Как всегда! Мы не вмешиваемся в права людей лезть куда не надо. Холодно ли, тепло ли, с открытыми ли глазами, с закрытыми... В первый раз или последний... Мы, дроиды, людям только помогаем!

Пока он говорил, Чёрный Дракон, телохранитель Индиго выплыл к нему по воздуху... Приблизился и замкнулся в Чёрный Круг напротив его Огненного Круга.

— Нет! — сказал глава Там. — Сегодня у нас есть ещё два голоса. Голоса тех, кто может вмешиваться в права людей! И один из них человеческий! Он создал новое, не существовавшее прежде. И оно станет общим, станет Впечатлением однажды!

Паяц обернулся к нему:

— Как это возможно? Хозяин мира? Новое?!

И захохотал.

— Не хозяин. Изгнанник, утративший.

Паяц обернулся к двум холодным дроидам:

— Ваше слово.

Глава Дом кивнул, признавая, есть такое. А глава Сад поднялся и сказал:

— Мы должны видеть.

После чего они увидели, Индиго тоже, никогда не думал, что такое возможно... первую

расу. Обоих высших дроидов первой расы во плоти, в облике людей, то есть.

Они пришли, как музыка в пространство. Тихий-тихий минор и тихий-тихий мажор, не сливаясь, не усиливаясь, наоборот, затихая. А на пределе слуха остался один септаккорд мучительно-тревожный, и два человека, серебряный и янтарный, начали спускаться с высоты. Один сквозь другого, как в дверной проём. Индиго заметил, что они идут, но не приближаются к земле.

— Что за новости, — спросил паяц, запрокинув голову, грубо.

— Это правда, — не прекращая движение, ответили два человека в один голос, — он создал закон. Создал Конвенцию...

Пропели, встали лицом друг к другу, обнялись, рассмеялись и рассыпались на золотые и серебряные огоньки. "Бест!.. — подумал Индиго. — Я потерял твой фонарик..."

— Ну, уж и создал... — проворчал паяц. — Переписал, наверное. Увидел во Впечатлении...

— Как создал? — поддержал его дроид Сад. — Записал? Придумал?

— Исполнял, — ответил глава Там. — И неважно сколько законов древних законов можно увидеть во Впечатлениях.

— Не принимается! — крикнул паяц. — Это не новость, мало ли кто чего исполняет!

— Нет! — выступил вперёд знакомый Индиго дроид 2-1 Отторжение, полосатый, жуткий. — Не просто исполнял! Дал обещание и принял обещание от каждого, кто захотел повторить!

— Ладно, зови!

Дроид Отторжение усмехнулся паяцу:

— Не в этот раз. Предчувствую, утративший ещё встретится с тобой и решит немало судеб... А сейчас у нас гости.

Он подмигнул Чёрному Дракону Индиго. Тот расширил круглые глаза, выпустил хвост из зубов и растворился вместе с сумрачным своим теплом. Наверх подняли лица дроиды зримые и полупрозрачные, стоявшие, сидевшие вокруг, и главы семейств на тронах, и паяц, и задохнувшийся от восхищенья Индиго. Белый Дракон с волнистой гривой, сияющий, голубоглазый спускался широкими кругами... Вот он перекувырнулся в полёте и встал на землю.

— Прими нормальный облик! — рявкнул паяц.

— Твой, что ли? — фыркнул дракон, преображаясь в юношу белого цвета, но не как дроид холода, а как молоко или сахар, и продолжил, потягиваясь. — Очень удобно, что вы всё никак не почините крышу... Иначе, меня позвали, а я бы не смог придти... Как же так? Зов — долг мой...

И подмигнул Индиго, открывшему рот... "Да, я звал! Небо и море!" Дракон огляделся с недовольной гримасой:

— Мрачновато, ой мрачно тут...

Глава Там откровенно наслаждался представлением, откинувшись на троне. Паяц сел на свой и подобрал ноги. Юноша-дракон направился к нему мимо всех остальных, прямо. Остановился перед троном и произнёс раскатами низкого, громового голоса:

— Белые Драконы!!! Это дроиды независимые навсегда!!! Мне ничто ваши законы! Мне ничто ваши ловушки!.. Я делаю то, что хочу!

Отошёл, с кем-то в толпе переглянулся, кому-то с улыбкой поклонился:

— Вы уж извините...

Подошёл к Индиго:

— Живой?

Обратно преобразился в дракона. Подождал, пока тот, веря и не веря, решится сесть... И вынес его из подземелий на свет, поднимаясь широкими кругами.

Глава 12.

Глава 12.

Индиго улетел с прекрасным и преданным другом из Пустого Чёрного Мира, но из пустоты в своём сердце не смог улететь. Глава Там оказался ближе других к истине, Индиго прошёл ловушку насквозь, как и сквозь всё остальное, что могла предложить ему жизнь изгнанника, она не захватила и не удержала его. Только владыка Дом отпечатался на сетчатке. Индиго говорил лишь о дроидах, думал о дроидах... И он очень обидел дракона, повторив многократно совершённую до него глупую попытку... разбиться. Залетев высоко, спрыгнул, был пойман драконом, снова и снова, и так до самой земли, на которую Белый Дракон злорадно позволил ему шлёпнуться. Но зато он заговорил, а не хотел ни в какую...

— Ладно, что ты хочешь?

— Для начала, почему — ты — не говоришь со мной, почему — ты?!

— Я дроид... — фыркнул дракон, в этом смысле я от других не отличаюсь. Отвечу: у каждой расы дроидов есть секрет, или несколько, знать которые человеку не надо. Но когда начинаешь отвечать, неизбежно к ним приходишь, неизбежно...

— И какой у Белых Драконов?

— Вот!!! Вот, я только что...

— Понял. Не понял... а почему не надо?

— Ну, вот же!!!

— Но ты сам мог начать с чего-то другого!.. Ой, нет, я спросил...

— Ой, вот именно!.. — передразнил дракон. — Я хочу, чтобы ты так больше не делал, не падал. Чем я могу тебе помочь?

"Неизбежно приходишь... — повторил про себя Индиго. — К вопросам закрытым от людей... Значит, я хочу подойти к ним ещё один раз, последний..."

— Я хочу, — заявил он с торжественным отчаяньем, — один единственный разговор с дроидом, как с человеком, с главой семейства Дом. Это возможно? И в этом ты способен помочь? Если нет, то прости меня за выходку, я не шантажист, не хотел тебя обидеть.

— Представь себе, способен. Но пойми, что Дом — дроид холода!.. Секунда его пребывания весит не меньше, чем всё тепло, в круглой штуке у тебя на груди. Это будет единственный и короткий разговор. Дроид не причинит вреда человеку.

— Вот про это не будем...

— Ты не понял произошедшего...

— Я и пытаюсь понять! Значит, да?

— Да.

Амарант и сильно переменившийся Индиго играли теперь периодически в "философию". Вернее сказать, Амарант играл, а Индиго работал игрушкой. Но начинал именно он, приставая с вопросами.

— Как ты думаешь, почему Царь-на-Троне совершает такое одним своим появлением, почему он настолько прекрасен?

— Индиго, — отвечал Амарант, — я загадаю тебе загадку, а когда ты мне ответишь, то и я тебе отвечу.

— Чёртов ты дроид, — соглашался Индиго на его условия, — как же мне это надоело.

— Ничего, если интересно, подумаешь. Думать полезно и увлекательно. Слушай. Представь себе круглый гладкий диск, он вращается. Теперь скажи, та точка в центре его, которая не вращается вовсе, она есть или её нет. Ответь, и я отвечу.

— Нету её, если он весь вращается.

— Как же так, ведь это цельный диск? Значит, там дырка в центре. Ответ не принимается. Ты торопишься, иди и подумай.

— Ладно, она есть.

— Не может быть, Индиго. Он же весь, а не вокруг неё вращается.

— Она и есть, и нет. Она очень маленькая.

— Игра слов. Увидимся.

— Конечно, чего от тебя и ждать...

И при следующей встрече расклад повторялся снова, пока Амарант не начинал подсказывать:

— Индиго, я сказал: "диск — вращается", внимание, я спросил: "есть или нет?" Понимаешь? Два на два. Диск, это предмет, это пространство. Вращение, это действие, это время. Есть или нет в пространстве? Есть или нет во времени? Почему ты думаешь об этой точке сразу и только лишь в пространстве? Возможно, я спросил, есть ли она во времени?

Индиго слушал дальше, открыв рот и "чёртовым дроидом" уже не обзывался.

— Смотри, — продолжал Амарант, — мы видим Огненный Круг, как кольцо. Но об этом говорит только зрение. А если он — диск? И в центре та самая точка? Он крутится, он есть. И она есть, конечно, — в пространстве, в груди. Но не во времени! Раз в ней вращения нет... Для неё нет времени, нет кружения, нет перемен. Как прекрасно! Это Царь-на-Троне, пребывающий в середине твоего Огненного Круга, Индиго. Разве он не прекрасен? Каким ещё ему быть?

Захваченный картиной, Индиго проговорил шёпотом:

— Почему же он дроид?.. Значит и я — дроид?

И снова Амарант отвечал ему:

— Это игра слов. Иди, поразмысли на досуге, что дают наименования, а чего они не дают.

— Ладно, — говорил Индиго, — а холодные дроиды?

— Что?

— С чем ты сравнишь их?

— Возможно, с твоим упрямством? С желанием получить ответ, не задав вопроса?

— Пропади ты в море! С твоей стороны, это тоже только игра слов, красиво сложенные слова!

В другой раз Индиго спикировал к нему на драконе, кубарем скатился на верхнюю террасу и начал без предисловия:

— Если принять твою аналогию с диском, почему же любой так страшится финала? Огненный Круг замедляет вращение, пока он не остановится, не сравняется, не превратится весь в свою центральную точку, вне времени, вне вращения, которую ты сравнил с Царём-на-Троне, с прекраснейшим дроидом! И это должно быть прекраснейшим переживанием!

— А где противоречие? Возможно, так и есть. Ведь не случайно мы видим его лицо только в критические моменты. Возможно и в последний момент, просто некому рассказать.

— Ерунда, Амарант. Так все стремились бы к смерти, но никто не хочет умирать. Откуда тогда этот страх и мучительный холод?

— Ну, так может проявляться действие холодных дроидов в принципе... Разве не сам ты

рассказывал, что они находятся с теплыми в противоборстве?

— Да... Но это значит, холодные дроиды нам попросту враги?..

— Интересная у тебя логика! То есть, те, которые холодом отстраняют нас от падения в собственный Огненный Круг, вращают его, образуют время жизни, это враги? Только для того, кто не хочет жить! Допустим, изгнанник — это ошибка. Но Восходящим они совершенно точно друзья. Подумай сам. Всё, что делается, всё, что можно собрать, собирается холодными дроидами. И немножечко окутывается дымкой семейства Там, помещается в его тёплые руки.

— Да, но потом, после?.. Я не понимаю. Они начинают вредить?

— Чем же вредить? Чем, Индиго?! Я вижу это так... Вот вместе с огромной мощью одного, двух, трёх, больше семейств Восходящий собрал себе прекрасный ледяной дворец Собственного Мира, сложил из Впечатлений. Их работа закончена. Холодные дроиды отдаляются. А Восходящий заходит, оставаясь там внутри, без Огненного Круга, без Царя-наТроне, без Чёрного Дракона, телохранителя, безо всех тёплых дроидов, там они не нужны, вокруг — Собственный Мир! И облачный мир начинает тихонько-тихонько таять. Подумай, всё наоборот: потому хозяева и живут настолько дольше изгнанников, что у них есть чему таять вокруг, а у нас только тело. Тело — Собственный Мир, а хозяин — центр Огненного Круга. Для изгнанника.

Индиго молчал, он не умел спорить с Амарантом. Он соглашался, но уносил в сердце не проговорённое беспокойство, пелену недопонимания. Да и почему, собственно, Амарант должен знать всё? Он ведь и не знал тоже, рассуждал вслух...

— Но почему!.. Почему, почему, за что?! Почему они не дадут нам второго шанса?!

Эту печаль Амарант понимал и не стал задавать загадок, ответил бесхитростно:

— У меня есть одна мысль, Индиго... Мы ведь люди, потомки людей... А они жили не миллионы лет, десятилетия. Возможно, Собственный Мир создаётся лишь за срок прежней человеческой жизни. И дроиды здесь ни при чём...

В один прекрасный день Белый Дракон Индиго выполнил обещанное.

Словно обычный человек верхом на драконе, владыка Дом опустился на край ущелья, сел поодаль и отвернул своё красивое лицо, холод от которого излучался втрое сильней. Снова он услышал тот же вопрос, про Собственный Мир, и подтвердил слова проницательного Амаранта:

— С момента утраты... Сила Огненного Круга не достаточна для создания, для завершения Собственного Мира. Неужели ты не чувствуешь? Время ушло. Безвозвратно. Это не наша вина. Не моя. Утративший. Я не отворачивался от тебя. Это ты отвернулся от меня однажды. Я не могу помочь тебе. Могу только навредить. Ты ведь чувствуешь холод, как же ты сам не понимаешь?

— Совсем?.. Ушло безвозвратно... Зачем же осталось то, что осталось? Огненный Круг? И его тепло? Заберите...

— Утративший, гостем ты можешь стать. И хозяином. То, из-за чего вы стремитесь в Собственный Мир, это не собирающие дроиды холода, это дроид тепла, преображения: Я-Владыка... Он делает Собственный Мир таким пленительным для вас.

— Не хочу... Заберите всё, что осталось.

— Если б и мог, — Дом улыбнулся, — не рискнул бы. У тебя два Чёрных Дракона, один из них белый. Видишь ли, войны между дроидами не завершились в нашу пользу. Они... просто завершились. Перемирием. И в те времена Белые Драконы, как бойцы, были много сильнее и высших дроидов и других драконов.

— Правда?! Были войны дроидов?

— Правда.

Индиго ожил от любопытства, но тут же сник.

— Я не хочу ничего больше. Не знаю, как мне жить. Как другие живут? Я смотрю на них, но не понимаю.

— Ты стремился говорить со мной? Мы не зря избегаем пустых разговоров. Как видишь, они ничего не дают. И не зря: три тысячи первых вопросов.

— Ты прав. Вы все, кроме меня, всегда правы. Забавно, ты дроид, я мог бы создать тебя...

— Ну!.. — глава Дом рассмеялся. — Давно уже дроиды создают людей. Не от начала, но до конца!

— Три тысячи первый вопрос. Дай мне совет, дроид.

— Утративший, ты опять промахнулся. Это не вопрос, это просьба.

— Больше, чем просьба. Я люблю своего дракона, но я хочу...

— Умереть? Я дам тебе совет: подожди. Спешить некуда...

Владыка Дом позвал Белого Дракона, взлетел на него, и обратил к изгнаннику холод своего прекрасного лица на прощанье, назвав его по имени:

— Индиго, — добавил он вдруг, — ты не первый утративший в мире, который не знает, чего он хочет... Подожди.

Озаботься кто-нибудь произошедшей в характере Мурены переменой, не смог бы найти объяснения. Она стала такой загадочной... Она сделалась совершенно нормальной, какой не была сроду. Нормальней самого робкого изгнанника, проводящего свою жизнь, кочуя от одной к другой дождевой туче, продолжая собирать Впечатления, как до момента утраты, только уже бесцельно, даже вопросом о цели не задаваясь. Единственно, чем и в дождевых странствиях Мурена отличалась от остальных, та энергия, с которой она предавалась новому для себя занятию. Делу для прочих свободному, отвлечённо-приятному она посвящала все дни с методичностью и упорством. Некому было удивиться этому факту, пятеро знали причину, а большинство почти не видали Мурену в пещерах.

Бест, отошедший от травмы, не переменившийся ничуть, занимался теми девятью новенькими, из-за которых едва не погиб. Пока что Изумруд, который умел распознавать тени и освобождать от них, не появлялся. И появится не раньше, чем выяснит причину столь слаженных действий винторогих теней, да и само их происхождение. Впервые пещерным изгнанникам пришлось сделать что-то вроде тюрьмы на переходе в подземелья, загородку из веток и коряг. Новички были опасны для других и не меньше — для себя. Достаточно ли собиралось народа, что бы назвать это Общей Встречей, или несколько человек прилетали переночевать, или он был один, остальные менялись обновками и делились новостями, но каждый вечер, когда зажигали зелёный костёр у входа, Бест осторожно, не отпуская от себя, выводил одного из них в зал. Садился напротив, ставил между новеньким и собой любую имеющуюся воду Впечатления, опускал в неё руки, его и свои, и пытался разговаривать. Напрасно. Они молчали. Облачные путешествия Мурены приносили такое количество и разнообразие Впечатлений, что порой их хватало, чтобы заполнить все чаши и ракушки для действительно Общей Встречи. К сожалению, каждый из новичков побывал на ней не единожды, а не прояснилось даже то, умеют ли они говорить. Не хотят? Или не могут? Ситуация заходила в тупик. Большинству в группе мешало, не физически, так морально, наличие непонятных пленников. И не один раз изгнанники заговаривали между собой, не тот ли это случай, не те ли "особые причины", достаточные для расставания. К Бесту, однако, с таким

разговором не смели подойти. Разговор с Индиго об его приключении тоже не сложился. Бест обидел его, не понял, когда Индиго, закончив повествование, спросил с вызовом:

— Ну и что ты теперь скажешь о безопасности дроидов?..

— Да то, что и всегда. Индиго, разве они нападали? Разве не правда, что ты сам пришёл туда? Они отсрочили твою гибель ради вопроса загадочного, но принципиально важного по их мнению. Они вмешались не во вред. И не судили тебя, а решали, получил ли ты причитающееся по праву.

— Великолепно! А Чёрный Дракон вокруг сердца?

— По факту, он не сделал тебе ничего плохого. Нет, я понимаю…

— Да ничего ты не понимаешь! — воскликнул Индиго и прекратил спор.

Скоро он встретился с главой семейства, после чего охота открывать рот покинула Индиго насовсем. Он последовал совету, он ждал, думал, злился и ждал. Неизвестно чего. Надменное, прекрасное лицо неотступно светилось перед его мысленным взором.

Глава 13.

Глава 13.

Амарант отправился к своему тайнику в подземельях, мимо Сонни, смотрящего на тесную стайку новеньких за загородкой свежееомытым взглядом как будто невидящих глаз. Ожидая обещанную книгу, Бест перекладывал на земле древние, пожелтевшие страницы, вырванные, разрозненные. На них даты и события, короткие сообщения: родился — умер, началось — закончилось. Разрозненные страницы и содержание такое же, не складывается ни во что. Мурена следила за его руками.

— Не выходит, — сказал Бест, кивая в сторону загородки, — не получается ничего. Надо посоветоваться. Где твои подводные друзья?

— В море, — ответила она нарочито коротко, небрежно.

— Он мне так помог, а мы до сих пор и не познакомились. Так ли мало у него знаний? К тому же, он, хозяин Собственного Мира, имеет больше шансов выяснить у дроидов, что с этими девятью... Можешь найти его, Мурена? Было бы очень кстати.

— В Великом Море? Бест, как я его тебе найду?

— А как впервые нашла? — спросил он с улыбкой.

— Я объяснила, как. Перед тем я видела Царя-на-Троне.

— Помню. Да не, я не прошу тебя. Сам хочу попробовать. Моя очередь, никогда, считай, и не плавал.

Вот этого больше всего Мурена и опасалась... Такого поворота.

— Что ты хочешь попробовать?! Бест, море, особенно в глубинах, очень-очень холодное! Ты не можешь попробовать!

— Могу. Мурена, я вполне живой. И, главное, я выхода не вижу. Не прогонять же этих несчастных? А вдруг их состояние прогрессирует к худшему, только снаружи не видно? Мне надо посоветоваться хоть с кем-то ещё! И, желательно, с дроидом.

Мурена встала, прошлась, как дракон в небе, кругом, вдохнула и сказала:

— Посоветуйся с моим.

Бест не заметил её метаний и даже не особо удивился.

— С твоим? Откуда, кто он? Дроид 2-1, холодный, что-то с путями-дорогами?

— Нет, — Мурена ответила, уставившись вверх. — Тёплый дроид, разговорчивый... Я-Владыка.

— Круто! — Бест иронически взглянул на неё. — С таким глюком я ещё не сталкивался! Вот не зря предупреждал, что опасно гулять в Туманном Море дроидов. И давно у тебя эта идея?

— Бест, я — хозяйка Собственного Мира. И Я-Владыка, мой дроид.

Торжественность её тона не произвела должного впечатления на Беста. Он только развернулся, скрестил руки на груди и уточнил иронично:

— И давно ты стала ей? Как, не секрет если?

— Сонни подарил, знаешь ли... и такое бывает. А ему проиграла подруга. В шашки...

— Сонни-сан?! Селена? — ирония пропала из его голоса.

Бест задумался, соотнёс в уме Муренино путешествие, своё исцеление, чёрного юношу с его неординарной судьбой и поверил её словам.

— Селена?! — переспросил он. — Невероятно! А она сама?..

— А она достаточно счастлива, чтоб между делом проигрывать миры!

— Уму непостижимо! Почему ты не говорила?

— Вот же, говорю.

Мурена опустилась на колени, села на землю:

— Тебе надо поговорить с дроидом? Бест, я приглашаю тебя в мой Собственный Мир!.. Ты зайдёшь?

— Конечно! В чём проблема?

"Камень с души! Небо и море! Благословение дроидов, неужели действительно может получиться!"

— Ну... Я дружу с двумя хищниками... Положа руку на сердце, ты никогда не доверял мне, ни одной моей идее, касательно Великого Моря...

— Я всегда доверял тебе, Мурена! Это несправедливо. И дружи ты хоть со всеми Чудовищами Глубин! А идеи твои глупые, но это уже совсем другой разговор.

— А твои умные!.. Не об этом. Слушай, ты ведь с Селеной тоже не повидался... Вкратце, Изумруд владел двумя мирами, своим и брата...

— И один из них, мир брата, достался тебе.

— Точно.

— По крутизне её ставок на шашечную партию, могу заключить, что Селена с юношей делят один мир на двоих, что их полностью устраивает...

— Да, Бест, твой ум не замедлился вместе с Огненным Кругом, правильно понял, так и есть. И он действительно потрясающий, у Изумруда мир, созданный одним лишь семейством Там...

— Ты была гостьей?..

— Ага. И хозяйкой, веришь?!

— И какой же он после этого хищник?

— Очень-очень сильный. Он наисильнейший в Великом Море, Бест.

— Понимаю, но я о другом. Теряешь Чёрного Дракона не от того, что силён, а от того, что отнял чью-то жизнь или чей-то мир.

— Ты зануда.

— Но это важно.

— Я так рада, что...

— Что?

— Ничего. Если хочешь попытаться разговорить моего дроида, полетели. Скоро ночь. Или сейчас или завтра уже.

— Полетели.

Они вышли из пещер навстречу закатным облачным мирам, растянувшимся, заалевшим, обведённым золотым светом с недостижимой стороны. Бест позвал Белого Дракона и прыгнул на него. Полу рубашки отнесло ветром. Огненный Круг, после ранения видимый всегда, вращался медленно-медленно-медленно... "Всё получится, — сказала себе Мурена, — всё готово и всё получится... Никаких туч по дороге, ни новичков, ни знакомых, ни новостей!.. Я уверена, я не сомневаюсь..."

Мурена указала направление, а сама отстала от его быстрого ездового зверя на своём юрком, тонком драконе. Она лавировала между маленькими плотными облачками, то теряя Беста из виду, то замечая вновь. Пару раз он обернулся, спрашивая взглядом, в правильную ли сторону летит. Мурена кивнула: туда. "Неужели это, всё это в последний раз, — думала она, — последний, самый последний?.. Если повезёт, так и будет. Бест на драконе... В закатных облаках... Никогда больше? Трудно поверить..."

Почти стемнело, Муренин облачный мир показался над горизонтом, широкое синее облако,

первое от земли. Оно напоминало формой старый вулкан на восточной оконечности Морской Звезды, только ниже, приземистей. Луч танцевал в глазах путников, пробиваясь у основания.

— Вот он, — сказала Мурена, догнав Беста. — Туда.

Они направили драконов вниз и рядом подлетели к горизонтальной позолоченной раме.

— После тебя, — сказал Бест с улыбкой.

— Да уж, наверное, — буркнула Мурена и прямо с драконьей спины скользнула внутрь. — Я скоро.

Бест остался один.

Правую и левую стороны в раме, в прихожей мира, занимала решётка ограды: кованая лоза, переплетённая ромбиками между прямых опор и металлические птички на ней. Дверца посередине украшена сложным вензелем и открыта, распахнута внутрь. Однако там тоже поздний вечер и ничего не видно, едва различимы купы кустов, да лента тропинки. На ней, невидимая снаружи, сидела Мурена и повторяла срывающимся шёпотом: "Никаких повелительных слов... никаких повелительных жестов... всё хорошо, всё уже получилось..." Она поднялась, долго смотрела на силуэт во входном проёме, широкоплечий парень между драконьих крыльев. Вдохнула и подошла.

— Размышляла, — спросил Бест, — о человеческой природе? И кто кому не доверяет?.. Мы так низко над морем, что если бы чудовище выпрыгнуло вдруг, я мог бы поймать его за хвост.

Мурена содрогнулась.

— Входи.

Она подняла левую руку и торжественно, медленно опустила, указывая в Собственный Мир. Что-то тихо звякнуло в раме. Бест шагнул на её край, тряхнул головой, изумляясь происходящему, и спрыгнул вниз, на дорожку.

Да, там был вечер, но светлый. Кусты оказались пушистыми сосенками с причудливым изгибом стволов.

— Совсем, как у меня были! — воскликнул Бест, — То есть, могли быть...

Но не сосенки главное в Собственном Мире. Нежданный, глубокий, тёплый покой охватил его, великое многообразие цветов и запахов, шуршаний, шелестов. Как же холодно было снаружи, а он и не замечал. Свечи высоких розовых соцветий покачивались чуть-чуть. Мох и немного вереска островками на холмистой земле. Бест не сделал ещё ни шагу.

— Это иван-чай, — сказал он Мурене шёпотом, — я знаю, я искал его для своего лета... Ты запомнила? Я рад, кому-то пригодились мои планы. Здорово... Ведь, правда, вышло здорово?..

— Да. Кстати, ты же гость, способен изменять. Исправь что-нибудь, если хочешь, я не обижусь.

— Нет, нет. А как же ты делала? А, ну да, тоже гостем, из артефактов...

— Из простых камешков. Селена набрала их для меня несметное количество, и сидела здесь одна, хозяйкой, пока я носилась за Впечатлениями, искала, как что выглядеть, благоухать, звучать должно. Ей было очень, очень скучно!

Бест рассмеялся:

— Не зря, вышло прекрасно!

И они направились к дому в конце дорожки. Одноэтажный, с чердаком. Створка двери приоткрыта наружу. Комната без мебели, за исключением квадратного низкого столика, широкая столешница отделана перламутром.

— Артефакт, — сказала Мурена, — подарок Изумруда, сам нашёл.

— Не знаешь, он вообще бывал на рынках?

— Думаю, нет. Либо очень давно. Мы услышали бы про юношу чёрного, как дракон.

— Наверняка.

Два окна, застеклённых квадратиками. Ещё дверь с другой стороны, в углу, коврик перед ней, круглый. Мурена проследила его взгляд.

— Больше комнат нет, пейзажи.

— Там или Сад? В них можно зайти?

— Сад, конечно. Мир огромный.

— Покажешь?

— Может, завтра? Я, когда первый раз вошла в чужой Собственный Мир, вообще потеряла счёт времени. Даже не знаю, спала или бодрствовала, но что такое отдохнуть и растаять, я не знала до того момента.

— Таять я не хочу.

— Ты меня понял.

— Не-а, не понял. Но я очень хочу спать, сильней, чем обычно.

— Это я и имела в виду.

"Конечно, не понял, есть разница, я же сразу осталась плавать там хозяйкой!.." Бест кивнул и спросил:

— А вот, как бы от стен, тихое пение, это голос твоего дроида?

— Наверно. Я слышу изнутри, иначе.

— Он мне ответит?

— Попробуй спросить. Попробуй завтра. Ты всё равно не полетишь ночью обратно. Да и ничего настолько важного сходу он тебе не сообщит. Откуда тёплому дроиду облачного мира знать проблемы изгнанников, раненых тенями? — и добавила. — Завтра его голос станет ближе, отчётливей.

— А что изменится?

Мурена разглядывала радужный свет уходящих лучей на верхних стёклышках окон, как он играет, перемещается, гаснет.

— Что-то изменится... Завтра будет другой день.

— Ладно. Тебе виднее, — глаза всё равно закрывались сами. — Ты можешь пока с ним поговорить...

Бест снял рубашку, скрутил её и сунул под голову, растягиваясь на спине.

"Надо же было не сделать ни гамака, ни подушки... Я совсем невменяемая, о чём думала? О сезонах..." Мурена направилась ко второй двери, украшенной мозаикой по периметру, квадратиками цвета морской волны, приоткрыла её, а там уже звёзды... Она постояла под огромным небом, прислушалась, заглянула обратно. Спит. "Доброй ночи тебе в Собственном Мире, Бест..." На цыпочках Мурена пересекла комнату и вышла в первую дверь.

Не единожды с момента утраты Бест видел этот сон. Будто он не утратил. Сон про то, как распадается, подобно дроиду, на огоньки тумана, взлетает к облачному эскизу и там, в середине его собирается вновь, полновластный, беспредельно счастливый. Но на сей раз как-то особенно ярко. Ярко?

Он открыл глаза. Солнце! Настоящее солнце! В гранёных уголках оконных стёкол оно разбросало радужные лучи, влилось в приоткрытые створки. Бест подставил руку под него, попытался схватить. Непередаваемое, волшебное счастье. Вся комната блаженствовала, преображалась от солнечных прикосновений, шашечки паркета, перламутр на углу стола. Бест увидел на нём чашку с водой, белую целиком, просвеченную насквозь. "Что там, Впечатление или забвение?" Он отпил глоток. Ни то, ни другое. Просто вода, просто солнце в Собственном Мире. Даже не выходя из комнаты, любоваться им можно вечно. И голос. "Голос дроида?" От

предметов, к предметам, к видимому и обратно, от сердца шла песня дроида, которое здесь... под рукой. Из глубины... Распространяется, переливается... Ей нет предела. "Как странно!.. Очень! Всё иначе, всё переменилось..."

Водный дверной колокольчик, в который нужно дуть, разлился птичьей трелью по комнате. "Мурена как-то умудрилась захлопнуть дверь? Шутит? Наверняка". Но звонок повторился. Неохотно от солнечного проёма окна отворачиваясь, Бест подошёл к двери, повернул ручку... Никого. Только весна. Потрясающая, талой водой благоухающая весна! Он озадачился. "Не та дверь? Конечно". Ещё с большей неохотой, от весеннего раздолья Бест вернулся к другой двери, но и за ней не обнаружил никого. Колокольчик пропел в третий раз, издалека. "Не может быть!.." Бест рванул бегом по дорожке, сосенки, иван-чай... У края рамы на драконе стояла Мурена во весь рост, а он извивался, пытаясь скинуть её и усадить по-человечески. Бест затормозил, стал, как вкопанный.

— Приглашаешь? — спросила Мурена.

Он покачал головой, не сводя с неё изумлённого взгляда, и тут же закивал:

— Конечно!..

— Сделай рукой, как я тогда.

Бест припомнил и воспроизвёл церемониальный жест приглашения. "Тоже мне, хозяин..." Так застенчиво, неловко. Мурена шагнула в мир.

— Привыкаешь?

— Ты?.. Я... Я не могу. Нам надо поменяться обратно.

— Не, не выйдет.

— Почему?

— Я бегаю быстрее. Я первая добегу до рамы!

— Мурена! Во-первых, я бегаю быстрее...

Бест указующе поднял палец, а Мурена перехватила его.

— Ты, это, осторожнее! Сейчас ляпнешь что-нибудь с таким жестом, и Мурены, как не бывало... Не, воля твоя, но, по крайней мере, превращай во что-то красивое!..

Бест испугался, спрятал руку за спину.

— Извини! Предупреждать надо. Заранее.

— Заранее мы боялись.

— Чего боялись? Постой, мы?

— Да, мы боялись, что ты откажешься.

— Чувствуется стиль Амаранта. Ты переняла от него манеру говорить загадками. Но у его загадок хотя бы есть отгадки.

— У моих тоже есть.

Не будь он так потрясён всем, от вчерашнего вечера до солнечного утра, Бест заметил бы готовность к бою, каменное упорство в глазах Мурены. И отчаянную грусть.

— Так скажи её. У меня даже нет версий. Нормально бояться зайти в мир незнакомца. Но почему в этом случае вы так думали обо мне? Что я должен потерять, пробуя?

— Узко мыслишь, Бест. Не потерять, приобрести.

— Бояться приобрести?

— Именно. Вспомни Сонни-сан.

Бест задумался, тень сомнения пробежала по его лицу:

— И что?

— Ты не знаешь, почему он такой? А я знаю.

Мурена пинала камешек вдоль дорожки:

— Слишком велик контраст, видишь ли... Очень велика разница между там и здесь.

— Очень, — согласился Бест, ещё раз, с наслаждением оглядываясь. — Но я не Сонни. И я не стану таким, как Сонни, хозяином или изгнанником выйдя отсюда, не стану, Мурена, я просто совсем другой.

Мурена остановилась у двери, прислонилась к ней. Сжатую пружину, готовность к схватке в её глазах уже невозможно было не заметить.

— Вижу, — сказала Мурена, — ты ещё не говорил со своим дроидом...

— Не, а что?

— То есть, он не говорил с тобой...

— А что?

— Очень, очень надеюсь, Бест, что ты, собственно, не выйдешь отсюда.

Бест склонил голову к плечу, не сразу найдясь от такой наглости, помолчал, разглядывая Мурену, её каменные, полные отчаянья глаза и переспросил:

— Правда?

Вторая пауза ещё длиннее.

— Почему? Забавно... Но даже если такова твоя... — он поправился, — ваша цель, не кажется ли тебе, что было проще воплотить её вчера вечером, когда ты была полновластной хозяйкой?

Мурена смотрела ему в самую глубину глаз, как кирпичная стена крепости в безмятежные воды озера.

— Поговори с дроидом, Бест. Ты ведь затем и пришёл. А затем поссоримся, если хочешь.

Она хлопнула дверью о косяк и сорвалась:

— Поговори, поговори!.. Ты должен понять, Бест! Ведь ты же не сумасшедший, не одержимый 2-1! Я не хочу с тобой спорить, как я могу с тобой спорить сейчас?! Поговори! Заходи в дом, я не пойду. Буду там, вон. Сделаю лавочку на дорожке. Ты хочешь лавочку, Бест?

"Это серьёзно..." — подумал он, не испугался, но всё же... Будучи взбалмошной, легкомысленной Мурена отнюдь не была, а значит... "Всё серьёзно..."

— Сделай. Я хочу лавочку.

Она широко улыбнулась. Бест взялся за ручку двери:

— На ней и встретимся.

И зашёл в дом.

Утреннее солнце успело пройтись по комнате, покинуть столик, рубашку, забытую на полу, ушло со стены, и золотым озером лучилось на паркете. Бест оставил вторую дверь приоткрытой, так что в комнате пахло и солнцем и весной… Прекрасно. "Дроид Я-Владыка... И с чего же начинают с ним разговор?" Тихо вокруг, тихо снаружи и в мыслях. Чириканье птичье, журчание далёкого потока сквозь равномерный шум, видимо, маленький водопад есть на речке. Тихо. Бест прислушался ко всему разом. " Я должен что-то сказать..." Тут он понял, что слышит не только весенние звуки, а ещё между ними — широкую, просторную тишину, и в себе, и вокруг. Звук тишины, который всё время расширяется, как дым, поднимается до пения дроида. Сладкий древесный дым, непонятно откуда, неведомо до каких пределов, и если вслушаться в него, Собственный Мир виден, как на ладони... Восхитительно гармоничен. Бест слушал этот голос, прекраснейший голос в мире, так долго, что солнце успело закончить круг, в другое окно зайти, по противоположной стене подняться, рыжея, уменьшаясь... " Вечер... Неужели вечер?.." — "Вечер..." — повторил дивный голос, не прерывая свою песню. "Дроид, неужели — вот так —

здесь всегда?.." — "Всегда..." — повторил голос. "Невероятно..."

— Ты можешь принять человеческий облик? — спросил Бест в пространство.

— Не люблю, — ответил дроид коротко, и при этом песня его не прервалась.

"Мне нужно собраться..."

— О тех, кто остался снаружи, об изгнанниках могу я тебя спросить?

— Они остались снаружи.

Звук, охватывающий весь мир, затих, последний луч солнца превратился в медно-красную каплю, а она в сидящего на подоконнике дроида такого же цвета. На Беста он взглянул исподлобья и сказал:

— В порядке исключения. Иногда так действительно удобней. Но раз уж так, я сначала должен выразить почтение господствующему над первой расой.

Дроид спрыгнул вниз, поклонился Бесту низко, медленно, и сел обратно.

— Если бы я ещё понимал, о чём ты... — пробормотал Бест. — Ну да ладно. А ты должен или хочешь со мной говорить?

Спросил и подумал: "Становлюсь, как Индиго..."

— Должен. Я одиночка 2-1. Вы, люди, хоть к чему-нибудь мысленно не приплетаете дроидов Желания?

Бест засмеялся, удивился:

— Трудно сказать... Впервые слышу, что б дроид задавал вопрос!

— Это риторический вопрос. Ко всему приплетаете.

— Да, пожалуй. Но подожди, а ты? Кто сказал только что: не люблю... — принимать человеческий облик?

— Я. Человек, ты не видишь разницы? Хочу — на время, люблю — навсегда. И должен — всегда.

Огромной, высоченной сияющей аркой к недоступному прежде знанию о расах, об устройстве миров представился Бесту этот дроид, согласный разговаривать обо всём! Вот ещё одно преимущество быть хозяином! Он отвлёкся...

— Послушай, а они могут для вас противоречить друг другу? «Люблю» и «должен»?

— Как? Сядь, я вначале я скажу тебе то, что должен, а не то, что ты хочешь узнать.

Дроид пригласил его жестом на подоконник рядом с собой, указал пальцем в середину груди и проговорил, глядя туда, раздельно, словно не рассказывая, а убеждая:

— Ты находишься в последней фазе. Если ты выйдешь из Собственного Мира, никто не скажет, сможешь ли ты вернуться. Но. Это очень юный мир, не таявший, парадоксальное сочетание. Понимаешь?

— Нет.

— Ты можешь выйти, как хозяин, и не зайти, как изгнанник, не успеть зайти. Твой Огненный Круг просто остановится там, снаружи, как у изгнанника. А такой юный мир не станет за несколько дней или минут грозовой тучей. Понимаешь?

— Там, снаружи у меня есть только несколько минут?!

— Я не знаю. Никто не знает. Это суть последней фазы.

Дроид прищурился задумчиво:

— А когда-то все люди жили так, как жил бы ты, выйдя отсюда: несколько десятилетий или минут, и они тоже не знали... Но даже одной тысячи лет у тебя нет точно. Это последняя фаза. Ты понял?

— Да. Понял, там. А здесь?

— А здесь ты только что Взошедший!.. — дроид рассмеялся весело и мелодично. — Хоть я и не связан с дроидами Желания, я рад служить тебе! Я-Владыка принадлежат дроидам Радость!

Взгляд Беста остановился на синеве другого окна... "Мурена, теперь ясно... Здесь целая жизнь, и какая!.. Там пещеры, раненные новички... Их прогонят, раньше или позже... Мурена, какой чудный мир... Мне так жаль... Неужели ты думала, я смогу остаться?.. Я-Владыка, до первого возвращения о стольком я должен правильно, точно спросить у тебя! Не зная, будет ли оно... Дроиды Мудрости пригодились бы мне, существуй они... И дроид бессердечности 2-1, когда мне придётся посмотреть тебе в глаза, Мурена... Я не брошу оставшихся там бессловесных, раненых. Но я понимаю, Мурена... На тех же условиях, если бы Собственный Мир запирался на ключ, я сам бы запер тебя..."

— Дроид, о тех, что остались снаружи...

Дроид встал, поклонился:

— Я не отказываюсь говорить о них, но... Я вижу...

— Да, мне нужно подумать. О многом, не только о них.

Я-Владыка поклонился снова и исчез, угас, пройдя через все тёплые цвета до лимонно-жёлтого мерцания, влился в умиротворяющую темноту Собственного Мира. Бест увидел яркие звёзды за окном, подумал: "Впервые... Красиво…" И не слезая с подоконника, уснул.

Предыстория же обретения Бестом Собственного Мира, хозяином которого он, при худшем раскладе, собирался пробыть не дольше трёх дней, такова. Селена проиграла его Сонни-сан в шашки, тогда на берегу. У неё по очкам было преимущество, но... Ам! Следующая шашка съедена и перевёрнута. "Кто тут есть?" Слепое Око Судьбы, очёркнутое небрежно. И какая стремительная партия. Несколько минут назад, Селена через плечо, не обернувшись, спросила Изумруда, можно ли ей сыграть на его владения? "Ага..."— и кивнул. Одним кивком он разрешил бы ей сыграть и на первый мир. А что? Будут жить в новом гиганте, в артефактах, в тенях. Он был счастлив и уверен полностью в своих силах. Незримая корона морского царя лежала на его голове, в этом, побеждая и проигрывая, убегая и догоняя, он ни разу не усомнился.

Чем же Сонни соблазнил её на такую ставку? Ничем. Упрямством. От Мурены она знала его историю, знала о его тоске. Как сразу самой Мурене, она предложила ему побыть гостем, хозяином... Сонни-сан отказался, резко, напрочь. Селена озадачилась. И поняла. Он боялся стать невольным захватчиком, хищником, побоялся, что не сможет заставить себя ещё раз пережить тоску изгнания. Тогда она и предложила ему сыграть на второй мир Изумруда. На единоличное владение Собственным Миром. Сонни долго молчал и спросил потом: "А что я поставлю?.." Изумруд, нарисовавшийся за спиной, подсказал: "Поставь себя. Моим гостем... — улыбнулся хищно. — Может быть, гостем... Может быть, рыбкой-стой. Артефактом лодкой? Давно мечтаю..." Сонни-сан улыбнулся в ответ: "На таких условиях я согласен. Ты сделал бы мне одолжение". — "Он шутит!" — вмешалась Селена. Они подписали и расставили шашки.

Но Сонни не вступил во владение. Он медлил. Сначала долго выздоравливал Бест. Сонни-сан наблюдал за Муреной, единственной своей подругой, как она сходит с ума, за группой, на время оставшейся без вожака, хуже того, без примера ежедневного великодушия... Своя боль показалась ему привычной, знакомой. Она уменьшилась и поблёкла. Он не захотел перемен, даже трепета повторного обретения, даже песни, волшебной песни дроида...

Однажды он подошёл к Мурене, поднял с земли блестящий слюдой камешек и положил ей в руку.

— Что это, Сонни? — Мурена подумала, что он только из подземелий, из воды забвения, и плохо соображает.

— Это ключ, Мурена. От мира, где Бест будет жить.

И Сонни-сан рассказал ей про игру. Глаза в глаза, в одном взгляде Мурена поняла все его чувства. О, как она прыгала и кувыркалась, одна под облаками, в беспредельности пыльной сухой травы! Надежда слаще успеха. Как радовалась тому, что выслушала однажды Беста, его утрату! Так начались её полёты за Впечатлениями: Белый Дракон, широкая раковина и пара флаконов для сбора воды, если найденным стоит поделиться, облака и тучи, ливни и грозы, и надежда, распахнутая в спасительный Собственный Мир.

Птичьими переливами входного звонка начался и второй день Беста в Собственном Мире. Что подтолкнуло Мурену сбежать, самый ответственный момент перепоручить другому? Вера в свои силы на последнем этапе покинула её? Как бы то ни было, в итоге на фоне бледно-розовых утренних облаков Бест увидел Амаранта в проёме рамы, за калиткой.

— Приветствую тебя, чистый хозяин Собственного Мира! — Амарант поклонился, сохраняя серьёзную мину.

— Ага, уже. Подкрепление прибыло. Полетели на континент.

— Подожди!

Амарант со спины дракона встал на край рамы, останавливая жестом, словно защищаясь.

— Подожди, ты, видимо не понимаешь... пригласишь зайти? — он перехватил взгляд Беста и слукавил. — Пожалуйста, я никогда не бывал в облачном мире.

— Даже не надейтесь! — Бест поднял и торжественно простёр руку в свои владения. — Заходи.

Амарант шагнул не без трепета и, точно так же, как сам он, замер, остановился, сделав единственный шаг.

— Да... — протянул, помолчав. — Да, вообразить это трудно. Всю совокупность разом, я имею в виду.

— Ага, — Бест понял его состояние.

На полпути к дому обнаружилась скамейка, мудрёная, длинная, с насквозь резной спинкой и, почему-то, восемью ножками. Они сели молчать. Бест не выдержал первый:

— Ну, говори. Ты не на экскурсию пришёл, я вижу.

Солнце, ещё не поднявшееся высоко, пробивало спинку скамьи, отбрасывая тень от неё на дорожку и их две тени. Амарант пяткой рисовал на песке, вытянув свои длинные ноги, не отвечая.

— Затейливая лавочка, — сказал он, наконец. — Муренина работа.

— Здесь всё её работа. А что?

— Да вот, — Амарант повернулся к спинке и провёл пальцем по закруглениям сложного узора под птичьим крылом, над головой оленя, — видишь? Она везде это вплетает, на раме тоже, не замечал? Да, слушай, я извиняюсь за своё недоверие к твоему знанию языков. Я нашёл сразу несколько артефактов, на них был тот, письменный, которым ты конвенцию записал.

— Я, вроде, не обижался. И чего это?

Бест присмотрелся. Вдоль верхнего края повторялись, переплетались, едва различимые в орнаменте буквы М и Б. Он переспросил Амаранта:

— И на раме?

— И на раме, и между птичками на ограде.

— Не заметил.

— Ни фига ты не наблюдательный!

— И что бы это значило?

— Не знаю, может, бим или бом! — предположил Амарант и хмыкнул.

Бест пнул его ногой.

— Вот, кстати, — сказал Амарант, — первый тебе аргумент.

— И последний.

— Бест, теперь серьёзно. Ты говорил с дроидом?

— Да! И если обобщить, он не сказал мне ничего конкретного.

— Пропорция один к нескольким миллионам лет жизни для тебя недостаточно конкретна?

— Плена. Не жизни, а тюрьмы. Да простит меня дроид! Не все могут сидеть взаперти, иначе и хищников бы не существовало. Я не могу. Я помню мир снаружи, каков бы он ни был, но я его помню. Как гонялся над морем... Не в этом дело. Вы избавитесь от этих девятерых. Амарант, вот ты не злой человек, но когда будете, а вы будете, голосовать, скажи, ты выступишь против?

— Нет, — Амарант взглянул на него прямо и весело. — Нет необходимости. Если ты беспокоишься только о новеньких, расслабься, проблема решена.

— Как?

— Тёмный Изумруд Моря!..

— Они с Селеной вернулись?

— Да.

— А подробнее.

— Он спец по подобной гадости. Сказал, медленно распадающаяся тень вымывает Впечатления, затем память, и что снаружи, окрашивает в тёмный цвет. Происходящее враждебно и, вместе с тем, бессмысленно, так представляется раненому. Я не разбираюсь, спроси у него сам подробности. Но девятеро больше не за загородкой, мы сожгли её, они почти в порядке. И, представляешь, Изумруд вернулся с одним нашим! С одним из троих пропавших в той передряге, коллекционером.

— Кто он?! Амарант, кто остался жив?!

— Фанатик.

Бест выдохнул, он хотел услышать это имя.

— Жизнь переменчива, Бест, другой сделал твою работу. Ревнуешь?

— Я очень рад.

— А я в глубокой растерянности. Они не ладят с Громом. Точнее, Гром с ним не ладит, а чёрный парень, кроме Селены, вообще не понятно, замечает ли кого... Мурену разве. Да и просто смешно получается, лидером, во главе группы изгнанников встаёт хозяин, огромный чёрный хищник! Не каждого устроит... Ты лучший, Бест!..

— Хватит нести вздор, у группы не может быть никого во главе.

— Не может не быть! Только не надо начинать сейчас...

— Значит, им стало лучше?

— Они стали вменяемые. Дальше дело техники.

— Да. Я очень рад, — повторил Бест и потянулся. — Я всё равно выйду, меня вы не прогоните, не отделаетесь так просто!.. Раз нет ничего срочного, то позже, не сейчас. Ну, скажи, ты что, никогда бы не вышел? И ни с кем не поменялся?

— Не знаю, Бест.

— Давай, проверь себя, я выхожу, ты остаёшься!

Амарант вскочил:

— Нет! Решительно нет. Ты не понимаешь, ты судишь по себе!

— Разве? Не только.

— По двум хищникам и Мурене? Это всё исключения! Но для подавляющего большинства... Бест, взгляни на облака снаружи, сколько их?.. Для всех нас даже гостем зайти в

чужой мир, большое испытание! И я рискнул зайти только к тебе. А остаться хозяином... значит остаться насовсем... Нет. Я проверил себя, хватило твоего вопроса.

— Вот, смотри, Амарант, ведь я знаю, почему ты прав, а ты говоришь, но на собственном опыте не знаешь. Когда он появиться, опыт, могут измениться и решения... Категоричен тот, кто не знает. Как ни странно, тот, кто не близко знаком с тем, о чём говорит. Или боится этого.

— Философия для Индиго...

Амарант сел на корточки перед скамейкой.

— Бест! Прояви терпение. Я сейчас говорю, как представитель Общей Встречи. И от себя тоже.

— И когда это вы успели?!

— Вчера. Не вставай, подожди. Бест, пожалуйста, пожалуйста, ради неба и моря и милости дроидов, нам надо, чтобы ты жил! Выслушай! Ты нам нужен! Тебе верят все, пещерная группа, небесные бродяжки, коллекционеры, доверяют, именно доверяют! Ты очень нам нужен, и как хозяин Собственного Мира, куда без опасений может зайти каждый, приглашённый тобой. Бест, любые тени, к примеру, Изумруд рассказал, исчезают на пороге мира, у хозяина ли, у гостя. Понимаешь? Но это только пример. Просим тебя, не рискуй, не выходи. Просим тебя, останься здесь! — и как дроид, всерьёз, Амарант склонил перед ним голову.

— Отлично... — Бест всё-таки ускользнул со скамейки, прошёлся туда-сюда. — Понятно... В этом есть смысл.

Амарант плюхнулся обратно и вытянул ноги.

— Не забывай и о старых друзьях. Я тебя знаю, устроишь тут санаторий для самых-самых судьбой обделённых, а мне тоже поболтать иногда. С кем мне там поспорить-то?

Бест провожал друга до калитки.

— Пришли его ко мне. Попроси, я хотел сказать. Ничего я так и не узнал о Великом Море, не успел освоиться в нём, хоть сказки послушаю.

— Есть у кого и помимо Изумруда... — Амарант кивнул на вход.

Перед рамой, не прикасаясь к колокольчику, сидела на драконе Мурена, с двумя океанами отчаянья в глазах. Амарант хлопнул Беста по плечу, прощаясь, подмигнул ей и вышел. Бест повёл рукой:

— Заходи.

Она спрыгнула.

— Мурена... Мне теперь нужен для связи с миром дракон на посылках, но нет такого дроида. Не согласишься ли ты стать им?

— Жизнь?.. — прошептала Мурена. — Это значит, жизнь?..

— Новая. Я ценю ваше доверие, правда. И твою доброту.

— Жизнь...

Нырнув под его руку, Мурена шла и разглядывала собственную работу, звуки ветра, чириканья, пригорки, цветки иван-чая, словно в первый раз, они только сейчас ожили для неё. "Прямо не верится..."

— Я тут вспомнил про радугу, про Впечатление... Здесь думается легко!.. Лелий хотел сказать, что облачные миры задуманы парными, они очень мудро задуманы. Каждый по-прежнему волен созидать, но только для другого. Свобода творить не прекращается с завершением Собственного Мира. И благословение дроидов, помощь дроидов не прекращается, они передают её в другие руки, в руки гостя. Преображение есть, завершения нет... Так что, если ты хочешь, мы могли бы меняться на входе, и ты будешь хозяйкой...

— Нет! В смысле, спасибо, тоже ценю, Бест... Ни на каком входе, я хочу, чтобы ты был жив! А драконом, сколько угодно, почтовым драконом... Куда сгонять?

— Ты остаёшься?

Мурена кивнула. Она пропустила мимо ушей всю его речь, очнулась при страшных словах "на входе". Невозможно поверить, получилось! Земля плыла под ногами. "Жизнь, это жизнь!.. На излёте, небо и море!.."

— Остаюсь, это верно, нужен кто-то для связи.

— Покажи мне весь мир.

— Тебе дроид показал, Бест, что ты придуриваешься.

— Я хочу, чтобы ты.

— Согласна. Чувствую, здесь скоро будет очередь. Но не сейчас. Пошли. А ты понимаешь, что не должен приглашать сразу нескольких, делать его рынком, даже имея возможность после закрыть? Рынок — холодное место, это всё равно, что выйти...

— Понимаю, жаль... Но можно собираться на входе, кто-то здесь, остальные снаружи, на драконах... Фу, Мурена, это не жизнь! Не на таких условиях Лелий стал своим среди изгнанников! Моя судьба стать аттракционом для вас...

И на последних словах он снова, явственней, чем прежде, услышал пение дроида, обиженного, наверно. Перелесок мшистый, пронизанный лучами, как струнами, ветерками — струнами, на сосновых ветках иголки — струны, двойные, длинные, где тень, ещё и роса на них, запах смолы. Шишки зелёные. Струной всё тянется к небу, подорожник высокий в лесу, к солнцу. Пение дроида раскрывает силу и хрупкость вещей, и гостя. И Мурена — веточка его песни, крепкая, упрямая, хитрые глаза и грустные губы, вечное недоверие судьбе. Голос дроида, выдававший её слабость, Беста делал счастливым и сильным. "Хозяин по сути немного подобен хищнику, — подумал он. — Ну да, это естественно, пользуется или не пользуется властью, но он имеет её. Ощущает. Какова же человеческая природа, что хищников появилось так много, а парные миры стали легендой?.. Дроиды лучше людей. Индиго замучил повторять: "Они ненавидят нас..." Не это он хочет сказать. Он хочет сказать: дроиды лучше нас... Пожалуй, лучше…"

— Здесь есть артефакты по мотивам Впечатления пищи, еды, — Мурена прервала его размышления. — То есть готовой, древней пищи нет, я не собирала её, но сделала осень и плоды. Ты находил когда-нибудь яблоки во Впечатлении, вместе с их вкусом?

— Нет. Яблони да, целиком.

— Они забавные. Я на самом деле, скомпоновала мир иначе. У тебя были сезоны секторами, а у меня — кругами от дома. Сначала весна, налево похолоднее, направо май. Дальше лето, основная часть — одно только лето, без облаков, надоели. Речка петляет, немного песчаных обрывов, водопадик, луга такие... уходят... уходят под ясным небом, побывай в них ночью, подойди к осени вплотную, там звёзды... Если не дроид, забудешь в какой стороне дом. Дальше осень. И в ней настоящий, человеческий сад. Плодовые деревья. Он не большой. А дальше уже предгорья со снегом и зима. Туда нельзя зайти, только до первого снега. Область семейства Там, тёплого семейства, парадокс, там — зима.

Бест слушал, кивал, обнявшись, они проходили весну и лето, надолго задержались у речки, смотреть на водоворотики в течении гладкой, небыстрой воды, вдыхали от единственной дороги запах полыни, нагретой солнцем земли, сидели на обочине, под дубом с огромной кроной... Незаметно вошли они в осень, в сад, прошли его навстречу прохладному, новому ветру и остановились, увидев заснеженные предгорья. Мурена сорвала тёмно-красное яблоко с ветки, склонившейся низко.

— Попробуй. Как сладкая вода. Помнишь, с кусочками сахара?

Бест хрустнул яблоком:

— Лучше. Не находил такого Впечатления.

— Люди зависели от этого, как мы от воды. Впрочем, от воды они тоже зависели. И от Впечатлений. Своих, настоящих.

— Ты ударилась в историю? Снова влияние Амаранта?

— Угу, не всё в море плавать.

— А что это там, вдалеке? — Бест отодвинул не облетевшие ещё ветки. — Мой красный клёник! Среди белых предгорий...

— Да. Я помню, ты оставил его у входа...

— Не надо у входа! Так лучше... Так очень красиво.

Глава 14.

Глава 14.

Сухой сезон закончился. Дни стали корче, туманы начали вновь наползать вечерами из Великого Моря. Изгнанники, кочевавшие в недолгое безопасное время между туч и своих тайников, ночами стали возвращаться в пещеры. Народу прибыло. Пришлось расширять вход в маленькую пещерку, служившую прежде складом топлива и дешёвых чашек. Новости знали не все, и узнавали их от разных людей в разном свете. Раскол образовался исподволь, рос и проявлялся. Их ещё объединяли стены, но уже возникла никем не занимаемая, нейтральная полоса на земле овальной большой пещеры. С одной стороны, в глубине налево высился Изумруд чёрной скалой, Селена рядом, Амарант, Борей, Ксандр и его приятели, все грязные, увлечённые делом: пытались плавить металлы в огне и что-то вроде кирпичей тоже пытались делать, вокруг основная часть людей, не покидавших надолго пещеры. Справа, ближе ко входу сидели коллекционеры, в добротной, зачастую экстравагантной одежде, с ними те, из недавно вернувшихся, кому их позиция оказалась ближе. Позиция же была такова: "Среди изгнанников хищников нет!" И быть не может.

Позиция понятная. До сего момента единственными всем известными исключениями были хищные хозяева, потерявшие свои миры, когда их превратили в открытые рынки, а они вернулись на эти рынки, вернулись... куда им идти? Шатёр не защищает от тени, но до Центрального Рынка туманы вообще не доходят, не защищает от человека, он не закрывается от покупателя, и от группы людей. Они ночевали в шатрах. Если ночью пройти по опустевшим рядам, где продолжают маревом выситься тенты и светятся в них пирамидки подставок, значит что-то совсем дешёвое оставлено, или поставлен отказ до утра, или это владения хищного изгнанника, и если последняя версия верна, утром его здесь не будет, на всякий случай, хищник его перенесёт. Самые несчастные, самые опасные, поднимавшие множество шатров для торга, прячущие в тайниках сокровища, прежде уносимые в Собственный Мир. Они не имели защиты, кроме скорости и маскировки, не знали меры и не гнушались, кроме лжи, насилием. Хуже всего когда, редко бывало, действовали сообща. Опасались, брезговали ими даже хищные хозяева. Разумеется, они никогда не приближались к пещерной группе.

А тут сразу двое! Совсем другие, но они хищники! Селена наотрез отказалась делать свою историю общим достоянием, что не прибавило ей популярности. Мурена настаивать не могла. Изумруд... Морское Чудовище, общий враг ещё пару месяцев назад! Создающий тени, непостижимый. Те два коллекционера пропали из-за подобного ему, атакованные тенями. А то, что он и вернул третьего из пропавших, фактически чудом... Спасибо, конечно, но дальше мы сами... — без тебя. Роль сыграло и то, что трудно так сразу принять за своего чёрную гору нечеловеческой силы в полтора раза выше ростом.

Фанатик, страстный коллекционер древних изображений, юноша с резкими движениями, нетипичной для пролудроидов манерой поднимать одну бровь, улыбаться только уголками рта, сел рядом с Изумрудом, он по одну, Селена по другую руку, справа. Фанатик уселся с прямой спиной, мрачный, взглянул на коллекционеров и бросил им без предисловия:

— Я его видел. И я его достану. А всё остальное потом.

Гром усмехнулся:

— Ну что ж, если это главное, то ты правильно выбрал место. Мы в Великое Море так глубоко не ныряем.

Изумруд не обратил никакого внимания на их слова. Он держал в руках конвенцию Беста, крутя так и сяк, обратился к Амаранту, и тот прочёл её, проводя пальцем по строчкам. Изумруд кивал на каждую и повторил сказанное раньше:

— Необычайный. Незаурядный человек.

Вошёл Индиго, на фоне напряжения царившего в группе, перед его свежим взглядом, сходство Изумруда и Беста неожиданно бросилось в глаза. Их роднила безыскусность, доходящая до безмятежности. Чёрный великан, как дитя и древний хищник, выживший в Великом Море, где другими величинами измеряются скорость и силы, где разговоры не в чести, а можно и вовсе без них, был непосредственен и прост. Рознило их то, что Бест был от природы тактичен, склонен сглаживать углы, особенно в личном общении, которые Изумруд попросту не замечал. Индиго сел к коллекционерам. А новый лидер, не нуждавшийся в пристанище на ночь, оказывается, собирался уходить...

— В общем, так. Говорю, что знаю, — Изумруд встал, встряхнулся, как зверь. — Это были тени, сделанные тенями, сделанными морским хищником. Их уже нету. Появились другие. Они больше. К морю вам лучше не приближаться. Пока так.

Ласково попрощался с Селеной, оставляя её в компании на время своей новой то ли разведки, то ли охоты, перекинулся парой слов с Амарантом, направился к выходу. Он и не думал председательствовать на собрании, выслушивать, кого бы то ни было!..

— Эй! — окликнул его Гром, удивлённо. — Может, немного подробнее?

Изумруд остановился, задумавшись, и серьёзно добавил:

— Да. Я ещё не видел, но уверен. В скором времени они будут отлично выпрыгивать из воды, почти летать. Не опускайтесь к волнам на драконах.

Он посмотрел на Грома, понял ли тот, встретил взгляд растерянный напрочь, пожал плечами — и ушёл!.. Мурена последовала за ним, свернула в новую, маленькую пещеру и сползла по стенке от смеха. Да, непросто им будет договориться! Пока отсмеялась, Изумруда ей пришлось догонять уже в небе.

— Постой! Бест хочет с тобой познакомиться. Пойдёшь?

Юноша замедлил дракона, потянув на себя изящные рога.

— Буду рад.

— А ты мог бы... Заходи, но не приглашай его к себе.

— Да, я видел его положение. Но почему ты мне это говоришь, разве он сам не знает?

Мурена закусила губу и собралась разозлиться.

— Знает! Только меня это волнует несколько больше, чем его самого.

Изумруд не заметил ни злости, ни сарказма.

— Необычайный. Он либо больше дроид, либо, наоборот, в меньшей степени дроид, чем вы все, — он помолчал. — А ты похожа на хищницу моря. Я видел тебя и раньше, до того, как встретил на глубине. Хорошо, что не стал ловить, пустая и мелкая очень, поленился.

Мурена прыснула со смеху и переспросила уже беззлобно:

— Вот скажи честно, ты издевался сейчас?!

— Нет, почему? Ты заплывала в каменный лес под синими скалами...

— Понятно... Да, заплывала.

— Принести вам оттуда топлива? Ваши не очень-то слушали меня. А в ближайшее время нырять не стоит, таким, в одежде, которые обычно ищут всякий мусор на дне... Опасно.

— Принеси. Хорошо.

— Я, видимо, как-то не умею разговаривать с вами.

— Наоборот! У тебя отлично получается!

На этих словах они уже долетели. Бест стоял у решётки, живой картиной в раме, и с тоской смотрел в облака.

Когда Изумруд пересёк границу Собственного Мира, он оставил драконью сущность, вместе с цветом чёрного дроида снаружи, очень бледная его кожа и правда отливала изумрудной, холодной зеленью. Хозяин и гость недолго разглядывали друг друга и, не нуждаясь в представлении, молча направились через дом слоняться по весенним мокрым тропинкам. Льдинки на южных сторонах сугробов истекали капелью и ручейками, солнце грело, редкие порывы ветра бросали в лицо тонкий, радостный запах талой воды. Изумруд с интересом мял в руках комок рыхлого снега, слипающегося в льдинку.

— Такое я видел. Ниже нижнего дна, издали. Ты за чем-то нарочным пригласил меня?

— Поблагодарить. Дважды. Ты спас мне жизнь.

— Да, — согласился Изумруд. — Даже если тебе дали бы много воды, у тебя не хватило бы сил испарить эту тень.

Бест тряхнул головой:

— И потом, странное дело, это же твой мир... Невероятно... Не знаю, какими словами можно...

— Не мой, брата, — Изумруд удивился. — Разве ты не знаешь?

— Знаю, я другое имел в виду, ты мог бы иначе им распорядиться.

— Я никак не распоряжался. Он мне не нужен. Я и не был тут вечность. Они, начиная с Селены, без меня устроили такую многоходовку. Как при охоте на тень с десятком противовесов внутри. Получилось.

— Да уж! — Бест усмехнулся. — Но серьёзно, ты мог бы его продать за все артефакты мира! За какие угодно.

— Я не покупал и не продавал... Ничего ни разу в жизни. Приближался к торгующим когда-то очень, очень давно... Они сразу убегают. А в море нет торговцев, что вырвал, то и берёшь. То есть, я не знаток в этом, но как можно продать мир?

— Без подставки, на доверии. Покупатель делает тайник с артефактами, и сообщает, где уже хозяином, из-за рамы.

— А как он получит мир?

— Ты приглашаешь его.

— И он заходит? Что-то никто ко мне сам не заходил...

Бест глянул ещё раз на бледного, мускулистого гиганта, хищника с зелёной кожей и рассмеялся:

— Ну да, вообще, их можно понять! И всё-таки, я должен сказать, что бесконечно благодарен.

— И я рад. Он нужен тебе. Скоро на суше нельзя будет жить. На континенте людей не останется.

Изумруд опустился рядом с подснежниками на колени:

— Цветы. Тонкие. Селене бы понравились. У меня есть каменные цветы. Могу принести, похожие.

— Стоп, о чём ты сейчас говорил?

— Хорошо, что ты успел здесь скрыться.

— Нет, про сушу...

— А, она маленькая. Слишком маленькая, чтобы спастись даже в центре. Может, в

подземельях. За Чистой Водой забвения?.. Да.

— Спастись от кого?!

— От них. Ты забыл на кого напоролся в море?

— Просто стая теней...

— Они подросли.

Изумруд вопросительно посмотрел на Беста:

— Тебе интересно? Я расскажу. Винторогая стая. Видишь?

Он вытащил из-за пояса острый костяной артефакт, закрученный спиралью.

— Только у них, это отдельная тень. И оба глаза, отдельные тени. Они так выросли за последнее время. Я гонял их ровно сутки. Впервые за столько лет, клянусь, мне не было скучно! Всех разобрал на запчасти, для своих теней. А на следующий день вышел... и увидел стаю...

В его голосе явственно проступило любование, благоговение почти.

— Она плыла вперёд и двигалась вот так...

Он начал вытягивать вперёд руку, переворачивая плавно тёмной ладонью вверх-вниз.

— Зачем? Я подумал, так озираются. Ан, нет. На их пути оказались две мои тени. Стая не нападала, и не разделилась, их просто затянуло внутрь неё. Хорошие были тени, дозорные. Но это, ладно бы. Я смотрю, впереди ещё одна такая же стая кружит на месте. Вокруг ещё две, и ещё. И они объединились. Сейчас покажу.

Он выдернул из широкого пояса одну синюю ленту, по краю которой Селена нанизала ракушки, расправил, перевернул один её конец и соединил с другим в ленту Мебиуса. Как бы, наружная плоскость переходит в, как бы, внутреннюю. Изумруд положил её вокруг проталины и белых цветов, на снегу.

— Вот как они замкнулись. И я понял, не приближаясь к ним, не подходя, я почувствовал, что так они неуязвимы! Нет шансов у того, кто в кольце!

Бест смотрел на атласную синюю ленту, на перламутровые ракушки вокруг весенних цветов...

— Я подплыл... Затягивает. Но не сильно. Для меня не сильно. У них на хвостах шипы, по два на раздвоенном хвосте. Нос в хвост, получается сцепка, и кружатся непрерывно. Ладно, эка невидаль, сцепку можно разбить, возможно и двигаться быстрей, чем они, не полоснуть по боку, а пробить до центра, где оно крепится всё, это если не разбирать, а разрушить... Но ты знаешь, почему я решил, что они будут выпрыгивать, летать, ползать по земле?

— Почему? — последнее уже не удивило Беста.

— Они, кружась, пожирают друг друга! У них на одну стабильную тень, — Изумруд растопырил пальцы, — десять, двадцать расходных! Они смогут, отбрасывая их, вылетать в воздух, прокладывать ими путь по земле, выстилать! Как ночной туман должен идти перед Морским Чудовищем с извращённым телом, перед тенями на суше, так они смогут двигаться днём по телам своих! И та, что пойдёт по ним, стабильная тень состоит из нескольких противовесов. Имеет основной маршрут, или цель, но в остальном, в промежутках, при встрече с чем-то новым, ей всё равно, в какую сторону бросаться. А как предугадать в какую, если она сама этого не знает? Великолепная конструкция! В море будет не скучно, наконец-то! Подумаешь, прежде чем выйти погулять из Собственного Мира!

Изумруд обратил внимание на отрешённость в лице Беста и по-своему истолковал его потерянный взгляд.

— Тебе неинтересны детали... Что же ещё, по сути... Ещё хищника, создавшего их, я вычислил, встретились. Тот юноша, Фанатик был у него в когтях...

— Так это не причуда моря?! У них есть создатель?

— Конечно, странный вопрос! Как само может что-то сложиться? Даже ничейные тени

кто-то создал давным-давно, и потерял, или погиб. Есть создатель... И он настолько же отвратителен, насколько глуп! Великолепно! У другого бы не получилось: только расширение, только захват!..

— Жаль... — Бест огляделся в весеннем перелеске. — Я уже успел привыкнуть, всё так недолго. Ты повторишь это в пещерах для изгнанников?

— Если хочешь. Они меня не очень-то слушают. А зачем так подробно? Не проще сказать, чтобы жили на драконах?

— Потому и не слушают... Проще сказать, объяснить сложнее. Полетели сейчас.

— И ты?

— И я.

— Зачем?

— Я должен.

— Не понимаю. Что даёт самоубийство? Хочешь, чтобы я подробно рассказал им? Хорошо, расскажу.

Бест опомнился.

— Насколько, по-твоему, быстро станут развиваться события?

— Весьма.

— А шансы? У людей?

— На материке — ничтожные, на бегство — отличные, пока... Высоту, где облачные миры, Чудовища Моря затронуть не способны.

— Так сможешь ты объяснить им это?! И тем, кто решит бежать, и тем, кто захочет остаться?!

— Сейчас они решат одно, завтра другое... Завтра снова объяснять?.. Бест... Ты хочешь, чтобы я занялся этим? Остался с ними?

— Да!

— Великолепно! — Изумруд засмеялся, откинулся на снег. — Прекрасно! Это даже лучше, чем охотится в море! Бест, я видел твою конвенцию, слышал её, я понял. У них будут шансы!

Глава 15.

Глава 15.

Изумруд совершенно правильно оценил масштаб угрозы, слаженность нападающих и вектор развития, но перемены на континенте Морская Звезда оказались ещё радикальнее и случились ещё быстрей.

Проводя ночь за попытками разобраться, соорудить в недрах своего Морского Гиганта нечто подобное виденному, Изумруд пустил его курсировать на большой скорости, меняя глубины, чтобы наблюдать за морем. В целом оно было спокойно. Гиганты знакомых ему хищников, предпочитавших тактику ловушек и сетей, не грызущихся между собой, пассивно опасные, держались облюбованных ими течений. Мелкие хищники шныряли у берегов. Большие бессознательные тени распадались, тянулись к мелким, окутывали их, обратно слипались и плыли, переходя в серый, клубящийся туман. Когда же утром он всплыл и вышел на берег... Глубокие, жуткие борозды тянулись внутрь материка. Сплошь, без перерывов, справа и слева, насколько хватало взгляда! Они шли по песку и гальке, разворотив прибрежные валуны, даже на скалах оставив прерывистые плоски, где тень отталкивалась, и где подтягивала шипастый хвост. "Ого!.. Ничего себе сила! А не опоздал ли я со своим обещанием?!"

Он не опоздал. Изгнанники скрылись в пещерах и подземелье. Их спас единственный, еженощный костёр перед входом и Чёрные Драконы. Нападавшие тени никогда прежде не видели огня. Они и света почти не видели, не ориентировались в нём, переносили плохо... Они вышли в ночь из великой ночи морских глубин, на самом деле, совершенно с иной целью... Побоку группка людей. "Но так будет не всегда, — подумал Изумруд, — если на первый раз была ночь, это не значит, что на неё же придётся и второе нападение". Когда он сделал круг над верхней террасой пещер и оставил Белого Дракона, изгнанники как раз решились выйти на свет. Невообразимое зрелище изборождённой шипами земли предстало им, земли, покрытой белыми студенистыми пятнами до горизонта.

— Не наступайте, — крикнул Изумруд, спускаясь, — не прикасайтесь к ним! На всякий случай.

В какой-то мере, произошедшее сыграло на пользу данного им Бесту обещания, никто больше не думал ссориться, ни с ним, ни между собой. Изумруд остановился около кострища, рядом с Громом, глядя на остывшие угли и разнесённую ветром золу.

— Не могу поверить, — сказал Гром, — это единственное, что защитило вход...

— Больше не надейтесь, — Изумруд пнул головешку, — Теперь они видели огонь, видели препятствие. А учатся они очень быстро.

Борей, улетевший раним утром, не выдержав бездействия, скрежета камней и темноты, вырвавшийся на своём белоснежном до синевы драконе, вернулся, спикировал к ним и сходу:

— От рассвета до этого времени в облаках я не встретил ни одного человека! Где они могли спрятаться. Их что, всех приютили хозяева Собственных Миров?!

— Нет, — сказал Изумруд, — их всех съели. Тени тоже умеют летать.

— Небыль!

— Можешь не верить. Но ты чудом вернулся. Ты не заметил ничего странного?

— Нет. Море, волны, всё в белой пене, необычно, но... Ветер бешеный над ним.

— Ага. А ты сейчас пикировал с большой высоты?

— Вертикально. Над материком.

— Ага. Потому и прорвался.

Селена показалась в пещерной арке, невозмутимая, заспанная. Она и Сонни-сан изощрялись, сочиняя новые правила для быстрых шашек, всю ночь атаки, а утром спала. Она обняла Изумруда, маленькая, как луна на фоне чёрного неба.

— Привет. Возвращаемся?

— Не выйдет.

Она не спросила, почему. Нет, так нет. Да, так да.

— Может быть, мы с Муреной посмотрим, что делается в других местах?

Хотела слетать на рынки.

— Не высоко и не низко, летите. Прочие остаются.

Мурена подошла к подруге:

— Первые распоряжения генерала?!

Она дёрнула Селену за рукав:

— Ты что, спрашиваешь у него разрешение? Где тебе быть?

— Да, а что?

Мурена прикусила губы, склонила голову к плечу, к другому... И тряхнула ей так, что волосы разлетелись.

— Ничего… Как удачно, что мы получили разрешение!.. Летим!

На месте Центрального Рынка не было ничего... Буквально. Как и на месте других, маленьких рынков-спутников... А если такое в середине Морской Звезды, стоит ли проверять Южный, Мелоди и прибрежные рынки?.. Временные и постоянные места пребывания людей, кроме их пещер с единственным кострищем у входа, были стёрты с лица земли. Девушки сделали пару кругов в небе, спустились на землю и оставили драконов. Где шатры, уходившие в небо, к Собственным Мирам? Веками протоптанные дорожки изрыты глубокими бороздами. Тина. Обрывки водорослей. Склизкие белые лужи. Селена ткнула в одну из них пальцем ноги. "Да-а-а-а-й!.." — заорали ещё распадающиеся простейшие Впечатления. "Ф-у-у-у! — Селена вытирала ногу об землю. — Ой, не надо было этого делать!" Она наклонилась вдруг и сняла с пальца ноги маленький блестящий артефакт.

— Смотри, колечко! Как я хотела такое когда-то! Велико. Это печатка. Им запечатывали письма... Древность!

Мурена пожала плечами:

— Чувствую, после разгрома здесь и не такое можно найти.

— Давай поищем!

— Поздно уже, день давно. Мне надо вернуться в мир Беста, рассказать.

— Но Изумруд запретил нам летать высоко.

— С чего бы это я стала его слушать?

Селена удивилась так искренне, что Мурене стало смешно:

— Ты не изменилась с тех времён, когда была Восходящей. Это и подвело тебя, разве нет?

— Да, наверное. Один раз. Но больше не подводило. Если я не буду доверять, как мне жить? И зачем?

— Каждому своё. Я не зову тебя. Но мне пора.

— Подожди, спроси его сначала, как взлетать, вертикально, почему? Над сушей? Ну, попадёшься ты сразу тени, и что? Кому от этого лучше? А Бест в безопасности.

— Да... Вообще-то, да. Ищешь колечки или мы возвращаемся?

Они взвились над разгромленным рынком и заметили последнюю тень, отползавшую от

него. Длинная рыба с витым рогом и загнутыми, острыми шипами на раздвоенном хвосте. Она отталкивалась этими шипами, втыкая их в землю, а затем подтягивала к себе. Тень двигалась от одной студенистой лужи к другой в чужеродной стихии, как кто-то бесконечно уродливый и больной, но, почему-то, девушкам пришло в голову одно и то же: вот таким ужасным способом через весь материк она непременно доползёт к морю.

— Какая фе-е-р-ическая гадость! — Мурена поторопила дракона, — Быстрее прочь.

— Давай принесём её с собой? — предложила Селена внезапно.

— Ага, — согласилась подруга, саркастически, — ты за рог, я за хвост, так и потащим. Ты же, вроде, потрогала ихнюю лужу, тебе не хватило? Давай просто расскажем, где она. Кому интересно, прилетит и посмотрит сам.

На том порешили.

Пока девушки приобщались к невинному мародёрству, народ, остолбеневший и растерянный, выбравшись из пещер, разглядывал борозды по всей земле, тянущиеся к морю. Голос Изумруда, как голос дроида, свободно распростёрся над толпой:

— Высокое небо безопасно. Сам взлёт — нет. Кто хочет, пусть стартует отсюда или ближе к центру материка. Вертикально. На полной скорости, доступной дракону. Возвращение — ваше дело. Бегство — мой совет.

Ни слова не прозвучало ему в ответ, ни одного вопроса. Сначала пять, после около дюжины юрких Белых Драконов проявились над толпой, планируя до земли, и стремительно ушли в облака, унося своих всадников.

— Мы хотим знать то, что знаешь ты, — потребовал Гром, без вызова, но твёрдо.

— Или выжить? — уточнил Изумруд. — Одно из двух. Времени мало.

Гром промолчал.

— Ты узнаешь, что надо. Вы будете сажать лес.

Изумруд обратился ко всем оставшимся изгнанникам, немногим больше сотни:

— Нужно сделать цепочку драконов низко над землёй отсюда до побережья, — он махнул рукой вдоль по бороздам. — Я принесу вам деревья из каменного леса. У входа в пещеру очертите узкий полукруг, и от него ставьте их в землю рядами. Тени, какие бы то ни было, не пройдут сквозь большой огонь.

Он закончил свою речь, уже поднимаясь в небо. Гром догнал его на своём необычайном драконе, словно нарочно выбравшем коллекционера, каждая белая чешуйка — язычок пламени...

— Изумруд, скажи! Прошу тебя, скажи хотя бы одно, что нам даёт это, кроме выигрыша во времени?

— Ничего. Только время.

— Я знал. Должен быть источник, они прибывали, они неисчерпаемы.

— Есть источник.

— И только ты один можешь до него добраться...

— Не только, любой, кто умеет нырять. Он шустрый. Мне пригодились бы ещё люди, и окружить, и в качестве приманки. Но не такие, как ты. Лёгкие. Подвижные. Без Впечатлений.

Гром побледнел от злости.

— Ладно...

— Ты знаешь таких среди вас?

— Да, — ответил Гром через силу, понимая, что враждовать не время.

Изумруд кивнул, ускорился и оторвался от него. Но не от Селены на её улыбающемся

Белом Дракончике.

— Стой! Мы с Муреной нашли одну тень! Хочешь её разобрать?

— Где?

— На юг от Центрального Рынка. Бывшего рынка... Ползёт к морю. Медленно.

— Хочу. Но не руками же. Мне нужны мои тени.

Изумруд на минутку пересадил Селену к себе, а её дракона придержал за гриву.

— Я предпочёл бы знать, что ты в Собственном Мире... А сам, чувствую, долго пробуду на суше... Ты тоже хочешь остаться, да? Хорошо. Но не отходи от пещер. Я скоро вернусь. Разберём тень вместе.

— Я жду тебя.

Селена вернулась на спину своего дракона и умчала в обратную сторону.

Белые Драконы под облаками, люди на них, непрерывной цепочкой передающие друг другу едва подъёмные, белые же стволы, зачастую с кронами вместе... Невероятное зрелище. Лес, доставленный в недрах морского гиганта. Таким образом, древнего их врага к вечеру, когда работа закончилась, увидели все, собравшись на берегу. Причуда судьбы. Заглянули в пасть с лучиком света из Собственного Мира, в зубы... Наконечник хвоста окатил их высокой волной, гигант без хозяина сам ушёл в глубину.

Изумруд не участвовал. Он вернулся со своей тенью. Серая, гибкая кишка. С одной и с другой стороны зубы, разные. Она чуть извивалась в его руке. Девушки подскочили смотреть…

— Не трогать никому! — зарычал он. — Только за середину брать можно. И только мне.

Тут любознательность одержала победу, и Гром напросился на шоу.

— Сколько угодно, — ответил Изумруд.

Вчетвером они отправились, Мурена летела первой, совсем низко, высматривая тень на земле. Нашла. Винторогая тень двигалась много живее. За ней виднелся белый, гелеобразный след. Создавалось впечатление, что она не только размазывает встречные лужи, но и как-то подтягивает его за собой. Приземлились спереди по ходу её движения.

— Не спешите, — сказал Изумруд. — Стойте здесь. Я подойду первым.

Он приблизился. Глаза тени, вёрткие, на палочках закрутились. С феноменальной живостью она сделала бросок, рогом целясь в его сторону. Изумруд не парировал, кистень не вытащил, отскочил и всё.

— Оценили длину прыжка? Теперь можете пробовать, кого из вас она быстрей заметит. Гром?

Гром вовсе не хотел. Но подошёл. Сцена повторилась. С той лишь разницей, что, отпрыгивая, он поскользнулся, скрипнул зубами, подавляя крик от ожога. "Д-а-а-й!.." — вопила распадающаяся лужа. И долго отряхивался, тер плечо потом.

— Видишь? — спросил его Изумруд без улыбки. — Зачем ты нужен в море? Какой от тебя прок? Даже приманки должны уметь прятаться и кусаться.

Следующей подошла Мурена, озадачив тень надолго. Глаза вращались, голова с витым рогом вертелась из стороны в сторону. Тень не шла дальше и не нападала.

— Что интересно, — сказал Изумруд, — она не ищет тебя. Она боится. Не знает чего, просто боится. А ведь это тупая тень. Будет хорошо, если ты пойдёшь со мной в море.

Мурена, польщённая, возразила ему:

— Я у Беста почтовый дракон. И, вроде как, давно должна была вернуться.

— Забудь. Я сам расскажу ему, насколько стремительно всё переменилось. Ты здесь нужнее. Тот мир начинает носить ветром, как остальные, но он по-прежнему низко, надо

взлетать порядочно, пикировать точно к нему, не долетишь.

"Ну, ни фига же себе! — изумилась Мурена. — И я это слушаю! Какой дар убеждать!.." На Селену тень не обратила никакого внимания, словно той не было в двух шагах. Невидимка.

— Прекрасно, — похвалил Изумруд. — Это замечательное твоё качество. Но ты остаёшься в пещерах.

— Хорошо, — отозвалась она.

А Мурена сделала настолько большие и круглые глаза, что даже Изумруд заметил.

— Что-то непонятно?.. Хочешь прогуляться с подругой? Я закончу эту историю, почищу море слегка, кое-что кое-кому объясню там, и провожу вас. Но не раньше. Как прежде не будет. Селена — она не твоя. Моя.

Как рыбка на суше, Мурена схватила воздух ртом, похлопала себя пальцами по губам и промолчала.

— Вот и славно, — Изумруд повернулся к Селене. — Идея. Обойдёмся без цирка. Селена, оно, винторогое, тебя не видит, тебе и разделывать. А вы запомните раз и навсегда: тот, кто не создал ни одной тени, не сможет удержать ни одной. Не верите, я дам вам подержать другую, безопасную.

Осторожно он предал Селене серую извивающуюся ловушку, указал на маленькие зубки с правой стороны:

— Сначала эти. Они сами знают куда вцепляться.

Селена удерживала ловушку с видимым усилием, подошла, дотянулась... "Клац-клац..." — сказали маленькие зубки, кишка изогнулась, напряглась и заглотила откушенные глаза на палочках. На их месте оказались другие, обыкновенные, рыбьи. Грустные глаза. "Клац-клац..." — сказали зубки, бросаясь на хвост. И шипы с него исчезли, проглоченные. Остался рыбий хвост. И тогда, рогом вперёд тень сделала выпад. Мимо. Селены она не видела.

— Теперь переверни, — сказал Изумруд.

Селена послушалась и протянула ловушку второй пастью вперёд, с тремя рядами тонких длинных зубов. Ловушка в её руке рванула вперёд, потащила за собой и со скрежетом впилась в основание витого рога. Мощно и смачно, с хрустом она перекусила его, а заглатывая, стащила со всей тени её серую, жёсткую шкуру. И затихла.

— Не приближай к себе! — воскликнул Изумруд, видя, что Селена устало опускает руку, и забрал у неё тень-ловушку.

На земле осталась лежать большая серебристая рыбина, глядя на них круглым, печальным глазом, слабо дрогнув плавником.

— Это основа, — объяснил Изумруд. — Обыкновенная тень-впечатление рыбы, только движение, без противовесов, но живучая, стабильная.

— А её забрать? — Селена взглянула вопросительно.

— Зачем?

— Отпущу в море.

— Ладно.

Изумруд разорвал ловушку посередине, поднёс, рыбина задрожала, уменьшилась и исчезла внутри.

— А они не соединяться там обратно в целую, винторогую? — спросила Мурена.

— Нет. Что значит там? Они все в разных местах.

Дело сделано. Унылый пейзаж не располагал оставаться в нём дольше. Когда летели в пещеры, Гром спросил Изумруда снова, преодолевая неприязнь:

— Ты что-то говорил про оружие. Оно будет связано с огнём?

— Нет. Не угадал.

— На этот раз можно подробнее?

— Можно. Я думаю. Те, что придут, будут рассчитаны на огонь и на сушу. Но все тени непостоянны в море, даже стабильные, они все состоят из Впечатлений и вода Свободных Впечатлений разъедает их. Особенной неожиданностью станет она для пришедших на сушу... И среди теней выйдут морские хищники с Огненным Кругом. Значит, надо что-то охватывающее, как хвост дракона... Это должен быть бич! Бичи, длинные кожаные кнуты, вымоченные в морской воде Свободных Впечатлений! Где взять...

— Я знаю! — воскликнул Гром. — У нас в общем, большом тайнике есть кожа длиной с дракона. Драконья кожа.

— Гром, — сказала Мурена с усмешкой, — ну ты же коллекционер, ну, спроси у Амаранта что ли, драконов не существовало!

— А кожа существовала?

— Гром, — Селена вмешалась в их спор, — ты не знаешь, что лежит у вас в тайнике? Артефакт. Но не с древних времён. Артефакт на основе Впечатления чьей-то мечты или сна... Сделанный хищником из похищенного. Это же так просто.

Гром опустил глаза... Его Белый Дракон замедлился, выгнул шею, покосился на всадника, не понимая, что происходит. Нет, конечно, Гром знал, в общем, похищают, делают... Но кто из них, коллекционеров, задумывался о происхождении конкретно своих вещичек?.. Бестактный и безжалостный Изумруд добавил:

— Не из "драконьей" ли кожи и твоя одежда? Очень уж она новая. Так не бывает. "Свежеошкуренных драконов", если так подумать, больше, чем старых, подлинных артефактов. Хотя и меньше, чем тех, которые чистые хозяева сделали ещё Восходящими и вынесли из Собственных Миров на обмен. Вот у меня есть стайка...

Мурена шикнула на него.

— Что? — удивился Изумруд. — Я же не делаю так больше. И не собираюсь. Рассказывать тоже нельзя?

— Можно, просто, это лишнее.

Гром взглянул на него, на себя. "И, правда, новая. Так не бывает... Что же он получил от меня за эту куртку? Не помню, так, ерунду какую-то... Так зачем же?.. Зачем?"

«Она не твоя… Моя…» А секреты — наши!

Туча над головой сменилась кучевыми быстрыми облачками, сизыми тающими обрывками. У мрачного горизонта в океан из сизой тьмы били молнии, разветвлённые и прямые, долго катили свой гром. Распахивались зловещие безмолвные зарницы.

— ...большой рот с опущенными уголками, тёмные, глубоко посаженные глаза, неопределённый взгляд... Какой он был внешне, Мурена? — Селена сдержала обещание рассказать целиком свою историю. — Невысокий, крепкий, сильный, с очень хорошими манерами… Я так говорю, потому что знаю, знала раньше, сейчас подзабыла уже, много разных стилей, обычаи разных веков, собирала их, искала что-то особенное... Мне, Восходящей, нравились церемонии. Нравились Впечатления про два островных государства на противоположных краях мира. Очень разные, оба маленькие и... чопорные, что ли. Чай пили медленно, долго и там и там, с церемониями... Мой дроид 2-2, который помогал мне, он был не из главного семейства Дом, а из промежуточного: Салон, гостиная. Такая комната, где много народу. Где и хозяева дома, и пришедшие гости подчиняются негласным правилам, у разных народов разным, и ещё зависит, какие времена. Правилам легко нарушимым. Совершенно необязательным. Иногда абсурдным. Но для них — жёстким, как законы! И не только

касательно поведения, на одежду они распространялись тоже. На время, сколько его там принято проводить, в какое время суток. Мой дроид, Салон, помогал мне находить артефакты, подсказывал где. То платье, с широкой юбкой, с поясом, помнишь? Он подсказал, как найти артефакт, за который отдаст его хозяин на рынке. Так и вышло, отдал... Красивое платье. Давным-давно такие носили. И не у себя дома, а напоказ...

Мурена видела, в каждом слове ощущала, как не хочется возвращаться к основной теме её подруге, и сказала ей:

— Мне дико интересно, но ты можешь не рассказывать, если не хочешь. Или не сейчас.

Селена очнулась:

— Нет, почему? Я отвлеклась. Но я и правда любила всё это, без разбору тащила в свой облачный эскиз. Я отвлекаюсь снова! Как он выглядел? У него были хорошие манеры. Скажем так, они у него вообще — были, в отличие от всех вас... Не в обиду!.. Напротив... Поэтому я решила, что мы чем-то близки, что у нас много общего. Нет, не поэтому...

— Никогда не понимала, — заметила Мурена, — как Восходящие умудряются заводить дружбу. Когда? Заняться нечем? Сколько бы ни было времени, его всегда мало.

— Да, верно. Я тоже про других не знаю. И до него у меня не было друзей...

— Как вы общались?

— Обыкновенно. Искали Впечатления в тучах с подсказки моего дроида. Летали на рынки. На рынках он знал всё. И всех. Но это не насторожило меня. Он обладал весёлой, лёгкой щедростью. Как дроид, Мурена, как дроид!.. На драконах, в полёте его можно было слушать часами! И теперь, когда вспоминаю об утраченном Собственном Мире, — вспоминаю себя мечтающей вслух, рядом с ним! Только с ним... Говорящей, спрашивающей... Я называла один век, восемнадцатый, к примеру, он вставал в полёте на спину Белого Дракона, балансируя, серьёзный, всезнающий и показывал мне: так, откидывая руку, первым поклонится шевалье, так дама... — изобразит и засмеётся над собой... — а так совсем другое сословие... кавалер щёлкнет каблуками... а вот южнее иная страна, соседняя... а вот далёкие, дикие северные народы... а так поступали двое перед дуэлью... а так придворный склонялся перед своим королём...

— Ты ненавидишь его?

— Не знаю. Имеешь в виду жажду мести? Значит, нет. Я бы хотела понять... Небо и море... Понять! Это не пройдёт никогда...

— Как его звали?

— Да ну, к чёрту!

Мурена кивнула, снимая вопрос.

— Удивительное место Великого Моря, — продолжила Селена, — чудесный день. И он был рядом, когда я утратила возможность воплотить Собственный Мир, пропустила главный момент. В далёком-далеке от облачного эскиза. Казалось, время ещё есть... Мне казалось. А он знал, он и позвал меня так далеко. Нарочно. На востоке от континента есть необычная отмель, затонувший артефакт, ты знаешь его?

Мурена задумалась:

— Нет, похоже, не знаю. А что там?

— Большая отмель глубиной, где в рост, где по щиколотку. Но под водой не песок и не камни, там огромные изображения людей, деревья, плоды на ветках, вокруг крошечные люди. Кто на троне, кто верхом. Сцены жизни. Они сложены из маленьких ярких кусочков каких-то камней, наверное, рукотворных. Иногда волны нанесут песка и гоняют его по картинам, а после уносят обратно, и снова все детали видны под прозрачными волнами. Поднять их нельзя, тяжёлые невероятно, а кусочек отломать трудно, да и зачем, такая красота...

— Странно, что это прошло мимо меня. Такого места не знаю.

— Ты подводная бродяжка, Мурена. Если и пролетала на драконе, не обратила внимания. Они могли быть занесены песком.

— Мы опять не о том заговорились.

— Да, — Селена вздохнула. — Ничего интересного, что? Я нырнула, он как бы сторожил, следил за морем вокруг. Я разглядывала подводные картины: лица торжественные, плоды, яблоки, как настоящие, яркие, словно ожившее Впечатление, трогала их... А когда вынырнула, было уже поздно. Время ушло. Я поняла это сразу. Дроид 2-2 больше меня не слышал, не отвечал мне. Сначала, я не могла поверить...

— А я сразу поверила, и так залепила себе по лбу!.. И что дальше?

— Дальше он сделал то, ради чего и караулил рядом всё время, начиная с первой встречи. Обманул меня. Я не хотела верить в утрату, и он убедил меня, что её не случилось. Заверил, что это морочащая тень, что я подхватила её под водой, в хаосе Свободных Впечатлений, такое чувство, будто пропущен мой срок. Но это иллюзия, а не на самом деле. Сказал, нужно смыть её, пойти в подземелья и смыть Чистой Водой забвения. Тогда я увижу, что всё хорошо, услышу дроида, и будет как раньше. А надо сказать, я никогда не бывала в подземельях и не смывала начатый эскиз, украшала только...

— Гад, — у Мурены свело челюсти. — И ты пошла?

— Мы вместе пошли. Он же друг мне, верно? Он умеет сосредоточиться и смыть только то, что надо. И поможет мне, научит.

— Гад.

— Подземелья так велики, я не знала. Мы не остановились там, где можно набрать в ладони и выпить глоток за глотком, не остановились у ручейка, бегущего, словно по лесенке, где успеваешь вспомнить, прежде чем смыть навсегда... Он шёл впереди, оглядываясь на меня до самого...

— ... глубокого Треугольного Озера, куда нельзя оступаться!

Все, за целую жизнь виденные, Морские Чудовища показались Мурене милыми щеночками, старыми друзьями, по сравнению с тем, о котором спокойно, не повышая голоса, рассказывала Селена:

— И он столкнул меня вниз. Наши Чёрные Драконы яростно дрались на берегу, некоторое время я ещё видела это... Мы тоже дрались, если можно так выразиться. Я выныривала, он, лёжа на берегу, топил и удерживал силой. Эти глаза я буду помнить до смерти. В них ничего не было, совсем. Никого, ничего... Я наглоталась воды. Могу предположить, что он продолжал это делать, до тех пор, пока я не перестала узнавать его лицо. Щелкнул искрой. Я не посмотрела на неё, свет не отличался для меня от тьмы. Тогда он понял, хватит. Произнёс тихо: "Гут, гут..." Потом ушёл, наверное. На поверхность, или в какой тайник...

— Гад, хищник, тварь!.. Подожди... Ваши Чёрные Драконы?! То есть, на тот момент, он даже не был хищником?!

— Не был, каким хищником, Мурена, что ты!.. Он был чистый хозяин Собственного Мира...

Мурена замолчала, осознавая. В её кулаке скрипел один камешек о другой, и от них уже почти ничего не осталось.

— Я вылезла на берег, Чёрный Дракон поймал меня за руку, вытащил. Он плакал.

— Дракон?

— Да. Он вёл меня за руку, как Сонни, пока мы не вышли из подземелий. Я и была, как Сонни, только хуже. А потом он исчез... Нет нападения, нет дроида. Прямая опасность миновала и он исчез! Понимаешь меня, Мурена, о чём я? Чёрный Дракон был — и исчез... Я потерялась в мироздании. Не смейся, Мурена, в таком состоянии не понимаешь ничего! И веришь любому

слову...

— Я не смеюсь! Но как же в действительности ты потеряла его?

— Он был там, мой... друг. На выходе, уже переодевшийся в сухую куртку, я запомнила это, воротник сухой. Смутно знакомое лицо, и только. Он спешил. Действовал наугад. Сказал: "Идём, я знаю, как тебе помочь". Думаю, не имело значения, какой смысл я вложу в эти слова, главное: иди. В таком состоянии я и попала на рынок. Он откинул полог маленькой торговой палатки, лёгкую вуаль. Пропустил меня и сказал кому-то: "Светло, прозрачно, работа не для нас. Она сделает. А после заберу. Ясно?" Там на торговой подставке покачивалась необычная штучка, и её я запомнила на всю жизнь, белая статуэтка: круглое основание, голова и шея коня. Я должна была, когда придёт первый же покупатель, схватить его за руку и прикоснуться к статуэтке его рукой. Все остальные, их было трое, ушли. Я осталась, как за хозяйку, понимаешь?

Мурена прекрасно понимала. Если бы сам торговец мог проворачивать такое!.. А оказывая подобную услугу, завсегдатаи компрометировали себя. Без опаски к ним зашёл бы лишь новичок на рынке. Новичков мало, хищников много, все всех знают. Проблема. В случае Селены, не это была основная цель...

— Я так и сделала. Зачем, что делаю, это не волновало тогда. Вошёл мальчик, заглянул, увидел меня одну, и без опаски прошёл дальше. У него был отрез ткани, неважнецкой, но сказано было соглашаться не любой обмен... Мне так жаль, Мурена!.. Так бесконечно жаль!.. Без труда удалось. Статуэтка коня упала. Из-под купола хищник перехватил юношу за запястье. И прямо вихрем взлетел вместе с ним! Мой Чёрный Дракон проявился немедленно, снаружи. Последний раз я увидела его через вуаль шатра. И рассыпался огоньками дроидов. Быстро рассыпался, а они медленно растаяли, поднимаясь в небо... передо мной. Судя по всему, моё лицо в этот момент он, мой... друг, тоже наблюдал. Потому что, вернувшись, сказал: "Полетели за твоим дроидом, ты видела, он ушёл в облачный мир". Смешно, да?

— Очень. Ничего отвратительней я не слышала за всю свою жизнь.

— И мы полетели... Не сразу, когда я пришла в себя настолько, чтобы вспомнить, как призывают Белого Дракона. В последний полёт. До сих пор интересно, что он получил за меня, за моего утерянного дроида. А за саму меня, что ему обещали? Канделябр какой-нибудь… Отчего прямо на рынке не продал? Легче лёгкого было.

— Есть такое поверье: если гость по доброй воле, свободно входит, а хозяин не хищник ещё, но хочет им стать... хочет стать, забавно, да… Первую жертву он может превратить в "живой артефакт", движущийся, лишённый Огненного Круга, в животное или птицу... Либо это выдумки, либо огромная редкость. Индиго уверяет, что видел такое на входе. Так что, он сделал бы дорогой канделябр. А Лелий?

— Мы встретили его уже на драконах, в небе. Он догнал нас. Думаю, видел тоже всё, что я натворила.

— Они дрались?

— Лелий? Нет... Ты можешь это представить?

— Нет, — согласилась Мурена и улыбнулась. — Даже на миг вспомнить его лицо, имя, и то уже теплей на сердце. Особенно после такого рассказа... Но как же тогда? Он выкупил тебя?

— Не-а...

Селена задумалась, вспоминая, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами.

— Лелий подлетел не к нему, а ко мне, словно того и не было в помине. Взял моего дракона за гриву, погладил его и позвал меня за собой. Ничего больше не сделал. "Он лжёт". Сказал только это. И тот ничем, ни одним движением не посмел спорить. Молча, смотрел, как мы улетаем.

— Да... Лелий, огромное твоё везение. А в остальном... Быть изгнанником и хищницей одновременно, самое жалкое положение из всех.

— Знаю, Мурена. Что ж, в слабости, в трусости, в глупости и беспечности, кто виноват, сам или не сам?

— О, у Беста спрошу при случае, интересно, что он ответит.

Глава 16.

Глава 16.

Трое из девяти спасённых Бестом были долечены Изумрудом после основной процедуры, сделавшей всех вменяемыми для начала. Он использовал универсальное противоядие, тень-багор из Впечатлений, связанных с четырьмя состояниями существующего, живого и шире — материального: полёт и покой, слияние и разрывающая ярость. Какой тенью объединишь их, поставив в центре, таков и будет результат, функция, суть её. В данном случае, Впечатление нюхающей и намертво вцепляющейся собаки. Багор имел способность зачерпнуть, держать в себе Чистую Воду забвения, гонять по внутренним Впечатлениям, таящим при этом слоями.

Более позднее исцеление и вхождение в общество изгнанников сблизило этих троих. В результате приключившихся несчастий и манипуляций они не имели ни Впечатлений, накопленных для воплощения в Собственном мире, ни памяти о них, не знали когда, каким образом потеряли Чёрных Драконов. Словарный запас исчерпывался освоенным в течение последней Общей Встречи. Из положительного, они обладали энергией и оптимизмом юности, толкавшими к жадному познанию, выздоровление позволило этим качествам раскрыться немедленно. Плюс непредвзятость: ни тоски по утраченным, незавершённым мирам, ни опаски перед неведомыми угрозами нового для них положения. Они учились говорить, обращаясь к любому, кто согласен был уделить им время. В конце концов, ко всеобщему удовольствию, пасти их маленькое стадо, из всех девятерых, согласился Римлянин, давнишний приятель Амаранта, разделявший его интерес к историческим книжным артефактам, и давнишний же недруг в результате затянувшегося спора, предмет которого остался известен только им самим. Радикальная ссора, до полного неразговаривания друг с другом, не помешала общению с группой. Оба бывали полезными консультантами Бесту, лишь бы не в одном времени и месте.

Римлянин и был вместе с этими тремя новичками, гулявшими на побережьях внутренних подземных озёр, уходя всё дальше, ближе к выходу на поверхность возле Центрального Рынка. Они играли и учились. Туман дроидов стелился по воде разноцветными змейками, освещая её глянец и заглядывая искорками в чистую чёрную глубину. Глиняной чашкой они зачёрпывали воду совсем по чуть-чуть, воду забвения с лёгкой примесью морской воды, поочерёдно опускали в неё пальцы, угадывали, пытались назвать, потом Римлянин говорил им, если имелись понятия, чтобы выразить Свободное Впечатление, короткое, как вспышка. Новички повторяли за ним и вглядывались снова. Однако ж, он не подписывался проводить с ними все дни напролёт. Оставшись втроём, без присмотра, не тяготящиеся растущей угрозой там, наверху, очевидной для старших, они продолжали играть, перекидываться подходящими словами.

Один зачерпывал, трогал воду:

— Зелёное!

Другой ему:

— Много...

Третий:

— Во все стороны, и не кончается.

Они не знали слов "луг" и "трава". Римлянин был не прав, вообще-то, оставив их одних, но в пещерах, предоставленные самим себе, оставались ещё шестеро подопечных. Не может он всё время водить их за собой гуськом?! И что опасного на побережьях внутренних озёр?

Похоже, судьбой изначально заложено, став изгнанником, кому кем быть: тоскующим по утрате, исследователем, влюблённым в артефакты коллекционером или простым небесным бродяжкой. Двое из этой троицы, кареглазые, крепкие и складные, едва отойдя от дурного забытья отравившей их тени, сразу потянулись к коллекционерам, разглядывали их одежду, вещички, удивлялись, радовались каждому маленькому подарку. А третий... Маленький, белобрысый, с чеканными, волевыми чертами лица... Тронув в свою очередь на Общей Встрече ради Слов воду связного Впечатления, пока зал перечислял, пересказывал вслух Впечатления большого древнего города, сказал вдруг:

— Не то.

— Откуда знаешь? — спросили его. — Нам виднее.

— Не то, что мне надо, — ответил он.

— Что же тебе надо? — спросил Амарант, председательствовавший тогда.

— Мне надо понять себя.

Амарант открыл рот от изумления, и в восхищении переглянулся с Римлянином, по старой привычке, забыв на мгновенье вражду. Рассмеялся:

— Сократ! — сказал он. — Ты будешь Сократ. Но таких Впечатлений у нас не имеется, увы.

Маленький Сократ и заметил первым из троих дневной свет, пробивавшийся в обсидиановую черноту подземелий с поверхности разорённого Центрального Рынка. Бесстрашный, любознательный, он поднялся по неровным природным ступеням и выглянул наружу.

Спиной к нему сидела, словно на коленях, на свёрнутом змеином хвосте, высокая, худая, громадная, человеческая в остальном, фигура. С выступающим хребтом, поднятыми плечами, втянутой в них головой. Существо хватало руками землю, царапало её, перебирало, разглядывало в ладонях, близко поднося к лицу, и скулило. Нет, оно рыдало, не открывая рта. Прерываясь на невнятные причитания. Монстр переползал с места на место и царапал, царапал землю, искал, а не найдя, озирался тревожно, каждый раз, как первый, оглядывал облачное небо и кричал, звал, выл, царапал землю снова.

Сократ не имел понятия о мирах, превращённых в рынки, потерях, честных и нечестных обменах, хищниках, изуродованных созданием теней и всепобеждающей морской водой, о рынке, стоявшем тысячелетиями на этом самом месте до последней атаки, ни о чём. Он с интересом, без сочувствия и брезгливости, без страха, разглядывал ползающую фигуру, обратил внимание на пальцы. Перед ним был не человек... Руки впивались в землю со страшной силой, раздавливая с хрустом камни, кремни... На широких, грязных кистях рук — по три раздвоенных пальца с загнутыми острыми когтями. Как интересно! Сократ встал в полный рост и шагнул по направлению к Монстру.

Двое его спутников тоже вышли на свет. Но они огляделись вокруг для начала, и увидели то, что он до сих пор не заметил. Они находились в кольце белёсых живых стен, спиралью, как минутная стрелка, медленно, но доступно глазу растущих ввысь. Словно крепостные стены, сложенные из обтёсанных камней, эти были сложены из квадратных теней, дрожащих, безголовых, сцепившихся четырьмя углами, и с закрытым глазом в центре тела, вращавшимся под тонким веком. Большими снарядами две винторогие тени пробили стены крепости, прорвались и упали внутри. Четырёхлапые тени-камни стекли вниз от места пробоин, остальные сомкнулись, не нарушив порядка, перераспределяясь до самого верха. Монстр

дотянулся, разорвал, скомкал и выпил одну винторогую тень. А вторая, уворачиваясь от его когтей, вытягиваясь, сама заползла по руке и скользнула в рот.

Один из юношей ойкнул, глядя на это, шикнул Сократу, махнул ему: "Обратно... Уходим!.." Тихонько шикнул. Но Монстр поднялся, вытянулся за миг, разворачиваясь на змеином хвосте, покачиваясь, встал перед ними.

— Гости... — просипел он. — Дома ещё нет, а гости уже есть...

Его глаза, полуприкрытые, синеватые, мутные, смотрели мимо Сократа, но он этого не знал. Да если б и знал, он не умел бояться. Двое других, вихрем, одним прыжком скрылись в подземельях. Они бежали! Стены опять прорвала бомбардировка. На сей раз полтора десятка винторогих теней упали на землю рогами к Сократу и начали, впиваясь шипами хвостов в землю, стремительно подползать...

— Не жрать! — хрипло, оглушительно зарычал на них Монстр. — Не вижу, ни черта не вижу... Не трогать!

Тени остановились. Монстр протянул руку, спрашивая, утверждая:

— Гость?.. Ты мой первый гость.

— А ты кто? — спросил Сократ, недоверчиво разглядывая когти.

— А я Архитектор.

— Монстр обернулся на звук, через стену медленно спланировал безмерной величины скат, с таким же острым витым рогом. От стены отвалился кусок и стал белёсым озером слизи. Скат приземлился в него и встал вертикально, как человек, вместо головы и носа второй рог или жало.

— Долго! — просипел Монстр. — Очень! Здесь брешь в земле. Где? Я не вижу. Закрыть её! Закрыть!

Когда двое беглецов, выбрались из подземелий, прибежали в пещеры, они выскочили навстречу Римлянину, ведшему с Изумрудом долгий спор о выгодах личных и коллективных тактик спасения. Иначе потеря третьего могла быстро и не обнаружиться, опомнившись, устыдясь, они могли бы и сами вернуться за ним. Но этого не случилось. Они выскочили бледные и вдвоём...

— Поссорились, потерялись? — спросил Римлянин сходу. — Вас было трое, где Сократ?

— Наверху, — ответил один, задыхаясь.

Изумруд наклонился к нему, заглядывая в глаза:

— И кто там ещё? Тени? Вы кого-то встретили?

Позабыв все слова, юноша сделал жест руками, как будто царапал землю. Оказалось достаточно. Изумруд понял, он повторил этот жест:

— Так? Он делает так?

— Да, да, — закивали двое.

— На суше! Где есть выходы с подземных озёр? — спросил он у Римлянина.

— Через лабиринты — во все стороны материка. А прямо от озёр — на Центральный Рынок.

— Я полетел.

— Вместе.

Однако не долетели. Серый туман распространялся от центра континента, и в нём, среди ставших летучими винторогих теней, прорезавших воздух со свистом, среди теней-скатов они увидели не рынок и не место от него, а уходящие в облака белёсые живые стены.

Поднимался ветер. Непрерывный сильный ветер с моря охватил материк. Возле башни, занимающей место Центрального Рынка, он ощущался, как лёгкие порывы, а на побережье сбивал с ног. На мысах континента Морская Звезда он сносил вглубь его Белых Драконов. Изгнанники, не усидевшие в пещерах, испытали на себе его силу. Темнело быстрее, чем наступал вечер. Облачные миры утратили свои чудесные цвета, их затянуло дымкой, а вскоре между ними и землёй образовались серые длинные облака из морского тумана, позволявшего ночами доходить до пещер теням и Чудовищам Моря. Облака медленно, неуклонно шли к центру материка, к башне. Огромные скаты-тени носились в них. Теперь уже никто не рисковал подниматься в небо. Сильный ветер не позволил вкопать вертикально стволы деревьев, нет инструмента, пара ржавых старых лопаток, у некоторых ножи. Поставленные в борозды и придавленные камнями, тяжёлые каменные деревья повалились друг на друга, перепутались кронами. Так и оставили их: полукружия с проходами, смещенными вправо, влево. Изумруд остался доволен. Его одного не смущал ни жуткий сумрак дневной, ни шквальный ветер, ни то, что пока трудились на земле, тени получили возможность их туч падать прямо на голову. Пока не падают, и ладно. "Пригодится, — сказал, — от других, что будут гулять пешком".

Его беспечность отнюдь не стала заразительной, но шли дни, атаки не повторялись, башня росла. Борей, неспособный пребывать на месте, курсировал туда-сюда, следил за её ростом.

Индиго сидел у одной стены первой пещеры, смотрел в другую стену и молчал. На груди поблёскивал круглый золотой медальон, как и Бест, он слишком близко подошёл к последнему холоду, останавливающему Огненный Круг, и не мог бы продолжать жить без этой штуки. Он сидел и вспоминал единственный, он понимал это, последний прямой разговор. Дроид отвечал медленно, размеренно, плавно, не торгуясь за каждое слово. И напрасно. Совершено напрасно.

Мурена, налюбовавшись до тошноты серыми рваными лоскутами, ползущими над головой, села рядом и спросила не в первый раз:

— Когда ещё была возможность, — она носом указала на выход, наверх, — почему ты не посоветовался с Бестом?

— О чём? Как мне жить? Я знаю всё, что он скажет, каждое слово. Я рассказал ему, как было. Он сказал, что Чёрный Дракон не сделал мне ничего плохого. Отлично. Хорошо, что этого чёртового дракона я с тех пор не видел. Интересно, а есть ли оружие против дроидов?

Мурена покачала головой:

— Не говори так, это слишком даже для меня.

Индиго смотрел в стену:

— Как изменился мир. И так быстро. Даже недавнее жалкое подобие жизни теперь невозможно. И где твои дроиды? Почему бы им... А впрочем!.. Мы отходы их мироустройства. Какое им дело до нас.

Амарант вмешался:

— Я думаю, это связанные вещи.

— Какие, и чем?

— Твоё путешествие и перемены снаружи. Ты видел их ловушку для хищников, понял достаточно, чтобы рассказать. Они закрыли Пустой Чёрный Мир. Хищник вырос быстрее, чем успел бы прежде, чем кануть в него.

— Ага, я виноват. Так путь откроют снова!

— Ловушка перестала быть тайной.

— Путь сделают другую!

— Индиго, ты её испортил, может, тебе и делать?

— Юмор?

— Юмор.

Голос Изумруда разнёсся по пещерам:

— Оружие! Кто не боится лететь и у кого есть ножи! На южный мыс, за ним, — указал на Грома. — Кто остаётся здесь, маленькое озеро, углубление рядом со спуском в подземелья должно быть высушено для морской воды. Сделаете, я обещаю, каждый, получивший такое оружие, сможет защищать себя.

Развернулся, нырнул на рогатом Белом Драконе в рваную темень туч. Его энергия и уверенность передались изгнанникам, озерцо, скорее, каменная ванна, было осушено два-три дня. За один день он наполнил его водой Свободных Впечатлений, а рядом уже возвышалась охапка бичей разной длины, сплетённых из полос зеленовато-золотистой кожи, некоторые с утяжелителями не конце, с рукоятками из каменного дерева. Изумруд скинул их в морскую воду, подождал буквально минуту, вынул один, взмахнул, щёлкнул им и сказал:

— Этого не достаточно. Они не будут слушаться вас. Надо запечатать водой забвения, сверху. Пусть лежат, но потом, на несколько секунд — в любое из внутренних озёр. Тогда будут слушаться, как дракона его хвост!

Так и сделали.

С кистенём наизготовку, окружив себя целиком крайне тягостной, окутывающей тенью, губительной для любого, кроме Морских Чудовищ, Изумруд прорвал лохматые тучи и добрался до мира Беста, похвастаться. Шагнул в тёплый покой, сел перед низеньким столиком, отметив, как за короткое время, проведённое в Собственном Мире, успело смягчиться и посветлеть лицо чистого хозяина... Но вот оно снова потемнело...

— Бичи? — переспросил Бест. — Кнуты, охватывающие тело?

— Да! И разбивающие любую тень.

— Оружие?

— Превосходное оружие.

— Вы ведь не станете использовать его друг против друга?

— Нет... — Изумруд озадачился, — не знаю. А зачем бы?

— Не знаю... У меня паршивое предчувствие. Индиго говорил, дроиды ненавидят оружие. После этого, станут ли они помогать вам?

— То-то они раньше помогали! Особенно мне.

— Понимаю. Но послушай! Скажи им, прошу тебя, скажи им всем, пусть поклянутся не использовать его изгнанник против изгнанника, поклянутся прежде, чем возьмут в руки!

Изумруд вопросительно посмотрел на Беста, попытался вникнуть, согласился:

— Скажу... Бест, ты там сейчас не нужен. Но им тебя не хватает. Как-то так... Ты знаешь будущие угрозы? Они произойдут от дроидов? Мы рассердим их?

— Нет. Я же прямо сказал, не нападайте на себе подобных, на живых. А дроиды безопасны, ты мнительный, словно Индиго. Как он там?

— Нормально. То есть как, не нападать? Там, мне подобных, хищников в крепости уже с десяток Борей насчитал, мелочь моря, но раз там, значит, башня держится и на них. Не считая главного. И что с ними делать тогда? На то и оружие, останавливать Огненный Круг. Что же мне вечно тени хлыстом гонять?

Бест смотрел на вопрошающего бледно-зелёного хищника и думал: "Да, он прав, у него тысячелетний опыт сражений, а я всегда ненавидел оружие, как дроид. Я совершенно

бесполезен был бы там, внизу..."

— Ты сказал, не считая главного? Есть создатель?

— А как же! Я узнал его.

— Говорил с ним?

— Чего?

— Можно с ним поговорить?

Изумруд встал, походил, присел на подоконник, потёр лицо рукой...

— Бест, ты единственный в мирах, на земле и в море, кому могло придти такое в голову! О чём говорить?

— Я не знаю. Честно. Но тогда и надо говорить, когда не знаешь о чём. Вот поговоришь и узнаешь. Нет, — он смутился, — не в смысле, ты, я могу.

— Только не это! — Изумруд поднял ладони, — Клянусь, такое невозможно, даже теоретически. Ты не долетишь до земли. Даже со мной и с телохранителем, клянусь! Хочешь, я расскажу тебе, как он выглядит, Монстр? Ты сразу поймёшь...

— Да какая мне разница, как он выглядит?! Он нападал на вас? Кто-то пропал в первую ночь?

— Рынки пропали со всей земли. А из пещерной группы нет, не слышал, чтобы кого-то искали. — Изумруд замялся, — Правда, есть одна потеря. Парень зашёл в крепость сам, из подземелий. Пока узнали, до него уже не добраться. Наверху суп из теней, внизу выход закрыт. Бесполезно, в общем. И времени много прошло.

— Я знаю его?

— Видел. Парень из тех, девяти. Его назвали Сократом.

— А как вы узнали, что он именно там?

— Двое других убежали.

— Понятно. Изумруд, по-честному, я могу спуститься к вам?

— Слово, нет.

— Вот что. Раз уж ты здесь, я скажу своё мнение. Не нападайте первыми. Если в группе ещё помнят меня... Путь выберут переговорщика, того, кто сам захочет...

— Ладно, пусть идёт тот, кто виновен в пропаже.

— А есть такой?

— Да.

— Но нельзя же заставить...

— Можно.

— Изумруд! Ты не понял! Нельзя! Пусть идёт, если хочет. Или кто угодно другой.

— Понял.

За разговором они дошли до решётки. Изумруд перекинул ноги через раму и позвал дракона, с неохотой глядя вниз на серую пелену.

— Интересно, сам доберусь ли. Плотно идут. Я понял тебя, Бест. Я не буду давить на них. Посмотрим, найдётся ли доброволец. Моя другая тактика... Но она никуда не денется, подождёт пока. Было забавно по отдельности разыграть твою и мою партии!.. Сравнить количество жертв. А если одна? Если, прорвавшись в башню... один Архитектор, один кнут — и дело кончено? Вчистую. Вряд ли? Вряд ли. Возможно? Да! Твой переговорщик рискует, Бест!

И засмеялся, Морское Чудовище. Бест сжал его плечо, сказал, глядя под ноги:

— Между нами… Не Мурена и не Индиго. Прошу.

На том распрощались.

"Скрик-скрик..." — послышалось в рваном полумраке, когда Изумруд уже потерял из виду облачные миры. "Скрик-скрик..." — непонятно откуда, неопределённо везде, словно тучи начали скрипеть. "Цок— цок..." Что за чёрт? "Так скрик-скрик или цок-кок? — спросил он мысленно невидимого преследователя. — Скрик-скрик и цок-цок, это совсем разные вещи". Хотел ускориться — камнем вниз, но полная неопределённость источника насторожила его. "О, нет! Знаю на что это похоже!" Изумруд резко рванул дракона за рога вверх и влево, сообразительный дроид закрутился при этом вокруг своей оси, и перевернулся в стремительном сальто. Маневр спас от неминуемой гибели. Тень промчалась вниз, опешила, схватив пустоту ядовитыми, фосфорицирующими крючками сотен лапок и узрела добычу над собой. До сего момента только в Великом Море Изумруд видел их, сложносочинённые, непредсказуемые тени с противовесами из малых теней внутри. Она с хрустом расправляла и складывала по бокам плоского тела тонкие треугольные крылья. "Как плавники. Но держат в воздушном тумане..." Всю поверхность брюха занимали корявые, многоколенчатые лапки, всю поверхность спины — глаза, расположенные спиралью. "Правильно, чего мелочиться?.. Так лучше видно, и много глаз про запас!.. Представляю, как оно бегает по земле. Если добежит до пещер, ой, что будет!.." Он засмеялся, уворачиваясь от тени тем же манером и, разглядывая заодно, но не решился повторить его в третий раз. Центральный глаз в спирали, закрытый бельмом, испустил пар и луч в нём, одновременно, широко расходящийся луч. Изумруд попал в его белёсую воронку. "Падаю! Взлетаю!" — одновременным Впечатлением визжало из луча. И снова: "Цок-цок... Падаю вверх! Вниз взлетаю!" Какой мерзкий визг! А сама тень ни разу не падала и не взлетала, а только медленно приближалась, расправляя и складывая скрипучие крылья. Изумруд переключился на зрение. Напрасно. Она крутанулась и начала смотреть лапками, а тянуться к нему глазами. Только крылья остались верны себе: "Скрик-скрик..." Куда же ты бросишься, проклятие! Ближе, ближе. Изумруд сомкнул пальцы вокруг рукоятки кистеня, успел отцепить и почувствовал укол винторогой тени под лопатку. Разбил её, не оборачиваясь, и заметил ещё четырёх по сторонам. Они не приближались к границе дурманящего луча и тем помогли ему сориентироваться. Изумруд нырнул прямо между ними, разбил две, восьмёркой прокрутив кистень: "Тупые тени!" И оказался прямо напротив затянутого бельмом ока. "Как это могло получиться?! В другую сторону надо было нырять?!" Гнусная тяжесть от укола винторогой тени ощутимо распространялась по телу, стремилась заполнить его целиком и после этого остановить Огненный Круг. "Цок-цок..." — мигнул глаз, сквозь веки в синих прожилках распространяя дурманящий свет. Кистень свистнул, брызги слизи полетели в разные стороны, и загорелась вся спираль огненно-красных выпуклых глаз. "Небо снизу! Море сверху!" Кистень свистнул вновь, увяз и его едва не вырвало из руки, коленца раздробленных лапок неожиданно, словно невесомые зависли вокруг в тумане, загребая, шевелясь. "Домой!" — не до шуток, понял Изумруд. Здорово устававший в прошлый раз от обволакивающей тени, осознал, что и теперь без неё не обойтись. Он зубами выдернул тень из раковины на шее, ощутил её тяжесть и глухоту вокруг, слабо-слабо пробивалось: "Море сверху! Небо снизу!" Ударил наугад, зная, что промахнётся, попал по крылу, нырнул под него, разбил вставшую на пути винторогую тень и вышел за пределы дурманящего света. Земля внизу! Туманное море дроидов между юго-восточным и восточным мысом! Яростный ветер. И стая винторогих теней прямо под ним плывёт, как по волнам, подлетая, выныривая по нижнему слою рваных лоскутов тумана. "Нет, я не буду обходить вас!" Волчком закручиваясь на Белом Драконе, рогатом, прекрасном, вставшем в полёте на хвост, он вклинился в стаю, кистенём прокладывая себе путь. Тени брызнули в разные стороны, кто буквально — разлетаясь на брызги, кто умный... Тени, хоть не живые, но разные, у всего есть свой характер на этом свете. "Прочь, до завтра! В Собственный Мир!" Из-за спины снова ядовитый свет озарил побережье. "Цок-цок..." — послышалось сзади.

Но на этот раз дроид вынес его за пределы морока, свечой вверх. "Домой, домой!.." — потрепал Изумруд его рукой по шее. Зубастая рама Собственного Мира просвечивала сквозь толщу открытой воды, там, где кончался туман дроидов. Умный дракон помедлил, пока не рассеялся морочащий свет, и резко пал ей навстречу. Привычный к такому, в полёте, зависнув над белой спиной, Изумруд сорвал с себя все тени, с ожерелья, с пояса, забросил их в жабры Морского Гиганта. Он вкатился кубарем за раму и растянулся в синей, бархатной тишине глубин, расслабившись мгновенно. Раскинулся морской звездой, единственным континентом своего Собственного внутреннего моря, изумрудно-зелёный, и поплыл куда-то, переворачиваясь, кружа... Ранившая его тень, исчезла, осталась снаружи, тени немыслимы в Собственных Мирах. Вот одно из огромных преимуществ положения хозяина. На миг Изумруд задумался об этом, и сострадание вместо насмешки возникло в нём при воспоминании об оставшихся в пещерах. Впервые. А после снова обратился к тени, едва не слопавшей его. "Однажды я разберу твой глазик... На маленькие-маленькие простые тени, сплету из них сеть и сложу в неё твои оторванные лапки, клоп летучий... До завтра, хищник в башне, до скорой встречи... До завтра, пещерные изгнанники, надеюсь, оно настанет, как для меня, так и для вас".

Глава 17.

Глава 17.

В хмуром свете следующего утра Изумруд возник на входе в пещеры. Добрался легко, одетый в невидимую броню из стольких быстрых теней, сколько успел наловить до берега. Там объединил их Впечатлением непрерывной перемены, вырвал сплавленными из Огненного Круга, что нелегко, и надел. Впечатления основы не нашлось, так что видимой тень не была. Прилетел низко над землёй, с собой ещё две тени: Слипнись и Перекрутись, соответственно названиям, легко разделяемые, но так же легко собирающиеся из кусков. А главное — самостоятельно. Он обнял Селену, выбежавшую навстречу, прошёлся по пещерам, хлопая в ладоши, будя спящих, и позвал всех в сухую часть подземелий.

От одной стены до другой Изумруд перекинул два ровных ствола каменных деревьев, ещё несколько толстых, с себя ростом установил вертикально, забив в трещины камнями. Редкий туман дроидов давал мало света, но это и к лучшему. Ночь, что? Условия приближенные к полевым. Достал один кнут из охапки, самый длинный, с железной пикой на конце. "Откуда взяли? Коллекционеры!.. Но вышло то, что надо". От рукояти до кончика пробежали искрящиеся огоньки. "Очень неплохо".

— Смотрите.

И без того все смотрели не отрываясь, дальние ряды с уступов стен. Изумруд освободил от людей пространство вокруг, откинул кнут назад и плавно, медленно, одной волной послал его на вертикальный ствол дерева так, что самый конец обвился, а железный наконечник клюнул в середину. Неуловимым движением он вернул кнут к себе. Всё в тишине, с лёгким свистом и тихим стуком.

— Видели? Теперь так.

Изумруд перешёл к одной из своих теней. Между верхней и нижней горизонтальными балками она зависла, плохо видимая в темноте, похожая на соцветие тёмно-бардовых цветов, которые непрерывно меняются местами. Он встал к ней ближе, сложил кнут в руке, коротко замахнулся и отправил его плясать вокруг, насквозь тени одним ударом. Цветки, вспыхнув, брызнули во все стороны, вверх, на смотрящих, на его чёрный торс и мощные плечи, и собрались обратно, слиплись, как ни в чём не бывало.

— Ясно?

Следующая тень висела, как перекрученные корни, держась лишь за верхнюю балку. Когда бич обвил её, Изумруд подёргал и все увидели, что она начинает закручиваться, отнимая оружие, пока не сожрала половину, тогда оставшейся частью он сделал волну, хлопнул резко по тени, и она отпустила.

— Но это не единственный вариант, — добавил с усмешкой. — Играйтесь, пробуйте сами. Вечером я на вас посмотрю.

И направился на поверхность. Селена, сцапав его руку, шла рядом. Он наклонился к ней, огромный:

— Извини, я один. Вернусь скоро.

— Я невидимка, ты же знаешь. Какие проблемы?

— У них такие прожектора! Как бы лучи, свет на полнеба. Кто в него попадает, радикально сходит с ума, перестаёт различать даже направления. Ты бы видела, как я дрался вчера!

Она пожала плечами. Изумруд заметил с улыбкой:

— Ты не беспокоишься за меня, как Мурена за Беста...

Она снова пожала плечами:

— А что за него волноваться? За тебя тем более.

— Обидно и лестно.

— Может, я пойду пока в Собственный Мир? Ты выпустил мою тень-впечатление рыбы?

— Выпустил в пределах своей, не знал, вдруг она тебе понадобится.

— Отлично! Она мне понравилась, найду и на основе слеплю что-нибудь другое.

— Не сейчас, ладно? Селена, я вернусь и провожу тебя. Знаешь, из-за делания теней, ты стала совершенно перламутровая... Тебе идёт.

Изумруд призвал Белого Дракона, сел боком:

— Хлыст возьми, поиграй. Всегда пригодится.

Он провёл руками по своим, наспех сделанным, доспехам. Невидимые, они немного серебрились при дневном свете. Всё в порядке. Наклонился к дракону, говорил что-то на ухо, долго. Тот свернул кольцами хвост, острый нос уставил в небо... И с резким криком уходя в зенит, они прорвали низкие тучи, горизонт угрозы.

"Переговоры, так переговоры. Но Бест не сказал, как их вести? Вот и ладушки. Здравствуй, уродливый хищник, здравствуй, красавчик, предложить мне нечего, но чтобы ты говорил со мной, я кое-что у тебя, извини, утяну..." Изумруд сделал поправку на ветер и среди открывшихся ему прекрасных, многоцветных облачных миров повернул к предполагаемому центру континента, постепенно снижаясь. Попал в точку. Крепость успела достичь поразительной высоты, но, он так и думал, не обзавелась крышей. Изумруд парил над ней, как над кратером вулкана.

Он парил и разглядывал, не без замирания, махину из дрожащих белых сцеплений, полупрозрачных, белёсых, во много слоёв, с промежутками тёмных артефактов, с лестницами, наметившимися снаружи и изнутри, с опоясывающими её галереями... "Не нравятся мне эти закрытые очи. Что-то будет, когда они откроются!.." Так размышляя, он начал разматывать со своей руки вниз, внутрь крепостных стен тонкую прозрачную нитку с крупной жемчужиной на ней. Неторопливо, следя за тучами, поднявшись повыше от них. Над крепостью штиль, ветер не мешал ему.

По описанию Борея, Изумруд узнал хищников, прилетавших сюда. Такая порода издревле обитала в Великом Море. Неумные и не особо свирепые, жадные, умеющие делать стерегущие тени и присущие, тени неразрывные с телом, но слабые. Когда-то давным-давно человеческие, их тела преобразились сходным образом и застыли в этом состоянии. Они были похожи на летучих мышей, иные — на летучих белок, иные — на скатов, с двумя крыльями — кожистыми перепонками между рукой и ногой вдоль тощего тельца, длинная мелкозубая морда, зоб, в нём они переносили с места на место, перепрятывая до бесконечности, артефакты, найденные под водой, особо предпочитая жемчуг. Существует, по-видимому, какая-то тайная связь между хищниками и жемчугом, что на рынках и в мирах, что в океане, скрытое притяжение. Мелкие хищники, летяги, по характеру своих интересов, самые невинные в Великом Море. Связные Впечатления из чужих тел не вырывали, довольствовались дождями на поверхности, ошмётками чужой охоты, грабежом, такие подводные коллекционеры. Нюх хороший. Быстро убегали и ловко прятались, просачиваясь в любую щель, умели взмывать над водой. Но вот, почему-то, вышедшему на континент, Монстру понадобились именно они. Тем лучше.

Изумруд размотал свою удочку и стал ждать. Недолго. Внизу дёрнули, снова дёрнули и потащили! Он, опять-таки не спеша, взял тень-краба, клац-клац, продел в середину её нитку и резко пустил по невидимой нити вниз. Краб, растопырив железные лапы, пропал в дымке. Сомкнулся намертво. "Клац-клац..." — послышалось бы, если б не расстояние, так только

дёрнулась нитка. И судя по тому, что не раскрылся сразу же, обратно не вскарабкался, жемчужину схватила не тень! Тут уже без промедления Изумруд потащил, сматывая нить на руку обратно... Зобатый, лупоглазый, перепуганный летяга трепыхался в его чёрной руке и подлаивал: "Злой Господин!.. Господин всего моря!.." — "Ага, — пробормотал Изумруд, — давно не виделись".

"Ну что ж, — подумал он, — приглашение отправлено". Вытащил жемчужину из зоба, сняв краба с тощей шеи, перемотал пасть ниткой и стал ждать новостей. Время шло. "Нечто происходит..." — заключил он из того, что рост новых рядов башни приостановился. Несколько глазастых теней-клопов выглянули из-за её стен, уставились на него, но без тумана морочащий свет не достиг Изумруда, рассеялся. "Уже неплохо. Сырость морских, Свободных Впечатлений нужна для всего... Плохо то, что на континенте её в избытке. Валите вниз".

Того, что произошло следом, не ожидал даже он. На могучем змеином хвосте, грациозный и стремительный, Монстр, Архитектор башни взмыл зигзагами по ней, до самого верха, на хвосте выпрямился и вплотную придвинул к Изумруду своё полуслепое лицо. Ладони в земле и слизи. Судорожно он продолжал ими пустоту когтить и комкать. Изумруд пресёк порыв Белого Дракона шарахнуться прочь. Говорить же пришёл. "С ума сойти, говорить!.. Красавец..." Монстр заложил за спину свои, навсегда беспокойные лапы, раздвоенные пальцы, когти сцепил, ткнулся ещё ближе синевой полуприкрытых глаз и просипел:

— Здравствуй... Злой Господин... Хозяин... Летунчик мой у тебя? Угощайся.

Изумруд не нашёлся сразу. Такое уродство. Сам он единожды только сделал тень присущую телу, удобная тень... О, если б изгнанники видели его таким!.. И смыл Чистой Водой забвения, это так мучительно, почти невозможно, впредь не делал... Жуткое зрелище... Но от величия громады, сооружаемой в сердцевине Морской Звезды, от масштаба экспансии и ещё чего-то в тоне Монстра, уважение примешалось к брезгливости, неожиданно для него самого.

— Хочешь, — продолжил Монстр, — ещё двоих таких же?

Он пригляделся к летяге в чёрной руке и поцарапал по нему, стонущему от ужаса, когтями.

— Ещё двоих... В зобу много разного. И когти тебе. И крылья. И косточки. А мне отдай брюшки от всех троих, и от этого тоже. Договорились? Там пузырёк у них. С чистой водичкой. Только его отдай. Злой Владыка, договорились?

Летяга обмяк и тёрся головой об руку Изумруда, который почувствовал вдруг, что и он немного Бест, и на таких условиях не отдаст несчастного хищника.

— Возьми целиком, — ответил он Монстру, с зобом, когтями и водичкой. А мне нужен другой парень.

— Какой парень, Злой Господин?

Монстр горестно, поднеся к лицу, разглядывал свои уродливые, хватающие воздух лапы.

— Человек, изгнанник, зашедший к тебе. И что ты на свои руки всё время смотришь?

— Пустые они, — прохрипел тот, мигая близоруко. — Почему-то пустые… Не могут схватить? Или не всё можно схватить руками... Или вижу плохо, не могу найти... А парень? Гость мой? Он гость мой. Захочет, может уйти. Спустись и спроси его, Злой Хозяин всего моря.

— Ага, сейчас, уже! — Изумруд рассмеялся.

— Какой ты громкий. Не надо. Даже в море, тебя плохо видно, но хорошо слышно, издали. Издалека...

"Вот как? — подумал Изумруд. — Учту. Парнишка жив, значит. Бест, что же такое, твои переговоры, что дальше?"

— Слышь, Архитектор, зачем тебе это на материке?

— Как? — переспросил Монстр. — Домой я пришёл, вернулся. Я буду здесь жить.

И он вытянулся ещё, неприятно нависая над Изумрудом, запрокинув уродливое лицо со

скорбной прорезью рта к облакам, не видя их.

— Слепой ты, — сказал Изумруд, — заблудился слегка. Ты в море живёшь, в норе. Отдай парня. Ведь, кажется, ты меня знаешь. А что и не знаешь, способен вообразить, отдай сразу.

— Злой Господин, я не лгу. Он гость мой. Верни летягу. Пить хочется. Больно. И ему и мне.

"Понял! Бест, ты был прав! Я поговорил с ним и понял! Летяги носят ему Чистую Воду забвения... Откуда? От водопадов, падающих с обсидиановой, восточной скалы! Она разъедает их изнутри, слишком много для маленького тела, и слишком долго... А Монстру один глоток, чтобы утихомирить уродливые присущие тени... Жалкая жизнь".

— Слушай, Архитектор! Гостя ты прогонишь. Если сегодня он не вернётся к своим... Слушай, я — лжец?

— Не знаю, ты Чёрная Гибель.

— Отлично. Если не вернётся, за день я переловлю их всех, всех летяг до одного, и никакой тебе чистой водички.

— Нет, — неожиданно твёрдо и без размышления прохрипел Монстр, — не прогоню. Мне дорог мой гость. Я ценю его. Другой, когда ещё будет. А больно всегда. И от чистой водички больно. Я говорю с ним, он говорит со мной… Прекрасно... Злой Владыка, я не прогоню гостя.

"Вот те раз... А если по-другому?"

— Ты лжёшь. Только гость? Но ты закрыл подземелья.

— Закрыл.

— Как же он выйдет, если захочет?

— Как все, через стену.

— А он знает об этом?

— Злой Господин, он знает, я сказал. Ты не понимаешь, хищник?

— Я не уверен. Допустим. Открой подземелья. Он придёт к нам и вернётся, если захочет. Не веришь, да? Сам ты не можешь спуститься под землю? Не можешь. Там её слишком много, Чистой Воды забвения, там она в воздухе, в стенах, в капели... Страшно. Не беда, твой гость принесёт её тебе, если захочет...

Монстр царапал когтями воздух, себя, молча. И прохрипел пару минут спустя:

— Никогда не слышал твоего голоса в океане... Только громкий хохот. Что-то переменилось, Злой Господин... Он придёт к вам, а вы отпустите его обратно?

"Чёрта с три!" — подумал Изумруд и ответил:

— Конечно!

— Ты лжёшь! — взвился Змей. — Это я могу различить и без глаз! Отдай летягу!

— Забирай!

Изумруд размотал пасть хищника и швырнул его вниз.

— Захочу, сто раз поймаю!

Змей опустился пониже, притих, царапая тело когтями, впрочем, без вреда для себя, царапая лицо, коснулся глаз и просипел:

— Прогнать гостя?.. Злой Владыка, а ты можешь починить мне глаза? Они ничего почти не видят.

— Вряд ли, — Изумруд сосредоточенно вгляделся в его веки, принюхался, любопытный к сложным задачам. — Посмотри на себя. Ты же сам понимаешь, это не глаза только. Сделай другие. Нечеловеческие.

— Нет, нет. Мне нужны эти. Мне жаль их. Я хочу видеть...

— Кого ешь?

— Да… Злой Господин, хочу отыскать потерянное, то, что видел этими глазами. Вдруг оно рядом, а я не вижу.

— Открой подземелья.

— Не открою. Но я передам, что вы ждёте его... Он мой гость, Злой Господин! — прорычал Змей, повышая голос. — Я не лжец! И ты мой гость, взгляни, докуда поднялись эти стены! Ты уже в их пределах, но я прогоняю тебя!

Монстр простёр к Изумруду изуродованные руки, с раздвоенными пальцами, с острыми когтями и махнул: "Прочь!" Белый Дракон радостно, с первым хлопком по шее взбрыкнул, боднул небо рогами и ринулся в оранжевые, вечерние облака. Последнее, что увидел Изумруд-переговорщик, были слёзы, текущие из синеватых, полуслепых глаз.

Поле прогулки среди облачных миров Белый Дракон пал камнем сквозь тучи и нёс Изумруда, погружённого в свои мысли, почти задевая лапами пляшущие волны. Усиливающийся вблизи континента ветер подгонял его. Горестный, предсказуемый сюрприз ждал на пути.

Ещё раньше, беря разбег в высоту перед резким падением, Изумруд заметил, что вечереющие миры посветлели, как будто время повернуло вспять, к полудню, и сложились в драконью морду, смутно знакомую ему. Пустынный пейзаж с красноватой землёй, искорками дроидов и длинным набегом волн отразился в зрачках, перед тем, как растаял белый призрак горя. "Таки-погиб кто-то... Погулять вылетел или было нападение на пещеры? Тогда это не последняя драконья морда в небе, надо спешить".

Он завидел вдали юго-западный, ближайший к пещерам залив, Туманное Море дроидов второй расы 2-2. Сумрачно. Огоньки играют внизу. Бешеный ветер. Море встаёт такими волнами, что их гребни выпрыгивают над туманом. И толпа народа на берегу. Толпа?! Десятка три человек, изгнанников в развевающихся лохмотьях. Что за бредовое видение? Одна фигура лежит среди волн, как в колыбели. Они не сносят её, не захлёстывают, лишь огоньки дроидов иными волнами проходят от ног до макушки. Изгнанник. Тот, чьего дракона видел Изумруд прощальным, тающим. Он приземлился и подошёл к ним. Все молчали. Изгнанники стояли полукругом, наклоняясь против ветра, а один отдельно, у кромки воды, захлёстывающей его до колен, огромными немигающими глазами глядя на тело в волнах, неотрывно.

— Что случилось? — спросил Изумруд. — Почему его не утащили тени или хищник? Кто это был?

— Он, — ответили Изумруду и кивнули на отдельно стоящую фигуру.

— Что?! В чём дело? Чего они не поделили? Да и что вообще у вас есть, чтобы это не поделить?!

— Ничего... Они просто играли. Один поймал, другой не сдавался...

"Прежде, чем они возьмут в руки оружие... — голос Беста громом небесным раскатился в уме Изумруда, — пусть поклянутся... Прежде! Прежде, чем!.."

— Я забыл! Проклятье! Небо и море, я совсем забыл!

— Что ты забыл, Изумруд? — Мурена серьёзная, бледная подошла к нему в полумраке, за поясом короткий, сложенный хлыст.

— О, Мурена! Бест должен был остаться с вами, а не я! Он знал, он предвидел это!

— Как можно предвидеть несчастный случай? Ребята играли. Сами виноваты. Никто не виноват.

— Я! Моя вина!

И он рассказал ей. Мурена, выслушав, коротко кивнула. Изумруд зашёл в море и взглянул на тающего в огоньках. Юный коллекционер, не богатый, по одежде, короткая юбка, широкий пояс с ножнами, голубые, закрытые веки и неподвижный Огненный Круг. Как нежно качало его

море дроидов, волнами пляшущее вокруг, бросающее пену на берег. Разноцветные искорки скользили и по поверхности тела и в глубине. "Бест, моя вина. Только моя". Оставались одни очертания. Изумруд увидел, как высший дроид, глава Дом проявился в центре Огненного Круга, крошечный, но величественный, протянул руки и взял этот неподвижный круг из середины его. И очертания исчезли, и дроид исчез.

Парень, стоявший отдельно, тоже коллекционер, в новой накидке, шароварах, с лентами в развевающихся волосах, потянулся к дроиду и опустился на колени в воду. Он шептал что-то. Изумруд обратился к нему, сел на корточки, волны перехлёстывали обоих.

— Ты не виноват. Это моя вина. Я должен был предупредить, я забыл.

Парень не отвечал, ещё ниже сел на дно. Изумруд тряхнул его за плечо:

— Уходим. Пошли.

— Я потерял дракона... — прошептал парень. — Я стал хищником. Навсегда... Я — хищник.

— Я тоже! Пошли.

— Отстань от него, — сказала Мурена, — пусть сидит, где хочет. С ним останутся его друзья.

— Это глупо.

— Глупо. Но правильно.

Вереница Белых Драконов потянулась к пещерам. Изумруд с Муреной летели рядом.

— Дай бич на минутку, — попросил он.

— На.

Изумруд провёл рукой по круглому сложному переплетению тонких ремней, обвил лёгким движением вокруг своей груди и затянул немножко. Ему хватило нескольких секунд, чтобы задохнуться, а дальше, он знал это, будет вспышка резкой боли и, в общем-то, всё... "Обалдеть!" Если бы под водой можно было владеть подобным оружием, он и впрямь был бы Господином всего Великого Моря! "Не нападать первыми... Да сегодня, уже сейчас, возьми он с собой этот хлыст, было бы покончено с ветром в спину, с башней и Монстром её... Хотя... Башню можно оставить. Но как? На чём она держится? На ветре. На сырости. А ветер на чём?.." Будущее не подтвердило и не опровергло правоту его тяги к простым решениям. Оно развернуло аргументы за и против, дельтой реки разбежалось и вынесло всеми рукавами в будущее тех, кому суждено было выжить. "Злой Господин... Злой Владыка..." — всплыл в памяти сипящий, хриплый голос. "Злой, ага, даже не представляешь, как ты прав! Ещё одна встреча, и проблема будет снята... На чём же она держится, его крепость? Не стало бы хуже, если вручную придётся разбирать... Переговоры... Ну, если случайно живым изловлю, переговорим, пусть расскажет, напоследок!.."

Глава 18.

Глава 18.

Мурена собрала людей в овальной большой пещере. Изумруд сел на выступ в стене, где и Бест, но выше его места, забавно. Он передал им просьбу Беста, и весь разговор, просьбу о клятве.

— Если меня ещё помнят? — переспросил Мираж, изгнанник, давно не появлявшийся в пещерах, до последнего времени. Черноволосый, в украшениях белого металла, небесный бродяга, к несчастью, в роковые дни задержавшийся на земле. — Мы помним Беста. Но какое вам обоим дело до нас, хищник, объясни! Чистый хозяин Собственного Мира передаёт через хищника советы изгнанникам, здорово! Он уже нам не ровня, мы не ровня ему. Почему бы тебе тоже попросту не уйти?

— Я обещал, — ответил Изумруд безгневно.

— Правда? Есть некоторое сомнение: кому и что? Знаешь, к тому, который в башне, ты ведь ближе как-то... Или нет?

— Нет.

Мираж сел, усмехнувшись. Мурена вышла вперёд:

— Я здесь, перед вами, как почтовый дракон Беста, как его собственное слово. Он выполнил вашу же просьбу, остался там и приглашает любого, как только это станет возможным, кто хочет зайти... Выполните и вы его просьбу, поклянитесь. Вспомните вчерашнюю потерю.

Притихший зал смотрел на неё. Первый изгнанник встал, поднимая правую руку:

— Клянусь.

"Клянусь... Клянусь... Обещаю..." — прокатилось по пещере и стихло в дальних уголках. Торжественная часть окончилась. Изумруд спрыгнул вниз:

— А где Селена?

— В подземельях. Сонни-сан ушёл опять, она присматривает за ним. Ещё не возвращались.

— Он что ли часто так делает?

— Как всегда.

— И надолго уходит?

— Ага. Скоро должны вернуться. Я тоже провожала его раньше.

На этих словах и вернулись, Селена вынырнула из темноты прохода за её спиной, и Сонни, сухой почти, с хитрым и осмысленным взглядом.

— Привет!

— Селена. Что у вас там?

Изумруд заглядывал за спину Сонни.

— Сейчас узнаешь! Помнишь, где вода забвения падает в море с обсидиановых скал? Так вот эти пасутся там стаей!

Сонни-сан отступил в сторону, предъявив на всеобще обозрение связанного летягу с круглым брюхом и несчастными глазами.

— Упс!.. Даже знаю, зачем! Молодцы, хорошо поохотились!

— Это Сонни поймал, по правде.

Изумруд развязал их добычу и приказал летяге:

— Плюнь воду! К нему ты не вернёшься. Вода тебе не понадобиться.

— Не могу! — щёлкнул пастью летяга.

— А как же он забирает её?

— Зубками!

— Что за ужасы? О чём вы говорите? — спросили обе девушки хором.

— Монстр любит Чистую Воду забвения. Ну, не любит, нуждается в ней... Дай как мне нож, Селена, маленький, из ракушки. Зубками... Ещё чего.

Ударил коротко, летяга ойкнул, вода пролилась на землю, и дымок из надреза.

— Вы ведь живучие, правда? — спросил Изумруд, не ожидая ответа. — Говори теперь, зачем вам это надо?

Летяга прижал лапку к ране и заскулил:

— Дай мне тень! Злой Господин, хоть маленькую!..

— На!

Изумруд оторвал лоскуток от ленты на поясе, летяга жадно проглотил её... и успокоился. Потёр лапки, мордочку, поклонился:

— Злой Господин...

Изумруд повернулся к девушкам:

— Это моё второе имя.

— Мы поняли, — кивнула Мурена. — Тебе очень идёт.

— Злой Владыка, всё так странно...

— Так зачем? Почему ты носишь ему воду?

— Я не знаю... Я должен.

— Ага, — сказал Изумруд, — не знаешь, ну-ну.

— А почему я ещё жив? Если тебе уже известно, зачем я ему? — парировал летяга и попал, не целясь.

Изумруд рассмеялся, задумался:

— И я не знаю! — захохотал ещё громче. — Наверно, потому что... Я не должен!.. Ладно, постой. Это может быть только общая тень у вас... Хочешь освободиться от неё?

— Ещё как хочу! Злой Господин, буду благодарен. Дам жемчуг, полную раковину, большую, розовую внутри!

Ну, это уж совсем брехня. Но держать его в пещерах абсурдно, а возвращать Монстру ещё глупей.

— Смотри мне в глаза, — приказал Изумруд и отправил костяной, закрученный рог в глубину его Огненного Круга.

В бесхитростном существе летяги, в его широко распахнутых глазах не было ничего другого, пустыня, жажда, пара случайных Впечатлений и эта, связавшая его волю, тень. Стабильная. Изумруд выудил её без труда и успел сунуть в ту, зубастую, используемую как хранилище. Никогда не знаешь, что может понадобиться.

— Всё. Где мой жемчуг?

— Сейчас принесу. Где тут выход?

Изумруд опять рассмеялся, махнул рукой:

— Там!

Неспособный летать в пещерах без тумана и сырости, распростёршихся над континентом, Морской Хищник проковылял к выходу, сложив перепонки крыльев, мимо изгнанников, многие из которых видели подобное чудо впервые... У выхода остановился.

— Злой Господин! — он поклонился. — Очень благодарен, Злой Владыка, что-то меняется. Что-то странное происходит.

И ушёл.

— Он тебе не пригодился... — слегка огорчённо сказала Селена.

— Да, получилось наоборот, я ему пригодился! На самом деле, я не знал про тень, про зависимость, думал интересы общие... Нормально, не зря ловили!

Мираж выдвинулся из-за спины Грома, оба хмурые.

— Хищников прибывает? Надо рыть еще пещеру для них или уступим эту?

— Он уже ушёл... — Изумруд собрался погладить изгнанника по голове, стиснул зубы и удержал свою руку, но не язык. — Ты ведь не испугался, правда?

Мурена скользнула между ними и схватила Миража за руку, сжимавшую кнут. Изумруд хмыкнул:

— О, вы оценили моё оружие?! Приятно видеть.

Мурена вцепилась сильнее, крепко и зло:

— Мираж, ты поклялся!

— Я не клялся! Я сам по себе!

— Очень глупо, — флегматично заметил наблюдавший за ними Индиго. — «Сам по себе» — это первое, что я сказал Бесту при нашем знакомстве, а потом... "Бест, ты был прав..." Я столько раз слышал эту фразу, и даже, помню, произносил. Было такое. Мираж, если он просил об этой клятве, лучше так и сделать. Моё мнение.

— Оставь его при себе!

— Мираж! И ты оставь своё при себе, — вспылила Мурена, — снаружи!

— Нет! — голос Изумруда перекрыл все голоса в пещере. — "Не изгонять никого без особых причин..." Я помню. И уважаю конвенцию этого человека. Я хозяин, а ты изгнанник. Ты остаёшься, а я ухожу.

И быстро направился к выходу. Никто не проронил ни слова, когда Мираж, всё-таки остановил его:

— Хищник!.. И я уважаю Беста. Чучело правду сказало, что-то меняется, мир изменился. Но я не понимаю, зачем надо было... Позволь мне поговорить с тобой!

Многие вздохнули облегчённо. Так относительный покой вернулся в пещеры.

Мурена вышла на верхнюю террасу в тот момент, когда Изумруд и Мираж стояли друг напротив друга на порядочном расстоянии с хлыстами в руках, а тот, что в руке у Изумруда описывал широкий круг над его головой.

— Вы чего?! Снова?

Хлыст небыстрым, показательным движением ушёл Миражу по ногам, тот перепрыгнул и кувырком откатился в сторону. Довольный, как будто сражение выиграл, или войну.

— Не-а, — Ответил Изумруд, — тренирую. Со мной можно, я его не трону, а он меня не достанет.

— Ну, это мы ещё посмотрим!

Мираж одним движением вскочил на ноги и боком, по-кошачьи мягко стал обходить Изумруда, собрав хлыст в руке. Изумруд не повернулся и не оборачивался, только голову наклонил.

— Ну что ж, — сказала Мурена, наблюдая их довольные ухмылки, — если это ваш способ мириться...

— Точно! Он самый! — отреагировал Изумруд, вырывая летящий на него хлыст из руки изгнанника. — Не всё сразу, но уже лучше. И побрякушки сними, они тебе мешают.

— Уже снял!

— Глупец, тут жизнь, а тут одна серебряная удавка.

— На себя посмотри!

Изумруд посмотрел. Он выглядел как обычно, во многих бусах, браслетах на руках, на запястьях, на щиколотках, в поясных украшениях, сделанных Селеной. Большинство тени-амулеты и сосуды для теней. Но не стал объясняться.

— А что, пожалуй, я сниму!

Бусы из раковин широким перламутровым, почти правильным кругом взмыли в небо, Изумруд прыгнул за ними, огромной грозовой тучей, поймал над головой Миража, припавшего от неожиданности к земле. Спустя три секунды он был уже накрепко ими связан.

— Ну что? — спросил Изумруд. — Учимся приёму "Бусы любимой" или продолжаем с хлыстами?

— Проклятие, отпусти!

— Не выступай!

Мурену взяла зависть. И тоска. По Бесту, по миру Беста.

"Переговоры это, конечно, хорошо..." — думал Изумруд, проводя день за обучением изгнанников. Проникнутые своевольной, кусачей и лёгкой водой Свободных Впечатлений, бичи, и правда, стали для них, как часть тела, как для Чёрного Дракона его сильный хвост. Но ведь, что касается любого ремесла, тренировать надо и остальное: ум и тело, характер, если угодно. Кому тренировать, а кому и менять. Со скоростью, тактикой, с готовностью добивать, а не останавливаться при первом попадании, со всем этим была беда. Кто из них дрался прежде, да и просто бывал в Великом Море? Коллекционеры — за цацками на мелководье, нырнул-вынырнул. А что схватил, битое стекло или артефакт, вынесенный прибоем? Разглядывали уже на драконьей спине, разумно. Мурена ещё. Но и она не разбивала, нечем, и силы нет, разбирала слабые, не ядовитые тени, на тени же, а чаще убегала от них. Возможность переделать, самой слепить она только предполагала, была на верном пути, но не хватило знаний. Хотя, порыв ещё важней, часто бывает так, что упавший в море создаёт свою первую тень рефлекторно, интуитивно, от отчаянья. Иногда из атаковавших его, он создаёт присущую тень и делает первый шаг к неизбежному — полному преображению человеческого обличья в тело Морского Чудовища, и в его же ум... "Переговоры это здорово, очень увлекательно, Бест. Но время идёт. Я же не собираюсь изучать чудовище, разбирать, собирать его... При других обстоятельствах, клянусь, я провёл бы за беседой с этим уродом целые сутки и удовлетворил твоё любопытство сполна. Но позаботиться об изгнанниках, это я обещал тебе прямо, так что... Завтра. Более-менее они смогут защищаться теперь от бегающего по земле... А я закончу основную историю, Бест". Он запрокинул голову в тяжёлые, ставшие беспросветными, грязно-серые тучи, идущие к центру материка. "Наскучило это зрелище..." Белели в сумраке завалы каменных деревьев. "Они ещё пригодятся, когда начнёт разбегаться морская мелюзга, неуправляемая совершенно. А хорошо бы поджечь сейчас! Разом!.. Когда это я полюбил огонь?.." Резкие хлопки бичей доносились из-за деревьев. Сонни-сан вышел оттуда, кнут вился над его головой кольцом. Свободной рукой он подбросил невидимое что-то и поймал этим кольцом. Он был в последнее время, сильно отличаясь от других и себя прежнего, почти весел.

— Вижу, у тебя есть опыт. Откуда?

— До утраты ещё.

— Это как?

— Мой дроид был близок семейству Дом, но не Дом, а Крепость. И в Собственном Мире я сделал их не одну! На том и погорел... Увлёкся. Поверил, что они — крепости. Но реальной была только одна — входная рама Собственного Мира, — Сонни помрачнел. — Но ложь

проходит и сквозь неё... А, что об этом!.. Селена может тебе пересказать.

— Болтали за шашками?

— Играли на вопрос. Когда проигрывал, отвечал.

— Так не сказал бы? Ты скрытный?

— Смысл? Кому оно надо... Все уже, что могли, потеряли.

Они помолчали. Сонни играл с бичом, заставлял ожившей змеёй бросаться вправо и влево одинаковыми короткими ударами. С удовольствием. Любуясь.

— Спасибо за игрушку, Изумруд... Такой у меня не было. Хочешь я тебя удивлю? Подобного оружия я не имел, но у меня есть другое, о котором ты не подозреваешь.

— Я несколько тысячелетий не удивлялся по большому счёту. Получится ли это у тебя?

— Увидим. Послушай, что может разбить тень? Только другая тень и Свободные Впечатления? Чистая вода?

— Определённо так.

— А вот и нет. Артефакт тоже может.

Изумруд тряхнул головой, хлопнул его по колену:

— Чудик ты, Сонни, все-таки.

— Не продолжать?

— Почему же, продолжай.

— Я вынес его из Собственного Мира. Случайно. Не знал, что не вернусь уже.

— Мало ли артефактов вносится и выносится из Собственных Миров. Это не делает их особенными.

— Верно.

— Он состоит из чего-то небывалого? Что позволяет ему разбивать тени?

— Я позволяю. Он состоит из металла. И в нём нет ничего особенного...

Последние слова Сонни-сан произнёс с такой мечтательной нежностью, что Изумруд понял, на артефакт, в любом случае, стоит взглянуть.

— Ты?

— Именно. Тени состоят из Впечатлений... Обратно на связные Впечатления разобрать тень невозможно, можно разобрать на составные тени или разбить на Свободные Впечатления.

— Всё верно.

— Но соединять можно любые, и Свободные Впечатления Великого Моря?

— Да! Я бы и сам придумал как, но не понимал зачем? А он, — Изумруд кивнул в сторону, куда плыли тучи, — он тупой, но, видно, долго готовился, давно замышлял... Не важно. И что?

— То. Вот скажи, что у них общего, у них: коротких, кусачих и разных? Почему они разъедают всё на свете? Что бы ни попало в Великое Море, рано или поздно превратится в само Великое Море...

— Сонни, очень длинное предисловие. К чему ты ведёшь? Свободные Впечатления это короткие вспышки: мысль, образ, чувство, сам знаешь. Если угодно, у них общая скорость. Хотя, если она наикратчайшая, можно ли о ней вообще говорить? Потому и кусачие. Потому побеждают всё.

— Ладно. А может ли тень быть быстрее Впечатления?

— Дроиды! Небо и море, если состоит из них то, как она может быть быстрее самой себя?!

Сонни встал перед ним гордо, подняв подбородок:

— А мой артефакт — может!

— Ха! В жизни не видел и не слышал ничего подобного!

— Не веришь?

— Покажи! Со скоростью Свободного Впечатления? Так он или ты?

— Я. Он вещь, артефакт.

— Ну да, конечно. И где он?

— Сейчас. Пошли.

В глубине подземелий, за водопадом, куда не сунулся бы никто, кроме желающих смыть всё без остатка, там, где было сухо, и тёплый воздух поднимался из трещин в скале, Сонни-сан хранил его, своё единственное сокровище. Он снял с уступа и вынул из ножен блестящий, как зеркало, без единого украшения на клинке и рукояти длинный самурайский меч, артефакт немыслимой редкости, катану. Взглядом провёл по клинку, отразившему змейки тумана дроидов, перехватил, взмахнул... И, повернув лезвием к себе, передал Изумруду.

— Ого! — сказал тот. — Ого...

— Осторожно. Реально острый.

— Как осколки стеклянных камней, там, на дне... Он прекрасен. Ну и ножик!..

— Сам ты ножик. У тебя не было помощи дроидов 2-2, с историей ты не знаком.

Изумруд взмахнул мечом:

— Он великолепен.

— Я знаю. Отдай. У тебя есть ненужная тень? Подбрось её в воздух.

Изумруд открыл одну из ракушек поясного украшения. Разворачиваясь спиралью, маленькая тень стала подниматься в воздух, светлея, увеличиваясь. Изумруд отступил на шаг:

— Тебе лучше поспешить, а то она доставит нам неприятностей.

— Не доставит.

Сонни-сан, держа катану двумя руками, опустил её вниз, отвёл назад, а после... снизу вверх!.. И дальше Изумруд не увидел ничего, только свист, сверкание клинка... из стороны в сторону... Небо и море! Вместо тени, вместо лужи распадающейся слизи... на обсидианово-чёрных камнях несколько капель воды. И ни одного ошмётка в воздухе. А ведь это была тень-захватывающая-любое!

— Сонни-сан, — обратился к нему Изумруд с полупоклоном, — тебе удалось удивить меня! Извини моё недоверие.

— О, никаких проблем! Кто бы мне поверил. Но бич мне тоже очень нравится.

Изумруд попросил у него меч снова.

— Поразительно. Ты хранишь его здесь?

— Он хрупкий. Не любит воды, ржавеет. Здесь сухо. Я, собственно, не от других... Да зачем им? Они не умеют. Забери, если я погибну, возьми себе...

Они обратно прыгнули сквозь водопад, отряхнулись и отправились на поверхность.

Глава 19.

Глава 19.

"Переговоры это, конечно, да..." Не достигнув крепости, разведчики Мираж и Фанатик сошли с драконов, ослеплённые, обмершие... Отступили, глядя в землю. Агрессоры Изумруд и Мурена, прикрывая глаза рукой, как от яркого солнца, спешились и встали рядом. Новое утро пресекло все их планы, расклады, надежды...

Башня прекратила свой рост. Собирающим тучи шпилем. А её глаза, все разом раскрылись...

Они струили дурманящий призрачный свет. Крепость высилась в одеянии этого света. От пещер он был виден заревом. Невозможно подойти. С первыми же шагами теряешь представление, где право и лево, куда вперёд, куда назад. Дальше забываешь верх и низ. Дальше никому не ведомо, себя, наверное, забываешь.

Изумруд застыл, уставившись в землю, лбом к зареву и зарычал, словно Чёрный Дракон от бессильной ярости, да он и есть Чёрный Дракон.

— Правильно я понимаю, — спросил Фанатик, скривившись, — что ты недавно виделся с Архитектором?

Изумруд зарычал снова.

— Жаль, что не взял меня с собой. Я успел по нему соскучиться...

— Это правда? — спросила Мурена.

Изумруд, молча, кивнул.

— Расскажи нам всё-всё, пожалуйста. Так правильно. Мы всегда так делали, это важно... — тут она вспомнила, сколько пользы принесли им обсуждения Пустого Чёрного Мира, до приключения Индиго, — и ошибочное важно, расскажи!

Днём состоялась их первая Общая Встреча с Изумрудом во главе. Поневоле, некуда идти. Без новичков, без воды связных Впечатлений. Откуда им взяться. Изумруд пересказал первую и единственную на суше встречу с Монстром, а Мурена останавливала всё время, переспрашивала, уточняла. Гром тоже вмешался:

— Ты сказал, жалуется, постоянно царапает. Почему же не спросил, что он ищет?

— Да ничего не ищет! Псих он просто! Ты же не видел, Гром, там ничего от человека!

— Тем не менее...

— Ерунда! Тупой, он, чокнутый. Ну, сам подумай: "Я вернулся, я жил здесь всегда!.." Чего он может искать? Псих и только.

Амарант пересел поближе:

— Аргумент не принимается. Почему бы тебе не понять его слова буквально. Он старый, этот хищник?

— Здорово старый. Как и все, кто выжил в Великом Море за последнюю тысячу лет!

Изумруд хищно усмехнулся, но опомнился и мысленно обругал себя.

— Я знаю, — продолжил Амарант, — коллекционеры знают, что пока Центральный рынок не обосновался на земле, он долгое время висел над тем же самым центром материка облачным рынком. Медленно тяжелел, опускался на землю, и прежний хозяин часто навещал его в тоске, сам торговал на нём, а потом ушёл в Великое Море. Захотел реальности Впечатлений, пусть и

призрачной. Теперь вернулся. Всё сходится.

— Ага, — Мурена поддержала версию, — то есть, он не врёт.

— И чего? — Изумруда не заинтересовал исторический экскурс.

— Он не псих, как минимум.

— Значит то, что он принимает место от рынка за Собственный Мир, это, по-вашему, не в счёт? Он не спятил?

— Ты спятил, — крикнул Фанатик, — раз отпустил его! Много думать вредно, привыкнешь!

На пороге обернулся:

— Я помню, Изумруд, ты вырвал меня, но когти остались! Мне надо их выдернуть, я дышать не могу! И слушать вас не могу. Когда решишь, что делать, располагай мной, я должен отомстить!

Ушёл. Улетел. "Почему Бест дружит с ним?.." — буркнула про себя Мурена и добавила вслух:

— Что же он всё-таки ищет? Разграбленные артефакты? Мало нашёл? Или какой-то один, особенный?

— Да нет же, — Сонни надоело их пустое препирательство, — ну как вы не понимаете, если чудовище считает, что вокруг Собственный Мир? Голос дроида он ищет. Дроид должен петь ему в его Собственном Мире. Ан, нет. Вот он и ищет, как может, на ощупь. Псих, да.

Изумруд вздрогнул. Вспомнил свой мир до того, как начал меняться с Селеной и после того. Сравнил. Понял. Признал правоту... Вспомнил слёзы в прикрытых полуслепых глазах. "Жуть и мрак. Какая страшная жизнь..."

— Давайте ближе к делу, — сказал Амарант. — Расскажи нам о том, в чём разбираешься только ты. Изумруд, такое количество теней идущих по небу от моря, он ведь не сам их делает, не собственноручно?

— Тени и делают. Но не подобных себе, простых, с одной задачей: движение, схватывание, транспортировка. Ловят основу, под свой калибр и притягивают из Свободных Впечатлений что подойдёт, бегающее или хватательное. Так получается сетка туч.

— Мы не совсем понимаем...

Изумруд попытался с самого начала:

— Самые лучшие тени — присущие. Значит — присущие телу, нераздельные с ним. Но всё надо платить, оно видоизменяется. И это не главное. Они удобны, потому что они понимают тебя, каждый миг знают твои намерения, твои зубы понимают, когда и кого ты хочешь разорвать. И что ты хочешь достать, тоже понимают. Зубы-тень. Но вот проблема: и ты понимаешь их. Ты нацелился разорвать одного и добыть одно Впечатление, а они хотят — десять, и вы сходитесь на пятерых. Рано или поздно, но это случается, ты начинаешь не только пользоваться, но и мыслить тенями. Со внешними нет такой проблемы. Но зато они могут вырваться на свободу, или сделать не совсем то, не совсем так. Это тени из связных Впечатлений. А из свободных и образуют тени других теней, порой без указки первоначального создателя, ненадолго, бегущих куда-то, быстро распадающихся. Короче, случайно. Их них бывало, я делал течения перед собой, для скорости, для удобства. Но и только. Да, из них можно строить, оказывается, на суше. Но не в Великом Море! Там никому не приходило такое в голову!

— А теперь, когда пришло, ты можешь сделать подобное?

— Такое или столько? Амарант! Я простой охотник, я хищник моря и создавал то, что нужно для охоты! Штучное, разовое, сложное, интересное! Ну, слеплю я сейчас одну тень, собирающую другие тени, ну, положим, её не сожрут в первые же минуты, но через какое время

дело дойдёт до таких масштабов?! Он псих! Он готовился к этому! Нарочно! А я развлекался…

— А глаза в камнях? Свет от глаз?

— Тут надо думать. Единственное знаю точно, он тоже распространяется лишь в сырости, в тумане. Над землёй. В облачные миры — нет. Не будет туч, не будет и дурманящего света.

— Как же его не будет? — спросил Амиго. — Вон их сколько.

Воцарилась тишина. Ни к кому конкретно прошелестел вопрос в зале: "И что же нам делать? Что?.."

Континент Морская Звезда утонул в дневной, тягостной тьме, переходившей в беспросветные ночи. Дивная, всегда переменчивая красота облачных миров, воспринимаемая прежде с ревнивой досадой, теперь представилась раем. Вторая волна утраты. Сначала Собственный Мир, следом отсветы: лучики из чужих миров, лучики, манившие заглянуть, поговорить, возможно, молча на пороге улыбнуться чужому искусству. Ни лучиков, ни дождей. Тьма и жажда.

Всякая нечисть в сырости и тумане выходящая на материк теперь и днём, чувствовала себя вольготно. Некоторые и ходить-то не умели, прыгали, текли, распадались, собирались, но всё-таки лезли в новые просторы! Бичи защищали от них отменно. Но вот что интересно, своих Чёрных Драконов с некоторых пор не видел никто. Они объясняли это несерьёзностью угрозы в каждом конкретном случае. Дурацкое объяснение. Попытка не вникать. Основное внимание днём и ночью было приковано к башне.

Изгнанники меньше всего были воинами или борцами по своей сути. Откуда бы что взялось? Восходящие и хозяева друг другу — никто. А дроидам? Как можно возражать дроиду? Сначала нет повода, потом нет возможности. Неизбежные, немногочисленные, грустные осечки прекрасно отлаженной системы. Восходящему дроиды могут дать и дают, без преувеличения, всё. Собирай Впечатления, сочетай, узнавай былое и вымышленное... Придумывай!.. Однажды преврати в артефакты, в явления, небо и землю и ветер над ней, когда владыка Там откроет настоящему солнцу небо твоего Собственного Мира... И это только мир, а ведь и тело поддержано дроидами. Они существуют лишь постольку, поскольку служат людям. Но люди так хрупки, недолговечны... И в центре груди в незапамятные времена дроиды поместили дроида. Огненный Круг невозможно разорвать, у него нет уязвимых мест. Правда, его можно сжать, и остудить... Что ж, абсолютной защиты не бывает.

С кем же бороться Восходящему? Или как изгнаннику воевать? Есть Чёрный Дракон, телохранитель. А утрата... Что случилось, то случилось. Виноват сам. Разве за время своего существования дроиды покусились на свободу воли? Они дали безграничные возможности снаружи и выносливое долголетие внутри. Чего не коснулись, то и давало осечки. Плоды их кочевали на Белых Драконах под ливнями связных Впечатлений, собирали и смывали их, иногда падали в море, иногда выживали там, и так тысячелетиями утоляли остаточную жажду жизни. Забота Беста о создании, сохранении коллективной памяти дала применение их находкам. Зелёный огонь простого, самого обычного костра дал им новую точку отсчёта, объединил. Слова и огонь их объединили. Свет, пусть не солнца, но пламени, настоящий свет. В этом смысле, они сделались богаче хозяев Собственных Миров! Сами — и миры и дроиды друг для друга. Собирая, делясь, пересказывая, смывая... И помня. Уход Беста и экспансия Монстра нарушили этот, недавно сложившийся уклад.

Основание башни росло. Она стала как вулкан наоборот, не извергающий лаву, а

затягивающий в шпиль от Великого Моря серые, сплошные тучи. Основание ширилось, оно подошло к южному каньону, служившему прежде дорогой в Центральный Рынок для пещерных изгнанников. Так же неспособные испытывать продолжительный страх, как и сильную страсть, теперь изгнанники начали познавать оба эти чувства. Фанатик, побывавший в прямом смысле слова под лапой Монстра, вернулся одержимым жаждой мести, как дроидом 2-1… До кучи, его тайник, его сокровищница коллекционера оказалась внутри стен живой крепости. Нашлись и другие из его собратьев, невзирая ни на что желавшие нападать. Из пещерных Борей присоединился к ним, после некоторых колебаний. А Индиго сразу, но тут дело было не в гневе...

Наступил день, когда башня покрылась чем-то вроде толстой слоновьей шкуры с яркими трещинами, галереи проступили на ней, не захваченные дурманящим светом. Она была величественной. Простой, как явление природы. Как творение слепца. Мурене, стыдно сказать, нравилась башня. Тучи не нравились, разлука с Бестом совсем не нравилась. А башня, да. Борей и Изумруд кружили на почтительном расстоянии, отражая иногда атаки пикирующих теней и наблюдая за ростом крепости.

— Бест просил не нападать первыми? — в который раз спросил Борей. — А что значит первыми? Вот это всё не считается за нападение?..

— Да, какая разница! Сейчас ничего не сделать. Смотри!

Одна стена крепости задрожала и обрушилась, ковровой дорожкой раскатилась в сторону каньона. А затем сомкнулась наверху. Она стала лестницей! Широченная лестница с аркой парадного, единственного входа! Или выхода? Для армии, которой несть числа?..

Ни с кем своими мыслями не делясь, Индиго предполагал во внезапном прорыве не сушу Морского Чудовища новую ловушку для хищников, устроенную дроидами взамен Пустого Чёрного Мира. Если для предыдущей они использовали мир, принадлежавший какому-то хищнику, мир-рынок, то для следующей решили использовать хищника самого. Ведь дроиды безопасны... Просто, позволив ему это сделать, обрушиться на скопления подобных себе. Так успешно. Так стремительно уменьшив их число, во всяком случае, на континенте.

Значит ли это, что, как сквозь чёрную раму, сквозь тайник злых артефактов прошлого, и сквозь башню можно пройти туда, где слышны их дивные голоса, где стоят четыре трона, где на одном из них сияет владыка Дом, величественный, надменный?.. Он посоветовал ждать. Чего? Не этого ли конца времён? Короче, Индиго снова искал путь к дроидам 2-2.

Поблизости от дурманящего света башни, кстати, сделалось безопасней всего. Опасно у моря, к тучам не стоит вовсе подлетать, а здесь тихо, и ветра нет почти. Индиго понравилось так развлекаться: пара шагов вперёд... И — бац! Где верх, где низ!? Где стороны света?! Он, прежде чем сделать шаг, заводил руку себе за спину, приковывал всё внимание к ней и, попав под влияние морока, пятился обратно к ней, покидая пределы дурмана, на удивление узкую, точную границу. Дальше на башню неприятно, тяжело было смотреть, но возможно. Так развлекался, ближе, дальше... Не разворачиваясь! Слишком сложный маневр. Можно заблудиться. Он начал вертеться один раз, чудом вышел.

Индиго и оказался тем, кто первый увидел не со спины дракона, а с земли развернувшуюся лестницу парадного входа. Гуляя вдоль явственно ощутимой границы, вышел к ней, не затронутой дурманом, простёртой за его пределы. Широченная лестница. Пологие ступени, подобно стенам, казались живыми, зыбкими, но не из камней, без сцеплений и стыков, цельными нитями. Струнами? Лестница постоянно немножко текла, таяла в землю и звенела едва слышным звоном, сливавшимся в гул. Индиго без колебаний поднялся на несколько

ступеней и тут же спрыгнул вниз. Как будто идёшь по струнам! По призывным связным Впечатлениям: "Дальше, дальше! Выше, выше! Поднимайся!" Но надо признать, морока или иной внутренней угрозы не ощущалось, приглашение и только.

Индиго отошёл подальше, задрал голову, желая охватить картину целиком. Посередине лестницы маленькая фигурка, человеческая, белобрысая, в длинном одеянии и с чем-то ярким в руке... Сократ? Индиго подошёл ближе. Точно. Но почему он движется так плавно? Сколько же в нём сейчас теней, что они изменили повадку? А ум? Может быть, и Огненного Круга в нём уже нет? Возможно, обличие осталось, тень-основа?

Сократ опустился до предпоследней ступени. В левой руке он держал плошку с огнём, а правой отводил мешавшие ему полы длинного одеяния. Исключительное, с золотым шитьём, с двумя полосами от воротника-стойки, до — ступеней?.. Индиго, замерев, увидел под ними змеиный хвост!.. Нечеловеческим манером юноша понюхал воздух и приподнял плошку с огнём, как оглядывающийся в темноте. Спокойное, знакомое личико, упрямые точёные черты. Слишком спокойное. Вспомнив рассказ Изумруда, Индиго взглянул на его руки. Обычные руки. И сказал:

— Привет!..

Сократ качнулся вперёд, осветив его плошкой с огнём.

— Изгнанник? — он присмотрелся. — Индиго? Здравствуй. Как скоро вы оказались у входа...

— Я один, вообще-то...

— А!.. Я стал хуже видеть.

— Зато лучше ползать.

Индиго кивнул на его хвост и содрогнулся невольно.

— Это да, — согласился юноша и добавил, — но оно того стоило.

— Что?

— Заходи, покажу.

— Спасибо за приглашение. Я к своим двум ногам как-то привык.

— Это не главное.

Индиго не мог не согласиться. В конце концов, ему виднее. Потом спросил:

— Слушай, ты, вообще-то, человек ещё или уже нет?

— В смысле? Ты видишь... Не обязательно нужно море чтобы стать Чудовищем Моря. А, понял, живой ли?.. Нет, я не тень.

— И что ты делаешь здесь?

— Вышел взглянуть, кто на пороге.

— Хозяин послал? Сам не выходит?

— Почему? Вот он.

Сократ обернулся, Индиго поднял взгляд... На верхних ступенях, в подобном же длинном облачении стояла Мурена! Индиго вздрогнул, отшатнулся и тогда сообразил, что не смог бы разглядеть её настоящую на подобном расстоянии, на такой высоте.

— Все демоны моря! Что это?!

Тень, представлявшая Мурену, дрогнула и растаяла уходящей в небо дымкой. По лестнице вниз, стремительный, непреодолимо жуткий скатился Монстр. Архитектор. Хищник, создатель башни. Буруном морским он скатился и замер внезапно. Индиго инстинктивно на миг глянул в небо, выдохнул и не позвал дракона. А бича не было у него... К бичам он даже не прикоснулся. Монстр взял плошку у Сократа, сунул Индиго в лицо и просипел:

— Здравствуй, гость... Здравствуй. Эта девушка там, наверху, из ваших, правда? Я помню её. Та, которой пришло в голову, что из теней можно строить, а Впечатления замедлять... Я

слышал её мысли в Великом Море.

Разглядывая Индиго, Монстр провёл по его синей куртке своей беспокойной лапой. Уже не в земле, уже чистая, мышцы, узлы и вены, и шесть когтей... Индиго собрался с духом:

— Портрет на память?

— Да, да... Я бы хотел увидеть её. Показать, как всё получилось.

Синеватые глаза прикрыты. Когти царапают и царапают воздух. "Мурена, в Собственный Мир Беста срочно! Любой ценой! Ну и ужас... Ха-ха, твои мысли? И носа не казать оттуда! Я должен вернуться!" К Монстру спланировала муаровая безголовая тень длинными прыжками. Он поймал её не глядя, скомкал и выпил. "Мурена, что он болтает? Это были твои мысли? Ведь, да... Помимо дроидов, без воплощения в артефакт, иллюзия реальности... Только ты думала, что можно сотворить подобное прямо в Великом Море..."

— Я вижу, — прохрипел Монстр, — я понимаю, что ты не решишься зайти. Но посмотри вот на что.

Он обратился к Сократу:

— Одну из ярмарок, дружочек. Не жаль тебе, мой друг?

Сократ отрицательно качнул головой, улыбнулся и, такой же стремительный, как Монстр, исчез вверху лестницы на серебристом змеином хвосте. Хищник и гость, молча, разглядывали друг друга. С полным кубком юноша возвратился к ним. Ну и сокровище! Голубые камни по краю. Ножка обвита бронзовым побегом цветка.

— Видишь ли, — сипящим шёпотом проговорил Монстр, наклоняясь к Индиго, покачивая кубок в когтях, — теперь я могу выбирать... Не из обрывков, не в разорванных телах... Нет! Из туч, изгнанник! Прямо из ливней я собираю их все! Хватает на тени, на простые, на быстрые тени, на всё! А лучшее вот, например... Другие изгнанники тебя как-нибудь называют?

— Индиго.

— Индиго... Вот как. Я не различаю цвета, только во Впечатлениях. Индиго. Ты выпьешь это. Тебе понравиться. Но пойми! Так — на мгновение, в уме, в мыслях... А там, — он махнул лапой в сторону башни, — там наяву! Как в море. Можно разглядывать, перебирать... Бесконечно, сколько угодно долго... Выпей!

Сократ кивнул Индиго:

— Выпей. Это без обмана, связное Впечатление. А вот если бы ты с морской водой там смешал, согласился...

— То у меня отвалились бы ноги, и вырос хвост?..

Индиго взял и залпом выпил. "Город... Ярмарка! Как же давно я не пил, как давно он закрыл от нас облачные миры, грозовые тучи и ливни!.. Украл небо!.. Ярмарка! Потрясающе много людей разом! Их яркая, жадная радость... Их громкая музыка. Барабаны! Уличный театр!.. Что за века? Амарант угадал бы! Не важно. Какие яркие цвета, флаги и ленты!.." Впечатление промелькнуло фейерверком и ушло. Осталось, конечно. Но ушло. Монстр сжимал когтями плечо Индиго.

— Теперь уйди и смой его, изгнанник! Или вернись и разгляди! Сделай подробным, забери навсегда…

И убрал когти. Не желая отпускать прекрасное видение, Индиго стоял, закрыв лицо руками. Долго-долго он не имел новых Впечатлений, никаких вообще. "Так ли оно воплощается в Собственном Мире? Конечно, нет. Там не бывает ярмарок, полных людьми, буйства цветов и барабанов, веселья исходящего ото всех, всем видимого..." Пошатываясь, он отступил назад, убрал руки от лица... Пелена серых туч до горизонта. За спиной тихо гудели струны широких ступеней. Белый Дракон проявился каплей с неба, перекувырнулся и спланировал перед ним. "Прочь отсюда!" Индиго провёл рукой по гриве, сел.

— Сократ, ты ни разу не зашёл в пещеры.

— Я был занят, занят... Но теперь...

— Нет, не приходи!

Индиго вспомнил Изумруда, размышлявшего вслух, Фанатика, их новое оружие… Монстр согласился, просипев:

— Вы, вы приходите... Скажу тебе, Индиго, рано или поздно вы согласитесь, до единого.

— На что? Что тебе надо? Я видел, как ты богат. Разве не за связными Впечатлениями хищники охотятся в Великом Море?

— Ладно. Отвечу тебе. Глаза. Не в прямом смысле, не пугайтесь... Вы увидите — я увижу. А иначе уже не смогу.

— Только ли? Ты лукавишь.

— Я не лжец! — Монстр зарычал, но опомнился, он понизил голос, сипящий, хриплый, глухой... — Это правда. Часть правды... Что сейчас говорить?.. Вы придёте, тогда... Вы все равно придёте, Индиго!

На входе в пещеры Индиго столкнулся с Фанатиком, в прямом смысле слова столкнулся. Тот буркнул извинение и вдруг остановил его, откинул к стене, впившись взглядом в куртку. На плече следы когтей, круглые дырки по две рядом.

— Это заговор?! Вы все безумны? У вас там закрытый клуб, чужих не пускают?! И где твой кнут?

— Я не брал кнута, Фанатик, — устало ответил Индиго, отталкивая и проходя.

Мурена заметила перепалку:

— Неужели, Индиго? Едва обнаруживается место, куда лучше не ходить, ты оказываешься там первый!

Так она воскликнула, а после узнала много нового и интересного о себе... О своих идеях. Вины не признала. Обалдела. Не испугалась. Задумалась глубоко.

— Беги, — сказал Индиго.

— Успеется! — беспечно откликнулась она.

Селена и Сонни-сан, на освещённом получше месте, где больше вилось тумана доидов вверху, азартно играли в шашки. По тому, что на сей раз несколько коллекционеров внимательно следили за игрой, можно судить, что игра шла на артефакты. Гром болел за Селену, даже пытался подсказывать, как будто там можно подсказать! Изумруд, невозмутимый внешне, размышлял, глядя на него, что оружие взял в руки миллионы лет назад, клятв никаких на тот момент не давал, а одним изгнанником больше, одним меньше...

На самом деле, заботясь о безопасности, с наступлением сумерек Изумруд нарочно выбирал место себе у входа. Подвинулся, освобождая уголок для Индиго у маленького костра. Зал в тишине выслушал принесённые им новости, без части, касающейся мурениного "портрета".

От вида весёлого зелёного пламени Индиго полегчало, потеплело на сердце, и он захотел спать. Не участвуя в начавшихся рассуждениях, ахах и охах по своему повествованию, он растянулся на земле. Под сводами плясали огоньки дроидов, собирались в созвездия, разбегались, падали иногда. Как в первую ночь. Страшную!.. Ещё и встреча с главой семейства была впереди... Высший дроид 2-2, глава Дом представился ему, сияющий на чёрном троне, и такая тоска, такая ностальгия полоснула, до физической боли. Словно что хорошее принесла им та встреча!.. А вот вам. Это прошлое, само прошлое, те цветы, которые лишь за спиной распускаются до полного совершенства. Если б знать тогда!.. Что знать? Что не насытишься?

Так захотелось ему хоть на миг увидеть холодную белую фигуру на непроглядно чёрном троне. Лицо запредельное сомнениям и надеждам, быстротечности и увяданию жизни, лицо дроида. Так захотелось, что он осознал, фигня остальное, вздор: и Впечатление ярмарки, и ужас предложившего её, и там, среди облачных миров заблудившаяся, лёгкая зависть к Бесту, хозяину, а не изгнаннику отныне. Осознал и то, что не случайно он не прикоснулся к бичу, и в руки не возьмёт его, с клятвой или без клятвы, зная точно: дроиды ненавидят оружие... "Что-то не так со мной, — подумал Индиго, оглядев пещеру, в которой разгорался новый спор. — Я не такой, как они". Мысли путались. Впечатление ярмарки померкло. Но слова Монстра, напротив, всплыли почему-то: "Можно разглядывать и перебирать..." Чем зацепили? Холодный белый дроид в полусне надменно смотрел на Индиго со своего трона. Другое Впечатление под его взглядом всплыло, связалось со словами, с обещанием Монстра. Мрачное здание, узкие комнатки, железные лестницы. Маленькая девочка или мальчик в платье. Большой серый медведь с грустной мордой слушает и не отвечает на лепет, не ответит, нет. "Можно перебирать, разглядывать, рассмотреть поближе, услышать, угадать... Кто создал, кто испортил этот мир? Что мне за дело? И мира того уже нет, и меня скоро не станет... С хвостом или без хвоста? Тут Сократ прав, не это главное..." И снова Индиго увидел коротко стриженую девочку или мальчика в платье... "Мы, полудроиды не бываем такими. Только юными, посередине... Или чудовищами. А как люди до эпохи дроидов чувствовали себя?.. И кто же идёт по железным лестницам? Кого он ищет? Зачем запирает пустоту?" Индиго уснул. Он не видел, как Фанатик выбежал прочь, бросив только:

— Парадный вход?.. Чего ещё надо?!

Глава 20.

Глава 20.

Не только и не собственно память о холодной уродливой лапе на макушке его головы, о каменной тяжести, мучительном омерзении бессилия гнала Фанатика вперёд. В отличие от одёжных, шмоточных коллекционеров, ценящих предмет своих изысканий за возможность приукраситься, посоревноваться, развлечься, он собирал артефакты с бескорыстной любовью, ради них самих. Он разглядывал прошлое сквозь них, как звёзды, как свет, дошедший сквозь тысячелетия тьмы. Особенно вглядывался в изображения лиц, портреты. Его не смущала, но заставляла задуматься новизна артефакта: из кого или из чего он сделан? Восходящим или хищником? Воспроизвёл он Впечатление древней картины эпохи до дроидов, включая текстуру холста? Скомпоновал из нескольких? Или придумал сам по мотивам? А из подлинных, старинных артефактов встречались только изображения на каком-то пластике, неподвластном времени, но и не твёрдом, сплошь исцарапанном. Их он тоже ценил. Бумажные же книги вынесены из Собственных Миров, и новые и старые. Фанатик знал и различал разнообразные варианты, по материалу, по количеству деталей. При этом бережно хранил любые. За это и дружил с ним Бест, за разборчивость в сочетании с открытостью, за непредвзятость влюблённого человека. Ещё — за неподдельный интерес к истории. Куда же с таким хобби без неё?

Тайник Фанатика, один из, самый богатый и дорогой ему находился рядом с Центральным Рынком, точнее, под ним, в сухой части подземелий. Узнав, что Монстр закрыл входы с поверхности, он поспешил проверить свои подземные сокровища. Предчувствие не обмануло его, тайник оказался полностью разграблен. "Что за проклятие, Монстр почти слепой! Зачем и как? Вынюхал он их что ли?!"

Кнут оказался его оружием на все сто. Фанатик тренировался днями напролёт, ночью обходил завалы каменных деревьев вместе с тем, чья очередь была сторожить, тренируясь уже на тенях.

Стоя с бичом в полумраке перед тенью, оставленной для них Изумрудом, он видел не танцующие соцветия, а блики океанских волн, не эту безвредную тень, а совсем другую, тень-воронку в уродливой руке, в лапе с раздвоенными когтистыми пальцами, наползающую на лицо, на Огненный Круг сердца, на него целиком... Под воронкой не кусается хаос морской воды… Вторая лапа лежит на макушке, и Чёрный Дракон не смеет напасть. Фанатик чувствует себя пригвождённым ледяной её тяжестью, он не хочет смотреть в тень, но смотрит. Он смотрит. Фанатик видит отчётливо, ясно, то последовательно, то разом сотни Впечатлений, накопленных с момента утраты. Не смывал, о нет! Впечатления, на основании которых он искал артефакты, узнавал и сверял их. А бывало такое, что и видел изображённых на портретах людей эпохи до дроидов. И теперь он видел их не мельком, будто живыми... Их приукрашивали! Но он знал куда смотреть: на фасоны платьев, нагрудные знаки, символы статуса на плечах. Возможно, эти люди вовсе и не понравились бы ему при личном знакомстве, летящими рядом на Белых Драконах, но там, в глубине веков, тысячелетий он почти любил их, и наивную выспренность короткой их славы и, неведомые полудроидам, следы времени на лицах. Он учился понимать и жалеть, и за это тоже дружил с ним Бест... Тень вращается, пульсирует, перебегает от края к центру волна по ней, Монстр видит всё тоже, что видит Фанатик. Как довольно подёргивается безгубый рот, растягиваясь в подобие улыбки, как страшно опирается на голову, чтобы

удержать, переворачивая воронку острым, прямым клювом к его груди...

Изумруд! Тогда для Фанатика — огромная чёрная тень. Атака была молниеносной!.. Отступление Монстра тоже. Какое отступление, бегство! Сквозь лоскутья поставленных сторожить теней. Он знал, с кем имеет дело! К чёрту любую добычу. Фанатик успел подумать: "Мой шанс, между хищниками свара!.." Но как только каменная лапа убралась с его головы, не просто так она лежала там, тело стало бескостной медузой, поплыло, распалось, растаяло... Изумруд сам вынес его на поверхность и дал противоядие...

Так всё было. Известие о парадной лестнице сорвало его с места. Фанатик шёл за своими сокровищами, коллекционер, что он без них? Хлыст спрятан в широком рукаве, привязан к руке шнурком, который развяжется от первого прикосновения. Завидев пульсирующий свет башни, Фанатик спешился и стал пешком подниматься по дну каньона. Лестница хороша. Много других лестниц напоминала она, с украденных у него картин. Первая ступенька... Загудели, запели струны. Волнами вниз побежали, расступились, и свет померк...

— Коллекция главное. Я же говорил, каталог сам придёт... — сипящий, булькающий шёпот и эхо...

Юное лицо Сократа склонилось над ним. "Рукоятка, — подумал Фанатик, — бич в рукаве! Спокойно. Я у них. Как это могло случиться?"

— Фанатик, — сказал Сократ, близоруко щурясь, — когда встанешь, не двигайся резко. А то было тут... Пришедшие за тобой размахивали чем-то... Некоторые из наших теней, они реагируют именно на скорость.

— Да вон же, посмотри! — Монстр простёр свою лапу, его хриплый голос окончательно привёл Фанатика в чувство. — Проклятые дроиды! Им нет преград! Вот там они были, пришедшие за тобой, а теперь одни светлячки!

Фанатик с трудом отвёл взгляд от чудовища. Монстр был велик, больше, чем показался в море, и воздух непрестанно когтит... Он указывал на четыре неподвижных Огненных Круга среди разноцветных огоньков. Внутри каждого медленно проявился белый дроид на чёрном троне, протянул свои руки, беря круг из глубины, вместе с ним исчезая...

— А и чёрт с ними, пустые бродяжки! Смотри туда, вон их успех!

Неопределённого цвета две лужи на мощёном полу, лишённые отражений, утекающие в стыки плит.

— Две тени на вашем счету! Летунчика ранили, испортили ступеньку, звучит не так, как прежде! Обиды, бессмысленные обиды!

Тут Монстр прекратил срываться на сипение и зарычал, помрачнев:

— Соотношение сил тебе в целом понятно?

"Спокойно, — подумал Фанатик, — спокойно. Одно единственное движение, чтобы кнут обошёл вокруг его тела. Затянуть и ещё не больше пяти секунд..." Он заметил, что Сократ разглядывает его нечеловеческой повадкой, не скрываясь. Но говорил он мягко и спокойно:

— Не думай, я помню... От первых его теней, я был вами отбит, а ты оказался на дне. Причудливо получилось. Поверь. Здесь ты можешь получить больше, чем потерять.

— И что же?

— Помнишь даму?.. Да, я лазил в твоей коллекции, извини. У тебя был целый свёрток одинаковых портретов дамы, сложившей руки, улыбающейся чуть-чуть.

— Да...

О, как в точку! Этот артефакт, неброский, неяркий проник в сердце Фанатика ещё до того, как открылась его история, статус бесценного портрета в ушедшем мире. Сначала, выменяв его маленькой картинкой за свиток с орнаментом из птиц, Фанатик оценил только древность и

отложил в сторону. Потом захотел взглянуть снова. Оставил при входе. Так он каждый раз встречал удивительный, нежный, рассеянный взгляд. Улыбку, полуулыбку... И уже много позже был безмерно счастлив, обрести рулон больших плакатов с надписями внизу, не имевшими, впрочем, к ней отношения, так ерунда, цифры, даты, "открывается выставка... приглашаем...".

— Помнишь? Так вот, к примеру, она... Она существовала, жила на самом деле. Я мог бы дать тебе её Впечатление, — Сократ обернулся к Монстру, ища подтверждения своим словам, тот кивнул, — мог бы. И если смешать его: глоток морской воды — оно — снова глоток морской... Вон там, в бассейне, под быстрыми тенями... Ты зайдёшь во Впечатление, а не просто увидишь его. Войдёшь, словно в Собственный Мир, во времена, дом и комнату этой дамы, ты увидишь её живой.

— В чём твой интерес, если он говорит правду? — обратился Фанатик к Монстру. — Не понимаю.

Тот скользил вокруг, шумя чешуёй хвоста, остановился:

— Ты смотришь на неё, я смотрю сквозь тебя.

— Всё равно не понимаю.

— Сложно? Никто не бездонен, знаешь ли... Никто. И не я... А когда их много там, внутри, — он ударил себя лапой в грудь, — снаружи глаза смотреть уже не хотят. А надо. Иногда. И тело... Тело из теней, оно не нуждается в пище, в питье связных Впечатлений... Как морская вода, они только ранят… Всё равно. Я их хочу.

"Хвост, когти, глаза... Понял! Продолжая в том же духе, сможет ли чудовище и дальше жить хотя бы в таком, уродливом теле?.."

— Вот теперь я понял тебя, Чудовище моря! Ты хочешь сначала взглянуть, увидеть и выбрать. Убедиться, что там есть то, из-за чего стоит рисковать и слепнуть. И если да...

— ... то ты даже ничего не почувствуешь!..

Монстр нависал над ним, ироничный и злой, с бесконечной тоской в прикрытых, слезящихся глазах.

— Врать не буду, себя ты тоже уже не почувствуешь. Но, во-первых, я выберу очень не скоро, мне есть из чего выбирать. Во-вторых, ты успеешь понять, что зайти в древнее Впечатление, оно того стоит... Картина мне понравилась...

Резко свистнул бич, обвился... И, змея-змеёй, Монстр выскользнул из него, невредим.

— Стоп! — Фанатик вскинул руки. — Дроиды!.. Чудовище Моря, как это могло получиться?.. Где мой Чёрный Дракон?!

— У тебя в руке, полагаю... — просипел Монстр, неспешно подползая к нему. — И с нашей последней встречи проворнее он не стал. Вы все, изгнанники, совершили эту мену? Для чего?

"Дроиды ненавидят оружие... Ненавидят оружие! Неужели до такой степени?! А если он прав? А если отбросить бич, проявится ли телохранитель?" Пальцы Фанатика считали иначе, впились в рукоятку, а сам он не верил ни им, ни Монстру, ни себе самому. Он метался, секунды тянулись, каждая могла стать последней.

— Будь ты проклят совсем!

— Да? — Монстр нависал вновь над ним, не раненный, не уязвлённый. — Я? Вы сами отказываетесь от защитников, умно... Вы сами приходите к моим дверям... И что случилось? Глазки открылись, тени пригласили зайти. Не вежливо? Грубовато? Бывает. Я недавно создал их, начерно.

Фанатик сжал рукоятку бича до онемения в пальцах.

— Ещё попытка?

Они молчали, глядя один на царапающие когти, другой на бич. Внезапным, неуловимым, как ветер, движением правой руки, павшей на его на голову, Монстр пригвоздил Фанатика к полу. Дрожь пробежала от макушки до ступней и превратилась в неодолимую холодную тяжесть. Как в Великом Море, как тогда... Всё, что смог — не бросить оружие. Монстр поманил кого-то. С присвистом шипящая переливчатая тень в человеческий рост высотой опустилась, складывая в полёте над собой остроконечные жёлтые крылья. Тридакна. Ужас ночной. Тень-разбирающая-на-месте. Похожая на раковину тридакны, стоящую на боку. Створки адской двери. По острым краям вверх вниз пробегает мутный свет, иногда выбрасывая луч неожиданной яркости. В створках достаточно колючей морской воды, чтобы вырвать из тела Впечатления, прежде чем она медленно сомкнётся, останавливая Огненный Круг.

— Видишь? — просипел Монстр. — Всё, что есть в тебе, станет моим. Так или иначе. Но ты можешь согласиться, погулять в своих садах пока не отцвели.

— Никогда, — с огромным усилием прошептал Фанатик, — никому на суше не удавалось такое благодаря двум глоткам Свободных Впечатлений.

Монстр закивал, удовлетворённо:

— На суше — сухо, всё испаряется. А в море — мокро, всё растворяется. А у меня вон! Какое совершенство, золотая середина!

Одной лапой он развернул Фанатика за голову, чуть не оторвав её. Под навесом по закрученным спиралью восьми столбам сбегали крупные капли в маленькие чаши. Вровень с низкими бортиками плескалась как бы вода. Отбрасывала блики на мозаичный потолок с мозаичного дна, собирала обратно. Неслучайные, упорядоченные блики.

— Странная водичка? Это не вода, это тени. И хочешь знать, из каких Впечатлений? Лишь из тех, где была нерешительность. Сам сделал... Они отлично слипаются, мгновения колебаний, и чем их больше, тем они неразрывней, плотней. Ни улетучиться, ни разбежаться. Красивый узор? Мне не видно, но я знаю, что красивый. Мозаика — артефакт. А столбы снова тени, — задумчиво Монстр излагал, не лукавя, и вдруг безо всякого перехода. — Бросишь ты эту игрушку?!

Когти впились в руку, кнут выпал. Чёрный Дракон не проявился... "Не может быть!.. Я же не хищник, я не похитил мира, даже защищаясь, не остановил ни чей Огненный Круг! Почему?! Потому что единожды взял оружие?! Дроиды ненавидят оружие?.. Индиго, не ты ли говорил: дроиды ненавидят нас!.."

Сеть опустилась по следующему мановению уродливой лапы, зловещая, фиолетовая, излучая глухой, дурманящий свет. Монстр скользнул из-под нее и наконец-то убрал с головы лапу. Фанатик рухнул на плиты. Сеть окружила его мягким теплом полузабытья. Неожиданно... И повлекла сквозь стены. Видимое пропало. Тревога тоже, надежды вместе с ней. Остался голос, сиплый вкрадчивый голос: "Несчастные, нищие бродяжки... Я дам тебе время. Много. На размышления, ваши глупые сомнения нищих... Ты ещё увидишь, как остальные будут счастливы, которые согласятся. Которые с моей помощью войдут в свои сокровищницы, недоступные сады..."

Глава 21.

Глава 21.

Изгнанник, полудроид, чья жизнь длится тысячелетия, должен, хоть какую воду, но всё-таки пить иногда. У них оставалась Чистая Вода забвения, да морская, разведённая в ней. Воды связных Впечатлений не осталось ни у кого. Не все, как Мурена, привыкли к подобному состоянию, многих оно тяготило, пугало. Один раз Сонни-сан с двумя большими флягами, ни словом не предупредив, прорвался в Облачные Миры. Вернулся! Довольный, сияющий, с бичом в руке и катаной на поясе. Сказал: "Здесь веселее". Разве что ему... Видел Беста. Поговорил с ним на пороге. В мир заходить отказался, ностальгия, не стоит. Фляги они разделили по глотку. И опять началась жажда.

Защищаясь от диких, причудливых, непредсказуемых морских хищников и теней, заполонивших сушу, изгнанники ночами стали поджигать завалы каменных деревьев, начав со внешнего круга. Медленно, но верно запас их таял, пояс кострищ приближался к пещерам. Сонни-сан, пытаясь оттянуть неизбежное, дежурил, заменяя собой костры. Изумруд отправлялся с ним, когда был в настроении не разбивать, а разбирать тени, вдруг пригодятся, или найдётся новенькое что-то. Находилось. Например, одна бесформенная, безосновная, но стабильная тень прыгала, как лягушка, как если бы коврик тумана мог прыгать. Что интересно, подскакивая вверх, она простиралась строго горизонтально и над головой проявляла свою сущность: то ли страх, то ли мысль: ромбики, клеточки стремительно растут, сейчас задавят, и хочется упасть на землю. Когда же лягушкой она приземляется, шлёп, то если наступить на неё, кажется, что обжёгся и поскользнулся, земля ушла из-под ног, подлетаешь, как ошпаренный. Чистый глюк, но удержаться невозможно! Яда нет, вреда она не причиняла. Такая вот тень, видимо, созданная для ловли, удержания в своих пределах. Сонни-сан разбил её, когда зависла в прыжке. Верхняя часть растаяла, нижняя осталась, и они с Изумрудом долго развлекались, пытаясь встать на неё, не подскочив с перепугу, удержаться на ногах. Хохотали. Кромешной ночью, дозорные...

А под сводами висела тягостная тоска, усугубившаяся признанием факта: Чёрных Драконов изгнанники потеряли...

Плана действий у Изумруда не было. Парадная лестница крепости представала перед ним закрытой дурманящим светом, пресекая первый и последний доступный ему способ решения проблемы. Надо бы слетать наверх, с Бестом поспорить... Один раз, как негласно старшему, Изумруду пришлось усмирять коллективную истерику и несколько личных срывов, что оказалось ещё сложней, и повергло его в крайнюю растерянность. Но оказалось, что Селена справляется с этим на раз. Её полюбили. К ней тянулись. Само присутствие маленькой, совершенно безмятежной девушки с перламутровым светом в глазах умиротворяло больше, чем чёрный гигант на страже ночи.

В такой-то атмосфере Монстр начал своё наступление.

Далёкое зарево над башней померкло. Некоторые успели обрадоваться. Изумруд помрачнел...

Они шли стеной. Пологом, соломенной занавеской спускались от туч до красной, сухой земли. Они шатались, раскачивались, разбивали ряды и смыкали их вновь. Стена смерчей поднималась по дну каньона... Тренировавшиеся на воздухе бросились в пещеры. Некоторые глянули в сторону Изумруда вопросительно. Он качнул головой: в пещеры. Сонни-сан вышел на

край верхней террасы, измерил смерчи взглядом от земли до неба и счастливо улыбнулся:

— Хорошая смерть. Как мне всё надоело.

Изумруд засмеялся:

— На исходе первого миллиона лет жизни и у меня случалось такое настроение!.. Эти штуки, Сонни, единственное из Великого Моря, что и раньше умело гулять на суше. Обычно они разбивают встающее на пути, но иногда уносят... Так что, насчёт смерти, да, а насчёт хорошей — не уверен.

— Не мой случай. Я такая иголка, которую невозможно унести, которая проходит сквозь всё на свете.

Изумруд мысленно признал правоту его бахвальства и зашёл с другой стороны:

— Сонни-сан, ты видишь, я вообще ни разу не Бест, но я обещал ему кое-что. И если они, — Изумруд бросил взгляд на пещеры, — имеют шанс прожить немного дольше, почему бы тебе не увеличить этот шанс?

Сонни открыл рот:

— Так я же, как раз...

— Нет. По правде. Лучше спрятаться. За огонь и, если край, то за Чистую Воду забвения. Короче, это последний рубеж.

— Ты уверен?

— К сожалению. Глупо всё вышло. Но если мы выиграем время, и эти штуки уйдут или распадутся, я найду другого переговорщика, которого Архитектор впустит. Как и хотел Бест с самого начала. Теперь и выбора нету.

— Я пойду.

— О, сомневаюсь!..

— Что пойду?!

— Что впустит. Нужен кто-то совершенно другой.

— Ты видел, как они напуганы? А те, что разозлились...

— ... уже там.

— Ага.

— Посмотрим... И чего он пускает свои тени именно ночами бродить?! Привычка, не иначе. Давай так, сейчас всё поджигаем, сколько можно перетащим для финального заграждения, внутрь, к спуску в подземелья, ветки помельче. Нарубишь дровишек?

— Ещё чего! Так наломаю.

— Их подпалим ближе к утру. Потом — только ждать. Или смерчи ночные, нестабильные, или... одним навсегда под землю, другим ещё дальше... навсегда.

Треск и грохот, скрежет сотрясали пещеры. Гул и утробный вой. Искры разлетались, перемешивались с искорками тумана дроидов. В огромных-огромных, огромных глазах полудроидов. Каменные стволы в огне разрывало на щепки, стонала сама земля, рушились камни, ограждавшие их террасу.

— В подземелья!

Обсидианово-чёрные стены. Здесь тише. Змейки тумана дроидов. Плясал последний зелёный костёр, не бесновался, тихо горел. Струйки воды забвения сбегали по стенам. Озерцо. Время от времени Изумруд подходил и аккуратно ставил в костёр несколько новых веток. Много глаз следило за ним, они казались одинаковыми. "Мы в неравном положении, — думал Изумруд, — им некуда отступать и они не обладают силой создавшего тени, я не должен презирать их". Селена гладила какую-то девушку по голове.

— Слушайте, — Изумруд встал перед изгнанниками у костра, — скоро утро, и огня больше не будет. При первой опасности — вниз. В густой туман дроидов. В Чистую Воду забвения. Жизнь переменчива... Всё еще может перемениться, откроются облачные миры... Я соберу тех, кто останется, я найду вас. Провожу по одному в небо, рискнём. Бич оружие хорошее, но не против такой махины. Увы. Мне жаль. Бегите.

Шум, шипение начало доноситься из пещер. Звяканье. Звон. Утихло. Долго они сидели в тишине. Костёр догорал. Первым встал Сонни:

— Я посмотрю.

Перепрыгнул угли и растворился во мраке. Вернулся, потирая лицо, с отпавшей от изумления челюстью, сказал громко всем:

— Там спокойно. Ручаюсь, никого, — и добавил Изумруду. — Не знаю в чём подвох, но не быть его не может.

Изумруд поднял руку:

— Подождите выходить. Я первый.

Но Селена успела проскользнуть вперёд него.

Весь пол пещеры... совершенно весь... без промежутка, без прохода был уставлен драгоценными чашами, глубокими, большими, белого и жёлтого металла, с драгоценными камнями, с ручками, на ножках... И надо ли говорить, что каждая была полна до краёв водой связных дождевых Впечатлений.

Изумруд и Селена остановились, не обнаружив прохода. Остановились изгнанники за ними. Утренний тусклый свет лился в пещеры, освещая великолепие. Разноцветные огоньки дроидов играли на гранях кубков и самоцветов. Селена наклонилась, опустила в ближайший сосуд пальцы.

— Без обмана, — сказала она, — Впечатление о большом древнем рынке.

Таковых оказалось не мало. Почему монстр, потеряв Собственный Мир, сделанный рынком, предпочитал собирать их же? Загадка. После всей нищеты и жажды последнего времени никто не посмел бы разлить Это. Они брали в руки по одной чаше, отступали с ней, а потом по образовавшейся дорожке вышли навстречу пасмурному утру. Изумруд не взял. Вышел, сел на землю, скрестив ноги, и глубоко задумался. Индиго поступил точно так. Он недавно, не без труда и колебаний, по глотку отпивая Чистой Воды забвения из ракушки, дрожавшей в его руке, собрал, подвёл к Огненному Кругу Впечатление ярмарки и целиком испарил, смыл без остатка. Изгнанники смотрели на своего чёрного предводителя. Изумруд заметил напряжённую тишину вокруг себя.

— Что хотите услышать? Я сам не понимаю. Дело ваше, хотите, пейте, хотите, нет. Осторожней, трогайте сначала.

И, конечно, они пили. Кто вдумчиво, кто жадно. Площади, полные весёлых людей проносились пред ними, уходя в глубины сознания. Ещё караваны. Длинные тракты, петляющие среди холмов, шатры и флаги, пляски и акробаты, и снова яркий ярмарочный шум. Впечатления были такой красоты и последовательности, что, даже залпом выпивая, их можно было разглядывать несколько минут. Тысячекратно ярче они казались после жажды, длившейся так долго. Амарант подошёл к сидящим на земле.

— Шикарный акт подкупа и устрашения, не находишь? Почему ты называл его тупым?

— Да потому что он тупой! — взорвался Изумруд. — В Великом Море я мог, что угодно отнять у него! Одно достоинство — сматывался быстро. Есть версии, к чему всё это?

— Самая простая. Они придут ещё раз. Никто не спрячется, и всё. А у тебя? Что ему надо, по сути?

— Слишком просто. Что надо? Люди. Гости, собеседники. Помощники. Найти ему что-то

надо, голос дроида, Сонни так думает... Я не вслушивался!..

— Напрасно.

— Вот ты и иди!

— Куда это?

— Туда. Слушай его нудятину, что ему надо.

— Моя любознательность имеет пределы.

Народ разбрёлся кто куда. Некоторые сознательные собирали остатки не сгоревшей древесины, разбросанные кругом, разбитые в щепки. Вокруг Изумруда образовался кружок изгнанников, не опьянённых внезапной передышкой, с серьёзными глазами.

— Нужен доброволец, переговорщик? — спросил Гром. — Я.

Ещё несколько подняли руки. Изумруд кивнул Сонни на них, ты, мол, был излишне пессимистичен. Обвёл взглядом, кивнул:

— Да, скорее всего. Но подождём официального приглашения, дары это первая часть. Подождём его следующий шаг, хоть что-то проясниться.

— Если пойти, ещё скорее проясниться, — возразил Индиго. — Я зван, между прочим, и я пойду.

— Решим кто, — нахмурился Изумруд, вспомнив просьбу Беста. — Почему ты? Что зван, не в плюс, с другим он, возможно, заговорит по-другому. А нам надо понять... Тьфу!

— Я, потому что я — всё равно пойду. А к чему двое?

— Привет Фанатику. Личные счёты? — поинтересовался Сонни-сан. — Уже?

— Не-а. Хочу хвост, как у Сократа.

Селену передёрнуло:

— Неужели это правда? — и спросила тихонько. — А почему не он, Изумруд? Бест просил тебя?

— Откуда ты знаешь?

— Я сон видела.

— Селена, дорогая выдумщица, сны, это всплывающие Впечатления.

Она засмеялась тихонько:

— Просто, ты так смотрел на него исподлобья... Словно хотел и не мог привязать на верёвочку. А сам по себе ты не сомневаешься никогда.

— Ты умница.

— Я пойду с Индиго.

Так твёрдо сказала. Изумруд несколько опешил.

— Во-первых, я не отпускаю. А во-вторых, объяснись.

— Я невидимка. Когда требуется понять, нужен шпион, а не переговорщик. Индиго будет лицом. Я страховкой.

— И это всё?

— Нет. После утраты Лелий и Бест были добры ко мне. Индиго, поскольку рядом... И если он дорог Бесту, а он упрямый и пойдет, раз решил, то и я тоже.

Изумруд не нашёл возражений. Не согласился, отнюдь, взял паузу.

— Подождём, — сказал он спустя минуту, — скажи ему, день-два. Хуже не будет. Я так часто дрался и так мало думал. Напрасно. Сейчас мне надо разобраться хоть с главным… Как вы пойдёте? С морочащим светом... Вы, двое, дайте мне пару дней.

Глава 22.

Глава 22.

Изумруд с разбегу взлетел на стенной выступ в самой темноте овальной пещеры и уселся на нём в одиночестве. Думать. Стратегически не получалось. Слишком велика была его досада на предыдущие ошибки, упущенные возможности, особенно на последнюю. Физически добраться до Архитектора, единственный только раз! Ни в какую мысль не шла дальше. Ладно, тогда о насущном...

Дурманящий свет. Он начал вспоминать. Великое Море, человекоподобные и полностью безобразные существа, встречалось ли в них нечто подобное, сталкивался ли с таким прежде? Извергаемые клубы "дыма"? Но тут всё понятно. Ядовитого дыма? Тоже понятно. Не то. Бывали те, на кого трудно смотреть, глаза режет, мельтешит узор, обычно яркий, это уже теплее. Перед мысленным взором сцены подводной охоты проходили непрерывной чередой. Видения Морских Чудовищ, когда-то Восходящих, потом изгнанников, однажды хищников, в конце — чудовищ. Изуродованные нарочными и случайно созданными тенями из смеси связных Впечатлений и проглоченной морской воды тела. Извращённые настолько, что порой они оставались способны только лежать на дне и хватать проплывающее мимо. Но как сильна была жажда жизни в них!.. Эти чудовища, лежащие полями, порослью раскрывающихся и закрывающихся куполов, длинных, жадных нитей, многоярусных лепестков порою, с вечно голодной сердцевиной… Они никому не были интересны, не могли подползти даже один к другому, и бывало, под конец жизни опять обретали голос. Причём не манящий, не для охоты, вообще невесть для чего. Подобно тому, как звенят, переговариваются колокольчики в Туманном Море дроидов, они раскрывались, гудели, лепетали, относимые течением. Возможно, они понимали друг друга? Припоминали утраченные миры, руки и ноги, лица свои, свой человеческий голос? "Проклятье, я же совсем о другом собирался думать!.. Хотя..." Не от этих странных созданий, но между ними, если случайно заплыл в их скорбное, смертельно опасное поле, пробегало нечто подобное, слегка морочащий свет. Но, очевидно, он не принадлежал кому-то из них, сам будто искал выхода между горькими, злыми лепестками...

Свет... Морочащий свет, где ещё? В зрачках плоских огромных глаз, обращённых к нему хищником в конце погони, растерявшим всех своих теней, кроме тех, что Изумруд успел вырвать... Они вспыхивают, и на мгновение исчезает ориентация в пространстве. Но это не спасало их. Один бросок, и финал. Да, мельком, вокруг отчаявшихся или погибающих он встречал дурманящий свет в Великом Море, но никогда не задумывался, что он представляет собой...

"Что там происходит?" Изумруд глянул на полутёмный зал. Изгнанники приходили и уходили, трогали воду в сосудах, выбирали. Коллекционеры разглядывали чаши, изумлялись, и было чему... Двое сошлись в центре пещеры, и держали один сосуд, прекрасный, без сомнения, хрустальный, резной, словно нарочно поставленный в самом центре. "Ну и какая там невидаль, что они так вцепились в края?" Руки двух юношей синхронно потянулись к бичам. Изумруд достал свой, отвёл бесшумно в сторону... И внезапно, сверху, из тьмы обрушился железный наконечник бича на хрусталь между ними. Дотянулся, едва хватило длинны. Осколки и брызги разлетелись по стенам, до верха!.. Веер, взрыв! Парни отпрянули, один шлёпнулся на землю, оба воззрились на Изумруда, чёрного на тёмной стене. Он молчал. Пятясь, они убрались из зала. То же самое желание посетило и многих других. Амарант, напротив, подошёл:

— Твоя дипломатичность поражает! В прямом смысле слова.

— Они меня поняли.

— О, да! Знаешь, что там было? Чей-то танец в украшениях из звенящих монеток.

— Ну и чёрт с ним. Я думал про свет от башни. Что это за чёртов свет?! Ясно, что Впечатление... Но чего? Чего?! — Изумруд ударился головой о своё колено. — Не понимаю! Морок и всё. Как можно увидеть суть того, что не даёт видеть? Замкнутый круг. Оно не воспринимается, оно морочит!..

Амарант протянул руку наверх, Изумруд помог вскарабкаться, сели рядом.

— Возможно, — сказал Амарант, — надо поставить вопрос по-другому: не, что оно такое, а чьё оно такое?

Изумруд встрепенулся:

— Ты знаешь? Ты сталкивался с этим раньше?

— Нет. Я не люблю море, на побережье бывал считанные разы, и, да, не нырял вовсе. Но я ещё Восходящим знал историю земли во Впечатлениях, и Впечатлениях книг, насколько хватило времени...

— Так чьи же они? Каких-то особенных древних людей?

— Мыслишь не в том направлении. Они, даже не они, а оно, скорее всего, его правильнее называть одним Впечатлением, слишком отличается от остальных, нам знакомых, больше, чем люди могут отличаться от людей.

— Тогда получается вздор. Ничейное Впечатление? Не теней же, тени сами из Впечатлений...

— Снова мимо. Я думаю так. Сначала люди создали дроидов, тех, что как машины. Но ими надо было управлять, для этого люди создали иных дроидов, тех, что как люди. А ведь, что такое человек, по делам судя, что он такое? Человек, это нескончаемое притяжение и отторжение к другому человеку, бесконечное "или-или". Притом, непредсказуемое в основе, переменчивое. Конечно, оно передалось высшим дроидам, куда оно могло деться? И возникшая, изначальная раса естественно разделилась на две: желавшую служить людям дальше и не желавшую этого. А значит, не желавшую ничего. Воспроизводить себя? Нет цели. Нападать? Дроиды безопасны, за этим с самого начала люди следили строго... Представь, как оно могло быть... Создан дроид с человеческим обликом и нечеловеческими возможностями, со всей полнотой восприятия. Он уже стоит на ногах, уже смотрит на мир. Но никто, включая его самого, не знает, что возьмёт в нём верх, когда он увидит своих создателей, притяжение или наоборот. Потому что он, независимый дроид, слишком подобен им. Улавливаешь, Изумруд? Впечатления у них были. У всех. А вместе с тягой к людям, появлялась и тяга к действию, так начиналась их жизнь. Для иных же, нет, не начиналась. Для унаследовавших отчуждение. Они уходили в небо и море... таяли, улетали… в безлюдное небо, в звёздное небо... не закрытое облачными мирами... Это я фантазирую. Ну а как могло быть иначе?.. Они воспринимали окружающий мир, и людей в том числе, но постигая их проблемы, их боль, например, не шли навстречу. Это первое ответвление изначальной расы не создало усложняющих, дробящих свои функции дроидов. И не они стали теми, кто впоследствии усовершенствовал людей. Но они были. Тупиковая ветвь механической эволюции. Автономные дроиды. Можно сказать, они были слишком людьми, перелёт. И потом уже, много позднее, те из них, что всё-таки вернулись, стали третьей расой, драконами. А если считать от начала, правильней называть их нулевой расой, они самые древние, получается.

Изумруд слушал, раскрыв рот. Никто прежде не рассказывал ему длинных историй. Сидеть и слушать оказалось прекрасно, как обниматься с пением дроида в Собственном Мире.

— То есть?.. — очнулся он.

— То есть, этот выморочный свет, последние Впечатления в истории ушедшего мира.

Впечатления дроидов. Тех, кто мир воспринял, но на горести и радости его не откликнулся. Тех, кто оказался не был нужен. Не захотел быть нужен.

— Не захотел служить. А где же Впечатления тех, которые захотели?

Амарант улыбнулся:

— Возможно, мы?.. Для них весь мир, это люди, мы…

— Амарант! Если ты прав... Но как же ловить их? Да что, ловить!.. Как распознать их вообще? Послушай, это абсурд, глубокое внутреннее противоречие!

— Как, я не знаю. Я говорю только, что подобное явление, по логике, должно было существовать и оставить свой след.

Изумруд взглянул на него уважительно и серьёзно, чуть склонив свою гордую голову:

— Спасибо, что рассказал мне.

— Ага.

Амарант спрыгнул вниз.

"Но как?.. Если они не связываются ни с чем вообще? Говоришь, драконами, третьей расы... Те, вернувшиеся, стали драконами?.." Изумруд вспомнил, как в пылу погони очутился в Туманном Море дроидов. Добыча ушла. Он позвал своего Белого Дракона, и, опускаясь в туман, тот предстал или показался ему в человеческом облике. Или не показался? "У кого же спросить, если не у него?"

Изумруд отправился в ближайшее, юго-западное Туманное Море дроидов. Спрыгивая с дракона, он не отпустил рога, притянул сильного зверя и задал вопрос исчезающей морде напротив:

— Дроид! Можешь ли ты говорить?

Дракон растворился до стеклянной прозрачности, после чего вокруг бездонных глаз возникло другое лицо молочно-белого цвета, затем и вся целиком фигура. Рога остались. Ими дроид и боднул Изумруда в бок, отбросив на порядочное расстояние. "Упс!.. Ловко..." Они стояли в тумане, в перемигивании огоньков.

— Дроид...

— ... вне всяких сомнений.

— Ответь мне. Вот этот свет, — Изумруд указал на далёкое зарево от башни, — он растворён в Великом Море? Как можно поймать его? Если правда, что он не связывается ни с чем...

Дроид разглядывал Изумруда, склонив голову набок:

— Какой ты забавный, этими глазами.

— Дроид, ответь мне.

Белый Дракон присел на корточки, наклонился к глянцевой воде под туманом... а ветра нет вокруг них... Поднял камешек со дна и поманил Изумруда к себе:

— Всё просто. Он не связывается, он бежит. По Свободным Впечатлениям.

— От чего?

Дроид бросил камешек и показал на круги:

— От любой боли.

Дракон поднялся, провёл мокрой рукой по волосам, снова обнаружил там рога, осуждающе покачал головой и целиком растаял.

Остаток дня Изумруд провёл на Синих Скалах. Наимельчайшими ячейками сплетённую,

лучшую из его сетей покачивали волны. Изумруд опустил в середину её руку, и окаменевший остов морского ежа сжал до боли. Сперва незаметно, потом всё яснее от чёрной кожи брызнули жёлтые искорки, достигли сети... и запутались в ней! Попались! В наступивших сумерках она стала лучиться немного, неприятно смотреть. Терпимо, но уже неприятно. "Победа! Амарант и дроид, оба не промахнулись". Изумруд отбросил остов ежа, потёр проколотую руку и собрал сеть, рассматривая её поближе. Голова закружилась. "Проклятье дроидов, даже в таком мизерном количестве оно работает!"

Он летел в пещеры, довольный. "Завтра! Я ловлю одного хищника... Ещё живым привязываю посередине... Слежу, чтобы другие раньше времени не сожрали. Волны заносят этот свет снизу, и тот, что разбегается по поверхности, сеть обратно не выпускает... И основа, нужна основа, куда перенести после, нужна тень стабильная и прозрачная... Есть, знаю".

В пещерах Изумруд обнаружил нежданный подарок. Большая розовая раковина, полная жемчуга стояла в его нише. Селена, любуясь, перебирала жемчужины.

— Это что ещё?

— Летяга принёс. Он же обещал, не помнишь?

— Вот так новости! С роду они не держали слова. Единственные в океане!

Летяга из другой ниши спланировал вниз:

— Бывало по-всякому, Злой Господин, бывало по-разному...

"А вот и хищник, — подумал Изумруд. — На ловца и зверь бежит..."

— Ты знаешь, — сказал Изумруд, потягиваясь, — а ведь этого мало... Налови мне завтра ещё, где покажу.

Селена бросила на него изумлённый взгляд. Летяга поклонился всем тощим тельцем, отводя крылья назад. А потом улёгся под его уступом на земле, пристраивая на камнях свою длинную морду. "Ну-ну... — подумал Изумруд. — Останешься ты здесь до завтра, как же..." Он растянулся рядом с Селеной, положив голову ей на колени. "Сонни караулит, можно поспать". Летяга поблёскивал внизу маленькими чёрными глазами. "Дурашка, убегай, — мысленно сказал ему Изумруд, засыпая. — Ну что за чучело, небо и море. Не приходить бы тебе сюда..."

Глава 23.

Глава 23.

Проснувшись ранним утром с ясной головой и неопределённой тяжестью на сердце, Изумруд первым делом изложил шпионам, переговорщикам своё видение ближайшей перспективы:

— Подождали день, подождёте и второй. К завтрему у вас будет то, что не даст вам этой чёртовой башне заблудиться и ослепнуть. И наоборот, вы сможете морочить подошедших близко.

Селена с Индиго тем временем, слушая его, исследовали вместе одно Впечатление, но, в отличие от вчерашней сцены, норовили уступить один другому. Индиго притворно согласился, встал, торжественно поднося золотую чашу ко рту... И облил Селену с ног до головы! Как будто побывала в дождевой туче! Она рассмеялась, вскочила, толкнула его, и чаша вылетела прямо в лапы летяге. Он не ушёл... Был тут как тут. "Ну, что ж..." Летяга покрутил её в лапах:

— Артефакт... Превосходный, — он глянул на Изумруда. — Можно сюда складывать.

— Что? А, ну да... Пора.

Мокрая Селена проводила их до выхода:

— Знаешь, что там было? Чей-то танец с огромным веером!

— Правда? Здорово. У вас тут одни танцы да ярмарки...

Летяга, даром, что хищник подводный, с лёгкостью дракона скользил в потоках встречного ветра. Изумруд летел, на него не оборачиваясь, стремительный, как в атаке. Он и атаковал своё тягостное, странное беспокойство, спешил. Белый Дракон резал ветер широкой грудью, закинув назад рога. Оторваться не удалось. Почти одновременно с летягой они приземлились на Синих Скалах. Здесь, вдали от континента тучи затянули небо не так плотно, над морем проглядывал розовый рассвет. "Ну, что ж... Так тому и быть..." — думал Изумруд, расправляя круг сети на воде поплавками. Красиво Великое Море. Скалы, чем ниже, тем более фиолетовые, особенно при свете зари. Летяга сидел на них и ждал, сложив крылья. Маленькое недоразумение. Смешная, жутковатая фигурка среди бесподобного величия природы. "Можно нырнуть, поймать другого, тоже летягу, их легче всего..."

Изумруд подтянулся, влез на скалу, разглядывать вчерашнюю сетку. Свет потускнел, но совсем не много. А ведь это сеть для ловли, не для хранения. "Впечатления независимых дроидов, сильная вещь..." Летяга взглянул тоже, молча. "Какой же ты глупец!"

— Валяй, — сказал Изумруд вслух, — принеси мне со дна голубое стекло, лепесток с острыми краями!

"Последний шанс тебе, пропади ты пропадом!.." Летяга поклонился, острым треугольником ушёл под воду и вскорости вынырнул с большим голубоватым полукружием в лапе. "Не сомневался..." — подумал Изумруд. Взял у него осколок. Разглядывал долго его, море, сеть, летягу... снова стекло, снова сеть, снова летягу... Встал во весь свой огромный рост и сказал:

— Смотри туда. Видишь сетку? Будешь плавать вокруг неё, круг по поверхности, круг под водой, следи за тенями на небе тоже. Если что...

Он задумчиво провёл стеклом, не кромкой ещё, по груди, голубым по иссиня чёрной коже... Летяга перехватил стекло быстрой лапой и порезался. Уставился на неё, вздохнул и сказал, не поднимая глаз:

— Злой Господин. Я могу сделать. Я привычный. Он так и добывал ядовитый дурман.

Нами.

— Что?!

Изумруд сел на скалу обратно и снизу заглянул в грустную мордочку.

— Давно. Злой Владыка знает, мы, Богатеи Моря, не видоизменяемся телом, как другие, как настоящие чудовища. Мы, бывает, сбрасываем шкуру. Но остаёмся сами собой! Вот... Так тебе будет видно.

Он сложил лапы спереди и потянул за перепонки-крылья. Грубая, бурая кожа слезла, под ней была золотистая... Вся в широких, рваных шрамах. Изумруд прикусил губы.

— Злой Господин прав, жемчужин в ракушке мало. Нужен ядовитый свет...

Изумруд выбил стекло из маленькой лапы, блеснув, оно пропало в волнах.

— Нет!

— Почему? — летяга только сейчас поднял глаза. — Злой Господин редко проигрывал в своей жизни. А нам, Богатеям Моря, частенько доводилось проигрывать. И терять... Поэтому я знаю. Не так важно и не так страшно то, что временно, Злой Господин. Сначала я думал, что боль — это ужас и смерть. Но время шло. И я понял, что боль — это только боль, только чувство. Скоро понял. А после... невесть, сколько времени прошло... я заметил, что любые чувства — только чувства. Не более того. Злой Господин меня понимает? Тёмные чувства рассеялись, перламутровые остались. Жемчуг остался... Он даже стал красивее! Так что, теперь…

— Клянусь... — Изумруд смотрел на него неподвижными глазами снизу вверх. — Клянусь тебе... Я буду тебе покровителем и братом. Как чудовище чудовищу, клянусь.

Летяга весело, иронично прищёлкнул мелкими зубами:

— Что изменилось, Мой Господин? Что случилось вдруг?

— Ну, например, ты не сказал "злой".

Летяга тоже сел на фиолетово-синий камень.

— А я буду тебе слугой... Ядовитый свет — нужен?

— Постой, ты тоже?.. Ты хочешь отомстить!

— Хочу, очень. Не отомстить, нет. Чтобы его не стало. На самом деле, — продолжил он, проведя лапой по исполосованным крыльям, кожа которых темнела на глазах, — это — не обязательно. Дурманящий свет бежит от всего, от тоски и грусти. Есть у тебя, Владыка Моря, грустное Впечатление?

— Нету. Ярость не подойдёт?

— Гнев не подходит.

— А ты серьёзно? У меня есть одна странная вещь. Артефакт. С Впечатлением. Но его не добыть, он запаян. Странно, да? У другого хищника... отнял, в общем.

Изумруд достал из двустворчатой раковины на поясе маленький цилиндр жёлтого металла, закрытый с одного конца, сужающийся до острия к другому. На заострённом конце появилась светящаяся красная искорка, похожая на огонёк дроидов, вытянулась, словно могла капнуть, и внезапно пропала. Разгораясь, возникла опять.

— Видишь, непонятная штука. Не выпить, но ощущается. Я давно пробовал, муть какая-то там, подходящего вида. Попробую ещё раз.

Он встал, собираясь прыгнуть в воду:

— Последи вокруг.

— Можно я?

— Нет!

Изумруд нырнул, вынырнул над длинной, глянцевой волной и с третьим взмахом рук оказался в середине сети. Не желая смотреть на серые тучи, он опустился на некоторую

глубину. Не желая смотреть вообще, доверился слуху, маленькому хищнику, судьбе и закрыл глаза.

Артефакт, прижатый остриём к верхнему нёбу, излучал Впечатление, не отдавая его. Будто красная икорка все же скатывалась с него, оказываясь железной, невкусной. Кто, с какой целью заключил его туда, это непостижимое видение? Во всяком случае, боли там оказалось достаточно, можно закрыть ядовитым светом весь континент.

Там шли вереницы людей, оборванных, полуголых, вставали на краю глубокого рва. Но Впечатление следило не за ними, а за мужчиной напротив, в ряду других, в начале ряда. За мужчиной в однотонной чистой одежде, который кричит что-то, ряд с его стороны поднимает металлические палки, а оборванцы падают в ров. И так раз за разом. Изумруд не понимал ничего, да и нечего было понимать. Заурядное зрелище. Ни музыки... о, музыкальные Впечатления самые лучшие... ни садов, ни древних зверей. Он только чувствовал, как стекает тоска, когда они падают, падают...

Вместе с сетью течение вынесло его к поверхности, под фиолетовую тень Синих Скал. От свободно раскинутого чёрного тела убегали жёлтые искры, достигая чёткого круга сети. Он качался на волнах и разгорался всё сильнее, яростней, ярче.

Впечатление текло, не повторяясь. Изумруд смотрел. И в один момент понял, что оно было только прелюдией, всё это было прелюдией к основному Впечатлению.

Лицо женщины показалось в зеркале. Кудрявые волосы до плеч. Она проводит по ним щёткой, приглаживает... Слышит стук входной двери, неожиданный для себя, потому что бросает взгляд на часы и вздрагивает. Она видит в зеркале просвет входной двери, кладёт щётку, берёт что-то совсем другое... И её рот наполняется металлическим вкусом, а Впечатление оглушительным грохотом... Лицо мужчины! Вот, что заполняло весь артефакт целиком, лицо вошедшего, в однотонной гладкой одежде, с воротничком, с ремнём, с металлическими пуговицами и чем-то на плечах, совсем не имеющим смысла. Лицо мужчины, долго и безмолвно смотрящего вниз, на неё...

"Не могу больше..." Изумруд вынул капсулу изо рта и, не открывая глаз, лёгким дельфиньим прыжком оказался за пределами сети. "Кто бы они ни были, я рад, что мы — не они". Отвернувшись от света, он набросил на эту сеть другую, затянул её, вылез вместе с уловом и своим маленьким сторожем на скалы. Летяга забрал у него сеть, сунул лапу в складки, долго копошился, сказал:

— Отвернись, Владыка Моря.

Разложил на камнях и всё переделал, повторяя: "Изнанка, у них же есть изнанка..." Сложил светом внутрь, отогнув только краешек, и довольный собою, позвал:

— Вот теперь посмотри.

— Как ты это сделал?!

— Опыт. Иначе с дурманом трудно иметь дело. Но у того, кто убегает, всегда есть изнанка, Мой Господин.

Летяга поправил краешек, скатал в рулон, положил в другую тень и с поклоном отдал Изумруду. Тот рассмеялся и с поклоном же принял:

— Должен сказать, я рад нашему знакомству!..

Только собрались в пещеры, как Изумруд ощутил внезапную слабость, неизвестную ему. И летяга, и он сам, глядя на свои руки, оторопев, наблюдали, как они светлеют до зелёного. Перед Изумрудом стоял его Чёрный Дракон, покидавший его только на входе в Собственный Мир. Второй дроид, которого Изумруд видел на протяжении жизни. Дроид с него ростом и половиной его мощи в теле. Гневный, светлоглазый, на задних лапах, рогатый, как и его Белый Дракон. Дроид протянул лапу и зарычал утробно:

— Отдай!..

Изумруд крутил артефакт в пальцах:

— Дроид, что я видел? Что это за штука?

— Отдай!..

Он и не подумал бы отдавать, но совсем уж внезапно лицо Дарующего-Силы, Царя-на-Троне окатило его безбрежным тёплым светом. Дроид прекрасный настолько, что один только взгляд на него отвечает на все вопросы и открывает все пути. Он смотрел пристально и снисходительно. Смотрел так, словно нет ни одной пылинки на свете, заслуживающей внимания, а есть только тот, на кого он направил взгляд. Исчез. Изумруд протянул артефакт дракону. И снова стал чёрным, сильным, растерянным. В пещерах их заждались.

— Один только я его не видел! — воскликнул Индиго, закончив рассказывать Изумруду, что за дроид такой Царь-на-Троне. — Прямо смешно. Я ношу на груди эту штуку, — он указал на медальон, — и не могу снять её, не умерев, то есть я дошёл до своего предела там, в пустой чёрной ловушке дроидов, но и тогда не увидел лицо Дарующего-Силы! Каждому своё? Вот ты — хищник с Чёрным Драконом. Как такое возможно? Получается, дроид помогал тебе охотиться на других? И помогает. Дроиды безопасны? Впрочем, вспоминая своего Чёрного Дракона, я не удивляюсь твоему.

— Давай теперь ближе к делу, — Изумруд закончил сворачивать для него широкие браслеты с Впечатлением морочащего света. — Ты идёшь за своим интересом, а я жду тебя обратно за своим. Если считаешь его предложение честным, ладно, проверяй на своей шкуре. Облом, Селена расскажет. Ха-ха. Вот тут-то и увидишь Коронованного!.. Но вслух всё-таки ещё раз спроси, что чудовищу надо. Может другое соврёт... Свет не действует сквозь тело, морочит, касаясь глаз. Раскрути браслет, но не до конца, оставь сложенным вдвойне, надень на глаза, смотри сквозь него, он будет, как сеточка. Если хочешь морочить других, выверни наизнанку и надень повязкой на голову. Башка от него болит, но это нормально, иначе никак.

— Ага, Селена расскажет, я обещать не буду. Она разбивает тень стены и остаётся там, смотреть и слушать.

Изумруд осмотрел эпикровку Индиго:

— Почему ты не берёшь кнут? Потому что дроиды ненавидят оружие, а ты их? Не вижу логики.

— Я сам не вижу... Но в любом случае, я иду не за тем.

— Как угодно. Я не представляю себя без оружия.

— А я не представляю себя вообще.

— Вам с Сонни, — саркастично заметил Изумруд, — надо основать клуб по интересам... Клуб, это ведь такая тень, состоящая из людей, да? Под единым Впечатлением: "Пропади она пропадом, эта жизнь".

— Недолго же нас будет в нём только двое...

Глава 24.

Глава 24.

Индиго выступил в поход, в свой последний, как думалось ему, поход по старинке, тропой, вьющейся на дне каньона. Раньше она приводила к западному входу в Центральный рынок, ныряя под землю и заканчиваясь уже среди первых шатров. По сторонам от неё находились рынки-спутники, что располагало к пешим прогулкам и образовало её разветвляющийся путь. Пешком он отправился по двум причинам: остаться наедине со своими мыслями и не видеть Лучика напоследок. Селена на Белом Драконе то обгоняла его, то отставала, короткими перелётами, не приближаясь к тучам.

Хотя теперь тропа и упиралась в парадную лестницу, свободную от морочащего света, вспышки от стен досаждали по мере приближения сильней и сильней. Индиго натянул на глаза сетчатую ткань браслета, а один раз не выдержал и отвернулся. За ним непроглядной, угрюмой горой мрака следовал его Чёрный Дракон.

— Опа! — Индиго отскочил от телохранителя в сторону, — Это что еще за новости?! Я с тобой уже ходил на прогулку, больше не пойду!

— Тем лучше... Поворачивай обратно, — прошипел дракон и сузил зрачки.

— Какого чёрта! Небо и море, дроид, ты, что ли не пропадал?

— Видишь, что нет...

— Сейчас пропади! Ненавижу.

— Это не тебе решать...

— Чёртов дроид, да там, куда я иду, со мной не станут разговаривать из-за тебя!

— Тем лучше...

— Убирайся! Исчезни!

Дракон пошевелил нахмуренными бровями и обвил по земле вокруг Индиго чешуйчатый хвост. Индиго перешагнул его. Дракон обвил снова. Индиго не выдержал и рассмеялся:

— Ты играть со мной будешь?!

— Я дроид, — сказал дракон, наклоняясь к нему, — я не нападал на тебя.

— Правда? А что это было? Галлюцинация? Впечатление?

— Лёгкая смерть.

Тоскливый, безнадёжный холодок пробежал по сердцу Индиго, несмотря на медальон. Показалось: вот оно, первое слово правды от дроидов... Ото всех.

— Представь себе, она не входила в мои планы!.. И как для тебя сочетаются эти слова: "не нападал" и "смерть"?

— Ты не понял, всё равно смерть. Только другая.

— А тебя не смущает, что ты слегка ошибся?

— Дроиды не смущаются. Меня это радует.

— Ты лжёшь! Ты всё лжёшь до единого слова! Исчезни, стань невидим! Я требую!

— Хорошо... — сказал дроид и с последним звуком растаял.

Индиго сел на землю, ударил по ней кулаком.

— Чёртов дроид! Кнут надо было взять, причина он или предлог, чтобы тебя не видеть!

Краем зрения, не поворачивая головы, Индиго увидел, как Селена белой каплей пробивает

стену башни, как тает её ездовой дракон. Неспешно подходил он к величественной лестнице. Бешеный ветер не досаждал здесь, было приятно отдохнуть от него, но тяготил разноголосый гул широких ступеней.

Его встречали, и не так, как он того ожидал. Монстр-Архитектор скользил с верхотуры, морскими барашками перед ним катились тени. Достигнув Индиго, они отшвырнули его прочь. Подобно стенам, лестница начала ярко светится. Индиго, пожалел, что собрал на руку браслет, поднял, закрылся им, не снимая. Сквозь пальцы увидел, что хищник утекает обратно в свою обитель.

— Разве не сам ты пригласил меня?! — крикнул Индиго ему в спину.

— Нет, нет, любимчик дроидов, — просипел Монстр, не оборачиваясь, но замедлив ход, — я разглядел тебя получше, и кое-что о тебе узнал. Целым ты мне не нужен, только частями.

— Любимчик дроидов?! Ты безумен? И я тратил время на разговоры с тобой, слепое чудовище?!

Монстр остановился:

— Кнута нет... Почему? У остальных были. Дракон есть... На груди украшение от дроидов... Так зачем ты пришёл? Мне не интересно. Дроиды благоволят тебе, он задарили тебя, они защищают тебя... Они тебя и послали?

— Нет! — крикнул Индиго с досадой, с отчаяньем. — О, Чудовище Моря, если б ты знал, как далёк от истины! Какой бред!

— И что же тебе надо? — Монстр вернулся на пару ступеней вниз.

— То, что и было предложено, посмотреть.

— Изгнанник, вы все лжецы? Одно Впечатление, сколь бы ни было прекрасно, не может стереть все опасения, все страхи вашего жалкого племени...

— Не может стереть то, чего не было. За себя говорю. И это не то Впечатление. Чудовище Моря, мне надо мне надо разглядеть другое, которое давно в груди!

— А что там?

— Не знаю. Не могу объяснить.

— Вот эти пустые слова изгнанника похожи на правду. Сними медальон.

— Не могу. Я умру.

— Не умрёшь. Пока смотришь, ты не можешь умереть.

Индиго положил руку на грудь, прижав к ней маленькое, неисчерпаемое тепло.

— Это твоё условие?

— Какие вы жалкие... Злой Владыка не станет долго пасти таких, как стадо теней. Он разберёт вас и съест. Дураки.

Монстр спустился до последней ступени, ткнулся лицом талисман дроидов. И не успел Индиго опомниться, как золотой медальон с летящим драконом тот вертел в своих ужасных когтях. Обнюхивал.

— Тёплая вещичка, любимчик дроидов... Ладно, оставь. Заходи.

Убрал лапы от медальона. Индиго выдохнул, незаметно скатал браслеты в их обычный вид и отправился вслед за Монстром по ступеням, гудящим как струны, приветственно, тревожно.

Они стояли перед мозаичным бассейном, беседкой под крышей на восьми витых столбах, и Монстр объяснял занудным сиплым голосом:

— Один маленький глоток сначала. Видишь, по каплям набежало внизу столба? Это морская вода. Потом ты его обнаруживаешь, Впечатление. Потом второй глоток. И всё, больше нельзя, начнёт распадаться. Из грозовой тучи? Полное Впечатление мира? Лицом наверх,

увидишь, из чего создавалось. Лицом вниз, увидишь, как создавалось. Всё понял? Глаз не закрывать, разглядывать узоры. Да, ты в курсе, что я тоже гляну? — Монстр указал на тень-воронку, зависшую в воздухе. — Не дёргайся, этой стороной она не кусается.

Сказал и покосился на Чёрного Дракона, стоявшего рядом с ними, в тот же бассейн глядя. "Бред, — просипел Монстр под нос себе, — я, чокнутый изгнанник, дроид... Бред. Отлично, если остальные без драконов".

— Смотри сколько угодно, — ответил Индиго. — Но губу не раскатывай, в таком Впечатлении тебе ловить нечего, защитит меня дроид или нет.

— В крепости из теней? Нет. Очень надо мне лишнее Впечатление. Потом будешь смотреть те, что я захочу. Для меня. Будешь?

— Буду. И если тебе ничего не понадобится из первой десятки, ты дашь мне уйти.

— Ага... После двух-трёх ты не захочешь уйти.

— Посмотрим.

— Вот именно.

Индиго наклонился к чаше в основании колонны, отпил один глоток воды Свободных Впечатлений, кислый и горький, беспокойный и пустой... Обнаружить? Ничего другого и не было в его уме, кроме приземистого здания, буквой "П" стоящего в нигде, даже не под синевой неба. Индиго отпил второй глоток и улёгся под блики загадочных, Морским Чудовищем созданных теней. Оказывается, устал. Мозаичные концентрические узоры потолка начали разбегаться перед глазами сквозь тень воронку, она стеклянная и кружащаяся изнутри... Ускоряется. Пропадает... Узоры пропали тоже.

"Что я хотел разглядеть? На что надеялся?" Узкие комнатки. Железные кровати. При ближайшем рассмотрении тысячекратно мрачней. Люди. Иногда много, иногда мало. Коридор — лязг двери — комната — лязг двери — коридор... "Вот из этого оно и создано, это я и видел... Смотри подряд. Думай. Сколько же их до той, особенной, наверху?"

Монстр спиралью закрутил вокруг себя длинный змеиный хвост, глядя в раскрывшийся веером клюв своей тени, царапая бортик бассейна. Большущий Чёрный Дракон схожим манером обвил себя хвостом, застыв в ожидании. Так они и сидели рядом. Индиго смотрел на тюрьму.

"В чём смысл? Сейчас я перевернусь, и придётся пройти от начала лестницы и коридоры, пустые уже. Если мир не создавался таким, а был испорчен, распознаю ли я это?" Впечатление открыло последнюю дверь. Ребёнок, коротко стриженный, одетый в платье обнимал мохнатого, серого медведя, тянулся к морде, говорил с ней, пытался вскарабкаться до неё. Индиго вглядывался в каждую деталь. Но слов, лепечущих слов ребёнка не сохранило Впечатление. "Был ли в них смысл? Если да, моя попытка напрасна. Ради слов, оставшихся в воздухе, ради голоса?.. Ради воплощения игрушечного медведя?.. Ради чего кто-то сотворил такой тусклый кошмар? Но даже если ради них, почему он не поместил их в иное окружение? Сейчас я перевернусь, исчезнет ребёнок, исчезнут все люди... Останутся только глухие коридоры, гулкие железные лестницы, лязгающие замки на дверях... Я буду идти, а оно разворачиваться передо мной. Зачем? А, ладно..."

Впечатление пошло по второму кругу. Не поднимаясь, Индиго перекатился в тенях, завис над мозаичным дном. Снова узор разбегался перед его глазами.

Но нет, Впечатление создаваемого мира начиналось совсем по-другому. Там тоже не было лазури и зелёной травы, но не было и здания с плоской крышей. Была только одна грустная, серая морда медведя, снизу видимая до ворсинки, в мельчайших деталях. "И правда, ради медведя..." Вокруг игрушки возникли стены, бордовые обои с крупным узором, сложилась комнатка... И всё. Мир закрылся. "Как же так?.. Когда же всё остальное?.."

А дальше Индиго с замиранием сердца наблюдал: в полумрак входит человеческая фигура, фигура гостя, удивлённого, настороженного, разворачивается уходить... и превращается в первую комнатку. Сам он, хозяин, заходит в первую железную дверь... Никого... Прислушивается. Запирает на ключ... Следующий гость... Прибывают, прирастают новые, одинаковые пустые комнатки... Это был мир хищника! И творил он его из похищенных! Как умел, как помнил из Впечатления. Голос дроида он искал в каждой новой комнате! Чудесную песню дроида! Нет её. Нет. Шаги гремят по железным лестницам, нигде никого... Не девочка, это сам он и был! Хозяин мира, узнавший себя в одиноком ребёнке. Хищник, не способный поверить гостю, не способный его удержать. Нигде никого. Глухие комнатки, гулкие коридоры, провалы лестниц. Никого. Только в верхней, последней комнате большой, серый медведь с грустной мордой. Он смотрит, но никогда не отвечает.

Озарение настигло Индиго: как снаружи мира у хищника нет телохранителя, так внутри не поёт ему дроид Я-Владыка!.. Нет прекрасного дроида, о котором рассказывал Сонни-сан, у хищника в его Собственном Мире! Там пусто, есть только оболочка, вещи. Наполнить его живым голосом гостя? Как? Кто ему поверит? Кто по доброй воле зайдёт и останется? Поэтому хищники и не могут остановиться! Выходит, невозможно отнять мир... Только стены без дроида, дверь и стены... И не зря эта туча пролилась тогда именно над Пустой Чёрной Ловушкой, не случайно!

Впечатление прекратилось давно. Началось опять, с медвежьей морды. Индиго лежал под бликами теней, на мозаичном дне лицом вниз и рыдал отчаянно, безутешно. Он узнал себя в этом хищнике, как несчастный хищник в неведомо кем и когда покинутом ребёнке. Изгнанник в тюремщике. Одно и то же. "С момента утраты, твой дроид не говорит с тобой... Надежда отнять мир напрасна, Я-Владыка не поёт грабителям. Владыка Дом, единственный, царственный, холодный дроид, чего мне ждать, если выхода нет?.." На месте Селены Индиго не представлял себя. Не представлял и преимуществ гостя, не прельщался ими. Кому станет он гостем или возлюбленным? Не ради дроидов заходят в чужие миры. Люди тянутся к людям, но только не он.

Монстр смотрел на него беспокойно, убрал воронку. Бросил взгляд из-под прикрытых век в сторону Чёрного Дракона, кивнул на Индиго, мол, твой подопечный, ты и вытаскивай. Уполз. Чёрный Дракон вытащил Индиго из теней на пол, оставил притихшего. Индиго сел перед ним, отнял руки от лица и спросил:

— За что вы нас ненавидите, дроиды?

Дракон покачал головой, прошипел:

— Впечатление хищника, да? Главы семейств Восходящих стараются к таким не подпускать. Остальных тоже. Но ты особо везучий...

— Ответь, за что?

— Я выведу тебя отсюда.

— За что?!

— Ненавидим? Созидать или не созидать, успеть или пропустить срок... нападать или не нападать, это всё ваша свободная воля. Дроиды не помогают в дурном. Это ты называешь ненавистью?

— Нет, не это...

"Оставшийся рядом, подумать только, оправдывающийся... Разговорчивый мой телохранитель, разве я могу понять тебя, надеясь, что ты сможешь понять?.." Тут мысли Индиго потекли в другую сторону. Он успел позабыть за своими переживаниями, что снаружи серые тучи. Казалось, там по-прежнему. "А может ли Белый Дракон спуститься в тени, как в подземелье тогда?"Телохранитель кивнул, прочитав его мысли и направление взгляда. Песней,

которая сама раскрывается в груди, он позвал своего Белого Дракона. Для дроида, что такое тени? Сияюще-прекрасный, счастливый услышанным зовом дракон пал перед ним на четыре широко расставленные лапы. Грива разлетелась, закрыв голубые глаза. Один прыжок на спину... "Изгнанники всё лжецы? Да, увы!.. Мне жаль, Чудовище Моря!.." Дракон стремительный, как меч в руках Сонни-сан, вынес Индиго неуязвимым, только ступени мелькнули внизу, выше башни и её морочащего света, сквозь пелену туч и теней, в свободные облачные миры.

Глава 25.

Глава 25.

Речка в мире Беста убегала из весны в лето через маленький водопад. Следом заводь с песчаным бережком, спрятанная за вербами и осокой. Индиго валялся, голова на камне, ноги на другом, глядя, как от водопада бегут пузырьки до широкого листа кувшинки. Дальше по течению белели и розовели бутоны, раскрывшиеся цветки, здесь только листья. Пузырьки большие и маленькие. Некоторые прямо, иные, долго перед тем кружа в речных водоворотиках, бежали к зелёному, острому краю. Они прилипали к нему и лопались через несколько мгновений. Все до одного. Большие быстрее, маленькие не так скоро, крошечные ещё позже. Но все без исключений. Индиго смотрел и ждал. Ждал на полном серьёзе, что будет один, который не лопнет, который останется у края. Или пока его, Индиго, не выгонит Бест ради другого гостя. Более разговорчивого.

Индиго увидел всё, то мог увидеть, понял всё, что хотел понять. Теперь он просто ждал, как и посоветовал ему высший дроид, глава Дом. Чем дольше смотрел на воду, тем явственней казалось ему сходство своих, не наполненных даже пустой надеждой, мгновений жизни и пузырьков на воде. Вечные образы. Если бы смирился, любовался… Нет. Он как бы гадал на них, загадывал, что найдётся один бессмертный, один должен быть, будет... Бест уже несколько раз успел предложить ему остаться здесь хозяином на время или навсегда, но Индиго было лень даже спорить.

— Ну и чего тебе надо тогда? Если бы ты, правда хотел...

— Я не знаю... Это несправедливо.

— Подарок — не отнятие мира, ты не станешь хищником, получив его. Если это настолько важно для тебя, почему не попробовать?

— Мурена утопит меня в Чистой Воде забвения... О, неплохая мысль! Не знаю... Несправедливо, что они распоряжаются нами...

— А что мы ими, справедливо?

— Не знаю.

— А я знаю, почему твой Чёрный Дракон не нападал на тебя. Хочешь, объясню?

— Ненавижу.

— Тебе не интересно?

— Ненавижу их всех.

— "Не знаю" и "ненавижу", этим исчерпывается твой лексикон? Для тебя, Индиго, надо провести Общую Встречу ради Слов, а то разговаривать невозможно.

— Извини, — сказал Индиго без выражения.

— Так что, объяснить? Реабилитирую в твоих глазах одного дроида.

— Одного чёртового дроида. Валяй.

И Бест рассказал ему малую часть того, что узнаёт хозяин Собственного Мира, если хочет узнать от дроида Я-Владыка, а не просто любоваться на свои владения тысячелетие за тысячелетием.

— Чёрный Дракон не только телохранитель, он проводник, провожатый.

— К смерти? Это я заметил.

— Не иронизируй, именно так. Ты знаешь, что Царь-на-Троне проявляется в минуты смертельной опасности и в конце жизни...

— Не уверен. Я был и там, и там и не видел его ни разу. Сомневаюсь, что он вообще существует, такой дроид.

— Индиго, — Бест хлопнул его по колену, — перестань. Существует. Но видеть... внимание!.. как и Чёрного Дракона его можно только снаружи, в Собственном Мире ни Огненного Круга, ни телохранителя, ни Дарующего-Силы не увидишь... внимание!.. только пение Я-Владыка и живой мир вокруг.

— И что? Они не заходят? Они не нужны тут?

— Наоборот! Они и есть этот мир. Защищающий от любого незваного гостя, снаружи это — Чёрный Дракон. Понял?

— Дико рад за тебя. Но нет, не понял. Я тупой.

— Индиго, ты не хочешь услышать. Когда, по твоим словам, ты уже чувствовал смертный холод, Чёрный Дракон обвился вокруг, он просто занял своё настоящее место. Он был твой Собственный Мир, единственная для изгнанника его частичка.

— Ну и, какой в этом смысл?

— Не смысл, закон, естественный процесс, Индиго. Вот мир вокруг, облачный мир, он весь создан холодными дроидами. Кроме недоступных внешних областей тёплого семейства Там. Он медленно тает, становится дождями, грозовой тучей под конец. Кроме внешних областей! Они остаются, пропускающие свет солнца, остаются только хозяин и они... Только изгнанник и Чёрный Дракон. Зримый или незримый.

Индиго приподнял голову:

— А дальше?

— Я не знаю. Никто не знает.

— Это несправедливо!

— Что опять?!

— А как же, превращённые в артефакты? А жертвы хищников, как же они?

— Ты прав, это несправедливо. Тут уже я не знаю. Но мы не об этом, твой дракон не мог и не собирался угрожать тебе.

— Мне всё равно...

Индиго улёгся обратно. Пузырьки добегали к краю кувшинки и лопались об него или один об другой. Он выбрал большой и проследил за ним взглядом. "Интересно, сам лопнет от ветра или его разобьют следующие?" Другой пузырёк подбежал, ударился в первый и они объединились!.. "И тут не угадал!.. Ни то, ни другое".

— На что смотришь? — спросил Бест.

— "Наша жизнь — пузырьки на воде..." — процитировал Индиго. — Вот жду одного бессмертного или одну сбывшуюся надежду. Глупо, да?

Бест обернулся туда же, на листья кувшинок, на весёлый маленький водопад... Улыбнулся, хмыкнул, встряхнул Индиго за плечи и рассмеялся, падая рядом на песок:

— Индиго! Это действительно глупо, смешно! Великолепно!.. Ты же гость здесь, в Собственном Мире, ты — гость! Я не могу, ты делай что хочешь: железную, алмазную, неразрушимую пену! Пускай за водопадом станет пеной вся река, это будет забавно!

Переливчатая трель входного звонка отвлекла его:

— Развлекайся!

— Мне стоит уступить тебя другому гостю.

— Нет, там не гость, ребята курсируют над континентом, предупреждая об опасности торговцев и новичков. Я просил появляться иногда, на минутку...

И, смеясь, Бест ушёл, оставив его на берегу.

Впечатление, рассказанное Индиго поразило Беста едва ли не больше, чем его самого. О многом заставило задуматься. Погруженный в размышления он провожал гостя, собравшегося полетать, до рамы. Индиго шёл, глубоко вдыхая благословение чужого Собственного Мира, его ветерка, запахов, шорохов, щебета, и рассуждал:

— Бест, он по праву твой, навсегда мирный мир. Не так что-то во мне. Неисправляемое что-то. Возможно, есть тонкие, невидимые нам причины, по которым одни теряют, а другие, даже потеряв, обретают впоследствии Собственные Миры. И во мне нету такой причины.

Он шагнул на раму, позвал дракона и добавил, уже верхом, взмахивая рукой на прощание:

— Я хотел бы стать дроидом...

Бест очнулся на этих словах:

— Даже не думай! Практически, это самоубийство.

— Что?!

Индиго придержал дракона. Бест прикусил язык:

— Ничего.

— А ну-ка, давай поболтаем ещё немного. Впусти меня обратно.

— Не сейчас.

Если бы можно было провалиться сквозь землю облачного мира, Бест бы провалился. Ко всему ускользающему мы привязываемся сильней и немного иначе. Так, не считая взбалмошной Мурены, Бест сердечней, чем к остальным, относился к каждым последующим новичкам и к Индиго, весёлому, любопытному, храброму, но какому-то раненому...

— Слушай, — сказал Индиго, берясь за край рамы, — это нечестно. Ты сам говорил, что обмен знаниями, это главное. Ты сам.

— Я не отказываюсь. После.

— Скажи мне, прошу тебя, — за минуту Индиго успел понять, что произнесённое им как шутка, вовсе не шутка, а главные слова в его жизни, — сейчас… Прямо скажи мне, это возможно? Такое уже бывало? Есть способ? Не молчи, Бест!

— Ты ни черта не понимаешь! Они существуют только потому, что мы существуем! Стать дроидом... Всё равно, что отрезать себе руку и остаться рукой! Индиго, кто меня за язык дёрнул! Увидимся.

Бест махнул ему и отправился к дому по дорожке. Индиго на драконе смотрел ему вслед.

С этого момента над головой Индиго вспыхнул переливчатым северным сиянием одному ему видимый свет. Свет надежды. Иное померкло. Отдалилось. Континент, томящиеся на нём друзья, как отрезало. Зато, о чудо, Белый Дракон первый заговорил с ним, не меняя обличья: «Чую, ага-ага… Слова были произнесены!..» Рассмеялся. Рокочущим смехом дракона. «Надо будет спросить, что их так веселит в нас?» Над серыми тучами возвышались синие скалы, часто Индиго и дроид приземлялись там. Дроид не отказывался с этих пор поболтать, оставался видим в покое. Один вопрос игнорировал. Самым бессовестным образом… — Как?! Как сделаться дроидом?! Замолкал, скотина.

— Когда мы воевали, — задумчиво сказал Белый Дракон, — мы были лучше всех, сильнее. Но пошли на мировую... Знаешь, почему? Нас убедили сделать это дроиды Желания.

— Как? — отозвался Индиго.

— Проявившись перед нами... Они исчезали. Непрерывно. Мы нападаем — они исчезают.

Не нападаем — исчезают. Такова их природа. Всё, что мы делали, было бессмысленно. Мелочно, по сравнению с тем, что бы просто на них смотреть… Суета, глупость... После перемирия и стало главным у них то семейство, Закрытое-ото-Всех-не-Дроидов. И помыкают остальными, стараются, ну, ты видел.

— Они — его?! — Индиго приподнялся на локте. — Дроиды Желания принадлежат к семейству этого жуткого паяца?! Не видел. Я никого, кроме него не видел, вокруг трона было пусто. А к чему ты вспомнил их?

Белый Дракон взлетел, перекувырнулся в небе, от восхищения, как уже знал Индиго, рассыпался медленным снегом и на земле собрался снова.

— Говоришь, не видел? — усомнился он. — Не знаю, отчего-то вспомнилось... Когда проявились? Не уловить. Только исчезают, непрерывно... Увеличиваются и тают, уменьшаются и тают... Вспыхивают и разлетаются, блёкнут и развеиваются... Прекрасное зрелище...

— Вы отчаялись победить окончательно?

— Нет!

Дракон взлетел, перекувырнулся, рассыпался и рядом возник снова.

— Мы подумали: так хорошо... С нами или без нас, пусть оно так и продолжается.

— Возникают? — переспросил юноша-дракон. — Белые Драконы не возникают, чёрных высшие дроиды с недавнего времени лепят, да. А мы те, что остались с прежних времён. Подобно тому, как Восходящие прежде восхождения спят на дне Великого Моря, под снегом, так Белые Драконы кружатся там, — он указал наверх, — ближе к звёздам.

— Почему же вы спускаетесь вниз?

— Те и остались, кто пожелал спускаться, кого удержало притяжение земли. Высшие дроиды узурпировали заботу о вас. Согласившись на перемирие, мы вынуждены были согласиться и на переговоры. Нас спрашивали, любим ли мы людей? Мы сказали, что любим. Спросили, не тронете, будете соблюдать главный закон? Будем. А что делать будете для них? Вот тут и застопорилось. «Чего вы хотите?» А мы ничего не хотели. Только летать в голубом небе и кувыркаться. Тогда дроид Там, великий тёплый дроид сказал: "Ну и летайте… С людьми на спине!" На том согласились. Вот так. Наша главная слабость, что с высшими дроидами нас не связывает ничего. С людьми — да, с одним человеком, когда Царь-на-Троне направляет к нему...

— Дарующий-Силы?!

— Он. И с этой поры жизнь Восходящего, наша жизнь. Мы не можем, как Чёрные Драконы вернуться к дроидам и получить нового подопечного. Чёрные сделали ставку на общее поле дроидов, на силу семейств, кристаллизующуюся в них. Бежали. Космоса и острых звёзд. А мы остались свободными. Но это справедливо. Они теперь — тёплые дроиды и могут находиться с людьми постоянно. А мы не изменились.

— Считается... — протянул Индиго, — я не видел, для людей Коронованный, Царь-на-Троне невыразимо прекрасен... А для вас? Для дракона, которого он направляет вниз с голубого неба, он главный враг? Ты чувствовал себя приговорённым?

Юноша-дракон покачал головой и воздел руки к небу:

— Человек!.. Что сказать!.. Во-первых, дроиды не живут, не умирают и не боятся смерти. А во-вторых, ты и есть моё существование, причина, по которой я не растворился среди звёзд, созданный без иной опоры. Не только вам, нам тоже однажды Коронованный показывает прекраснейшее лицо... И это твоё лицо!

— Созданный без иной опоры... Когда же это было? Сколько веков назад?

— Тебе назвать цифру с нулями?

Дроид сел и начал рисовать пальцем на голубой скале: единичка, ноль, ноль, ноль... Он рисовал их, не отрывая пальца, кудрявой линией, растянутой пружинкой.

— Хватит? — он засмеялся. — Драконы не сильны в числах. Давай обратимся к Уловителю 2-1 и узнаем точно!

Он обхватил свои колени, уставился в облака и продолжил торжественно:

— Я наидревнейший. Я самый сильный. Я навсегда независимый дроид! Но я не могу ни меняться, ни менять. Бегать от семейства к семейству, ха! Драконы не выбирают. Я зависим только от срока твоей жизни. Я — постоянство.

— А если... — Индиго засомневался, озвучивать ли свои планы, — если я превращусь в дроида? Что станет с тобой?

Юноша-дракон пожал плечами:

— Ничего. Я буду вечно.

Глава 26.

Глава 26.

Задержись Индиго в логове Монстра подольше, он увидел бы удивительную вещь.

Архитектор, обнаружив бегство своего то ли гостя, то ли пленника, взвыл оглушительно, унюхал след дроида, преследовать не стал. Нет смысла. "Сетку сделаю, сеточку накину на все стены, дроид пройдёт, человек останется, лжецы!.." Брезгливо откинул воронку, зависшую в воздухе маленьким смерчем. Совсем ерунда Впечатление, такое не нужно ему. Хищник не равняет себя с другими хищниками, думает, он особенный. Плюнул и успокоился на раз. Скоро к нему придут таких лжецов десятки. А после — сотни.

— Получилось! — Сократ возник напротив парадной арки, мешок в руках, в мешке шевеление.

— Вышло? А оно сможет держаться от моря подальше?

— Да! Избегать даже будет.

Сократ наклонился и аккуратно из мешка на плиты пола выпустил... мокрого кота! Он не пропал, артефакт, плениший Индиго. Серый, в белых гольфиках кот рванул под бортик бассейна и затаился там.

Когда Фанатик и шедшие по его следам принесли в башню первые кнуты, Монстр, не подав виду, высоко оценил опасность оружия, умножил в уме на количество изгнанников, на мощь Изумруда и стал мрачен. Огненный Круг можно остановить и силой, кнут не уникален в этом. Но он свободно разбивает тени, а Морское Чудовище сотворило себя из них. Ну, положим, ему самому страшен лишь Изумруд в драке, но крепость? Изгнанник, любой из них, вращая кнут вокруг себя, пройдёт всюду, где захочет пройти. Башню защищает реально только морочащий свет. Кому приятно жить в таком открытом месте? В чистом поле? Он размышлял: "Кнут — артефакт. Морская вода заключена в артефакте. Значит и противодействие, оружие против кнутов должно быть сделано по тому же принципу..." Монстр играл кончиком бича, когда ловить его бросился кот, а Сократ воскликнул: "Я знаю!" Есть тени в Великом Море, с Впечатлением-основой наподобие медуз и таких рыб, что вбирают воду в себя, рывком продвигаясь вперёд, выбрасывают после. Есть и тени Голод, простые, присоединённые к другим, вечная жажда, непрерывная активность нападения. Всё ясно. Да, нужна ещё любая из тех теней, что были созданы в надежде вернуться на сушу, отторгающие само море, ужасную стихию.

— Давай проверим, — предложил Сократ.

Он протянул руку наверх, от стены отделилось что-то вроде летучей мыши и подало ему кнут. Медленно ведя его по полу, Сократ обходил бассейн. Не успел он зайти на второй круг, кот вылетел из-под бортика, изогнулся дугой, прошёл бочком, отступил, прижал уши и прыгнул. Кончик кнута лениво бился в его когтях. Кот упал на бок и сомкнул на нём зубы. Вода Свободных Впечатлений исчезла в его маленькой розовой пасти за несколько мгновений. Кнут стал лёгким, пустым. А кот немедленно сделал лужу на плитах пола.

— Дай посмотреть, — просипел Монстр, приблизил к лицу плетёную кожу, провёл по нему, сжимающейся нервно, когтистой лапой, — Друг мой, за несколько мгновений!.. Жаль, артефакт один. И маленький.

— Зато у него нет Огненного Круга, кнутом не остановить. А тени глубоко внутри.

— Дружок, прекрасная работа! Ты превзошёл меня без труда.

Селена решила, что видела уже достаточно. Ещё поняла, что кот видит её в толще стены. И это не беда, а то беда, что она его видела!.. Полудроиду, человеческой половине, сквозь века прошедший, ей достался глупый, непреодолимый ужас перед очаровательным зверем... Предоставленный самому себе, кот пошёл исследовать главный зал башни, остановился и уставился на Селену широко раскрытыми глазами. Уши домиком. Ей стало страшно. Невыносимо. Глаза кота зелёным горели в полумраке. Начал подрагивать хвост. "Сейчас он прыгнет... Я пропала! Я не успею позвать дракона..." Она стала медленно продвигаться, почему-то не наружу, а в сторону, опасаясь расправить кнут, осторожно раздвигая им толщу стены, не в состоянии отвести взгляда. Кот следовал за ней. Ни Монстр, ни Сократ пока что не обратили на него внимания, но скоро непременно обратят. Страх захлестнул её с новой силой. Почудилось вдруг, что опять она барахтается в бездонной Чистой Воде забвения, в подземельях, кричит, глотает воду и не может вырваться на воздух из-под сильной руки. Ей бы шагнуть из башни назад, наружу... Но позади омут и смерть... Кошачьи зрачки расширились... И Селена качнулась навстречу им, на воздух, внутрь башни...

Монстр оказался рядом одним стремительным броском, только Сонни-сан мог бы соревноваться с ним в скорости. Он занёс лапу над её белокурой головой, намереваясь обездвижить, как Фанатика, но остановился.

— Друг мой, просипел он, обращаясь к Сократу, — все изгнанники лжецы?

— Нет, определённо.

Сократ очутился рядом. Лапа Монстра так и зависла над головой, царапая воздух когтями.

— А эта лгунья?

— Думаю, да. Она невидимка, а значит шпион. Селена, — обратился он к ней, заглядывая в лицо близоруко, — я забираю твой кнут.

— Минус один, — сказал Монстр, — хорошо.

— Сократ, — прошептала Селена одними губами, — я хочу уйти отсюда.

Кот подошёл и тёрся об её ноги.

— Невидимка? — задумался Архитектор. — То есть, своих Впечатлений нету? Уйти?..

Убрал лапу от головы. Сократ разглядывал её внимательно и спокойно. Он всегда смотрел, как будто пытался и умел читать мысли, так было и в пещерах, с самого начала. Он обратился к Монстру:

— Изгнанники взяли предложенное им. Теперь я должен передать приглашение. Нет беды, если она вернётся туда рядом со мной. Даже к лучшему.

— Приглашение необязательно... — Монстр взял на руки напрягшегося кота, разглядывал, обнюхивал. — Приползут сами. Как же я не терплю лжецов! Ты солгал мне?!

Правая лапа Монстра ледяной тяжестью пригвоздила Сократа к месту. Сам уже Чудовище Морское, он не имел и сотой части его древней силы. Змеиный хвост бешено ударился об пол и затих.

— Нет... — прошептал Сократ тихо-тихо. — Не солгал. Действительно так будет лучше. И да, я хочу, чтобы она ушла к своим.

— Но почему?

— Потому что... — его голос почти не покидал горла, — Чёрный Изумруд придёт за ней... Она принадлежит ему, Архитектор. Из-за остальных он суетиться не будет.

— Ты не лжец.

Архитектор освободил его, извинившись. Специфически, ударив хвостом по хвосту.

— Я плохо подумал о тебе. Делай по-своему. Я не боюсь Злого Владыки, но он мне здесь и

не нужен. Отправляйся, если хочешь… Приглашения... Лишняя суета.

И уполз между двух беломраморных статуй, юноши и героя со щитом, Монстр начал украшать свою крепость, прямо в толщу стены.

Они вышли по стонущим струнам парадной лестницы.

— ...на Белых Драконах, — переспросил Сократ, — не знаю, наверное, можем... Его больно звать из сердца... Да и зачем?

Он подтянул ближе свой змеиный хвост, оставил его семью мощными кольцами на красной земле, созерцая...

— Не знаю... — повторил он.

— Ужас! — Селена отвернулась. — Нет, не ты!

По гудящим ступеням к ним шёл кот, с тревожным вниманием ставя лапы.

— Он? Артефакт зверька ужасный?

— Не тень и не живой... И создан из какого-то бедняги. Каким-то безумцем. Почему такое возможно, Сократ? По какой причине он движется?

— Меня это не удивляет. Если Огненный Круг существует ещё некоторое время, когда тело уже исчезло, Впечатления, накопленные, тоже существуют без него, тени... Почему и само тело не может существовать без них? Хищник только придал ему новую форму.

Если кот был небезразличен Селене, то и она была небезразлична коту. Он следовал за ней, хвост трубой, и так они обходили Сократа. Пока тот не взял и не унёс кота в крепость. Селена ждала.

— Ты пойдёшь по земле? — спросила она.

— Поеду.

— Как это?

— Смотри.

Сократ обернулся вокруг своей оси, прочертив широкий точный круг кончиком хвоста. Круг стал наполняться тёмной водой или прошедшими сквозь землю тенями. Они заполнили его и начали переливаться внутрь, приподнимаясь над поверхностью земли. Сократ заполз в центр и на триста шестьдесят градусов развернулся в другую сторону. Тени брызнули наружу лучами, закрутились смерчем, низким, приземистым. Хотя... Уже не низким. Он вознёсся над Селеной. Сократ очутился наверху. Он подал ей руку:

— Поднимайся. Весело и быстро.

— Я должна подняться весело и быстро?

— Нет, — он засмеялся первый раз. — А впрочем, да! Я имел в виду, по земле шустро бегает эта тень.

Селена протянула ему руку и, взлетевшая наверх, выдернутая с неожиданной, нечеловеческой силой, увидела обруч на голове Сократа, широкий, яркий. Как можно было раньше его не заметить? Тень немного покачивала и держала сама собой. Ни упасть, ни убежать.

Они направились к пещерам по юго-западному плато, вдоль каньона.

— Какое украшение у тебя на голове, — сказала Селена небрежно. — Артефакт? Прямо корона. Можно я посмотрю?

— А можно я посмотрю на твои браслеты? — парировал Сократ.

Селена потупилась.

— Не понимаю... Ты враг нам? Жизнь стала просто ужасной. Для большинства каждый день, как мне этот кот. Ты враг нам?

— Ну, разумеется, я враг, раз жизнь стала такой ужасной, а я на противоположной стороне.

— Но ты не похож на противоположную сторону, за исключением... хвоста.

— И слепнущих глаз.

— Да, но ты и говоришь, изъясняешься иначе, не так, как Монстр.

— Монстр?.. Забавно... Монстр. Лексикон не главное. Я пересмотрел столько Впечатлений за прошедшее время глазами стольких людей... Их слова перемешались во мне.

Селена решила оставить лукавство, один вопрос вертелся на языке, его и задала:

— Почему мне кажется, что ты не отпускаешь меня?

— Потому что ты проницательна. Как Морское Чудовище, как создающая тени... Но я и не причиню тебе вреда.

Тень плавно опустилась в ущелье, в срединную часть, пещеры уже недалеко. Скалы нависали над головой. Пучки сухой травы проплывали мимо на отвесных стенах. Селена вглядывалась в бесстрастные черты.

— Я приманка?

— Ты вызов. Изумруду. Самоубийство забавная штука... Легче лёгкого, но не каждому дано.

Сократ провёл рукой по обручу вокруг головы, и тень ускорилась. Он продолжил:

— Вы победили, изгнанники. Я ненавижу вас... Хорошо, что никого не осталось в живых...

Красноватые пологие горы изгнанников стали видны на горизонте. Селена ещё раз тревожно вгляделась в мальчишеское лицо:

— Ты безумен? Ты видишь сны наяву? Сколько Впечатлений, оживших в морской воде, ослепляют глаза и ум, оставшись в нем, Сократ?

— Два, — ответил он быстро, кивнув, с изумлением в голосе, — всего только два. Три человека надо, чтобы сделать рынком Собственный Мир. Два Впечатления надо, чтобы застить дневной свет, сделаться... монстром? Так ты назвала его, Селена?

Пазл начал складываться в её голове, и Селена содрогнулась. "Сократ не безумен. То есть, он-то безумен полностью, но произнёс не пустые слова. "Изгнанники победили..." — сказал он. А Индиго что говорил: "Того стоит..." Ты передумал! Того не стоит, Сократ, верно? Того не стоило, а значит, мы победили. И это уже свершилось для тебя".

Юноша в длинном одеянии, перепоясанный, с широкой пряжкой, с ярким обручем на голове сидел по левую руку от неё прямой и безмолвный, глядя за невидимый ему горизонт. "Вы победили... Никого не осталось в живых... Конечно! Если сам был не прав, как исправить это? Как выиграть? В каком случае ты не назовёшься побеждённым? — Если некому будет тебя так назвать! Если не останется победителей... Сейчас? Сократ, сейчас ты едешь за этим?!"

— Сократ, ради неба и моря, и милости дроидов, никого?! Не останется никого?!

Тень остановилась.

— Изумруд останется. Ты останешься. Архитектор... Они договорятся, владыка земли с владыкой моря. Только Морские Чудовища. Но не люди. Он не монстр, Селена, он гениален. Что имеет хозяин Собственного Мира? Островок посреди облаков, ручеёк, рощицу, домик под крышей... И вечность на то, чтобы дрожать перед мыслью об единственном госте, не смея выйти наружу. А я, благодаря его гению, владел тысячами реально существовавших миров! Я гулял по ним во стольких обликах, столькими глазами рассматривал...

— ...что ослеп. Сократ, Собственный Мир не горстка земли, а пение дроида, переливающееся свободно.

Селена выпалила и испугалась. Сократ опустил голову, из-за полы одеяния достал её кнут, целый, не опустошенный...

— Не будем о дроидах. Лучше о людях...

— Прости, если...

— Нет, ты не так поняла, — Сократ протянул ей бич. — Хочешь защитить их? Легко. Им жизнь, мне смерть. Лёгкая, за все их жизни одна плата — чтобы мне не встречаться с Чёрным Изумрудом.

Селена отдёрнула руку:

— Почему я? Спускайся вниз и умри в бою!

Лицо Сократа исказилось такой внезапной болью, что она отпрянула.

— Я сильней их!.. — зарычал он. — Неужели не видно?! Ты даже представить не можешь, насколько сильней!.. Кроме одного…

— Подожди-подожди-подожди!.. — Селена говорила быстро, успокаивая, подняв руки. — Сократ, подожди. Поговори с ними, раз едешь, как парламентёр. Хоть немного, хоть раз поговори! Изгнанники выжили на континенте только потому, что начали разговаривать друг с другом...

— Выжили? — Сократ усмехнулся.

Неправильная стратегия. Селена тронула его за рукав:

— Почему ты ищешь смерти? Тебе больно? Беспокойно? Это тело мучительно для тебя?

— Нет!!! Проклятье!.. Я не могу отпустить их, Впечатления, оставшиеся внутри! Они — это я! И они могут переходить лишь в тени! Мне не справиться с таким количеством лютых, присущих теней! Мне не вырвать их, это невыносимо! Чистая Вода забвения, встань я под водопадом, смоет их вместе со мной... Она облегчает, она даёт забыться за день дюжиной глотков... И только!

— Но почему? Им непременно надо во что-то переходить, в тени… — Селена трясла его за рукав. — Ты же сам их выбрал… В какой момент они стали враждебны? Когда ты захотел избавиться и не смог?

— Сразу!!! После первой же тени! Сразу, но я мог только прибавлять! Новые, новые, новые! А снаружи становилось всё темней...

— Ты соврал, что не больно...

— Мне страшно! Я так далеко зашёл во тьму, очутился у другого края... Осталось шагнуть... До края мне ближе, проще, чем повернуть назад... Легче... Они стоят у меня за спиной!.. Я не хочу видеть их!.. Ты отказываешься, Селена? Мне смерть, изгнанникам — жизнь. Ты не любишь их, хищница?

— Люблю. Мне было теплей рядом с ними, даже когда меня гнали. И ни одному из них, — тронула плечо Сократа, — ни одному нарочно я не причиню вреда.

— Монстру, Селена!

— Поговори с ними!..

— Вот, я говорю с тобой, и что? А ведь мы хищники оба, оба Морские Чудовища.

— Поговори с Бестом.

— Монстр — с чистым хозяином?.. Так понимаю?

Тучи в небе над пещерами стали закручиваться воронкой. Селена обмерла. Ярко светился обруч на голове Сократа.

— Поговори с ними!..

Тень стремительно несла их к пещерам. Уже различимы стали фигурки людей, смотрящих в небо. Чёрный силуэт Изумруда.

— Поговори!..

Сократ, щурясь, наблюдал тьму небесную... И сказал:

— Ты останешься. Он останется. Разговор закончен.

Глава 27.

Глава 27.

Воронка грязно-серых туч снизилась, пожелтела, стала в центре отвратительно лиловой, расселась. Сократ обвёл рукой обруч на своей голове, поморщился... Края воронки снизились до самой земли, закрыв панораму. Раздался подземный гул, переходящий в рёв. Тучи собрались в ленты восходящих потоков, заново образовавшаяся воронка стала багрово-чёрной... Горы дрожали, как марево... Верхняя терраса, а за ней своды пещер обрушились с грохотом!.. Облако красной пыли накрыло фигурки людей.

Потеряв дар речи, Селена смотрела на хищника. Сократ ждал, когда осядет пыль и хмурился. Несколько Белых Драконов, как тонкие иероглифы на багровых разлитых чернилах, рванули в небо, брызнули в разные стороны, за пределы воронки, но она расширилась и поглотила их. Сократ, подобно своему учителю, не глядя, пошарил рукой в небе. Через несколько мгновений маленький рыжий летяга оказался в его руке. Подобную витой цепочке тень Селена увидела на его шее, чьи звенья становятся невидимыми по мере удаления от тела. По-прежнему не глядя, Сократ впустил зубы в рыжее тельце, закрыл глаза и жадно выпил Чистую Воду забвения. Острые, тонкие зубы. Единственный глоток. Отбросил летягу прочь, так и не взглянув на него. Прикрыл рот рукой и долго сидел, зажмурившись.

Осилив дрожь, Селена тихонечко, не касаясь рукояти за поясом Сократа, взяла петлю из середины кнута и лёгким движением разбила призрачные звенья тянувшейся за летягой цепи. Сократ открыл глаза, огляделся, покачал головой, но ничего не сказал ей.

Стая винторогих теней выпала из багровой воронки. Сократ подлетел ближе. Отталкиваясь, бороздя землю острыми шипами хвостов, полукругом они приближались к изгнанникам. Остальные россыпью. Ещё стая. Ещё. Изгнанники разбежались. Изумруд и Сонни-сан, словно два волчка кружились в нарастающем хаосе. Коллекционеры действовали слаженней всех. Не пытаясь охватить фланг теней, будучи малочисленной группой, они позволили обойти и встали спина к спине. Кнуты синхронно взвились, распрямились, щёлкнули коротко, и больше половины закрученных острых рогов распалась, прежде чем грязью упала на землю. Со второго взлёта бичи, присвистнув, пали на винторогих сверху, разбивая их в склизкие лужи, осталось шестеро. Шесть теней, неповоротливых, но пригодных для одного броска. Они, невредимые, успели сложиться, подтянуть головы к хвостам, упёртым мощными шипами в землю... И целясь в Огненный Круг, бросились вдоль бичей, уже летящих навстречу. Селена вскрикнула. Пятеро из шести коллекционеров остались лежать на земле. Один стоял над ними. Сверкнула белая молния в руке у другой фигуры, и она прорвалась в круг. Сонни!.. Он сделал широкий круг, играючи, по периметру вместо теней расползались лужи.

— Что это у него в руке? — пробормотал Сократ.

Изумруд с остальными успел зачистить землю от теней. Люди теснились к центру. Края воронки утягивали в багровое небо. Губы Сократа исказились невесёлой улыбкой.

— Собирается дождь... Последних Впечатлений. Поиграли и хватит. Да что это я, какой дождь, слишком холодно... Будет снег. Наверное, всё вам приснилось... Вы спите на дне Великого моря... Вы даже не Восходящие...

Он провёл ещё раз ладонью по яркому обручу на голове. Положил на рукоятку бича.

— Прекрасное оружие, зря ты не взяла его назад... Отличное оружие, Изумруд. Но их выпадет слишком много... И они такие маленькие... Быть может, попадёшься и ты.

На ладонь Сократа легла снежинка, большая, пушистая, начала таять. Он резко стряхнул её и поймал другую на ткань рукава.

— Смотри, как просто. Морочащий свет, всеотвергающее Впечатление, бегущее прочь. Но он не виден, он там заключён внутри, пока не дотает до Огненного Круга... В простейшем Впечатлении: "Дай!" Сколько таких в Великом Море?.. Два Впечатления и всё. Да и Нет. Одно протаивает до Огненного Круга, другое стремится прочь из него. Холодное, слишком холодное... Не сжимает. Останавливает изнутри... Разве это тень? Какое совершенство... Я создал дроида. Дроид — Отчаянье...

Сократ стряхнул тень с рукава. Селена хотела поймать такую же, но не смогла. Ветер отнёс прочь снежинки.

Она закрыла глаза и не видела, как воронка туч утратила всякий цвет, как острыми зубами Сократ кусал себе губы, как скрылись красные горы за пеленой снегопада...

Высокий смерч плясал, изгибаясь, по заснеженному плато, держа две фигурки. И ещё двое на драконах взмыли к ним.

— Будь ты отвержен, змеёныш, всеми дроидами навечно!!! — голос Изумруда заставил Селену распахнуть глаза.

Никогда прежде она не видела его таким, огромным и грозным, как штормовое море.

— Уже, — ответил Сократ, не повышая голоса. — Давно.

Подняв бровь, заинтересованно и удивлённо он разглядывал Сонни и меч у него на поясе.

— Не думал встретить тебя живым... — сказал он. — Что это за штука?

— Вас познакомить? — спросил Сонни-сан.

Не дожидаясь окончания их светской беседы, Селена запрокинула к небу лицо, позвала, и Белый Дракон проявился при первых звуках. Чудесный, улыбчивый. Он ринулся прочь со своей всадницей, перекувырнулся и завис, мягко взмахивая крыльями подальше, за рогатым драконом Изумруда. Тот обнял, вгляделся пристально в глаза. Селена кивнула, всё в порядке со мной... Тогда снова повернулся к Сократу:

— В какой же норе ты решил спрятаться от меня?

Сонни вмешался:

— От меня. Изумруд, сейчас здесь всё кончено. Вам с Селеной есть куда идти. А нам двоим, похоже, — он глянул на Сократа и на башню, правильно всё поняв, — нам некуда. Уходите. И не забудь про...

Имелись ввиду укрывшиеся под землёй.

— Да, я помню. Ты уверен?

— Да, я уверен.

Изумруд взглянул на друга в последний раз, на Селену... и драконы умчали их к Великому Морю, в Собственный Мир.

— Кажется, — сказал Сонни-сан, подлетая ближе, — нам обоим не удалось умереть сегодня. Не получилось… Ещё не вечер?

— На земле, — ответил Сократ коротко.

Сонни выхватил катану и, со свистом вращая её, ушёл под смерч, рубя его в лохмотья, в падающие грязные лужи. Среди них оба и встали лицом к лицу на клочке свободной от снега земли. Обруч засветился на голове Сократа ярким морочащим светом. Сонни-сан опустил повязку со лба на глаза, и она засветилась тоже.

— Мы где-то сравнялись.

— Как ты выдержал своё изгнание? — задал вопрос Сократ, берясь за Селенин бич.

— С трудом. Всё ждал этого момента.

С присущей стремительностью змеи хищник бросился противнику под ноги, уходя от меча, подсекая кольцами. Сонни перепрыгнул, но бич Сократа обвил щиколотку. Сонни чиркнул катаной, кончиком острия не по нему, как ожидалось, а выше, яркий обод слетел с головы хищника, оставив тёмный шрам, растаяв мгновенно. Потеряв способность ориентироваться в пространстве, Сократ застыл, Сонни успел стряхнуть с ноги его бич, задумался на мгновение и тоже снял повязку:

— Попробуем снова?

Сократ, поднимаясь с земли, оставил на ней свой бич... Невзначай он очертил узкий круг и сразу отполз в сторону. Тень, появившаяся в его руке, напоминала булаву Изумруда, но её шипы отлетали и возвращались на место. Сонни рубил их катаной наискосок, наперекрёст, с лёгкостью и удовольствием. А за его спиной из круга поднимался новый смерч, с десятью багровыми руками, слепой, шарящий по земле, он нащупал бич, оставленный для него, обжёгся, потерял одну руку и взялся за безопасную рукоять... Острый, почти рассекающий холод обвил Сонни поперёк груди. Он вскрикнул и уронил катану... Раскинул руки, дышать казалось невозможным. Огненный Круг вспыхнул, замедлился. Смерч сомкнул ещё пару багровых рук у него на горле. Неспешно приблизился Сократ, встал напротив, близко...

— У тебя остался кнут, — напомнил он.

— Нет, — улыбнулся Сонни-сан.

Сократ скрипнул зубами.

— Нет, — повторил Сонни, — сегодня повезло мне, а не тебе. Стоило повременить со снегом, тогда, я был бы должен...

До кончиков пальцев расходился мучительный холод.

— Ты понял самого себя, Сократ?

Хищник подполз вплотную, прошипел с ненавистью:

— Видимо, ты — понял… Раз имел больше, чем я, потерял больше и мог это вынести... Мне надо было просить у тебя наставлений!..

— Легко, — улыбнулся Сонни-сан, из последних сил. — Сократ, я прожил, не сделавшись хищником, и умираю не им. Скоро Царь-на-Троне протянет ко мне свои лучи. Он так прекрасен... Невозможно испытывать гнев в такой момент. Послушай, от сердца говорю. Начиная торговаться с судьбой, остаёшься с пустыми руками. Она всегда хочет больше за меньшее, дорогое за дешёвое. Я знаю, я пробовал, но вовремя остановился, Сократ. Остановиться не значит — поменять одно на другое, а значит — просто остановиться...

Сонни-сан улыбнулся вдруг широко и свободно, глядя мимо него, вспыхнул яркой радостью, шагнул, бестелесный, из смертельных лап тени, из опавшего круга бича... И рассыпался огоньками дроидов, словно сам был дроид. Глава Дом, сияющий, благосклонный, проявился и забрал неподвижный Огненный Круг...

Сократ отвернулся, медленно поднял руки... И опустил их ладонями к земле, обрушив воронку небес.

Часть 2. В башне.

Глава 1.

В башне.

Глава 1.

"Перемешались верх и низ,
Летит, взлетает снег,
А в нём кружит осенний лист,
Чтобы пропасть навек...
Зайди в мой дом, сядь у огня,
Останься здесь навек..."

Сократ не задумался до поры до времени о тех изгнанниках, которые в роковой момент оказались внизу, на берегу внутренних озёр. Обрушились своды пещер, но не обсидианово-чёрные своды подземелий. Наверху прекратилось движение жизни, надежда ещё теплилась для оставшихся внизу. "Как на дне Великого моря, где спят Восходящие, — думал Сократ, — как в заснеженной степи..." Да, именно так. В небе серые тучи шли плотным потоком. Хозяин или изгнанник, новичок, не ведающий о переменах на материке, был бы немедленно пойман тенями, влекущими в башню. "Архитектор, учитель мой, это твоя законная добыча... Но вот, я отнимаю и её..." Сократ добавил свои тени против бегущих по небу, чтобы отравить их, чтобы живыми пленников они не доносили. Если же кто чудом ступит на землю, то ступит в ядовитый снег, холодным отчаяньем останавливающий Огненный Круг сердца. От скуки и чтобы самому перемещаться по материку, Сократ сделал тропинки извилистым змеиным лабиринтом, площадки, расставил на торговых пирамидках артефакты-ловушки из ограбленных им тайников. Ценные с согласием только на человека, мелочёвку с согласием без условий, узнать, если кто приходил. Весь континент Морская Звезда стал рынком одного хищника, небо и море! Со вторым, в крепости, они не встречались и не воевали, справедливо опасаясь друг друга... Так ли Сократ желал смерти?.. Трудно сказать.

Кто остался под землёй? Два десятка несчастных, из них половина коллекционеры. Гром, участвовавший в битве, перед финальным снегопадом он успел запрыгнуть в трещину среди скал и затем пробрался к подземным озёрам. Он видел Сократа и рассказал о нём. Остальные волею случая находились там. Амарант, рядом со своим тайником артефактов-книг. Зарок, любовавшийся всё свободное время огоньками дроидов, как последним украшением мира, дико тоскуя по небу. Собирался прорываться. Борей составлял ему компанию, издевался слегка, подначивал, но сам ушёл перед атакой... Борея трудно и представить прячущимся день за днём во мраке под чёрными сводами. Он пропал. Мурена! С ними была Мурена. И как всегда, ей не сиделось на месте.

Для начала, Мурена проверила общеизвестные выходы на поверхность, один за другим. Обнаружив перед очередным из них пушистый сугроб, она пнула его с досады и запрыгала на

одной ноге, тряся другой, вытирая о землю и поливая Читой Водой забвения из флакончика, с которым не расставалась. Воскликнула в сотый раз: "Сильная вещь!.." И ушла искать новые выходы на поверхность, непопулярные, ведшие в пустынные места, следуя за ручейками тумана дроидов. Нашла. Встала в проёме, щурясь на свет. Горы. Тёмной, петляющей линией, виднелась тропинка в снегу. Лабиринт Сократа. Смерчи гуляли, не задевая тропинок. Торговая подставка мягко лучилась. Размером в одну треть ладони голубая жемчужина покачивалась на ней.

— Жемчужинка... Роковая вещь!.. Передам-ка я привет тебе, Неморское Чудовище.

Мурена взяла хрупкий плоский камень с тропинки, позаимствованным у Беста, ножиком выцарапала на нём знак надежды и победы. Знак утра — полукружие над прямой и волнистой чертами. А ниже — человечка с хвостом змеи. И грубо перечеркнула его со всей силы. Камень треснул, разломился на две половины. Она чертыхнулась, нашла другой и выцарапала заново. Озираясь, прошла до подставки узкой тропой, тюкнула жемчужину камнем... Ура, ура, согласие!.. Поймала её над снегом и юркнула под землю, спешно закладывая камнями вход. Хотела взглянуть на того, кто устроил зиму. Побоялась, к тому же и так с добычей. Прекрасная жемчужинка грела ей сердце, словно Мурена её спасла. "Ну, по крайней мере, ты не стала орудием хищника, дорогая... Ты не погубишь никого. Однажды, ты окажешься в мире Беста, лучшем из миров..." Что она выживет и вернётся, Мурена знала наверняка. Ни тени сомнения.

Остальные пребывали на грани. Капитуляции… Доступность одной лишь Читой Воды забвения сводила с ума. Они искали выходы ближе к башне Монстра, ещё не признаваясь себе зачем. Мурена тоже искала. Но уж никак не сдаваться! Ей было любопытно. Архитектор, и правда, воплотил её мечту: строить из теней, материализовать Впечатления в море или на материке, в мире общем для всех. То, что воплощение оказалось враждебно, а первый воспользовавшийся им стал чудовищем, не уменьшало интереса. "Просто взглянуть!.. Одним глазком. Я же не Сократ, не новичок, не хищница..." — так мысленно возражала она Бесту. А ещё, памятуя о двух пещерах уставленных чашами с водой изысканных Впечатлений, Мурена собиралась Монстра немножко ограбить...

У одного из внутренних озёр обосновалась их маленькая группа. Оно изгибалось вокруг каменной площадки подковой или орешком кешью. Туман дроидов там был гуще, светлей, и в нём много ярких синих огоньков, больших, испускавших длинные лучи. Ингода все до одного синие огоньки собирались над головами, отражаясь, играя на поверхности блестящих чёрных сводов, а над водой кружились только белые и золотые. Когда такое случалось, синие огоньки переставали рисовать узоры в полёте, замедлялись, словно ища одинаковые расстояния между собой, но складывались не в ровную сетку, а в поникшие длинные нити, сложные созвездия, замирали в них... и просеивались разом, коротким ливнем, неощутимым и, всё-таки, благотворным. Изгнанники звали друг друга к озеру, примечая такой момент. Какая ни на есть, а радость. День за днём, бывшие страстные коллекционеры и простые небесные бродяжки проводили в этом лагере, лежбище на голых камнях и вспоминали лица, лица, лица... "Я не верю..." — звучало чаще всего. "Невозможно. Я в это не верю..." Но после Грома ни один не пришёл к ним с поверхности.

Амарант читал вслух. Сколько мог. Его просили снова и снова. Римлянин не подменял его в этом утешающем занятии. Будучи косвенно виноват в появлении вот такого, каким он стал, Сократа, потеряв остальных подопечных в дьявольском снегу и там же девушку, изгнанницу, близкую ему с первых дней утраты, он дни напролёт проводил, молча глядя в чёрное озеро под ленточками тумана.

Было бы здорово, составь Амарант свою библиотеку из волшебных сказок со счастливым

концом или из пособий по борьбе с тенями... Но таковых не имелось. Восходящие для своих облачных миров воплощали на основе Впечатления просто артефакт-книгу, любую, для красоты, шика, ради бумажных листов. Когда надоедала, без сожаления и не дорого меняли на рынках. Из сказок нашлась одна, страшная какая-то. Амарант читал им всё подряд, любимую свою историю, технические описания древних механизмов, полные никому не ведомых слов, честно подробно читал их по слогам, а чем не занятие? Имелась ещё книга, особенная для него, художественная, выдумка чья-то, но историческая, вместе с тем. Сквозь века проходил один вымышленный персонаж. На этой-то книге и дала трещину их с Римлянином дружба. Если верить автору, получалось, что на заре цивилизации люди были хищниками все. Дальше шло длинное-предлинное изложение общего смягчения нравов. И так вплоть до первых дроидов. И благополучный для главного героя финал. Финал не понравился ни Амаранту, ни Римлянину, тут они сошлись: надумано, притянуто за уши. Ну, про человека, ставшего дроидом, хоть легенда гуляет… Но наоборот, чтобы дроид сделался человеком? Из любви?.. Ерунда. Дроиды служат всем равно. Находятся такие, как Индиго, подозревающие их в недоброжелательстве, но не в пристрастиях!.. Не серьёзно. После первого закона дроидов, о полной безопасности, сразу идёт второй, рука об руку с первым: не заводить любимчиков. Так вот по сюжету книжки... Смягчение нравов и взлёт науки категорически приписывался Амарантом самому ходу времени, накоплению знаний, стиранию границ. Причём, всяких жёстких границ, между странами и между понятиями, непримиримыми когда-то, между отдельными людьми, группами людей. Короче, увеличению свободы. Римлянин столь же категорично приписывал все положительные перемены усилению контроля, усилению и росту новых групп людей, следящих за другими людьми. То есть, уменьшению свободы. Как можно поссориться, обсуждая дела давно минувших дней? Вот можно. Поссорились. И сейчас, глядя на спину изгнанника, распростёртого у воды, Амарант начал читать эту книгу заново, вслух, беспокоясь за приятеля, надеясь пробудить в том хотя бы злость. После пятой главы, окончательно выдохшись, подошёл умыться. Римлянин сказал ему:

— Тонкий ход. Я не хочу спорить. Мне ли с кем спорить? Те люди казнили бы меня медленно и много раз подряд за то, что я сделал.

— Ничего ты не сделал. У каждого своя судьба.

— Ничего? Вот именно — ничего. Но жаль, не как тот, дезертир, переменивший ход войны, не сделав ничего. Невероятно, помнишь, мы подрались, обсуждая это... А за безделушки коллекционеры почти воевали между собой!..

— Подожди, мы ещё зайдём в новые рынки!.. Они сделают новые тайники и станут грабить их, и враждовать, и красоваться!..

Амарант зачерпнул ладонью маленький глоток воды забвения, непередаваемого, пустого и пугающего вкуса. Римлянин покачал головой:

— Нет. Скоро всё будет кончено. Амарант, сколько можно читать, напиши что-то для будущего. Допиши эту книгу так, чтобы в конце остались одни только дроиды. Людей не надо!

Миловидный изгнанник, длинноволосый, с бровями в одну черту, Ауреол откликнулся:

— Так и будет. Сократовы артефакты не зря там, на тропинках стоят. Сколько изгнанников, или глупых хозяев понадобиться поймать змеёнышу, для создания артефакта, защищающего от Чистой Воды забвения? Одного. Он создаст себе надёжную, непромокаемую шкуру. Себе или тени, и запустит её сюда.

Лица изгнанников обернулись к нему разом, бледные и без того, с расширившимися глазами. Амарант нахмурился:

— Все, кто не оптимисты, с этого момента принимают обет молчания.

— Да ладно вам, — возразил Клад, коллекционер, размышлявший о том же самом не далее,

как пару минут назад, — он не знает про нас, что мы здесь.

"Ой!.." Мурена открыла рот. Закрыла. "Промолчать? Нет, так нельзя..."

— Вообще-то, знает... — сказала она, как могла быстрее и безразличнее. — По крайней мере, догадывается.

Тихонько, мимоходом сказала. Не помогло.

— С чего ты взяла? Откуда?

Пришлось рассказывать. Жемчужинка каталась на её ладони, по собственной сиреневой тени с опаловым нежным бликом.

— Небо и море!..

— Мурена! Ты проклятие дроидов!

— О чём ты думала?!

— Недолго же нам осталось!

Малая часть выслушанного ей. Гром втихаря ухмыльнулся одним уголком рта, одобрительно показал большой палец и снова нахмурился:

— Хватит орать. Это случилось бы рано или поздно.

— Гром, не указывай! — вскинулся Клад. — Потоки Читой Воды забвения единственное, что защищает от теней, но не от теней, одевшихся в артефакты! Может быть, ты способен создать что-то новое против них? Другую тень? Почему это могут только хищники?

— Не только хищники, — возразил Амарант, — а только Чудовища Моря. Хищниками их делает то же, что и остальных, или первая гибель из-за созданной ими тени. Стань чудовищем, сможешь и ты, будешь так называться, и так выглядеть. Хочешь подробнее? Новое тело они лепят из теней. Но даже если не оставляют присущих телу, внутренних, всё равно, на соединение разнородных Впечатлений они направляют силу Огненного Круга. А ведь речь исходит от сердца даже фальшивая, любая. Как только создавший тень откроет рот, он переменится внешне, проявит внутреннюю перемену. Что ещё после этого изменяется в них навсегда и как? Я не знаю. Готов попробовать?

Клад смутился, не ответил.

— Амарант... — приподнявшись на локте, тихо сказал Олеандр, изгнанник красивый, как дроид. — Дай мне выпить пару разнородных Впечатлений, дай одно... И я умру счастливым.

— Всё нормально, — кивнул Римлянин Мурене, — чем скорее, тем лучше.

— Кому как... — Амарант посмотрел с упрёком и ушёл от них.

А Мурена, заценив реакцию, села поближе:

— Привет, Римлянин. Вижу, у тебя весёлый настрой. А мне компаньон нужен... — протянула она, понижая голос. — Есть одна мысль...

— Ещё одна? — Римлянин улыбнулся. — Страшно представить!

— Серьёзная мысль! А то был экспромт.

— И для чего я нужен?

— Постоять на стрёме. Сквозь эту замечательную повязку ни черта не видно. Силуэты. Надо крикнуть, если смерчи или Сократ появятся в лабиринте. Дело простое. Я в башню пойду, ты понял?

— Почему пешком?

— Ой, дроид очень заметен, а тени в тучах страшнее. Они глазастые. Они над головой…

— Зачем идёшь?

— За водой Впечатлений, — сказала она уклончиво.

— Из башни?

— Из башни. Откуда ещё?

— Мурена, ты прелесть! Я с тобой. А что, ты нашла выход поближе?

— Расчистила.

— Никому не говори!

— Да уже наговорилась. Сегодня точно. Лавры оратора не прельщают меня.

Собрались. Мурена набрала в плоский флакончик Чистой Воды забвения, на случай, если опять ступит в снег. Один синий огонёк дроидов оказался внутри, пойманный как рыбка. Римлянин отправился за своим кнутом. Встретившись, они направились на северо-восток, заворачивая понемногу на север, обсидиановыми берегами подземных озёр, то против течения ручейков и ленточек тумана дроидов, то следуя им, но не удаляясь. Путь длинный, зато Мурена знала его хорошо. И сталактиты красивые. Приблизился шум водопада забвения. Вот зал, где по ступенькам со стен сбегают потоки чистой воды, где Бест рассказал ей свой мир. Разве можно допустить, что после таких немыслимых удач и совпадений, отвернётся твоя судьба? А если отсюда свернуть на восток, поредеет туман дроидов, почти рассеется у треугольного озера, куда нельзя оступаться... Рассказ Селены вспомнился и заставил содрогнуться. Но они повернули на север.

Мурена напевала что-то, Римлянин услышал шаги за спиной. Олеандр и Буран, побратим Грома, догнали их.

— Судя по направлению, — Буран обратился к Римлянину, — вы собрались в гости. Это так?

— Судя по всему, что я недавно услышала, — Мурена встала между ними, — вы надеетесь несколько продлить свои жизни. Так почему бы вам не вернуться? Прямо отсюда — прямо назад? И не послушать сказку на ночь в исполнении Амаранта?

Буран потемнел лицом:

— Слушай, хищница...

— Привет! Хищница? А не страшно ли тебе, стоишь близковато?..

Олеандр вклинился между ними:

— Стойте, престаньте!.. Мурена, прошу, мы не указываем, куда вам ходить, мы хотим пойти с вами.

— Вот как?

Вблизи Мурена увидела, насколько бледен этот изгнанник, чёрными тенями обведены глаза, и губы сухие, как у раненого Беста.

— Что с тобой?

— Я не могу здесь больше находиться... Вы ведь в башню, я не ошибся? Или мы с налёту возьмём там воды, или... Я сдаюсь. Вы можете сами сдать меня, продать за что-нибудь.

Мурена оторопела. Люди такие странные...

— Ты же понимаешь, что не можем. Зачем и говорить?

Глаза Олеандра в чёрных кругах казались немного безумны.

— Нет, я серьёзно... Хуже не будет, а лучше может быть.

— Знаешь что, с такими в разведку не ходят. Если я пообещаю принести воды, ты останешься здесь, идёт? А если мы не вернёмся через сутки, делай, что хочешь.

— Мне надо сейчас!

— Мало ли, что тебе надо! Тогда, на дракона и в небо! Желаю удачи...

Юноша сник. Буран улыбался, криво:

— Хищница, это верно.

— Ещё раз повтори.

— Это верно, Мурена.

— Так-то лучше.

— Бест выгнал тебя? За твой характер? Скажи честно!..

— Ревнуешь? Кого к кому?

— Идёмте дальше, — предложил Римлянин. — Нам, может, жить несколько часов осталось, а вы тут устроили...

Несколько часов шли. Свет пробивался в щели между камней, которыми Мурена заложила расчищенный вход к подножию башни. Буран вынул один камень, увидел снег, кусочек лабиринта и вспышка дурманящего света заставила его резко отвернуться.

Грозные, негармоничные звуки долетели к изгнанникам, высунувшим на поверхность свои носы. Как бы музыка со стороны башни. Гудение, стоны огромных струн. Мелодии, начинавшиеся, чтобы сразу оборваться.

Лабиринт Сократа доходил до середины расстояния между крепостной стеной и выходом на поверхность. Снова дрожащий морочащий свет, все четверо резко отвернулись. Мурена опустила повязку. Дорожки лабиринта шириной в стопу. Вокруг стен сплошной снег, покрывало белого яда, протаивающего до сердца. Как быть? Звать драконов? Подойти, насколько возможно, и там позвать? Другого способа нет. Бичи легко разобьют стену, а дальше... Будь, что будет.

— Давайте разделимся, — предложила Мурена. — Я иду первой, остальные смотрят, насколько успешно. Если что, сразу на драконов, или отправляйтесь обратно.

— Я пойду первым, — возразил Буран.

— Упрямая морда! Я вообще не поняла, что ты там забыл?

— А ты?

— Иди первый! Вместе пойдём, спорить неохота. Вы согласны, понаблюдаете издали?

Римлянин с сомнением окинул взглядом широкое заснеженное пространство и отвернулся при очередной вспышке света:

— Не лучше ли на драконах сразу?

— Ну, ты так и сделай, а мы пошли.

Буран сгруппировался, нацелился на ближайший поворот тропинки и прыгнул. Безупречно. Руки в карманах пижонских широких брюк, коллекционер...

— Тебя поймать, хищница?..

Мурена зашипела, и он, смеясь, немного прошёл вперёд, опустил на глаза повязку. Она прыгнула следом. Махнула рукой оставшимся, а они ей. Из-за спины Бурана и повязки на глазах, ей не видно было почти ничего, только куда ставить ноги. Вспышки морочащего света не сбивали ориентацию в пространстве, но от них кружилась голова. Мурена шла и вспоминала мир Беста, украшала его мысленно, переделывала снова и снова. Она чувствовала себя счастливой и неуязвимой с тех самых пор, как на единственный день осталась там за хозяйку, и пригласила, и оставила Бесту его Собственный Мир... Пение дроида осталось в её ушах, незабвенное для любого, бывшего хозяином хотя бы миг. Что может плохого случиться с ней, когда жизнь так прекрасна, и мир так прекрасен? Мурена наступила на пятку Бурана и чуть не свалилась в снег.

— Проклятье дроидов! И как тебя в море-то не сожрали?

— Извини.

— Взгляни лучше, вон концерт откуда...

Очередной поворот тропинки привёл их к парадной лестнице башни. По необозримым ступеням вверх-вниз скользила фигура Монстра, огромная даже издали. Он свивался кольцами,

скатывался клубком, он хватал и царапал их своими ужасными руками, а они гудели, дрожали, как струны. Выпрямляясь, он взлетал по лестнице от самого снега до арки, ведущей внутрь, и скатывался, замирая на отдельных ступенях, чей звук поднимался до стона, горького, красивого почти. Попадавшего в сердце. Не смотря ни на что, величественное зрелище.

— С ума сойти! — воскликнула Мурена.

Буран шикнул на неё:

— Не ори... Тысячи лет он полуслепой, догадываюсь, какой у него слух.

— Он гений! Из теней забацать такое! В море, Буран, они совсем примитивные у других: вынюхивать, рвать на части, ну ловить ещё... По форме разные, но не по сути.

— Уверен, и у этого в крепости точно такие!

— Всё равно, обалденно! Зачем он делает это, от скуки?

— Из злодейства...

— Для красоты! Музыка... Морского Чудовища музыка...

— Пошли дальше. Он снаружи, он занят, вот и чудесно.

Снова шли гуськом, и снова в глубокой задумчивости Мурена налетел на его спину.

— Да что же это такое!..

— А ты чего встал?!

— Вот чего…

Буран отодвинулся. Впереди покачивался артефакт на подставке, вращался. Кинжал. Стилет. Рукоять — переплетённые лозы. Острие неприятно поворачивалось к ним. Буран процедил:

— Мой ведь был ножик!.. Ещё не вечер.

— О!.. — обрадовалась Мурена. — Я сейчас ещё подарочек Сократу оставлю!

— Не вздумай!

— Да шучу я, у меня и нет ничего...

— С тебя станется.

— Ах так, ты в меня веришь?

Мурена толкнула его, и оба вылетели на свободную от снега площадку. Мурена выдернула шнурок из воротника и держала над артефактом, покачивая...

— Хороший ножик. Был твой? Будет мой...

— Нет! Проклятье, какой же я идиот, что пошёл с тобой!

— Да, кстати, ты так и не сказал, зачем?

— Я тоже хочу пить, не один Олеандр хочет! Убери руку!

— Успокойся, мы почти пришли. Зови своего дракона. А записку я всё-таки оставлю.

Она связала из шнурка удавку и рассмеялась:

— Вот так!

Буран не успел задержать её. Площадка, на которой они стояли, вдруг сделалась невероятно скользкой, изогнулась воронкой, земля расступилась… Шнурок ударился о кинжал, кинжал о голову Мурены, изгнанники полетели вниз. В тепло и тишину. В фиолетовый решетчатый сумрак. "Дроиды, как хорошо..." — после внезапного испуга подумала Мурена. Сеть, фиолетовая тень охватила их таким нежданным, согревающим покоем, что трудно разобрать, держит ли она, или самому двигаться неохота.

Глава 2.

Глава 2.

Сколько прошло времени? Монстр, Архитектор, шумя змеиным хвостом, нависающий, огромный, приблизился из сумрака в сиреневатые потёмки. Бледное, страшное, безгубое лицо фиолетовые отсветы не украшали...

— Думали, это его ловушка? — просипел он, хватаясь раздвоенными пальцами за сеть, Мурена взглянула на них и нервно сглотнула. — А это моя ловушка. Его артефакт, а добыча мне. Ловко?

— Ага, — согласилась Мурена и решила добавить комплимент. — Мы слышали твою музыку на ступенях, впечатляет.

— У меня ничего не получается, — совсем неожиданно для неё ответил Монстр.

— Э... ну, не всё сразу. Определённо, таких струн и такой арфы ни у кого на свете нет!

— Не совсем так, в Великом Море... Ты льстишь мне, изгнанница?

— Ага, — охотно и весело признала Мурена.

Буран сжимал в руке за спиной сложенный кнут, не касаясь сети, не обнаруживая раньше времени. Он смотрел в глаза Монстру, полуприкрытые, в межбровье, и если бы взглядом можно было разбить и развеять в пыль...

— Ты льстишь мне... Что же вы не заходите по-человечески, а?

Кнут Бурана, рассекая ячейки сети, вылетел со свистом и обвился вокруг груди чудовища! Буран рванул на себя, затянул... Он всё сделал правильно. Тело, созданное тенями, пересекла чёрная, сочащаяся полоса... Но Монстр взвился на хвосте, расширился, туловище раздулось, как капюшон кобры, и бич лопнул! Разлетелись брызги морской воды. Остатки сети сомкнулись на горле изгнанника и стали ледяными до судорог, Буран с рукояткой в руке остался в них неподвижен. Монстр не проронил ни звука, ни слова. Ожог от удара побелел и затянулся на глазах. Когти рвали остатки бича. Мурена шевельнулась, она свободна. Монстр отбросил лохмотья кожи и сказал ей:

— Твоя очередь.

Мурена молчала.

— Видимо, — просипел Монстр, вы как-то недопонимаете... Не хотите понять.

— Мы хотим пить. А я ещё и поспать в этой тени, какой она была сначала. Прежде, чем ты меня съешь.

— Кнут отдай.

Мурена протянула его, после минутного колебания. На ладонь ей скатилась жемчужина из рукава.

— Чудовище Моря! — Мурена смотрела на Бурана, холод, подступивший к сердцу, заставил его Огненный Круг светиться сквозь одежду, плохой знак. — Отпусти его и получишь вот это!

Монстр заскрипел, от смеха или от злости?

— Получу? А так не могу забрать? Что я тебе, летунчик что ли?

— Отпусти!

Монстр наклонился, разглядывая их обоих.

— Вижу, мой дружок, мой маленький ученик напугал вас... Я не такой. Он свихнулся. Немножко. От болезни. Но это проходит. Он просто не знал, что это пройдёт. Всю землю

засыпал, да? Какой-то дрянью. Ничего... Он не заходит ко мне. Боится? А к вам? Как он поживает там? Зря боится, я не такой. Мне тысячи лет. В Великом море я не позабыл слова... Ему и года нет, дурашке. Вы нужны мне. Жаль, что он так обошёлся с вами. Я вас ценю.

Сеть вокруг Бурана вновь стала тёплой. Хватая ртом воздух, он прижал её к себе, согрелся иллюзорным теплом. И застонал от бешенства, от бессилия. Монстр хмыкнул, вырвал рукоятку из его руки и медленно демонстративно сожрал остаток бича, впуская со скрипом острые зубы в каменное дерево, развивая сплетённую кожу и разрывая на волокна... Облизнулся.

— Ползите за мной...

Он направился было в сумрак, но вихрем вдруг развернулся, схватил Мурену, выпустив когти все до одного, взвился с ней к источнику тусклого света! Близко и отчётливо она разглядела синие под веками глаза, бледность кожи, белые рыбьи зубы в скорбной прорези рта... "Сожрёт! Бест, дроиды!.. Вот последнее, что я вижу в жизни!.."

— Ты — эта девушка! Ты, изгнанница!

"Что?! Ах, да!.. Не сожрёт, назначит визирем..."

— Правильно понимаю, — Мурена содрогнулась в ядовитых и острых когтях, — тебя вдохновили некоторые мои мысли, когда ты подслушал их в Великом Море?

— Живая... Сказать бы дружочку, пусть возвращается, я не трону его. Не стану мстить.

— Поставь на землю, ладно?

Монстр опустил её осторожно.

— Ползите за мной!..

Сила дроидов и беспредельность небес! Все сокровища, спешно брошенные на рынках! Все из шатров и тайников континента! Все, на которых неосторожно стояло согласие! Все с растаявших подставок погибших хозяев! Непредсказуемые артефакты с Центрального, аляповатая роскошь с Южного Рынка... Всё, всё досталось одному!

Главный зал крепости, в который пришли они, следуя за Архитектором, даже сложен был не целиком из теней. Пол и потолок, мощёные артефактами. Мраморные плиты, да, битые, треснувшие иногда, но настоящие! Розовый мрамор в прожилках, тончайшие переходы цвета. Статуи в стенных нишах. Беломраморные женщины, складки каменной одежды волнами сбегают с плеч. Картины в широких рамах, затмевающих тёмные изображения тонкостью, роскошью и изяществом. Дамы, пейзажи, круглые бока перевалившихся из вазы плодов... И ткани!.. Зал был завален коврами, брошенными один на другой, подушками и подушечками, валиками, покрывалами, в воздухе зависшими на тенях. Ткани пёстрые, яркие, совсем новые творения хищников, совсем старые, утратившие блеск. Узорчатые, однотонные, вышитые золотом и бисером, драгоценными камнями...

Не тайник артефактов, перед изгнанниками предстал не склад. Пиршественная зала! В центе прекрасные мягкие покрывала покачивались на широком бублике круглой тени, внутри же неё... Галлюцинация?.. На подносах широченных, огромных, большей частью золотых лежали плоды, словно вышедшие из Впечатлений, соперничающее красотой, а надо всем витал их аромат. Яблоки от тёмно-красных до ярко-зелёных, груши жёлтые, как мёд, персики, маленькие ягодки оранжевого цвета, рассыпанные на подносах между других плодов. И гроздьями — виноград! Подносы медленно лавировали, каждый на своей тени, кувшины плыли, покачиваясь, между них... "Иллюзия, бред, — повторял себе Буран. — Это, наверное, от морочащего света, это тени с ядом, такого не может быть..."

Мурена столбом встала на входе, открыв рот, расплывавшийся до ушей лестным хозяину образом.

— Невероятно! Немыслимо!.. Но как, откуда?!

Монстр скользнул на парчовые ткани, обвился кольцами хвоста, устроился полулёжа. Жестом он пригласил изгнанников последовать своему примеру... Мурена запрыгнула на бирюзовый бархатный ковёр. Буран остался стоять. Качнулся. Помутилось в глазах. Мучительная жажда и запах плодов. На время исчезло всё окружающее: Мурена и Монстр, гордость и осторожность... Не глядя под ноги, словно в тумане, он подошёл к призрачному столу, упал на подушки, дотянулся через них до кувшина и, не проверяя рукой, что там, вылил себе в пересохшие губы звездопад, Впечатление августовской ночи незапамятных времён... Запах ночной травы, крик ночной птицы. Прохладу, туман и блаженство.

Мурене досталось Впечатление женщины в пышном белом платье, рядом с мужчиной в чёрном, Монстр протянул ей сам. Музыка, качание пышной юбки. Ни про что Впечатление, красивость, Селене бы понравилось. А следом Мурена захотела плод. Поднос с гроздью чёрного винограда проплывал мимо. Она сняла его на колени и отщипнула ягодку. Ещё. Ещё... Виноградинки лопались и таяли во рту, постепенно, неторопливо высвобождая Впечатление лозы, луча переходящего по ней, гроздьев на просвет...

— Осторожно, — просипел Архитектор, — они немного морочат.

Мурена опомнилась и впервые за трапезу подняла взгляд. Монстр как раз отбрасывал прочь летягу из своих беспокойных, скребущих воздух когтей. Тот ударился о тени стены, но смог вцепиться коготками в карниз, рядом с двумя такими же и повиснуть. Вниз головой. "Опомнилась, Мурена?.." Монстр ошибочно расценил её нахмуренные брови:

— Не понравилось, хищница? Невкусный артефакт?

— Я не хищница, — пробормотала Мурена. — С чего ты взял? Драконов мы все потеряли разом.

— Ты не боишься меня.

— Я не боюсь смерти.

— Нет, не так сказал. И хищники меня боятся. Не так. Просто, в Великом Море других нет... Нет изгнанников, чистых хозяев... И там не бывает сюрпризов... Каждый знает, кого он сильней и кого слабей. И ты... так держишься, как тот, кто знает...

— Что сильнее? Но это вздор. Скажи мне, а откуда, — она повела рукой, — артефакты? Ты торгуешь за фрукты с хозяевами облачных миров?

Монстр рассмеялся хрипло:

— Сама-то веришь в такое? Нет, это мои артефакты.

— Что значит мои? Они свежие совсем.

— То и значит.

Он соскользнул с лежанки.

— Пошли, покажу.

Почему нет? Слева был пологий спуск под землю, оттуда они вышли, а направо уходили лестницы в толщу стен, одна наверх, другая чуть вниз, во тьму, Монстр проследовал этой. Коридор, покатые своды, стены-тени светятся слабо. Что-то лязгнуло впереди, раздался скрежет. Каким надо быть ценителем старины, чтобы поставить в тени настоящую дверь и засов... Двустворчатая деревянная дверь-артефакт распахнулась наружу, а за ней... Внутренний садик!.. Сад! Артефакты-деревья, живые! Зелёная листва... Еще больше прутиков между ними в рыхлой влажной земле... Невероятно!

— Ты гений! — от всего сердца воскликнула Мурена, запрокидывая голову, чтобы взглянуть чудовищу в лицо. — Небо и море, ты совершеннейший гений! Но изначально, откуда?!

Монстр провёл когтями по стволу цветущего тонкого деревца.

— Из других артефактов, зёрен, семян... Что тут сложного? Им нужна была только вода. Любая. У меня всё есть. Есть плоды-Впечатления. Есть Свободных Впечатлений кисло-горькие плоды. Есть чёрные с примесью дурманящего света. Были бы и плоды забвения, да мало её у меня для полива. Это лишь те, что выросли стремительно, вот другие, древние, будут не скоро, поинтересней будут. Это игрушки, хищница... Как же тебя называть?

— Мурена.

— Рыба? Ладно. Пурпурная Рыбка. Ты похожа на Женщину в Красном. Встречала её?

— Один раз.

— Она коварна, да. Счастье, что она не выходит. Она опасней, чем Злой Владыка, да.

— Откуда ты знаешь, если она не выходит?

— Выходила. Нет, я её не встречал, чувство. Такое чувство... Я говорил, в море все всё знают.

Мурена сорвала плод, надкусила. Сладкий-сладкий и тревожный. Персик.

— А это Впечатление чего?

— Дай.

Не пробуя на вкус, Монстр впустил в него когти и ответил не сразу:

— Это... Это было давно. Так уже не бывает. У меня ещё есть такие в кувшинах. Если захочешь, потом угощу.

Буран между тем удалялся в сад, иногда невзначай оглядываясь.

— Можешь оставаться здесь, — просипел Монстр ему вдогонку. — Но ты не сбежишь. Честно говорю.

Мысли Мурены, рассеянные от трапезы, неожиданности, восхищения, собрались обратно. Пещеры. Там два десятка человек, умирающих от жажды. И два пленника здесь — в саду.

— Что же делать... Что нам делать?.. — прошептала она одними губами, беззвучно.

Никто не услышал бы. Архитектор услышал. И понял.

— Кликни-ка этого воина, — прохрипел он. — Вернёмся-ка в зал. Есть ещё один у меня из ваших... Может он рядом с вами поест и попьёт... Воины. Мстители... Континент — мой, непонятно что ли?.. Напои его, вы все мне нужны.

Вот снова они в зале, Буран и Фанатик, Мурена рядом с огромным Змеем, Змей-Архитектор... Чудовище Моря. Странный он создал зал. Блюда и кувшины, полные до краёв чаши плавают перед ними. Роскошь убранства, рассеянный свет ниоткуда. А наверху, выше человеческого роста, не выходящие никуда стрельчатые окна-тени. В окнах завывание ветра, яркие звёзды… Кажется, они заглядывают сюда, большие, холодные, всматриваются в сидящих, в лица, в Огненный Круг. Ветер воет. Зачем? Горестный. Разный. Замолкающий, чтобы горше взвыть. Для чего они сделаны Змеем? Из каких Впечатлений? Что в них разнородного, в звёздах и вое ветра? Под завывания, под звёздами так и сидели они на бархате и парче, среди золота, медля прикоснуться к чашам и плодам...

Раздалось гудение ступеней. Кто-то шёл по парадной лестнице. Быстрее молнии Архитектор скользнул из зала. Не успели изгнанники перекинуться парой слов, как вернулся обратно.

— Нет, не мой дружочек. Ещё изгнанник. Надеюсь, не лжец, как тот, вошедший с дроидом...

Все трое ждали, напряжённо переглядываясь. Бледный, с чёрными кругами вокруг горящих глаз, красивый, красотой высшего дроида, Олеандр остановился в дверях, глядя только на Архитектора башни.

— Подойди, — просипел он, — сядь.

Олеандр подошёл к нему вплотную и остановился.

— Да... Хорошо вам там, под землёй… Выпей.

Из когтей, скрипнувших по серебру, Олеандр взял кубок и залпом выпил.

— Стало веселее?

Трое изгнанников теперь смотрели на Монстра, на него и Мурену рядом, одинаковыми глазами. А она, переодевшаяся в красную парчу, глядела на них с насмешкой и лёгким недоумением.

— Вы хотите воды... — произнёс Монстр, задумчиво. — И вас не много. Там, в подземельях... Не может быть много. Ты не пойдёшь, — сказал он Фанатику, — а из вас двоих, кто угодно. Идите, передайте остальным, я их приглашаю. Я дам им воды. Они смотрят Впечатления в ней, и я смотрю через них. Выбираю... Вы нужны мне...

Тут он повысил голос:

— И чтобы выбрать себе одно Впечатление, обещаю... Не больше, чем одного изгнанника в год я разорву на части! Одного. Обещаю. Решайте, кто уходит.

Мурена вскочила на ноги перед ним, между колец змеиного хвоста. Поднос звякнул о мраморный пол.

— Ты что?! Кто пойдёт на такое?!

— Пурпурная рыбка... Это хорошие условия.

Мурена задохнулась от возмущения. А Олеандр сказал тихо:

— Я не пойду. Я останусь здесь.

За всё это время он не отвёл от чудовища взгляда.

— Ладно, — просипел Змей. — Так и будет.

Протянул ему вторую чашу, сплошной обод из крохотных рубинов тремя рядами огибал край. Вода танцевала кругами.

— Пей и не беспокойся, в нём то, что не нужно мне...

Слеза скатилась по щеке полудроида, изгнанника, простого небесного бродяжки. Змей склонил к нему своё лицо:

— Ты не лжец. Ты пришёл первым и за это умрёшь последним. Я обещаю. А если их будет много, новых изгнанников, на континент ступающих с неба, то ты не умрёшь никогда.

Мурена пнула поднос и выбежала прочь.

Глава 3.

Глава 3.

Буран спрыгнул с дракона прямо в подземный ход, скатился кубарем. Не говоря ни слова, заложил, забил камнями его, втискивая последние со скрежетом, и привалился к ним спиной. Римлянин досмотрел представление молча.

— И так? — спросил он через некоторое время.

Буран поднял голову, огляделся в редком тумане дроидов, почти в полной темноте, только сейчас заметив и вспомнив про оставшегося ждать их изгнанника. И рассмеялся, откинувшись на камни:

— Извини...

— За что?

— Поспешил... Разобрать выход? Тебя ждут там. Приглашены все!..

Буран, побывавший в стольких передрягах, старший, после Грома коллекционер... Его состояние смутило бы кого угодно.

— Они живы? Буран!

— Да!.. Олеандр особенно… жив!.. Бесполезно! Как если бы континент ушёл под воду. Мы под водой. Великое Море!.. Их стихия, всё бесполезно!..

— И Мурена жива?

— О да! Не удивлюсь, если она ещё позавтракает тобой однажды!

— Ты всегда был несправедлив к ней.

— Недостаточно! Слегка несправедлив... До сего момента!

Римлянин встал перед ним:

— Достаточно. Хватит. Рассказывай.

Выплёвывая слова, Буран рассказал ему условия Монстра. Реакцию Мурены, встречу с Фанатиком... Увлёкшись, он рассказывал про роскошь, про сад и плоды, медленно тающие Впечатления... Никакой особой реакции. Римлянин кивал, услышав про Фанатика, улыбнулся, думал, тот погиб давно.

— Что ж... Понятно. Повтори для остальных...

Достигнув внутренних озёр, они не встретили никого. Пошли быстрее. Бежали.

На полуострове изогнутого их озерца собрались все, окружив высокую тёмную фигуру. Изумруд разыскал выживших. Но не принёс воды. Облачные миры, тучи и грозы были закрыты и для него. Не так уж много из них долетает к земле, проливается над морем. Теперь — сквозь пелену ядовитых теней... Огромный провал черноты, он сидел на обсидиановом валуне и объяснял, как между тропинок гуляют сократовы смерчи, как охотился на него, как едва не настиг там, где в море падает со скал Чистая Вода забвения. Про исповедь чудовища Селене. Говорил и смотрел на бледные лица, они хотели уже не столько жить, сколько пить. Буран скрипнул зубами:

— О, хищник морской вернулся... Теперь это их мир.

Римлянин вышел вперёд и передал приглашение за него.

— Идите, — сказал Изумруд сразу и твёрдо.

Смех Бурана раздался из-за чужих спин, чёрный юноша не отреагировал и продолжил:

— Но кто-то должен остаться. Год, это вечность. Вы нужны ему, чтобы смотреть, и существует одна только тень, тень-воронка для этого, раскрывающая Впечатления в теле, не разрывая его. Никогда она не нужна была мне. Но я сделаю её гораздо быстрее, чем за год. Такую, да не такую... Будучи перевёрнутой, она сомкнётся и расчленит того, кто смотрел... Вот так. Его воронку она просто сожрёт, и подменять не надо, только пронести. Последний, идя сдаваться, пронесёт её. Я умею прятать, я спрячу надёжно, пронесёт без труда, в артефакте, руками не прикасаясь, и выпустит... Пока Монстр смотрит Впечатления, он не заметит подмены, ха-ха... Идите, там будет легче для вас. И даже безопасней.

Изгнанники оживились, переглядывались, но молчали. Изумруд понял их по-своему:

— Да, я хищник. Был им. Я морской охотник и умею делать ловушки. Но я не могу создать для вас берущую приступом башни стаю теней! Это — не ко мне.

Амарант поднял руку:

— То есть, насчёт года Монстру ты поверил...

— Да. Великое Море не располагает ни к разговорам, ни ко лжи. Мне трудно передать вам... Кроме того, он расчетлив, а вы и, правда, нужны ему. Я видел, как страшно Чудовищам Моря терять последние человеческие черты... Он тоже хочет жить, и видеть, и пить тоже хочет.

— Ясно. Я не пойду. Но я не пойду туда и последним, с ловушкой. Извини.

— Твоё дело.

Буран вышел к Изумруду:

— Хищник, ты уверен? Ты знаешь, насколько Змей силён сейчас?

— Да, изгнанник, — ответил Изумруд, — догадываюсь. Но для тени, сжимающейся сама собой, это всё равно. Из воронки она видит, охватывает не тело, а Огненный Круг. Злая тень. Она чувствует намерение — и захлопывается.

— Я остаюсь, — сказал Буран. — Я пронесу её. Вполне естественно, что я вернусь не сразу, последним. Я не так голоден, недавно пил Впечатления, и я ненавижу его, очевидно.

Изумруд кивнул. Изгнанники разбрелись по берегу. Перешёптывались, кивали на Изумруда, приставали с вопросами к Римлянину. Они согласятся, все. Гром подошёл к Бурану:

— Брат.

— Брат, — Буран обнял его. — Не думал, что свидимся. Думал, помру от бешенства.

— Вот-вот. Я не пойду с ними. Останусь, как Амарант. Не могу представить себя принимающим... угощение.

— Посмотри на это иначе, — Буран положил руку ему на плечо, — хищник поймает хищника, оба хитрые. А мелкий змеёныш хочет, чтоб не осталось никого. Он спустится под землю, я уверен. Зачем тебе оставаться?

— Я подумаю.

Изгнанники подумали... "Ждите там, в крепости, — сказал им Изумруд, — я не обману вас. Только молчите! И ждите".

Каждый попрощался с остающимися. Вереницей прошли они узкие побережья внутренних озёр, черные своды, блестящие от ручейков влаги, обсидиановые чертоги, где за минуту Водопад Забвения смывает всё. Темнотой, по щиколотки в тумане дроидов брели за Римлянином к выходу, разобрали камни...

Маленькой толпой с Белых Драконов ступили на парадную лестницу, гудением отозвавшуюся. Семнадцать человек. Девять — гордые коллекционеры. Бич есть каждого. Со страхом в глазах и предательством в сердце поднимались они по ступеням. Случилось то, что и должно было случиться.

Монстр, ждавший на полпути, увернулся небрежно, когда свистнули бичи коллекционеров, слаженно и зло. И бесполезно. Маленький серый котик выпрыгнул из колец змеиного хвоста. Первый бич он поймал в полёте, а когда приземлился с ним в зубах, тот был уже пуст от Свободных Впечатлений. Клад провёл по нему рукой, не веря своим глазам. Гром застонал, Селена сказала правду... Остальные восемь котик ловил, растягивая удовольствие, играючи опустошил по одному, перепрыгивая, отступая, встряхиваясь, морская вода летела во все стороны с его шубки. Не принявшие участия в безнадёжной атаке, слетели до нижних ступеней обратно, остановившись над сократовым, гибельным снегом. Мурена в пурпурно-красной парче стояла рядом с чудовищем. Архитектор смотрел на кота, различая по чувству и звуку успехи маленького артефакта, оставленного учеником на прощание, и слушал её торопливые слова. Отмахнулся:

— Да ничего другого я и не... Ладно, Пурпурная Рыбка, так.

Левой рукой из-за спины он выкинул фиолетовую сеть, раскрывшуюся веером, бросил на обезоруженных. Ступени разошлись под ногами нападавших, как настоящие, плохо натянутые струны, всхлипнули и поглотили их...

Восемь человек жались друг к дружке внизу: Зарок, смуглый когда-то бродяжка, серый от жажды и тьмы. Ауреол. Горизонт, соперник Беста и Борея, гонявшийся с ними на Белых Драконах. Соль, изгнанница, нырявшая порой недалеко от берега за перламутром. Мираж, случайно не присоединившийся к нападавшим, не посвящённый в их планы. Римлянин. Лаура, изгнанница с жёстким взглядом, красивая, как Олеандр, проводившая на рынках многие дни, развлечения ради. И печальный, маленький Амиго, выдумщик, прекрасный рассказчик, небесный бродяжка.

Озиравшаяся в отчаянье Соль вскрикнула, смерчи приближались к лестнице.

— Поднимайтесь! — крикнула Мурена.

Изгнанники взошли на несколько ступеней, глядя на Архитектора и только на него.

— Бросайте кнуты и поднимайтесь, — хрипло прокричал он.

Бросили. На стонущие ступени глядя, они направились под чужую власть со страхом в глазах и предательством в сердце, ослепившими их.

Глава 4.

Глава 4.

После трапезы от прежних настроений изгнанников не осталось и следа, от их страхов, сомнений, ненависти и надменности, как ни смешно, но это так! Да и от них самих мало чего осталось. Переодевшиеся в шёлк и бархат по настоянию Архитектора, в ткани, переплетенные с тенями, видимыми его чутью, они расположились вокруг призрачного стола, вокруг кружащихся опустевшими кувшинов и подносов, среди маленьких подушек с кисточками, облокотясь на большие, слушая ветер... Яркие звёзды из мрака стрельчатых окон непередаваемо, пристально смотрели на них. И Архитектор... Покачивавший в лапе один за вечер бокал, лишь вдыхая, только помешивая когтем. Прежде чем покинуть гостей, он протянул Олеандру свой бокал. Ускользнул в толщу стены. Мурена не сидела с ними. Ища закрывшийся, прежний выход под землю, разглядывая картины и статуи, она продолжала бродить вдоль стен. Где-то там коллекционеры?.. Фанатик тоже покинул застолье, он наблюдал за Муреной, покачивая головой, и сказал, наконец:

— Бесполезно. Я давно тут. Если он не захочет, ты не выйдешь.

— Выйду!

Мурена который раз подошла к одному и тому же, насторожившему её ковру. Лежащему там, где и находился выход. Не артефакт, подделка. Мало деталей. На ворсинках невозможно сфокусировать зрение. Тень. Встала на него. Ничего не случилось. Подняла за угол. Прямо каменная тяжесть! Ничего себе, тоненький коврик. Бирюзовый, как осколок неба... Ну а что с изнанкой? Упрямо и осторожно, налегая со всех сил, она начала скатывать его в рулон... Угадала! Едва тень сложилась в трубу, увлекаемая за краем она нырнула в него, полетела, раскинув руки, но упала не в тёплую фиолетовую тень, а в морскую воду колючих, Свободных Впечатлений. По колено. Тьма. Блики на воде от тонких молний, бьющих хаотично и непрерывно. Из тучи? Нет, из-под купола. Обсидиановые стены. Внутреннее, рукотворное озеро под башней, вот куда попала. Зрелище заворожило Мурену, она огляделась, поднялась на ступени, амфитеатром идущие до стен, где-то выход?.. И села у стены. К тому же здесь легче дышалось, знакомой морской свежестью. Тихо, редкие всплески... Хорошо здесь. Будет ли искать Архитектор? И скоро ли найдёт?..

Морочащий свет из огромной, разветвлённой молнии озарил всё озеро разом, лишил её всякой ориентации в пространстве, и померк раньше чем успела натянуть сохранённую повязку. Вода спадала. Блестящие тела Морских Чудовищ выступили над поверхностью!.. Чёрные, глянцевые спины, зубчатые хребты, щупальца, бледные, круглые глаза глубоководных чудовищ, молнии били прямо в них... На кольчатой шее взлетевшая к куполу голова взвыла. Наступал хаос… Морские Чудовища кишели в уходящей воде, колотились, кусались, рвали всё вокруг себя, щёлкая наобум зубами. Топтались по неведомым плоским тварям, не поднимавшимся со дна, но ощетинивающихся иглами, рвущими их плавники, брюха, истекающие дымными тенями. Маленькие головы на длинных шеях, неповоротливые туши. Наоборот, мечущиеся с бешеной скоростью между ними угрями, гибкие фосфорицирующие твари с клювами. Не человеческие, ни в чём не человеческие, кричащие, рвущие всё на пути. Живые... Адские!.. Сколько им тысяч лет? Зачем их собрал Архитектор башни?!

Несмотря на пурпурное одеяние с тенями, нарочно вплетёнными в ткань, Монстр не заметил Мурену, вжавшуюся в обсидиановый холод стены. Он спешил. Лавиной стёк по

ступеням. Прямо в копошащуюся муть. Отбросил двух тварей, разбил об стены... Принюхался. Скрипнул зубами. Прополз, отталкивая их от себя. Один длинношеий чем-то не понравился Монстру. Половинка острейшей раковины взлетела в его лапе, чиркнула вдоль всего тела жуткого существа и с визгом оно начало распадаться на тени. Никогда прежде Мурене не доводилось наблюдать гибель древнего хищника. Тело, тысячелетиями создававшееся из теней, билось под молниями, исходило туманом. Билось, пока не перешло на шёпот, подобный человеческому голосу. Билось, пока не проявился Огненный Круг. Когда-то зверь был человеком. Пока дроид не проявился в ярком, тонком круге и не забрал его белыми руками. Прекрасный сияющий дроид на чёрном троне, бесстрастный владыка Дом...

Онемевшая от ужаса, Мурена не замечала, как покатились слёзы, при виде чудесного, дивного лица посреди лютого кошмара… А Монстр не наблюдал, он принюхался ко вспоротой туше и немедленно ринулся к следующим. В извивающуюся тьму. Он искал что-то. Кого-то... Раковина в его шестипалой руке взлетела снова, вой, скрежет когтей и совершенно ровным, хриплым голосом он пробормотал, проглатывая что-то:

— Вполне... Может пригодиться.

В отдалении, под кольцами его хвоста засветились ещё два Огненных Круга.

— Да где же?.. — просипел он. — Где?!

Вторая половинка раковины сверкнула во второй лапе... Посреди молний Змей скользил, кружась, взмахивая ими наперекрёст, вверх и вниз на поражение... Он озирался и нюхал воздух. Кто-то неразличимый, взлетевший под купол, стонал высоким птичьими криком. "Это ад!.. — прошептала Мурена сквозь слёзы. — Ад, как в старой книжке Амаранта..."

— Что ты ищешь?! — выкрикнула она.

Словно он был ветром, через мгновение Монстр покачивался, нависая над ней, сжимая плечи двойными своими когтями:

— Ты настолько хочешь умереть?.. Пурпурная Рыбка, быть моей гостьей настолько в тягость тебе?!

— И не думала... — ответила Мурена, глотая слёзы. — Я искала друзей, а тут... Здесь... А ты... Зачем?!

— Я искал тебя.

Монстр ослабил, но не убрал когти и потащил её прочь между расступившихся стен, низким тоннелем.

— Милостивые дроиды! Зачем?! Для чего тебе этот адский зверинец? Что ты делаешь?!

— Ничего я не делаю... Эти хищники сами лезут на сушу. Если бы я не отлавливал их, вы не прожили бы и столько, сколько прожили там, наверху. Друзей... Ты подозревала, что я держу всех вместе? Ваших драчунов вместе с Чудовищами Моря?..

— Ради милости дроидов! Они живы?!

Монстр остановился. Мерцающий свет пробегал по тоннелю, по её личику и его страшному лицу.

— Гостья моя! Всё это время, я убеждал твоих друзей, что не сержусь на них, всё это время! — его сиплый голос выдавал обиду. — Я ценю вас.

— Удалось?.. Убедить?

— Глупцы! Не всех...

Мурена поняла, что сорвётся всё равно, что не может притворяться больше:

— Гостья?! — закричала она. — Гостья?! А когда год пройдёт!.. Ты ценишь нас?.. И после?! Одного из нас — точно так же?!

— По-другому. Если угодно. Но в любом случае, Пурпурная Рыбка, к тебе это не относится.

— Почему... — остановилась она. — Не относится?..

— Быть может... Ещё через тысячу лет ты придумаешь, как закончить его, мир, созданный без дроидов, мир из теней... Как догадалась, что можно его создать.

— Змей! Архитектор, Чудовище, как тебя называть?! Я ни о чём не догадывалась! Я тосковала по небу! Мечтала. Вспоминала об утрате. Я болтала просто так!

— Неважно. В тебе есть это — большее, чем Впечатления и тени. А твои друзья... Изгнанники... Я ценю их. Пусть развлекаются. Пусть нападают. Пытаются бежать... Как угодно. Поверь мне, я не лжец. Я всё позволю им. Не беспокойся за них, Пурпурная Рыбка.

Монстр и заплаканная Мурена вернулись в зал. Гром сидел среди остальных, и ещё двое коллекционеров.

Морочащий свет погас. Теперь башня высилась, отбрасывая на белые снега свет фиолетовых ячеек окутавшей сети, она перешла на внутренние приоритеты: не выпускать. Невидимая если не прикасаться к ней, тень-сетка позволяла ходить и по открытым галереям. Но мало кто этого хотел.

До самой верхотуры по стенам, окружавшим внутренний двор и сад в нём, вились лесенки к кладовкам с артефактами, к пустым комнаткам, которые вместе с их убранством были чудесным артефактом. Выбирай и живи. Переделывай по своему вкусу, изгнанник, наивный коллекционер, нищий бродяжка. Архитектор всё открыл для них. Изгнанники на полную воспользовались этим. Если спросить… Не столько они доверяли Изумруду и своей переменчивой судьбе, сколько хотели забыться и не думать о будущем, лепя маленькие миры, свивая ласточкины гнёзда.

Мурена смотрела на их время препровождение, как на чистое безумие. Они же не понимали её, говорящую с Архитектором, вне общих застолий, падающую в подвалы, не создающую своего угла, отдалялись больше и больше. "Она предала бы, — считали они, — рассказала бы ему про ловушку, про план Изумруда".

Были и ещё два изгнанника, живших особняком. Олеандр. С первого дня он вёл себя, как тень Архитектора. А поскольку, большей частью от него ничего не требовалось, то, словно ещё одна мраморная статуя при входе, он пребывал над лестницей, глядя в смертельные снега. Тем необычнее выглядело его спокойствие, что отчаянье жажды ушло из глаз, оставив кротость, несвойственную лёгким, непостоянным в настроении полудроидам. Лучшие и худшие из них отличались постоянством. Он брал из когтистых лап, беспрекословно, любую чашу, не проверяя содержимое рукой, выпивал и смотрел Впечатление, точно так же, подобный совершенной статуе, только затонувшей, не изменяясь в лице. И в раскинутом веере клюва тени-воронки, Монстр медленно наблюдал Впечатления, порой длинные, как повести. Иногда и другие изгнанники за спиной его наблюдали, потому что Олеандру он отдавал лучшее. Ни искорки интереса, ни облачка недовольства на прекрасном лице.

Вторым одиночкой оказался Фанатик, сопротивлявшийся жажде до последнего, до своего предела. Воду Впечатлений он взял, но не приближался к бассейну. Говорить ему было не с кем: трусы, дураки. И не о чем. И его, и Мурену в планы Изумруда не посвятили. Как? Писать не умели. Вслух сказать немыслимо… Дать надежду значило отнять её. Так что, Фанатик уверен был твёрдо, год спустя первым будет он.

Змей был сибаритом, обожавшим, поневоле уже не выпивая, только смотря, связные потоки Впечатлений. Песком, сквозь когтящие пальцы пропускал их, сквозь лихорадку, унимаемую редкими глотками Воды Забвения... Любил жизнь, Морское Чудовище. По-прежнему любил, и

на такую не сетовал.

Мурена была аскетом. Она привыкла так. Трогала одним пальчиком, что там, в чаше? Редко присваивала, выпивая. Правда, обожала плоды. И не уставала поражаться многообразию заключённого в них.

— Откуда? — переспросил Змей, удивлённо. — Тени дожди собирают. Показать?

Стремительно и бесцеремонно схватив её, посадив на плечо, он зигзагами взвился до верха башни. Сквозь толщу стены наружу. Головокружительная высь. Балкон без перил. Маленькая комнатка, состоящая опять не из теней, а из настоящих мозаичных артефактов. Подушки по стенам. Встали в дверном проёме, перед балконом, над бездной. Так высоко! Серые тучи текли низко над головой, заворачивали вверх, к шпилю, чтобы уйти в живые стены поддерживающей их морской водой. Из-за встречного их движения, казалось, что балкон плывёт над миром, по гибельным снегам Сократа, над извилистыми тропинками красновато-бурой земли в Туманное Море дроидов на горизонте, к полоске Великого Моря за ним.

— Ну и куда смотреть? — спросила Мурена далеко не сразу.

— Туда.

Монстр качнул головой. От балкона, полированного до зеркального блеска, слева, у края струился пар, прозрачный, не сразу заметный. Взглянув сквозь него, Мурена увидела розовый огонёк над полоской Великого Моря. Он мигнул. Появился ближе. Ещё ближе. Или они передавали эстафету? Следующий имел уже очертания. А следующий и детали... Розовая раковина с водой!..

— Видишь? — спросил Монстр, щурясь, — там, где первая звёздочка, что там?

— Тёмная пелена... Дождь над морем!

— Точно. А в нём?

Воронка очутилась в лапе и от неё поплыла к розовой раковине, накрыла её, перевернулась, щёлкнула. Раскрыла веер клюва.

— Смотрим...

Миг видно, миг нет. Миг — опять видно, совсем другое. Толпы людей на улицах, между домов высоких, блистающих стенами... Запах гари. Совсем ничего не видно. Веер захлопнулся.

— Да... — просипел Монстр. — Это не сквозь человека смотреть...

— Фигня Впечатление, — отозвалась Мурена.

— Поэтому я и не храню здесь. Хотя... В середине случаются сюрпризы.

— А где хранишь?

— Смотри ещё.

Призрачный пар задрожал, разошёлся, оставив каплю, бегущую к собственным краям до бесконечности. Первая, самая дальняя звёздочка стала различима в ней. Раковина. Из серых туч опускаются и другие, закрытые. Кружат. Вокруг чего же кружат они? Светлое пятно, попав по центру линзы, тоже приобрело очертания... Из белой каменной древесины подводного леса, не тень, но артефакт, созданный силой теней, корабль покачивался на волнах, трёхмачтовый, со спущенными парусами. Розовые раковины опускались с неба, иные подплывали к нему по волнам, взлетали и опускались на палубу. Некоторые переворачивались, неудачно ударившись о борт, другие испускали розовый свет, тогда он принимал их форму и устремлялся к башне.

— Небо и море! — воскликнула Мурена. — Неужто это на самом деле?! Сколько раз, благословенные ливни Впечатлений, мне везло любоваться на такие! Не знаю, воплощены ли они даже в Собственных Мирах, есть ли кто, рассмотревший их достаточно подробно, чтобы сделать?! Корабль!.. Ведь это сложное Впечатление, целый комплекс Впечатлений, а не одно! Ты сделал?!

— Недавно. Плохо работает. Много теряется... Не жалко. — Монстр отвернулся,

непритворно поморщившись на своё творение. — Я не особо и старался, проверил, как держится на воде. Это модель. Интересно, скоро Чёрный Владыка обнаружит его? На щепки разнесёт, на щепочки… Рад будет... А я и не ставил защиты, пусть. Следующий всерьёз сделаю. И больше размером. На нём ведь можно жить, Пурпурная Рыбка, как здесь, в крепости...

— Надеюсь, не обнаружит! Какая красота!.. Ты гений!

Мурена неохотно отвернулась от чарующего видения розовых раковин вьющихся над кораблём. Синеватые, мутные глаза чудовища, нависающего над ней... Кольца змеиного хвоста, заполнившие всю комнатку. Мозаика на полу и стенах, голубые маки, тонкие стебли. Когти раздвоенных пальцев, царапают парчовое одеяние на его груди. Мираж розовой, как рассвет, раковины приближается к балкону, тает. Волшебство и ужас рядом. Больше, чем рядом, одно проистекает из другого... Не укладывается в голове. А другим изгнанникам не понять, как ей смертельно, жизненно необходимо совместить несовместимое...

Высоко же этот балкончик, неимоверно высоко!.. А что если… Позвать дракона, остаться одной, позвать и — сквозь тучи рывком?..

— Я могу бывать здесь?.. Одна?

— Можешь. Сейчас, сделаю лестницу.

Монстр скользнул с балкона, пропал. Белый Дракон, тонкий, юркий явился при первых звуках её зова. Прыжок...

— В небо!

Фиолетовая редкая сеть вспыхнула и отбросила её, ударив о противоположную мозаичную стену. Дроид прошёл тень насквозь и исчез, не повредив, не замедлившись. Мурена закрылась коленями и руками. Змей ворвался обратно с шуршащим свистом. Обвил её кольцами и просипел без тени гнева:

— Есть лесенка. Развлекайся. Но лучше без дроида. Веселей. Внизу те же сети.

— Извини, я...

— Попробуй вот так, так веселей…

Не разжимая колец, Змей перекатился и бросился с балкона! Небо и море!.. Крича, Мурена вцепилась в чешую, которую миг назад отталкивала. Белая пропасть неслась навстречу!.. И кольца развились, исчезли!.. Фиолетовая сетка мягко поймала её над мраморными плитами нижней широкой галереи...

— Не хотел напугать, — иронично просипел Монстр и уполз в тени стены.

Лесенка зигзагами поднималась к серым тучам. Далеко под ногами тонкие белые смерчи гуляли в белом снегу. Мурена ласточкой, раскинув руки, слетела ещё, последний раз, задыхаясь от восторга. Повалялась в гамаке фиолетовой сети, перебралась по ней до перил и начала восхождение. "Хватит на сегодня полётов..." Мозаичная комнатка, лазоревая, выложенная строгими белыми и синими цветами на высоких стеблях, стала ей приютом. У неё одной дверь выходила не во внутренний двор, а наружу башни. При садовых красотах душевнее, но здесь вольготнее. Легче дышится. Наплывающие тучи, словно сам плывёшь над землёй. В будущее, счастливое, конечно! "Где-то там мир Беста... Он думает, что мы все погибли. Что я умерла. Нет!.. Не может быть. Он должен знать, что нет. Но только не приходи!.. Бест только не приходи! Что это?.." Маленькая флейта среди подушек, на полу. Выкатилась? Случайность? Артефакт. Мурена приложила к губам, выдохнула и обмерла восхищённо. Низкая бархатная нота раскрылась и наружу, и в глубину самых дорогих, счастливых воспоминаний. Флейта, словно знала, как играть без её участия. Или подсказывала, как.

Проводя в одиночестве день за днём, с балкона глядя то на Великое Море сквозь

магическую линзу хитро придуманной тени, то на обезлюдевший под снегом континент Морская Звезда, Мурена сроднилась с этой флейтой. Но, даже, глядя вдаль сквозь нежные, утешительные звуки, она ни на миг не могла совсем отрешиться, забыть полные чудовищ обсидиановые подвалы. Она словно чувствовала их сквозь всю башню, их тела, колотящиеся на мелководье, под высокие чаячьи крики.

Прошло полгода. Прошла ещё половина от половины. Буран вернулся и был принят. Изумруд сдержал слово. Подменная тень-воронка поглотила змееву тень. Время начало лететь и тянуться одновременно. Для всех по-разному. Так, чтобы стать мучительным вдвойне. День тянулся, ночь особенно. Дни летели.

Мурена на вечерний пир не пошла, вольность, дозволявшаяся только ей. Впрочем, остальные избегать и не пытались. Она была у себя, на верхотуре.

Человеческая, маленькая, а не змеиная огромная, фигура появилась на входе, заслонив просвет. Мурена отложила флейту. Фанатик с лестницы ступил на балкон, дрожащей рукой опустил перила.

— Долгий подъем, да? Заходи, отдыхай.

Он сел на пол, мимо подушек, рухнул спиной к стене и закрыл глаза.

— Ты боишься высоты, Фанатик?

— Три дня! Осталось три дня, хищница!

"Опять!.. хищница. Как же вы мне с этим надоели..."

— Ещё раз, спасибо за комплимент... Ты о чём вообще?

— Хищница, заступись за меня!.. Небо и море! Никогда не думал...

— Небо и море... — Мурена похолодела. — С чего ты решил...

— Он сказал! Чудовище сказало!.. Заступись, если можешь! Я не хочу потерять рассудок за эти три дня! Мурена, он выбрал меня, потому что я был коллекционером...

— Сказал?!

— Да!..

Проклятье дроидов, проклятье навеки. Монстр сказал при всех, и все промолчали, понимая, что он выбрал единственного, для кого это пытка. Никто не предложил себя. А Мурена не знала… Их счастье.

— Ладно, — сказала Мурена. — Я попрошу выбрать другого.

Фанатик прикусил губы:

— Нет.

— Нет?

— Я не принимал его условий. Я просто пленник. Но так не надо.

— Раз в году Монстр может выпить воду связных Впечатлений. Ради возможности видеть их, выбрать не в слепую, он сохранил единственную слабость — человеческие полуслепые глаза. Фанатик, он не откажется от этого раза, от возможности выбрать. И затем сколько угодно разглядывать, присвоив навсегда...

— Я знаю. Я каталог его коллекции. Наилучший выбор.

— Остальные тоже ничего...

— Не надо, я сорвался. Так мне не жить, и так не смогу тоже. Не всё ли равно?

Мурена подскочила:

— Послушай! Говорил он о чём-нибудь конкретно?

— Да. Давно... О картине, называемой Джоконда, о женщине, чьё Впечатление имеет и хочет смотреть. Моими глазами. Вместе, на фоне моих Впечатлений о тех временах, древних...

— Прекрасно! Слушай, это даст шанс тебе... Ты никого не подставляешь, но можешь сделаться совершенно безразличным ему, сравнять шансы... — Мурена говорила быстро-быстро, замолчала многозначительно, показала ему бутылёк с Чистой Водой забвения. С синим огоньком дроидов внутри. И сунула обратно между подушек.

Расширившимися глазами Фанатик смотрел перед собой. Долго. «Смыть? Испарить? До конца, абсолютно?..» Выдохнул, тряхнул головой и проговорил тихо:

— Знаешь, я тоже хотел бы увидеть её… Джоконду... Прежде, чем умру.

— Вот как... Тогда послушай ещё одно. Помнишь нашу единственную встречу с дроидом? Помнишь, как он ответил на вопрос, что защищает в Великом Море? «Свобода от Впечатлений». А потом добавил: «И сила, сила Впечатлений...» Ты понимаешь меня? Решай сам, Фанатик.

— Спасибо, Мурена.

— Оставайся здесь, если хочешь уединения. А я постараюсь чаще отвлекать... — она изобразила рукой змеиный хвост. — Поиграй на флейте, успокаивает.

— Спасибо…

Мурена подошла к балкону и сиганула с него в собственную ярость.

Глава 5.

Глава 5.

Под белым капюшоном неразличимый в снегах, Сократ шуршал изгибами тропинок: вправо, влево, круто вправо, по склону наверх; чешуя крепкая, как закалённый металл со свистом скользит по сухой земле. Новых, медленно смотримых, Впечатлений у Сократа теперь не было. Жажда смерти, лихорадочная жажда разбиться обо что-нибудь, утихла. Ненависть ко всему видимому только возросла. Год прошёл, весь год Изумруд охотился на него. Сначала он даже прятался, потом осмелел. Велик континент и силы почти сравнялись. Сократ разорвал на тени всех Чудовищ Моря, запертых в ловушках бесснежных областей. Зря они вышли на сушу. Воспользовались плодами чужих побед. Теперь, вооружённый, он скользил по тропкам, не поднимая краёв капюшона, не поднимая глаз. Чутьё его тысячекратно превосходило зрение. Смерчи следовали за ним, готовые окружить, закрыть от кого угодно снежинками отчаянья, протаивающими до сердца, но не проходящими сквозь брезент его плаща.

Только приблизившись к башне, Сократ распахнул его, сбросил с плеч, желая забыться в дурманящем свете. Не вышло. Его уже не было. Забавно. Сократ проследил взглядом до туч величественный силуэт... И рассмеялся. Нет, он не станет вмешиваться. Взмахнув обеими руками, Сократ поднял от земли ещё больше, сплошную стену высоких снежных смерчей. А потом опустил ладонями вниз и заставил смерчи упасть, ползти к башне позёмками, кругами ложиться, достигнув её. Нет, предупреждать он не станет. "Если тебе, учитель, Архитектор, давший мне столь многое, а забравший ещё больше, суждено погибнуть от рук глупцов, поднявшихся на последнего, кто способен их защитить, пусть так и будет... Но я отомщу. Они переживут тебя на минуту, не дольше. О чём думал ты, Изумруд, не поставив меня на первое место? Кто настоящий хозяин материка? Создавший крепость, что держится на нём одном, ажурную пику до небес, хрупкую, как одна снежинка? Или я? Убеливший весь континент? Этот снег, эти крупицы отчаянья будут лежать здесь вечно. Смерчи сами ходят за мной. Разбей один, я подниму два. Они будут ходить и когда меня не станет. А стены крепости, эти величественные стены, защищающие твоих последних, жалких друзей, Изумруд, на чём, как думаешь, держатся? Куда бегут тучи по небу, к кому бегут? Неужели ты думал, что стены будут стоять без влаги, или тучи будут течь в никуда? И такое бывает... Но это не тот случай. О хищник, я верю, ты уже сотворил ужасную тень, непобедимую. И она сомкнётся, как челюсти, перекусывая центральный столп, держащий всё здание. Архитектор, в самого себя ты поместил её, всепритягивающую тень. И твоё творение не переживёт тебя. Ручаюсь, не переживут и твои гости. Пусть останется только снег. Пусть Чёрный Владыка моря ищет меня вечно среди белых снегов..."

Сократ поднял плащ, накинул на плечи, потёк прочь от башни, в другую сторону. "Интересно, когда очистится небо, новые изгнанники ступят на землю и пропадут... Ведь и хищные хозяева, привыкшие к торговле, должны из любопытства вернуться сюда?.. А если первым найдёт его Чёрный Изумруд? Сколько даст он, что сможет особенного предложить за изгнанника-артефакт, на торговой подставке, оставленного в живых? Амарант так любезно всё рассказал мне... Сослужит ли ещё службу? Некуда мне спрятаться, вот что плохо. Не поставить шатра с куполом до Собственного Мира, лучшего из убежищ... Хозяевам удобнее торговаться. А мне надо ставить согласие... Не особо жаль. Но на Амаранта — отказ. Когда обнаружит, пусть сам думает, как торговаться со мной. Издали? Пусть решит сам, глупый Владыка Моря... Без

Архитектора не получится у меня закрыть небо, плохо. Надо придумать что-то другое... и я придумаю. Глупый Владыка Моря, когда тучи остановятся в небе, я уже буду знать, что смерчи вступают в обломки тающих стен, в центр континента Морская Звезда..."

На маленькой бурой площадке чистой земли, на верхнем уголке торговой пирамидки сидел Амарант, и сидя спал, лишённый даже воды забвения. Покачиваясь чуть-чуть. Рубашка, превратившаяся в рвань, не скрывающая ожог наискосок от плеча до пояса осталась ему на память от момента встречи, и круглые пятна ядовитых зубов на шее, от любезного согласия рассказать... Маленький томик, размером с ладонь выпал, раскрывшись, на снег.

Просторы благословляют. Фанатик огляделся, посидел на балконе, принял решение и успокоился. Флейта, зарыдавшая было в его губах, перешла к тихой грусти на слегка торжественный мотив. Её звуки разливались прямо из сердца, как зов, обращённый к Белому Дракону, и дракон проявился перед ним!.. Предупреждённый Муреной о бессмысленности попыток бегства, Фанатик только потрепал его по крутому лбу и дроид растаял.

Монстр появился ближе к вечеру третьего дня, с балкона, кольцами хвоста заполнил комнату. Одна большая тридакна, плывущая по воздуху, раскрылась у него за спиной, складываясь, щёлкнула как железные крылья. Воронка, с острым клювом цапли, вращалась в беспокойной, уродливой руке. Изгнанник похолодел, даже кости показались ему ледяными. Огненный Круг на несколько секунд остановился, совсем. Но начал вращаться снова, пока Фанатик разглядывал полуприкрытые, мутно-синие глаза, вращаться ровно, не быстрее, и не медленней, чем обычно. Ненависть куда-то ушла. "Сегодня я увижу коллекцию всей своей жизни. Наяву. Если он не передумал. С чего бы?.. И он увидит. Пусть... Даже справедливо где-то. Ведь это его изобретение, как сделать доступным внутреннему взгляду сохранённое, имеющееся во Впечатлениях, но неуловимое, для чего ум слишком быстр и беспокоен..." Тридакна выплыла из-за плеча Монстра и, приблизившись, щёлкнула снова.

— Остановись. Я хочу посмотреть Впечатления. И то, которое у тебя есть, тоже.

Монстр взмахнул лапой. Тридакна сомкнулась, упала на пол со звонким стуком.

— Прекрасно, — просипел он, — но если ты думаешь...

— Ничего я не думаю. Только то, как глупо, так ни разу их и не увидеть.

— Прекрасно. Прыгай вниз.

Прыгнуть Фанатик всё-таки не решился. Он спускался по наружной лесенке, по коридорам, залам… Нигде ни души...

Мурена тем временем сидела среди шестерых коллекционеров в подвале, в ловушке, в бешенстве бессилия, опутанная фиолетовой тёплой сетью по горло. Жарко. Шестеро не сдавшихся изгнанников смотрели на неё исподлобья круглыми, опустевшими от жажды глазами. Феникс один поднял голову и спросил:

— Кто?

— Фанатик.

— Я так и думал, — кивнул он и опустился обратно на пол. — Несправедливо.

Изо всех теней фиолетовая сеть самая странная. Как тень может быть тёплой? Как же в ней хочется спать…

— Она не тёплая, — сказал Клад, — кажется таковой. Почему ты здесь? Что-то учудила?

— Нет. Чтобы не мешала, наверное… Проклятье!

— Забавно, чтобы не мешала, тебя связали бы и свои. Ты особенная.

— Я необыкновенная! И у меня паршивое предчувствие... Паршивей, чем происходящее, что-то рушится, важное для всех. И для вас, упрямцы!

— Спасибо за слова поддержки. Ты-то, по любому, скоро выйдешь отсюда.

— Если бы ваше упорство давало что... В обозримом или далёком... Или даже в — предполагаемом — будущем, я первая осталась бы рядом с вами!

— Дало уже. В настоящем. Мне лично, — опутанный плотной сетью, Феникс сел, тяжело прислонившись к стене. — Я не взял ни капли из когтей этой твари.

Мурена промолчала.

— Ты зря вернулась на материк. И, конечно, хочешь обратно. Тебе есть куда возвращаться. Мне нет.

— Вы не понимаете, — Мурена свернулась калачиком. — Вы не видели того, что видела я. Вы смотрите на чудовище, а я на ребус, на то, что можно как-то решить. Бест решил бы, я знаю.

Она закрыла глаза. Лицо Монстра и лицо Фанатика, чередуясь, прожигали тьму растерянности в её уме. Мурена засыпала, просыпалась и не находила покоя.

Фанатик же был совершенно спокоен, на удивление и себе самому. Выпив Впечатление, поднесённое Монстром, он щурился под бликующими тенями. Мозаичный, радиальный, необычайной красоты и точности узор сразу стал понятен: это Огненный Круг снаружи. И если в первый миг то была просто догадка, то уже во второй он не мог смотреть на мозаику иначе. Один глоток колючей морской воды пробегал не внутри его тела, а снаружи, завитками, волнами... Вода скользила между Впечатлений драгоценных и давно забытых, случайных и ценимых дороже, чем жизнь. Они кончились, осветились все разом, тогда он сел и сделал второй глоток. Не мог не пробормотать напоследок, переполненный изумлением:

— Ты великий строитель, Морское Чудовище, провались ты совсем...

Монстр кивнул, принял комплимент. Воронка смотрящая и разрывающая на части зависла над ним клювом вверх, раскрывшимся, словно веер с картинками. Запахи, звуки, печаль и радость передавали они тому, кто сидит перед ней. Дуновения ветра, стихшего миллионы миллионов лет назад…

Столпившиеся у двери, изгнанники тревожно следили за ними. За лапами, когтящими бортик бассейна.

— С ним ничего не случится... — прошептала Соль.

На неё шикнули. Молчи.

А Фанатик был уже далеко. Шёл просёлочными дорогами, скакал, выбивая пыль, ехал в телегах и каретах, плыл пароходами, свободный и счастливый. Он подавал руку дамам и пожимал господам в красивых мундирах. Он сам становился этими людьми. Он рисовал их и платил за картины. Он ловил на паркете сбежавшую в страхе, от громкого треска фейерверка, маленькую собачку. Гладил длинного, как меховая колбаска, зверька. Он долго-долго смотрел на морские закаты, на гладь до горизонта, корабли под парусами и слушал крики чаек.

Сколько прошло времени, прежде чем он заметил Её?.. Идущую, чуть покачивая бёдрами со служанкой вдоль фруктового ряда. Он не видел лица, но узнал. Сразу. Мгновенно. Торгуется... Снова заслонила служанка. Уже обратно идут, а лицо? Лишь мельком... "Чудесная, я вижу, я знаю теперь, ты не выдумка, ты жила, существовала на свете... Последние мгновения моей жизни уходят, прошу тебя, обернись!.. Стань мне вместо Царя-на-Троне! Не в надежде спастись, я согласился на унижение, а в надежде увидеть тебя. Посмотри из ушедшего мира на уходящего следом за тобой. Стань последней радостью для меня..." Вот снова Она спиной, на незавершённый портрет свой, глядя, стоит… Одеяние в пол, с одной стороны его пробивает

солнце, по другой сбегает синяя тень. И не ясно, нравиться ли ей картина. Вот тесная кухня, темно. Колыхание юбки на бёдрах, скрип ступеней. Окликает кого-то по имени. Нет ответа. Ни повара, ни прислуги. Полки вдоль стен, плита. Ножи гигантские. За окном хихикает служанка и курлычет, склоняясь к ней, соседский слуга. Вот кастрюля стоит на боку, гулкая, начищенная до блеска. Вот Она, уходя уже, приближает лицо ко дну... Отражается свет из окна, золотистый... Вгляделась. В металлическом диске увидел Фанатик, как медленно расцветает неопределённая, нежная, незабвенная Её улыбка. Да-да, точно такая!.. Как покачивает Она головой, улыбаясь, как оглянувшись вдруг, удаляется, и юбка шуршит... И там, наверху, где светло, снова в профиль, со взглядом в пространство, мягкие пальчики лежат на книге, тёмная обложка, тонкий крест...

Монстр не спешил. И всё же настал момент, когда он перевернул воронку. Клюв сложился, нацелился в Огненный Круг... Как бы ни так! Едва раструб оказался напротив полуслепых глаз, едва они выбрали, нацелились… Острый клюв убрался вовнутрь, перевернулся... Тень, смыкающаяся сама собой, нахлынула через него, через голову на огромного мощного Змея. Стиснула в первый раз: ни двинуться, ни вздохнуть. Недолго осталось. Смотри, любуйся. Пока не сожмётся второй и последний раз...

Фанатик не заметил, не очнулся. Он обводил взглядом покатые плечи, от шеи до края рукава... Он так и не понял бы ничего, но сквозь видение проступили другие черты. Глаза... Синие, круглые, необычайно глубокие, лицо полудроида... И голос чистый, но тусклый без выражения произнёс:

— Мои поздравления Злому Владыке. Он победил единственным способом, в котором силён.

Не отрывая глаз, так и глядя сквозь комнату, сквозь Неё за книгой, сквозь исходящий от Неё свет, Фанатик спросил рассеяно:

— Кто ты?

Синие глаза сузились. Презрительно или от боли?

— Правда, Она прекрасна? — спросил тусклый голос.

Только тогда Фанатик осознал, что глаза эти смотрят не на него, а на Неё. В каждом два светлых проёма окна и профиль женщины за книгой. Услышал стон и опустил глаза: в полупрозрачной груди перед ним рывками вращался Огненный Круг. Багровая дымная тень шипами сжимает, душит его... Две маленькие женщины в глубоких синих глазах перелистнули страницу... Фанатик улыбнулся:

— Да. Она прекрасна как Дарующий-Силы...

Произнося это, он отмахнулся от тени, от багрового дыма, мешавшего смотреть, неуместного в благословенном, тихом видении... И разомкнул злую тень!.. Что-то щёлкнуло в ней, забилось, застучало, лопнуло с пронзительным диким криком. "И сила, сила Впечатлений..."

От резкого крика Фанатик очнулся, сел, распахнул глаза. Напротив, горькой реальностью покачивалось бледное лицо Монстра. Они почти соприкасались лбами, вцепившись в плечи друг другу. Монстр откинул голову, убрал когти и выдохнул со свистом:

— Ну что ж... Про ловушку все знали, а ты больше других?.. Или только что догадался?

— О чём ты? Небо и море! Трудно дважды готовиться к смерти, пойми!.. Я видел всё, что хотел, теперь, чем скорее, тем лучше...

Обычное зрение медленно возвращалось к нему, неохотно, как сам он в реальность. Растерянные лица изгнанников. Монстр, переводящий взгляд с него на них... «Что случилось? Что вообще произошло?»

— Тень? — Фанатик обратился к изгнанникам, молчащим как рыбы. — Ловушка

Изумруда? Я не знал. А хоть бы и знал, не заставляй меня ждать, Чудовище.

Монстр просипел:

— Плохая примета в Великом Море второй раз нападать. Океан велик, не получилось, уплывай. Знал или не знал, ты передумал — и я передумал. Не знал, ну-ну... Ты хоть понял, что сломал то, что невозможно сломать?.. Ладно, лжецы, идите, взгляните наружу!..

Послушно, робко изгнанники проследовали за Архитектором к парадной лестнице. От земли до неба перед ней дрожали ряды смерчей, как занесенная для удара рука. Рука Сократа. Они накренились, выли. Они были страшны. Фанатику происходящее казалось сном. Остальным — кошмарным сном. Змей кивнул наружу:

— Что скажешь? Не будь меня в живых, сейчас вихри гуляли бы по руинам, по вашим телам. Ты один догадался?

— Что?..

— Ничего! Так или иначе, ты сделал верный шаг! Олеандр!..

Повинуясь, тот встал рядом с Фанатиком, и безо всякого предупреждения тени пола разверзлись под их ногами.

Монстр вознёсся над людьми. Ударил о плиты, так, что брызнули тени, чиркнул по лицам хвостом, со стремительностью ветерка, ледяным дыханием смерти.

— Год прошёл! — зарычал он. — Год минул, лжецы! Кто же вернёт мне одолженное?! Кто? Я не выбираю...

Он хрипло рассмеялся, глядя на них сверху вниз, из-под бледных век:

— Сыграем в прятки! Вся башня ваша, до туч! Бегите и прячьтесь, лжецы!

Отвернулся, на уходящие смерчи глядя.

— Небо и море! — воскликнул кто-то.

Изгнанники брызнули врассыпную. Монстр подождал, наклонился, свиваясь в кольца, провёл когтями по верхней ступени, и в башне сделалось почти совсем темно. Мутно-синие глаза его светились сквозь прикрытые веки. Обернулся. Гром стоял перед ним, скрестив руки на груди. А в уголке, за статуей грифона, сжавшись в комочек, сидел Амиго. Монстр засмеялся, не сразу заметив второго, просипел Грому:

— Ты особенный? Но смотри, обе тактики хороши!..

И двумя ударами хвоста о плиты заставил их провалиться в подпол, в фиолетовый плен.

Перед Архитектором запутанное, величественное, тёмное его собственное творение скрывало восьмерых прячущихся, бегущих. "Лжецы, лжецы... — сипел он, неторопливо уползая, зачем спешить. — Первый зал вряд ли... Второй зал?.. Лжецы и глупцы..." Коридор ко внутреннему двору. На пороге валяется бархатное, пронизанное тенями, с золотой оторочкой, скинутое кем-то одеяние. "Какая восхитительная наивность..." Зигзагами взвился он, исчезая во мраке, по отвесной стене.

Глава 6.

Глава 6.

Вокруг подёрнутых дымкой сизых виноградных гроздьев, овальных подносов, катавших пушистые персики, когда от горки оставалось несколько штук, широких пиал и высоких тонких бокалов с водой связных Впечатлений полулежа, коротали вечер изгнанники, Змей возвышался среди них. Всё как всегда. Они пировали. Они обсуждали тонкие ароматы, эпохи, их достоинства, их изъяны… Много узнали за последнее время! Своей рукой Змей протягивал чашу тому или другому, порой, как аргумент в споре: посмотри сам.

Мурена вошла в зал. Остановилась. Пересчитала. Шепча имена, взглядом прошлась по лицам. Все. Все, и на тех же местах... Кроме Лауры.

"Ещё раз… Римлянин. Амиго в плаще атласного шёлка, настолько широком, словно хочет спрятаться в нём весь, или уплыть по волнам складок. Соль. Горизонт. Фанатик сидит отдельно. Отчего так сверкают камни и на серебре резьба? Откуда исходит свет?.. Олеандр стоит между Ауреолом и Крезом. Крез, счастлив ли ты среди такой роскоши, первейший коллекционер? Ара, беспечный, перебирает на блюде плоды. Буран. Зарок, проведший всю жизнь в небе, как тебе здесь? Вспоминаешь ли хищницу не найденную свою? Гром, отрешённый. Нету Лауры. Цепь с янтарём блестит на груди у чудовища. Тяжёлая, как корабельный канат, витая. И янтарная в золоте капля... Не так дрожат когтистые лапы, приоткрылись глаза. Нет Лауры". Мурена пошатнулась и вышла из зала.

Не наверх, не к себе, она направлялась обратно к тем шестерым изгнанникам змеиными тоннелями, разветвляющимися, вниз до тупика и билась в него кулаками, пока тени не расступились. По следующему вниз и вниз она шла так долго, медленно, что Олеандр успел догнать её у развилки перед затопленным подземельем. Услышав лёгкие шаги, Мурена обернулась. Совершенный лицом и телом настолько, что она вздрогнула: дроид? Ошибка.

— Что? — спросила Мурена устало. — Служишь ему, должен вернуть меня? Желаешь дослужиться до Сократа? Змею не нужен ещё Сократ, чудовище хуже себя. Ему нужен кто-то сверх себя, покровительство дроидов... В этом все мы, изгнанники, одинаковы.

Олеандр покачал головой.

— Ты нем? Стал немым в действительности? Не удивлюсь, если так. Что ты хочешь? Дай мне пройти. Всё напрасно. Фанатик сделал чудо? Напрасное.

Ещё раз отрицательно Олеандр покачал головой.

— Небо и море! Не понимаю тебя!

Мурена оттолкнула его... Вернулась, погладила по щеке примирительно и скрылась в последнем тоннеле. Провожаемая взглядом бесстрастным и кротким. Олеандр направлялся дальше вниз.

Перед самой тюрьмой двери не было, узкий лаз. Шестеро изгнанников, словно звери одной породы, с пятнистыми шкурами лежали в сумраке, фиолетовом от ячеек сети.

— Приглашаете? — спросила Мурена уже оказавшись внутри. — Ещё раз спрашиваю, от меня возьмёте воды?

— Нет, — привычно ответил Кондор, — это не от тебя.

— Как угодно. Можно?

Она опустилась рядом с Фениксом на край фиолетовой тёплой сетки. И упала лицом в неё. В землю.

— Облом, так понимаю, ловушка не сработала? Что-то ещё случилось или горюешь о Фанатике?

— Лаура...

Сота приподнялся:

— Но как?!

— Я не разбиралась. А что, была ловушка?.. И все знали?.. Нет разницы... Не могу их видеть.

Феникс подвинулся, раскрутился насколько возможно:

— Я бы рад отдать тебе сетку!.. Но, сама понимаешь. Оставайся, спи. Всегда тебе рады.

— Вот спасибо. Так я и сделаю.

"Всё напрасно... Чёрта с три! Не знаю как, но я найду выход. Напрасно... Прямо уже! Даже если мне придётся отрастить когти и хвост! Бест, как же мне не хватает тебя! Какое счастье, что тебя здесь нету! Дроиды, что мне терять? Я упрекнула беднягу, что он хочет сделаться вторым Сократом. В чём упрёк? Это лучше, чем ничего не делать". Мысль Мурены шла единственно возможным для неё путём. Спроси лучше саму себя, а зачем когти и хвост? Мурена не опасалась за себя. Так зачем, чтобы спасти изгнанников? Или окончательно отдалиться от них? Не иметь ничего общего. Перейти в другой лагерь, но не путём Олеандра. Да спасти, да помочь, но Мурена — не Бест, в разговорах не видела проку... Получается так, и другой дороги мысль её найти не могла. "Я сотворю тень, сама. Возможно, она пригодится мне. Возможно, но это не главное. Я узнаю, каково это, что там внутри происходит с тобой, как ты мыслишь, как возрастают силы, и что теряет Чудовище Моря, став таковым. Не дойду же я сразу до состояния тех, в подвале! А тело? Что, тело... Так ли уж важно, какое оно. Я люблю плавать, буду лучше плавать! Хищника делает хищником отнятие мира или жизни, а не форма тела, не сотворение теней. И ослепляют не тени, а жадность, медленные Впечатления, с которыми не хочешь расстаться. Так Монстр говорил. А ещё, помнится, он сказал про Сократа: "Растерялся. Не удивительно, ему не пришлось тысячелетиями гоняться в Великом Море. Пустячная боль показалась ему огромной, дурашке. Хищники до него сначала насквозь промерзали в океане, в бесконечном бегстве. Забывали, кто они есть. Других потрошили на бегу. От страха и от голода Впечатлений. Тень, которую ты у кого-то вырвал, через мгновение может спасти тебе жизнь... И уж потом, заматерев, освоившись, успокоившись, научившись спать на ходу и рвать на части во сне, некоторые, самые сообразительные догадались, что можно не только ловить, не только отнимать, но и делать тени самим. Делать оружие. Из не сочетаемого. Из зазора, который голоден всегда, потому что насильно соединён мощью Огненного Круга..." И ещё Мурена вспомнила свой вопрос, про Белых Драконов, как так, не летают на них Чудовища Моря, а ведь это неотлучаемый дроид? Змей согласился, неотлучаемый да, но однажды понимаешь, что нет песни в груди, только в горле рычание, и его не позвать... Ей стало так жаль Монстра тогда. А потом... Лаура... "Дроиды, дайте забыться!"

От иллюзорного жара сети горело лицо, но Мурена зарывалась в край её, заворачивалась. "Дайте забыться!"

И приснился ей сон из случайных Впечатлений, обычный, кошмарный, прерывистый. Будто сотворила она тени-цветы, чтобы забыться. По-виду, как белые маки на стенах её комнатки. Основу выпила, прозрачный бокал, Впечатление: бег сквозь толпу. Так и не поняла: от кого-то, за кем-то? Люди с пути отлетают, падают, она бежит... В середину положила Впечатление ожидания. Мучимое Впечатлением голоса: спеши, иди! Сквозь фиолетовые ромбики, сквозь полудрёму Мурена смотрела, как морская вода, разрушая понемногу, гонит разнородные Впечатления к Огненному Кругу, как он расплавляет их... Как из пылающего круга достаёт она первый белый цветок с нежными лепестками, вдыхает. И пугается почему-то. Закрывает рот

рукой, а губ нет. Только острые зубы, тонкие, как лепестки маков. Её белые зубы отражаются на глянцевых спинах Морских Чудовищ, бьющихся в подвале. Они поворачивают головы к ней, они уплыли бы, но некуда. И как же она сильна! И сколько же могущества перейдет сейчас к ней, когда она вырвет первую тень острыми белыми зубами!.. Из этого... Вот из этого... Нет!..

Водопад свежести обрушился на Мурену. Аромат скошенной травы. Монстр плеснул воды на неё и выдернул дурманящую сетку.

— Ты хочешь жить здесь, Пурпурная Рыбка? — просипел он. — Живи, где хочешь. Что с тобой? Всё было по-честному. С моей стороны! И ты не любила эту изгнанницу. Что случилось?

"Дроиды, дайте забыться!.. Не любила Лауру? А ведь и правда, я недолюбливала её..." Мурену далеко, на самом краю сознания зацепило что-то очень важное в этих его словах. И ушло, не вспомнилось ещё долго.

Чудная музыка разлилась от парадной лестницы, когда Мурена играла на флейте в саду. Словно башня, резонируя огромным колоколом, откликнулась и решила подыграть ей. "Неужели у чудовища начало получаться? Или дроид опустился на струны ступеней? Надо бы взглянуть". Дивная музыка набежала волной, оставив жемчужину утешения в сердце. "Что-то знакомое..." Но Мурена не просто сама играла в этот момент, она была занята очень важным делом: создавала видимость для Монстра, что они просто танцуют, а для танцующих, что они пытаются что-то решить... Соль, грациозная, на шёлковом овальном ковре, раскинутом между трёх цветущих вишен. Двое парней вступили в танец, одновременно притом. Мираж и Буран. Крез пока наблюдал, слушал. Со стороны происходящее выглядело феерически бредово. Буран, сохранивший свою потёртую кожаную куртку коллекционера, с кинжалом на ремне широких брюк, не пустовать же петле для хлыста, и Мираж в белом кимоно до колен. Они ступали на ковёр и, кружась, сближались мимо девушки, чтобы обменяться не фразой даже, а парой слов. Потому что невозможно жить молча, совсем ничего не предпринимая, невыносимо бездействовать и ждать. Они так забавно обсуждали средства против общего врага, опустив первый пункт: а кто применит их, каковы их собственные силы и знания? "За водопадом забвения?.." — мурлыкнул Буран, словно подпевая флейте, обогнул прищелкнувшую пальцами Соль. Он мыслил, если никак нельзя сохранить эту башню отдельно от её создателя, эти защищающие их стены, может, можно поймать его? В подземельях? "Заманить, — хлопнув в ладоши, ответил Мираж коротко. — Но как?" Флейта играла. Мираж обвёл Соль рукой, отгораживая от соперника. Крез кивнул, не вставая, поддержал версию: заманить его туда. Соль вынырнула из-под руки, словно предпочитая другого, два парня оказались нос к носу. "Бегством". Буран: "Попыткой бегства". Флейта поёт. Крайней степенью наивности казались Мурене и их конспирация и их планы. Но понимая, насколько порой необходимо хоть что-то делать и хоть с кем-то поговорить, она играла для них охотно и подолгу. Соль же танцевала просто так — изысканный и абсолютно пустой танец отчаянья.

Гром прервал их, заскрежетали дверные петли, конспираторы замерли все разом. "Тоже мне, заговорщики... — подумал он, остановившись на пороге. — Кто сравняется с Монстром, кто перерастёт, тот его и проглотит. Одиночка..."

— Мурена, — сказал он вслух, — поболтаем?

— Присоединяйся.

— Нет, приватно.

Неохотно Мурена отдала флейту Соль.

— Ну, пошли... О чём?

Гром закрыл за ними железную дверь, и пока шли коридором положил руку на плечо,

скорее, взял за шкирку. "Вот ещё, новости..."

— Ни о чём... — пробормотал он быстро. — Не дури. Всё нормально. Насколько оно вообще может быть нормально...

"Хорошенькое начало..."

— Руку убери.

Не убрал. Так они и вышли в главный зал.

На полу, напротив свернувшегося кольцами Змея, сидел Бест, пальцем чертил что-то в рассыпанном перед ними бисере. Спросил: "Видно?" Заглянул в уродливое, сосредоточенное лицо. Взял чудовище за пальцы и стал чертить его когтями... Мурена вскрикнула и повисла в воздухе на сильной руке Грома.

— Он в порядке! Говорю тебе, не дури.

— Бест?!

Бест обернулся, вскочил на ноги и подошёл к ним, радостно, немного смущённо улыбаясь. Обнял Мурену.

— Привет! Как только смог... У меня уже не было причины... Даже повода... Много новых проблем, к сожалению... Они там, но начало их здесь.

— Бест!..

— Я могу выходить и возвращаться! Смотри.

На его груди, блестящий и тёплый висел медальон Индиго, дракон в полёте.

— А Индиго? Где он?

— Я не знаю... Могу только догадываться. Я не взял бы, но так получилось… После.

— Что ты делаешь здесь?! Летал бы там, наверху с новичками, с изгнанниками!

— Сначала я упал... Ну, подрался и упал. Потом я нашёл твою записку...

— Какую?

Он достал камень с перечёркнутым змеем.

— Это была записка для Сократа!

— Не беспокойся, он тоже её нашёл. На земле валялась.

— Ты бродил вокруг пещер?

— Летал. И бродил, конечно, где ещё? Я знал, что найду тебя, что с тобой всё в порядке. Был уверен.

— До этого момента!

— Мурена, всё будет хорошо. Правда.

Змей подполз и завис над ними.

— Уже второй лжец, — просипел он, — приходит по доброй воле ко мне с Чёрным Драконом и с горячей игрушкой дроидов на шее... К чему бы это, Пурпурная Рыбка?

— Я не лжец, — возразил Бест.

— Первым же словом ты солгал. Ты сказал, что изгнанник.

— Я забыл. Я всю жизнь был изгнанником.

— Но значит, ты солгал ещё круче. Ты сказал, чистый хозяин, что тебе — подарили — Собственный Мир!.. Никогда, никогда и нигде подобного не слышал. Отнимали, да. Превращали в рынки. Даже рынок обратно в мир, было единожды. Но дарили?.. Никогда!

— Но это правда, он необычный, был вторым у хозяина, и находился всегда в определённом месте над горизонтом. Теперь уж нет. Я не лжец, Архитектор. Касательно Сократа... Давай исправим, что можно. А после, приглашаю, ты всё увидишь сам.

Змей дёрнулся в сторону, сделал по залу круг, над залом, по стенам, бормоча недоумённо и сипло. Вернулся.

— Любимчик дроидов! Предыдущий с этой штукой на шее был тот ещё лжец! Но ты не

сбежишь, я кое-что изменил, знаешь ли!.. И твой дроид не выведет тебя один!

Бест поднял руки.

— Архитектор, мы уже обсудили это. Я здесь по доброй воле, зачем мне бежать? Если наши цели совпадают, достигнем их. Если нет, будем считать, что я пришёл разделить с друзьями их судьбу.

— Ха-ха! Я не ем непонятного. Потому и прожил так долго… Цели, да, совпадают. Мой маленький безумный ученик... Ломать, не строить. Дурное дело не хитрое. Слепил такую пакость. Как-будто это сложно… Никому в голову не приходило до него. Оно ни зачем не надо, чистый яд. Если Огненный Круг остановился, как добыть Впечатления?.. Цели, да, совпадают.

Гром, Змей и Мурена уселись над бисером, рассыпанным на полу. Бест отошёл взглянуть на бассейн. Мурена ни жива, ни мертва. Взгляд, которым теперь она наблюдала за чудовищем, почти материализовался, переменился. Это был взгляд другого человека, другой Мурены, не существовавшей пять минут назад. Она смотрела на чешую, на кожу груди. Насколько крепкая? Смотрела, как на вещь, припоминала те острые раковины, которыми Змей орудовал в подвале. Где они? Пойдут или против этой шкуры? Корила себя за промедление длинной в год, надо было учиться делать тени. Едва только Гром перестал сжимать ей плечо, как Мурена оказалась прямо перед Чудовищем Моря, медленно, играя, накрутила на руку его золотую цепь.

— Слушай... — начала она тихим, змеиным шипением, — тронуть его… будет очень большой ошибкой...

Глупей угроз звучат только советы, но и сдержаться она не могла. Кольцо змеиного хвоста обвилось вокруг запястья. Мурена вцепилась острыми ногтями в чешую крепкую, как сталь, и тихо, утробно зарычала. Мутно-синие глаза приблизились.

— Пурпурная Рыбка, ты хищница, я знал. Ты рано злишься. С этим, Бестом... интересное дело...

Продолжить он не успел. Имя Беста, произнесённое вслух, стало последней каплей. Чешуя скрипнула под ногтями.

— Адская тварь!.. Если тысячу таких, как ты, ошкурить и выпотрошить, за все шкуры не купишь один волос с его головы, не смей произносить его имя!..

Гром шикал на неё, напрасно, но едва обернулся Бест, как Мурена уже сидела, непринуждённо улыбаясь. А руки не разжала и, выскальзывая, змеиный хвост оставил несколько чешуек в ногтях.

— Поразительно, — сказал Бест на бассейн. — Ты разрешишь мне попробовать?

Глаза Мурены полыхали холодным зелёным светом, как тогда, в океане.

— Хоть сейчас, — ответил Монстр хрипло, польщённый.

— Нет, — сказала она.

— Почему? — удивились оба.

— Я многое расскажу тебе.

— Пурпурная Рыбка, он многое уже знает.

— Мне любопытно, — пожал плечами Бест. — Не важно. Давайте о другом.

Время общей трапезы. Изгнанники мало-помалу присоединились к ним. Застывая на входе. Приветствуя от всего сердца. Обнимаясь, хлопая по плечу. Горизонт один, наверное, испугался за друга, остальные радовались, словно утру. Вестнику избавления.

Бест рассказал, как собрались вокруг его облачного мира бежавшие с континента... Борей ускользнул, жив!.. Как он просил их курсировать низко над тенями, предупреждая ничего не ведающих новичков и хозяев, летящих на рынки. Встречая новеньких, они убеждали не

рисковать, оставаться в небе, объясняли, что и как. Не всегда удавалось. Но из упрямцев винторогие тени не принесли в башню ни одного. Погибли. Сократ отравил. А ещё вклинил тени-ямы. В одну из них, за новичка борясь с цепким оводом, и провалился Бест. То есть, проблема не в Змее сейчас. Проблема, что нет шанса у новых изгнанников стать таковыми. Они обречены. Утративший мир желает хоть постоять на твёрдой земле. Притяжение их к континенту неизбежно. Яма дала Бесту возможность пролететь мимо всех остальных теней. Он живо понял, что нельзя наступать в снег. А другие? Те, что и говорить не умеют? Чёрный Дракон не спасает от гибели в снегу. Надо что-то делать.

— То есть, — уточнил Монстр, — те, твои друзья наверху по-прежнему будут удерживать всех, кого смогут?

— Да, конечно.

— Но тех, что спустятся, кого словят тени, ты отдаёшь мне?

— Отдаю?.. Здорово! Пусть для начала ступят на землю безопасно, а там...

— Пусть ступят... А сам ты? В чём твой интерес?

— Только в этом.

Змей взял Беста хвостом за подбородок... Ждавшая любой провокации, Мурена подлетела и вцепилась зубами!.. Прокусила! Отравилась и обожглась, распадающимися каплями теней... Гром схватил её за плечи, остальные начали отползать. Мираж мысленно пожелал ей удачи...

Так закончился их первый вечер. Так закончились бы и остальные, не пообещай она твёрдо Бесту сидеть у него за спиной, если хочет присутствовать вообще. Если любит его и верит ему. Начиналась охота на Сократа. И пока речь шла о нём, разговор складывался, но когда Монстр пытался понять, что же выгорит Бесту, а тот, соответственно, почему обязательно надо есть людей... заходил в тупик. Монстр первым бросил пытаться.

Глава 7.

Глава 7.

Амиго, маленький, кроткий Амиго научился и, и с кувырками, и, расправляя крыло огромного своего плаща, развлекаться по мурениному образцу: прыгая с высоты в тёплые сети. «Пока летишь — ни о чём не думаешь!..» — так объяснил ей, обнаружив, что балкончик над бездной наилучший трамплин. Ещё обнаружил, что вечерами можно не спускаться в зал и не видеть чудовища, оставаясь в укромной комнатке, невзначай, когда и Мурена не спускалась. В один из таких вечеров, барабаня негромко по дну глиняного кувшина, подыгрывая Мурене, Амиго переставил его между подушек, а между них заметил флакон с Чистой Водой забвения.

— Огонёк Доминго!

— Что значит? — удивилась Мурена.

— Не доводилось слышать?

— Нет. Рассказывай, ты мне должен желание за один проигрыш в «Кто-Тут-Есть»!

Рассказать, это всегда пожалуйста. Это для Амиго лучше, чем летать в небе, кружить среди облачных миров. Там, в просторах на ходу приукрашаемых легенд красивей, чем за чужими рамами, спокойней, вольготнее чем в прыжке с верхотуры. Он призадумался на минуту и начал:

— Легенда. Старая. Должно быть, она возникла в то время, когда туман дроидов светился множеством таких огоньков, большинством ярко-синих. Что-то происходило у них там, в непостижимых сферах дроидских иерархий. Образовывались или распадались семейства, или ещё чего другое, не знаю. А в нашем мире это выглядело так: синие огоньки рассыпались шире туманного моря дроидов, над океаном, взмывали над ним... Длинными, упругими нитями созвездий…

— И вместе, дождём опадали?

— Да.

Амиго замолчал, залюбовался в уме. Мурена отвлекла его:

— Так и над озером было, над обсидиановым внутренним озером.

— Не врут древние легенды… — согласился он. — В изобразительной части.

— Продолжай.

— Легенда такова... Доминго был обычный изгнанник, страстный коллекционер. Ничем особенным он не отличался, разве, силой своего азарта. Что-то гнало его настойчиво, неукротимо на рынки и в море. Он рисковал искать артефакты в Великом Море, а таковых во все времена единицы. Прекрасно нырял. Доминго не путешествовал в небе. На земле рвался больше приобретать новое, чем сохранять обретённое или бравировать им. Он плохо прятал, редко навещал старые тайники. А дело шло к войнам между коллекционерами.

Однажды, в одном из своих тайников он столкнулся не с вором, но с грабителем, ведшим его от самого рынка. Доминго выменял кусок иссиня-чёрного бархата и две пары бус: белые и голубые, как вот эти огоньки. Бусы, нанизанные во много рядов крошечного бисера. Доминго кинул бархат вместо ковра на пол пещеры, сел переодеться, коллекционеры всегда были такими!.. Надел синие бусы. Надел и вторые... Когда грабитель вбежал, схватил и сорвал их. От неожиданности Огненный Круг в груди у Доминго вспыхнул, осветив всю пещеру целиком, а бусы порвались, разлетелись на бархат, как в темноту ночного неба. Сверкающие. Из-за них на миг и показалось Доминго, что это он сам рассыпался огоньками дроидов, белыми звёздочками. Наверное, так прорвалась в нём тоска по утрате, по Собственному Миру. Он почувствовал,

какая фигня все его успехи и надежды. Как он устал от них. Он понял, что хочет быть дроидом. Хочет быть с дроидами, стать таким, как они, и ничего земного — ему не надо. Без единого слова он встал и вышел мимо грабителя, готового к драке. Напугал. Тот подумал, Доминго станет как-то особенно мстить. Не только не стал, он позвал Белого Дракона и никогда больше не ступил на землю.

Доминго исчезал на годы среди облачных миров. Кружил над Великим Морем, над континентом. И в одиночестве неба, и спускаясь к Туманным Морям, он говорил с дроидами, звал, просил сделать одним из них. Он переговорил все слова убеждений, клятв, упрёков, все слова на свете. На Мелоди-рынке иногда поют и играют песни Доминго. Уверен, там их и придумали, и новые сочинят!.. Платят за них хорошо, дарят щедро! И что интересно, есть в этих песнях какая-то общая нота... Действительно есть!.. От слов самого Доминго, по легенде, остались только последние, которые изредка повторял: "Откликнитесь... Примите навсегда..." Эти слова в припеве всенепременно много раз повторяют!..

Доминго летал годы и годы. Он не искал воды забвения, он избегал дожди. Он говорил со своим Белым Драконом, благодаря упрямству Доминго, ставшего видимым до последней шерстинки, а не как обычно. Но дроид молчал. Кружа над землёй, Доминго начал преследовать ночь, как будто ему больно от света. А синие бусы, ты помнишь, остались у него на груди? Единственное, что осталось. От скуки, в полном одиночестве, в полёте, он низал по одной бусинке за день в гриву Белого Дракона... Так ждал смерти. Или ты думаешь, надеялся? Вряд ли... Но однажды, дроиды решили его судьбу. Когда Доминго вплёл последнюю синюю бусинку в гриву Белого Дракона, была глубокая ночь над Морской Звездой… Дроиды всё же забрали его к себе. Откликнулись. Он вскинул руки, рассмеялся и растворился в небе. Растаял и Белый Дракон. А бусинки с гривы разлетелись над морем — синими огоньками Доминго... Не знаю, могло ли случиться подобное. Или просто, жил такой изгнанник, безумный, летал, пел, пока не умер в полёте.

Бест, кто бы сомневался, первым делом стал выяснять у Монстра, как можно встретиться, переговорить с Сократом. Причём, так упорно, как будто само собой разумеющееся… Мурена со Змеем взвыли в один голос, и примирились на раз. «Ну, тогда, давай щит какой-нибудь, морок, путь к быстрому отступлению... Любую информацию давай про своего юного, безумного ученика. Возможно, ценный подарок… Что любит? Ребята, Римлянин, что он хотел от жизни, кроме, как понять себя самого?» Услышал и от изгнанников, и от Монстра, что, в любом случае, то будет первый и последний разговор. «Без вас обойдусь...» — подумал Бест, сказал вслух:

— Что тогда? Ловушка?

— Ловушка, — согласился Змей. — Неплохо бы узнать, какие уже ставил на него Злой Владыка. Чтобы не повторяться и теней не дарить. А он мастер... ловушек.

Монстр нервно провёл рукой по груди. И уполз за чёрным бисером, рисовать на нём.

— Почему ты сделал это, Фанатик? — успел поинтересоваться Бест, уже наслышанный об изумрудовой ловушке.

— Да не знаю я!.. У меня мыслей было ноль. Та женщина, она так прекрасна, если б ты видел, Бест! Это чувство, когда смотришь и не можешь насмотреться... Оно распространяется вокруг... Как свет, точно, распространяется вокруг! На всё, на всех... А я видел перед собой Змея, боль, Огненный Круг, тень, гибель... Провёл рукой, и тень разорвалась. Мыслей ноль...

— Удивительно, простое Впечатление, подробное, ну и что, Впечатление подействовало, как дроид 2-1!..

— Похоже... Сам ты простое Впечатление, Бест, не видел, а говоришь. Она смысл и центр

мироздания. Что дроид?.. И радостного дроида тоже можно отвергнуть, растождествиться. Можно, не спорь, и заметить можно, распознать его влияние. А это чувство, оно глубже. Оно своё, вот в чём дело! Не умею объяснять!..

Змей вернулся. На гранёном, рассыпанном бисере он начертил бесхитростное устройство сократового снега: тело, Огненный Круг, протаивание внутрь, гибельное движение наружу. Спросил, как действовала яма, в которую провалился Бест, затягивала ли она или была неподвижна, как выглядит, чем пахнет? Подумал, покивал, нарисовал три вида, как можно сделать такое. Похвалил ученика, прекрасная работа, простая, надёжная вещь. Устройство своего овода раскрывать не стал. Резюмировал так:

— Отравить его надо. Его же снегом. Если бы дружочек делился, если бы был сейчас рядом со мной... Но нет, так нет. А лучше других ловушек — действующая изнутри. Удочка. Возьми во что-нибудь снега, Бест, накорми им любого новичка там, в небе, этих я не отдам, извини. Возьми у меня противоядие, действующее недолго и две тени: очень вкусную тень во Впечатлении, ею накорми тоже, Сократ почует, ручаюсь, он давно такую хотел… И вторую, чтобы изгнанник молчал… Вот... И столкни его вниз. В ту же воздушную яму. Проследи там, чтобы не в снег свалился, а на тропинку — ровненько. Дроида с тенью в глотке ему не позвать. И секрета не выдать. Дело сделано. Безумный мой ученик... Проживёт ещё около суток. Раз тебе оно надо, успеешь с полудохлым почти безопасно и поговорить. А значит, вернёшься на континент, неплохо...

Бест дослушал потому только, что челюсть его отпадала всё ниже, хлопнул раскрытой ладонью по полу и выдохнул:

— Нет.

Изгнанники рассмеялись. Бест пришёл к ним, как солнце. Как луч из прежнего мира. За его спиной своды родной пещеры, зелёный костёр у входа, утро. Бест значил для них больше, чем сами подозревали. А узнай он, насколько обнадёжил их одним своим появлением, пожалуй, испугался бы. Но и так ему было не до шуток.

— Нет, — повторил Бест.

— Почему же? — удивлённо проскрипел Змей.

— Без живых приманок. Моё условие.

— Но почему?

— Архитектор... Есть ли разница между тобой и мной?

Змей хмыкнул, столько их было, различий!.. Уловил единственное неисправимое:

— В дроиде? В Чёрном Драконе. А, понимаю... Ты не хочешь становиться хищником. Ваши телохранители не так уж дорого стоят... Но, конечно, не хочется потерять!

— Нет! — Бест снова хлопнул ладонью. — То есть, да, но дракон — это следствие!

— Гость мой, чистый хозяин! Твой палец указывает в пустоту. Раз так, придумывай сам ловушку. Я расскажу, какие имею тени. Спустимся, посмотрим в подвале на чудовищ, что ещё там можно добыть...

— Бест, не ходи! — вскочила Мурена.

— Пурпурная Рыбка, они не дотянутся до него. Я их разберу. Бест только посмотрит. Можешь с нами пойти.

— Не ходите! Небо и море, Бест, подожди!

Она поманила Монстра прочь и зашептала:

— Он не должен этого видеть... Лютый кошмар, мне не объяснить... Поверь мне, Бест не должен их видеть!

— Сегодня ни одного из вас не понимаю. Почему? Я же не предлагаю сделать из... — Змей обернулся, — вот из Ары, например. В нём есть Впечатления для тени жгучей, как медуза…

Видела в море таких? Если разорвать и весьма быстро переплавить, пока...

— Замолчи!

— Так ничего не выйдет. Вы всё очень усложняете, Пурпурная Рыбка, как будто это игра.

— Ты можешь прогнать его? Бест должен уйти! Открой ему небо.

— И не подумаю. Пурпурная Рыбка, ты тоже кое-чего не понимаешь, как я вас ценю.

— Как добычу! Как склад Впечатлений!

— Да, как сокровищницу. Как утерянные глаза, которые раз в году открываются...

— Дроиды!.. Пока я жива, Беста ты не тронешь!

— Возможно... Согласен. Но он приведёт других, откроет им путь...

Мурена, смутившись вдруг, отстранилась от его сиплого шёпота:

— Нет, нет и нет! И почему ты так говоришь со мной, словно мы заодно?..

— Честно говорю. Заодно... Никто не заодно, а все одинаковые... По природе. Кто из вас вспомнил бы про Чёрного Дракона, увидев возможность отнять Собственный Мир?

— Я... А тот, кто решился отнять, он просто не знал, что для хищника не поёт дроид в похищенном мире.

И тут Монстр разозлился.

— Что ты говоришь?.. — саркастично и с ненавистью прошипел он. — Дроид главное? А закрытые двери? Кто из вас не сделал бы что угодно, лишь бы прямо сейчас между мной и им захлопнулись двери?.. А?..

Изгнанники, сидевшие в круг, с тревогой наблюдали затянувшуюся перепалку, особенно Бест. Загудели, застонали ступени. Монстр метнулся ко входу. Вовремя, Мурена затруднилась с ответом.

Изумруд, чёрный, наглый, во всех украшениях моря успел подняться до середины и балансировал теперь, на ступени, вставшей ребром, норовящей скинуть его и поглотить. Балансировал, смеясь.

— Злой Владыка?..

Монстр ударил по лестнице хвостом, и ступенька отшвырнула-таки Изумруда вниз. Но он приземлился на последнюю, ловко перекувырнувшись в прыжке, и снова балансировал над снегом.

— Злой Господин, — приближаясь, просипел Змей, — как поживает вооружённая тобой армия? Кто остался в запасе? Или то было стадо? Ты сам-то пробовал мои Впечатления в них, разбирал на части? Не успел?.. Вкусные. И послушные и трусливые. Не успел, как жаль... Поделиться? Эти с шикарной начинкой, хоть ешь, хоть сложные тени лепи, всё как на ладони... Я оценил твою ловушку. Жду следующей...

Замолчал и рявкнул:

— Что тебе надо?!

— Кота, — просто ответил Изумруд. — И я готов торговаться.

— Да что у тебя есть?

— Твой корабль, например.

— Убирайся!

Лестница снова подбросила Изумруда, и снова он приземлился на неё же, на ноги. Бест столкнулся со Змеем, утекающим прочь.

— Кто там?

— Ваш приятель. Тот, что бросил изгнанников... А я приютил. Я добрый.

— Изумруд? Подожди! Можно?.. Через минуту вернусь!

Бест сбежал по ступеням, чудесно, волшебно запевшим под его ногами.

— Привет!

— Бест?! Как ты-то попался?

— А!.. — отмахнулся он. — Ты зачем здесь?

— За артефактом... У меня ничего не получилось, Бест! Ни-че-го! Последний из ваших остался… Мне нужен кот, — пояснил Изумруд, — чтобы выкупить Амаранта.

— Стоп! Что за дела? — Змей щёлкнул когтями. — Это имя или название?

— Это имя, — тихо ответил Бест, — моего друга.

— Артефакт за изгнанника? — уточнил Монстр. — Я дам, но ты приведёшь его мне, идёт?

Изумруд взглянул на Беста, пытаясь осознать общую перспективу. Тот кивнул.

— Идёт.

Змей повернулся к Бесту и просипел:

— А ты уверен, что он просто не утащит кота? А то ведь я обижусь на вас... Для вас это будет плохо.

— Уверен.

— Ладно. Жди здесь, Злой Господин. Яблочком угостить?..

Уполз, вернулся. Оказавшись у Изумруда в руках, кот извернулся, вцепился в чёрное тело когтями, обнюхал длинную серьгу из витой раковины, лизнул, и она мгновенно опустела от морской воды. Дымком рассеялась прежде запертая тень. Изумруд присвистнул, отстранил кота, разглядывая на вытянутых руках.

— Так вот какую игрушку захотел Сократ!.. Ясно.

Бест отвлёк его от созерцания:

— Пожалуйста, не медли.

— Ухожу!

Позвал дракона, сияюще-белого на фоне серых туч, рогатого, гордого и взвился в небо.

Изумруд пронёс безжизненное тело юноши мимо встревоженных лиц, мимо Римлянина, винившего себя во всём, и в появлении Сократа-Чудовища, и годах прерванной дружбы, положил на ковёр.

— Он здорово отравлен...

Змей склонился, впритык разглядывая и обнюхивая лежащего.

— Отравлен?! Да он практически мёртв!.. Глупая сделка! Всегда надо прежде разглядеть! Есть в нём что-нибудь ценное?.. Успею ли добыть?..

— Подожди! — Бест отводил когти Змея. — Чем отравлен, Изумруд, снегом?

— Нет, двойными тенями. Нарочно...

— Ты можешь их вытащить, как тогда?

— Пусть убирается! — зарычал Монстр. — Это я и сам могу, только поздно...

— Пусть посмотрит!

Римлянин сидел на коленях перед юношей, белым, полупрозрачным после стольких дней без воды. Под кожей пробегали разноцветные, лимонные, золотые огоньки, стремясь навсегда уже разбежаться, просвечивая рваную ткань. Почти остановившимся Огненным Кругом он был изнутри освещён весь.

Монстр поднял когтистую лапу, и воронка спикировала в неё. Перевернул клювом в сердце. Вгляделся.

— О, как много тут интересного!.. — просипел он. — Жаль видеть это лишь мельком. Нет, сделка была прекрасной, прекрасной... Разорву, отдам кому-то другому... А, тени!.. Вот и они!

Отложил воронку.

— Что, Злой Владыка, делал ли ты такие: потянул её за хвост — впивается зубами, схватил

за морду — жалит хвостом, а взялся поперёк туловища — растёт, расходится?

— И на что мне такие?

— Это верно... Мой безумный дружок придумывает пакости, которые ни зачем не нужны. Но как придумывает... Убирайся уже!

Римлянин перехватил Изумруда на выходе:

— Ради милости дроидов! Их, эти тени, возможно как-то извлечь?!

— Наверно, пусть пробует... В этом, красавчик не солгал, он не хуже меня. Только... В одиночку? Двумя руками? Думаю, нужны двое против одной тени: хватать и за голову и за хвост, иначе Амаранту сразу — чка!..

— Я могу!.. Могу?

— Попробуй...

Изумруд открыл маленькую шкатулочку из перламутра на поясе и достал перламутровый же шарик, начавший втягивать воздух в себя, вместе с тканью, с бахромой. Римлянин взял его в руку... И шарик размером со сливу подбросил его в воздух, ударил об стену, протащил по ней!.. Пока тот не разжал пальцы. Изумруд подпрыгнул, поймал шарик и спрятал обратно в шкатулку.

— Понятно? Такой инструмент...

— Подожди! — Римлянин поднялся с пола, кинулся, встал на дороге. — Постой! То есть, ты и чудовище вместе... вы всё-таки можете помочь ему?.. Подожди!..

Римлянин метнулся к Змею:

— Вместе!

К Мурене, к Бесту:

— Уговорите его!

Неохотно Монстр подполз к Изумруду:

— Надо порядочно чистой воды, страшной воды забвения... Больше, чем принесут эти...

Изумруд поднял голову вверх и увидел по периметру первого зала ряд понурых летяг, израненных, сложивших крылья на подобии узкого карниза. Скрипнул зубами.

— Я сам принесу! Больше...

— О, Злой Господин поработает на меня... Чудесно...

Изумруд вернулся стремительно, неся две дюжины узких бутылочек привязанных на одну верёвку, полных Чистой Воды забвения. Монстр провёл лапой, и они звякнули.

— С моего корабля верёвочка...

Римлянин сложил руки:

— Я вас прошу!..

Чёрный юноша и Змей склонились над неподвижным телом. В руке Изумруда шарик. В лапе Монстра бутылочка с чистой водой, а в другой — извивающееся нечто: круг, заглатывающий свой хвост, не сужаясь при этом. Бест наклонился поближе, Римлянин и Ара, остальные не рискнули.

— Отойдите, — сказал Изумруд, — вдруг вырвется.

— Тени мне, — просипел Змей, — или тебе в глотку. Как угодно.

Изумруд не ответил. Змей плеснул воды прямо в Огненный Круг и одновременно они опустили туда чёрную и когтистую руки, глядя друг на друга, словно перед дракой. Амаранта подбросило вверх, выгнуло дугой. Змей отшвырнул пустую бутылочку и протянул руку над головой, в другой руке удерживая вырванную тень, подобную взбесившемуся маятнику. Один из летяг спланировал прямо в когти и открыл пасть с маленькими редкими зубами.

— Нет! — рявкнул Изумруд, сорвал шнурок с пояса и бросил Змею в лицо. — Сюда складывай!

— Что с тобой, Злой Господин? — просипел Монстр. — Вы все с ума посходили?

Едва он обвил шнурком Изумруда колотящуюся в руке тень, она втаяла в него...

— Неплохо... Могу оставить себе?

— Можешь... Отпусти.

Летяга сорвался, хлопая кожистыми крыльями, протиснулся обратно в ряд собратьев на карнизе. Изумруд окинул их взглядом ещё раз, пока Монстр откупоривал следующую бутылочку. "Мы, Богатеи Моря..." — всплыл в его памяти тоненький надменный голосок, и горло сжалось. "Да что со мной, и в самом деле!.."

— Продолжаем?

— Да.

Теней было пять. Последняя впилась в лапу Монстру. Не отцепляя, некоторое время он любовался на неё, прежде чем обвил шнурком. Огоньки дроидов померкли в теле Амаранта. Огненный Круг стал вращаться быстрей, но не намного.

— Несколько дней он должен лежать в тепле. И скорее всего, очнётся... — сказал Изумруд.

— Надеюсь... — просипел Монстр и добавил, улыбаясь, насколько это возможно без губ. — А теперь убирайся! Спасибо за угощение, он очень мне пригодится, Злой Господин!

— Убирайся?.. Какой же ты хозяин негостеприимный!

Поднявшись на ноги, Изумруд прошёлся по залу.

— Путой чертог... Прихожая? Покажи другие!

Змей хлестнул в его сторону хвостом, свистнувшим над головами изгнанников. Изумруд упал, кувырнулся и вылетел в следующий зал, где плавали на тенях подносы и кувшины, пустые. Разбежался, прыгнул на большое блюдо, уселся на нём с ногами. Блюдо покачнулось, но удержало его. Развалился, смеясь.

— Забавные сосуды... Мелкие очень. Чтобы слизывать воду Впечатлений языком? Я угадал, змеиным языком, так вкуснее?

Со звоном и грохотом всё рухнуло на пол, Изумруд вскочил. Убегая от Монстра, он разглядывал залу, исчезал за статуями, прятался за горы подушек.

— Ковры!.. Мягкие коврики, для змеиного хвоста... Камешки. Настоящие? Хочешь бусы сделать, как у меня? О, в них ты будешь прямо дроид!..

Он падал, уворачивался, болтал подряд, что приходило на ум, тупой стилет разбил голову статуи над его головой... Знакомое чувство нарастающего удушья принуждало его бежать, кувыркаться, язвить, тщетно ища выход... Он предпочёл бы вылезти из самого этого чувства, как из шкуры, вывернуться наизнанку и забыть. Но нельзя, невозможно.

— А правда ли, — прохрипел Змей, одной рукой выпуская тень-лассо, а другой швыряя веером тонкие, узкие ножи, — что Злой Господин дарит глупым изгнанникам Собственные Миры? Трусливым, слабым, бестолковым?.. Бест...

Кистень свистнул, и от лассо осталась лишь лужа и дымок. Изумруд остановился:

— Ты не стоишь одного волоса...

— Я в курсе... Слышал эту версию.

— Секунду!

Изумруд застыл. Очередной нож, летящий в него, почти дотронулся лба, пойманный чёрной рукой.

— Бест! — позвал Изумруд его, вместе с изгнанниками в дверях смотревшего представление. — Ты нужен мне, подойди. Подожди, Мурена!

Встревоженный переменой тона, Бест подошёл. "Что могло случиться? У них свои счёты, но старые. Что произошло?" Изумруд подтащил его к Змею, крутящему в пальцах очередной кинжал. Выбил кинжал из лапы, схватил её, ударил ей о собственную чёрную грудь, так, что Огненный Круг засиял, а все шесть когтей впились в тело вокруг него.

— Ненавидишь меня?..

Когти сжались.

— Изумруд, ради милости дроидов, что ты делаешь?! — воскликнул Бест.

— Пытаюсь объяснить!

Яростные глаза на чёрном лице извергали молнии в тускло-синие глаза Монстра.

— Мне нужно от тебя кое-что, Чудовище Суши и Моря! Бест свидетель! Я не солгу! Не в этот раз!.. Каждый день... — проговорил он медленно, раздельно, впиваясь взглядом в бледное безгубое лицо, и голос его взлетел до рычания, — каждый день, клянусь всем, чем угодно... Я буду приносить тебе собственноручно Чистую Воду забвения... Но!.. Всех летяг ты немедленно отдаёшь мне!!!

Монстр хмыкнул, отнял лапу, с недоумением посмотрел на свои когти, на Беста, покружил по залу... И хрипло рассмеялся:

— Они, эти маленькие твари, — сказал он сквозь хохот, — годятся ещё много для чего... Если и соглашусь, что ты хочешь из них сделать?! Злой Господин?

— Да или нет?! Бест, скажи, что я не солгу!

Бест кивнул:

— Мне нечем поручиться... Но пусть первый день, в который он нарушит обещание, станет моим последним днём.

— Забирай! — сказал Монстр, отсмеявшись. — Шутки ради, это забавно, да... Но зачем?

— Тебе не понять. А почему ты не сжал когти?

— Вот потому и не сжал. Не люблю непонятного.

Так все летяги до одного покинули башню, и вернулись в Великое Море.

Глава 8.

Глава 8.

Амарант очнулся не скоро, позже, чем ожидали. Мурена убедила чудовище: помимо очага, устроенного в стенной нише, хорошо бы, набросить фиолетовую сеть… Твёрдо верила в силу субъективного. Теперь, когда удалялся от огня, Амарант ходил, накинув её вроде пледа, не связывающего, но греющего, фиолетовые клеточки светились жёлтым, смотрел в пол при появлении Змея и молчал. А огонь, разведённый для него, так и оставили гореть. Похожий на зелёные костры изгнанников, просвечивающий в длинных языках пламени чистой лазурью. Хаотично скомканные, перекрученные тонкие корни служили ему топливом. Артефакт, недёшево шедший на рынках. Сгорая, они испускали быстро улетучивающийся, тяжёлый, пряный аромат, подобный валерьяне.

Первые дни Бест приносил Змею связку бутылочек с Чистой Водой забвения, оставленную на нижней ступени. Потом Змей спускался за ней сам. И через некоторое время, вполне предсказуемо, "случайно" столкнулся с Изумрудом.

— Не устал ли ты, Злой Владыка Собственного Мира?.. — поинтересовался он.

— Как только, — Изумруд прищурился, — я изловлю его, змеёныша, выученного тобой, жди меня в гости.

— А, догадался, что раньше не стоит... Не сразу. Ты будешь смеяться, но у нас общий интерес, до некоторой степени. Что ты уже ставил на него?

— Да чего я только не ставил! Он не дурак. На одну тень, которая разрывает, у него приходится десять теней, которые вынюхивают...

— Да, не дурак.

Так пару раз переговорили они на пороге. А неделю спустя Изумруд уже катался, болтая ногами, на серебряном блюде по крепости, и никто тень из-под него не выбивал... Хищником удалось договориться. Они изобретали ловушки, иногда вместе, страшно ругались, до драки. Иногда порознь, и ставили друг на друга, проверить, как оно? Попадались в них, но такой, чтоб другому не удалось сломать, не сделали.

Ради очередной задумки Изумруд принёс тени Морские Светильники, ещё называемые Падающими Факелами Моря. Тени, излучающие оранжевый в тёмное золото, широкими ореолами расходящийся, свет. Происхождение их мрачно, а вид притягателен. Падающий Факел имеет очертания рыбы, носом вниз уходящей на глубину, извиваясь, взмахивая хвостом. Эти тени не что иное, как бесконечно медленно растворяющиеся тела первых хищников моря. Давным-давно нет их на свете, нет Огненного Круга, но, спаянные океанским холодом и водой Свободных Впечатлений, они всё ещё распадаются, тысячекратно медленней, чем создавались, такие тени... Ара и Крез, не бывавшие в море, охочие до прекрасного, сказали долгое: "О!.." Соль, видевшая, сквозь глубины океанские издали и единожды, сказала: "О!.. Изумруд, ты же не разберёшь их?.." И он оставил все, кроме одного. Несколько десятков Морских Падающих Факелов окружали теперь столовый зал, изливая тёмное золото, в стенной нише горел огонь. Из стрельчатых окон по-прежнему глядели острые белые звёзды, и выл зимний ветер...

Изумруд, прежде не обращавший внимания на Олеандра, игрушку Змея, просмотревшего сквозь живую куклу невесть сколько связных Впечатлений, столкнулся с изгнанником в тоннеле. Точнее, как столкнулся, — налетел, словно на движущуюся стену, и был отброшен. Олеандр склонил голову в знак извинений, пропустил его. Проследовал мимо. Отступил, увидев Архитектора, скрылся за поворотом. "Ничего себе!.." Изумруд потряс головой, растёр ушибленное плечо. "Ого, это уже не человек... И давно не человек. С двух глотков не сделаешь тени, он спускается пить морскую воду... А с двух теней не приобретёшь такой крепости... Выглядит совершенно по-прежнему! Что ж, если парень настолько умён, в решающий момент у меня будет сильный союзник..."

Зверинец в затопленном подвале потряс даже Изумруда, повидавшего многое. Но не в такой концентрации. Кишащее телами мелководье, пожирающее само себя. При малейшем всплеске беспокойства, моментально воцарялся хаос. Чудовищ убыло. Те, что остались, были крупней и сильнее. Нелюди, даже не летяги, даже не полузмеи, монстры, способные сжимать челюсти, но утратившие дар говорить, живые, но состоящие из одних теней и Огненного Круга... Изумруду стало противно. Он сказал Архитектору:

— Есть в них чего интересное или нет, какая разница?.. Нужна идея. Я не буду разделывать туши, ожидая пока на меня снизойдёт озарение.

Нет, так нет, отправились обратно наверх.

— А оно закрыто от остальных? — поинтересовался Изумруд, не обративший внимания, как из тоннеля прошли они сами. — Свалится кто, горевать будешь.

— Конечно, — ответил Змей и пожал плечами.

"Даже так, Олеандр?.."

Внимательно, бесконечно внимательно следя за экспериментами двух хищников, ничего не спрашивая напрямую, Мурена собирала любые крохи знаний относительно создания теней. В отличие ото всех других изгнанников, и беспечных, верящих в свою счастливую звезду, и отчаявшихся, гонящих прочь мысли о неизбежном, она ни на миг не забывала о том дне, когда минет и этот год... Желание сотворить тень самой не пропало в ней после кошмарного сна, напротив. То был вызов, и она принимает его. Природа теней, отравивших Амаранта, внушала оптимизм, возможно сделать такое, что одному чудовищу извлечь не под силу, а значит, возможно и такое, что не позволит ему вырывать Впечатления целыми и сохранными, то есть заставит его хотя бы задуматься, отсрочить, изобретать что-то новое. Идея смелая и новая: присущая тень для защиты внутренних Впечатлений. Весьма амбициозная затея. Увы, во-первых, для её реализации, долговременно тренируясь на простом, надо быть уже мастером. Во-вторых: разнородное, поставленное рядом без подсказки дроидов, без их помощи сплавленное, своевольно — не расположено к благим целям…

Что же удалось выяснить? Первое: морской воды должно быть много, вдоволь. Второе: чем дальше одно от другого Впечатления по времени, настроению, цвету и так далее, тем активнее и сильнее будет тень. Третье: её форма, это отдельное Впечатления. Четвёртое: у любой тени есть верх и низ, кто бы мог подумать! А как она стоит, решает создатель. То есть, имеется тень-разрывающая-на-части, самая обычная в Великом Море, но она делает это, потому что стоит на голове! Условно говоря. Поставленная на ноги, она будет просто видеть, состоит ли что-то из частей, и показывать это хозяину. А поставленная на бок, она стремиться перевернуться, куда ей ближе, на голову или на ноги, соответственно, подталкивать хозяина к состоящему из частей, к добыче, или уводить от такового, от других хищников. Если же удаётся поставить её точно на бок, тень станет просто метаться, как сумасшедшая, и такие бывают полезны. Например, из них

может что-то рассеиваться при этом, распадающееся, дурманящее: искры, дым. Ещё она может бежать хаотично, запутывать след. Потрясающе интересно. Но время идёт.

Идея Мурены была такова: сделать доспехи для всех. Не наружные, таковые каждый должен делать сам, иначе он их не удержит, внутренние, как яд. Прекрасно понимая, насколько силён Змей, она и не надеялась создать что-то неразрушимое для него. Но есть и другая сторона, изгнанники хрупки. И если останавливается их Огненный Круг, то Монстр уже не добудет Впечатлений из жертвы. Это только отсрочка? Ну и пусть. Тень должна быть такая, которая при первых же признаках нападения медленно останавливает Огненный Круг и отпускает потом, если нападающий остановился. Монументальные планы, ювелирные по сложности задачи, суть — вдохновение новичков.

Мурена не боялась за себя, не опасалась стать вторым Сократом. То, что у тени есть верх и низ, стало решающим открытием. Если ты создал хищную тень, и она погубила кого-то, всё, ты — хищник. Но она не станет такого создавать. Первая тренировочная, для себя. Каковы бы ни были свойства, она заставит стоять на ногах, не на голове. А следующие тени будут присущими, внутренними. И каждый, кто рискнёт, кто наденет такие доспехи, сделает это сам, под свою ответственность. С Чёрным Драконом или без, намеренно становиться хищницей Мурена не согласилась бы никогда. Дело не в дроиде... Если задуматься, удивительно, сколь многие изгнанники обожают своих ездовых драконов, а телохранителей никто. Ну, ходит и ходит, дерётся, так и должно быть. То ли дело полёт на Белом Драконе! Получается, они любят тех, с кем влипают в истории, а не тех, кто вытаскивает из них...

Что же на данный момент в ней есть? Мурена отпила глоток воды Свободных Впечатлений, скопившийся у подножия витой колонны, и опустилась в тени бассейна. Закружились узоры. Немного. Ладно. Теперь внимательно, медленно. Кто однажды посмотрел их так, может впредь безо всяких теней наблюдать в своём уме беспрепятственно. Но Мурена раньше не видела все, только пару-тройку, из любопытства к процессу. Второй глоток. Конечно, это блаженство, да. И как нарочно, Впечатления одно к одному, нет противостоящих Впечатлений! Хозяин угощал... Не ради теней, ради удовольствия. Как плавно они переходят, как вьётся просёлочная дорога, перепрыгивает мостиками через ручьи, поднимается дым над крышами, дымом пахнут деревеньки, белёные стены низких домов, плетёные ограды... Коровы белые с рыжими пятнами заходят в распахнутую калитку... Белое молоко, белый сладкий дым, белая пыль дорожная, звёздочками простые цветы по обочинам... "Дроиды, из шестипалых когтястых лап!.. Ладно, что же противоположно пилигриму? Свободе? Покою, гостеприимству, парному молоку?" Мурена поднялась, незамеченная никем, выскользнула из бассейна.

Определившись с накопленным, она теперь втихаря опускала пальцы во всякий сосуд, попадавшийся в поле зрения. И ещё... Форма. Какую придать ей форму? Дело третье, но всё-таки первая собственная тень. "Так. Пилигрим идёт наружу, снаружи, он — та часть будущей тени, которая смотрит, например, за Впечатлениями в теле. Различить и показать не может, но может видеть сам факт: есть ли они. Что же станет второй частью, схватывающей или рвущей, противоположное... Что?.. И почему? Очаг? Нет, странник, ты идёшь от очага к очагу, от привала к привалу. Идёшь к завтрашнему костру, и далёкий костёр тебя греет. Что же?"

Наступил день, когда Мурена, задумавшись, оглянулась рефлекторно, сунула руку в кувшин, глиняный, с тонкой белой эмалью, и отдёрнула. "Фу!.. Что это? Тоже очаг... Но давно потухший, холодный, пахнущий стылой, отсыревшей золой... Родной очаг. Ужас странника, останавливающая тень... Ура!" Она выпила залпом. "Гадость!.." Поставила на место и живо удрала играть на флейте. "Ничего не было, тра-ля-ля!"

Если зайти в глубину сада, то может показаться в какой-то момент, что ты совсем и не во дворе. Стен не видно, над головой пасмурный день, безветренный. Вдоль стен же Сократ раскидал когда-то артефакты — семена растений не плодовых, Монстру не нужных. Теперь, то там, то тут вился плющ, цепляясь за каменную кладку, за перила лестниц, ведущих к гнёздам, комнаткам изгнанников. Где-то листья зелёные, где-то покраснели до алого и бордового. Ручейки, питающие сад сбегают между ними по стенам и уходят в землю. Вода не ценных, случайных Впечатлений, обильно разбавленная морской. Но так даже интересней, не угадаешь, что получится, что задержится в плодах. На противоположной, дальней стороне от железной двери стены густо-густо обвиты плющом, и несколько кустов роз, роскошных, благоуханных. Слишком тяжёлые в расцвете для своих стеблей, они клонились немного и покачивались от неуловимого дуновения.

Пред этими розами, закутавшись в белую, узорчатую ткань сидел новый изгнанник и смотрел на них... Как в окно за решётку. Как на молчащего дроида после утраты. Как в тающий облачный эскиз... Он сидел, подобно изваянию, совершенно неподвижно. Потому что боялся шевельнуться, встать, вздохнуть. Только здесь, где розы склонялись к нему, улыбаясь полураскрытыми лепестками, он остановился, пал за землю, затих. Здесь и оставили его… Оставили в покое. Монстр посмотрел издали, не пытаясь приближаться больше, и уполз тоже. Пусть сидит. "Принеси ему воды, Пурпурная Рыбка".

Три полных дня провёл Архитектор наверху своей башни. По его словам: "Почистил кое-что. В небе. От яда". Результат не заставил себя ждать. Его тени захватили живыми обитателей той стороны серых туч, доставили, с кручёных рогов, мотнув ими, сбросили внутрь башни. Рёв двух Чёрных Драконов раскатился в её стенах. Один замолк сразу... Другой постепенно. За спиной изгнанника, среди роз покараулил и стал невидим.

Утрата. Континент. Атака. Падение. Как же он мчался по залам, по лестницам!.. Жуткое чудовище с безгубым лицом возникало отовсюду, прямо из стен! Куда мчался? Наверх? В светлые облачные миры? В Собственный Мир, обернувшийся миражом? И крепость и тучи, разящая винторогая тень, Монстр со змеиным хвостом, люди в парче и бархате, всё и все казалось ему видением ада — тёмным, тягостным, убийственно-материальным, плотным, душащим своей тяжкой плотной несомненностью, враждебным, насквозь враждебным... Как он бежал!.. Но невозможно бежать вечно. Змей набросил на обезумевшего сеть и выпустил его в сад. Правильное решение.

Бест тоже решил повременить со знакомством, пусть сидит. Отправился к Архитектору. Розовые раковины с драгоценной влагой выплывали из стен. Змей распределял её по кувшинам, направляя к Олеандру, нюхая, но не касаясь. Изредка, когтями. Олеандр уносил часть. Некоторые ставил на тени и отправлял кружиться в условном пространстве стола, перед сидением, заваленным подушками. Соль трогала новую воду, иногда отталкивала покачивающийся кувшин к Бурану и Аре, посмотрите, мол.

— Кажется, их было двое? — спросил у Змея Бест.

— Кажется... — просипел тот.

— Где же второй? Я хотел бы его увидеть.

— Кажется, было... — повторил Змей.

Буран, слышавший разговор, нахмурился и вышел их зала. Ара не обратил внимания. Ровно ничего не отразилось на отрешённом лице Соль.

— Понятно...

Бест провёл рукой по лбу. Раковина, подплывавшая к Монстру, разлетелась вдребезги от удара ногой, окатила обрывками песен, дымком благовоний, пиками далёких гор... Не шевельнув бровью, Монстр на это ответил:

— Он был ранен. Тень заражена. Смысла не было.

— Насколько ранен?!

— Намного...

— Но ты мог хотя бы...

— Гость мой, Бест!.. Всё ценное я сохранил. Его Впечатления — в тридакне. Я ничего не скрываю от тебя. Можешь их посмотреть. Можешь забрать.

Бест взвыл, разбил следующую раковину, умылся обрушившейся на него водой Впечатления, тонкой, невыносимо грустной песней на незнакомом языке, и взял себя в руки.

— Архитектор... Я имею просьбу к тебе. Я хотел бы видеть изгнанников или хозяев, всех попадающих сюда. Первым. Вместе с тобой... Прошу.

— Пожалуйста, — ответил Змей.

Оттолкнул красную раковину, из целой вереницы розовых, к Олеандру. Уполз, оставив другие кружить по залу. Соль сидела, опустив руки, и шептала тихо: "Не я... Только не я... Это буду не я..."

Мурена тем временем встретила в тихом, безветренном, безлюдном саду главный поворот своей жизни. По сравнению с ним путешествие в морские глубины было так, прогулкой... "Пурпурная Рыбка, принеси ему воды..." А ведь она сделала тень, свою первую тень к этому моменту!

Глава 9.

Глава 9.

Несколько раз Мурена притворялась, что хочет разглядеть связное Впечатление в бассейне, а морскую воду, скапливающуюся пару глотков, у основания колонны, не проглатывала, собирала в кувшинчик. И вот, он наполнился… Форма. Форму для тени выбрать оказалось легко. Надо скрыть? Чего проще. Ожерелье из монеток блестит у неё на груди. Точно такое же во Впечатлении на танцовщице. Его и возьмём. А после оденем на шею вместо артефакта. Ну, не от Змея спрятать, конечно же! Не настолько Мурена наивна. Так… Спрятать всегда хорошо… Всегда пригодится…

Очень-очень много сосредоточения надо чтобы распознать и подвести к Огненному Кругу нежелательное Впечатление или ранившую тебя тень. Насколько же больше надо, чтобы выбрать три, из них два противостоящих Впечатления, подвести и расположить одно в другом, как требуется. Много сосредоточения, много времени. Мурена не скрывалась особо. Не было запрета создавать тени. Кажется, Монстр даже одобрил бы, особенно её. А зачем тень, знает только создатель. "Засечёт, ну и пусть… Просто, тренировалась".

Мурена уединилась на верхотуре, в своей бело-голубой комнатке, села, прислонившись к стене, нашарила между подушек флакончик с Чистой Водой забвения. "Вдруг что пойдёт не так..." И закрыла глаза. Глоток. Острая, горькая, колючая морская вода побежала в глубины памяти. Вот оно — трепещут на груди танцовщицы монетки. Срезать. Отделить. Ещё глоток. Отлично. Золотое монисто легло вокруг Огненного Круга широко, плавно. Теперь основная часть. Глоток...

Вот они — шагающие в пыли босые ноги пилигрима. Жарко... Тут пыль, а дальше камешки!.. Шишка сосновая. Да, обувка не помешала бы ему. Это полудроиды, летающие на драконах, могут пренебрегать ею. Так и есть, недоумевают и брезгуют. Даже коллекционеры. Глоток... И целое Впечатление начало свиваться вокруг золотых монеток следуя за босыми ногами — ручейки, закаты, кров, приют, хлеб разламываемый руками, колодезная вода в ковше, снова дорога и первая в небе звёздочка. Оно закрутилось, начало обвиваться новой зарёй. Отлично. Получилось. Остаётся самое неприятное. Но необходимое. Глоток...

Ум не желал идти на запах остывшей золы очага, мышиный, сырой и грустный. Покосившиеся ставни не заколоченного окна. Отсюда не уехали, здесь умерли, не дождались. Глоток. Пепельно-серая останавливающая безнадёжность взвилась пылью и затемнила Огненный Круг. Фу!.. Жаль. До этого было чудесно. Дальше.

Дальше маленькими глотками она пила горчащую, злую воду Свободных Впечатлений, а та становилась всё горче, кислей, солоней до новой жгучей горечи. Затуманивались образы, спаивались, сплавлялись в одно чувство. Распознающее. От босых ног, от света закатов, рассветов, звёзд, от всего видимого, но особенно — от источников света, от вкуса хлеба и молока... Охотно смотрящее наружу единое чувство. Тем охотней тянущееся наружу, что оно балансировало, кренилось вниз в пепельно-серую муть, сжимающуюся от любого шороха в башне. Усилием воли Мурена заставила переместиться наверх распознающую, мирную часть и оттуда растянула её до пределов тела, до кожи: внимательно смотри. Потом обратно собирать, но это уже в чистом виде тренировка. И проверка. А губительную, сжимающую часть столкнула вглубь, вниз: жди, ничего не делай. Вот тебе голова и ноги, тень. Вздохнула свободней. Вполне рабочая штука. Только незавершённая.

Оставалось с треть кувшина морской воды и Мурена пила, морщась, до дна, содрогаясь. Впечатления были уже неразличимы. Почти нераздельны. Внезапно вода перестала казаться горькой, утратила кислую остроту. Мурена почувствовала себя так, словно всерьёз умирала от жажды. Запрокинула голову… Последний глоток, которым можно было захлебнуться, тень с невыразимой жадностью сделала совершенно сама!.. Впитала, вырвала!.. У теней нет Огненного Круга... Они не живые, и всё же... Мурена вздрогнула с головы до ног, распахнула глаза. Ничего не увидела пред собой. Увидела кольцо яркого света, как замедлилось оно, похолодело, отторгло золотые монетки, холодные... Вокруг них — несъедобная пустота... А они странные такие... С лицом и с изнанкой... И смотрят, напряженно смотрят. Комнатка какая-то, пустая... Жрать в ней нечего... Вот так-так!.. Кто не делал тени, может представить степень сложности, но не степень перемены происходящей с тобой. "Стоп!.. Она нужна мне, как вещь, снаружи!.. Закрыть глаза. На ощупь... Вот артефакт, он звенит, снимаю. А это что?.." Присущие тени неизбежно меняют тело. Это странное чувство в горле было тем, что обычно поёт в сердце, зовёт Белого Дракона. Если б оставила как есть, звать дракона Мурена всё ещё смогла бы, но не вольной птичьей песней. Словно реальная цепочка на шее, удавка, так мешала ей эта тень. И она правильно угадала обновку. Цепочка шла под кожей внутрь тела, настоящими монетками до Огненного Круга. "Как же выдернуть?.." Про это не узнала ничего. "Просто выдернуть! Вырвать!" Смогла. Обругала себя за непредусмотрительность. И напрасно обругала. Мурена не знала, что это всегда так. Нет другого, хитрого способа. Есть только такой: решиться и вырвать. Тень не ставила раны. Но внутренним ожогом шрам остался навсегда, порой тёплый, порой обжигающий. Иначе не бывает.

Девственно чистые, золотые монетки играли в её руке. Мурена надела монисто на шею.

Мир преобразился. Далёкое стало ближе, близкое — хуже различимым, непостоянным, мерцающим. Мурена обвела пальцем стебель голубого мака, ещё раз, сильней, по тонкой плитке разбежались трещины... «Ага, вот она, единичка силы Морского Чудовища…» — произнесла вслух. И преобразилась. Неожиданное, позабытое опасение всплыло вдруг и заставило оглядеть себя с ног до головы, умыться пустыми руками, ощупать лицо!.. Страшновато всё-таки увидеть на месте ног змеиный хвост! Всё в порядке. А руки?.. Не только руки, цвет... Что-то изменилось неуловимо. Кожа стала розовей, просвечивает немного рассветным облачком. Это все перемены? Ну и славно. Мурена опасалась уродства совершенно напрасно. Подобно другим, она не понимала, не верила, что и морская вода, и проглоченные с ней, медленно смотримые Впечатления, и само создание тени не уродует тела. Создание тени отнимает у Огненного Круга часть его тепла, переводит срок жизни в силу, в крепость тела, высокий рост, иной цвет и в саму тень. То же, что они считали уродством, это присущие тени, создаваемые Чудовищами Моря по-первости совершенно сознательно, намеренно! И когти, и хвост, и самые-самые непостижимые, нечеловеческие формы — всё нарочно! Трудно понять…

Мурена спрятала ожерелье-артефакт под подушки и в обновке отправилась гулять по башне, разглядывать её новыми глазами, глазами тени… А там, в саду этот, упавший с неба, изгнанник... И Монстр со своим: "Принеси воды..." Воды так воды. Зря она так сразу надела ожерелье... Лихорадку приняла за обычную усталость... Беспокойство, погнавшее бродить, а не спать, за любопытство. Но то была не её лихорадка, и не её любопытство. И то, как резко наступило спокойствие, лишь только пошла за водой, и это не заставило задуматься. А ничего удивительного: тень перестала фильтровать всё вокруг, она получила цель. Команду.

С кувшином в руках Мурена пересекла сад и приблизилась к изгнаннику. Со спины. Тень, которой час от роду, дрогнула и накренилась. "С ног на голову... Если встанет с ног на голову..." Она уже не просто смотрела, даже не просто тянулась, она выбирала маршрут, прицеливалась... Одинокая фигурка перед тяжёлыми розами. "Розы пресные, пустые. А он съедобный... Фигурка,

полная отсветом утраченного мира!.. В ореоле его... С памятью о нём внутри!.. Шикарная добыча... И что там конкретно? Любопытно... Почему так трудно дышать?.. О, он утратил облачный эскиз сегодня... Сегодня! Ничего не смыто, всё свежо..." Изгнанник собирал повторы одних и тех же слов, собирал языки, увлёкся, не успел. Он был Восходящий коллекционер. На своё счастье и на своё несчастье он сохранил Впечатления о них... Да, шикарная добыча. И очень горячая. Жар юности необыкновенно чутко улавливают, предпочитают Морские Чудовища, страдающие от холода снаружи, внутри себя жертвующие скоростью Огненного Круга. Так вкуснее, когда пойманный юн. Впечатления вкуснее тёплыми. Да и когда их вовсе нет, приятно разорвать, согреться. От холода и голода непрерывно страдают они. Ведь тело, состоящее из теней плохо воспринимает Впечатления, они разрушают его, через какое-то время они перестают накапливаться… И всё время, всё время норовят стать новыми тенями!.. Любыми!.. Так и происходит деградация. Голод есть, мощь есть, атака, добыча, — а насыщения нет, нет покоя. Этого и пытался избежать Монстр... Архитектор был ангел по сравнению с Муреной сейчас, он был древним, расчетливым чудовищем с исключительной выдержкой...

Фигурка в белой, узорчатой ткани под тяжёлыми розами... Изгнанник обернулся.

— Привет... — прошептала Мурена в ужасе, в полном отчаянье. — Привет...

"Сейчас она встанет на бок и слетит с меня, эта тень... Она его задушит". Мурену спасли две вещи, за одну заплатила: тень была внешней. Мурена слышала её, но не подчинялась, могла остановить рукой, тогда силы делились ровно пополам, борись! И вторая: перед ней были не чудовища, как перед Сократом, учившимся в подвалах рвать и разбирать на части, перед ней был милый изгнанник, человек. "Дроиды, спасите нас обоих!.. Бест!"

— Привет... — прошептал изгнанник.

Он смотрел не на Мурену, севшую перед ним на корточки, а выше, на Олеандра, стоящего за ней. Медленно, осторожно, словно короновал на царство, а не освобождал её, Олеандр двумя руками снял монисто. Мурена выдохнула. С непередаваемой благодарностью и облегчением. Олеандр улыбнулся. Мягко, успокоительно, как Лелий когда-то. Приложил палец к губам. Кивнул. Не проронив ни слова, он развернулся и пропал среди цветущих вишен. Мурена указала на кувшин, не отойдя ещё от шока:

— Выпей.

— Ты хищница? — прошептал изгнанник.

— Нет! — тряхнула она головой. — Нет, никогда!

Не в силах оставаться среди этих роз дольше, Мурена пронеслась сквозь сад, железную дверь, коридор, вылетела в зал и застала там странную сцену…

Олеандр, пять минут назад спокойно державший её ожерелье, теперь, катаясь по полу, боролся с ним, как с Чёрным Драконом, пока Монстр не вырвал монетки из всерьёз пережатой, едва не разрезанной ими руки. Тогда Олеандр поднялся. Змей провёл по его лицу кончиком хвоста, хлопнул по щеке и утёк к Мурене, разглядывать её, сияющую новым розовым светом.

— Пурпурная Рыбка? Уже почти... пурпурная. Тебе идёт этот цвет. Тень непослушная? Сильная... Поздравляю.

— Злишься?

— Не-ет... — просипел он искренне. — Завидую. Восхищаюсь. Отличная тень. И смотрит и отнимает. Первое, что сделал я, умчалось без оглядки в Великое Море, без цели и смысла. И было сожрано. У меня на глазах. Тогда они ещё видели... Твоя тень превосходна. Я научу тебя управляться с ней.

Змей обернулся к Олеандру:

— Мальчик мой, несколько малых порций, и будь спокойнее.

Олеандр поклонился, исчез. Вернулся, неся по два кувшинчика в каждой руке. Поставил на инкрустированный круглый столик. Мурене совсем не хотелось учиться. Не стремилась она и заполучить созданное назад. Ей необходимо было остаться наедине со шквалом своих вопросов, ошибок, раскаянья. Найти ответ хоть на что-нибудь. Как такое могло получиться? Где начинается, где кончается нарочно и не нарочно созданное ей?.. «Своя и чужая воля? Чужая, это чья? Тени?!» Но поздно. Змей обвил шею монисто и сказал, указывая на Олеандра:

— Смотри на него. Внимательно. А ты — не вспоминай ни о чём.

"Смотрю. И что? Непостижимо странный. Красивый, как дроид. С отрешённым взглядом".

— Выпей одно Впечатление, — велел ему Змей. — А ты снова смотри.

Ничего не изменилось. И в то же время, изменилось всё. Центр тяжести сместился. Или возник. Только что она стояла на земле, а сейчас уже цепляется за неё, за склон, висит. Тень видела тело, как препятствие, досадную оболочку. Не видела, что под ней. Не видно! Именно по этой причине тянется... Разорвать, раскрыть... Тень дрогнула и накренилась. Монетки звякнули. Мурена схватилась за ожерелье.

— Отвернись! Не трогай её, отвернись! Иначе так и будешь бороться с собственным творением. Ясно? Незачем быть сильнее её, надо быть быстрее. Тень должна набрасываться, когда хочешь ты, а не когда она хочет... Внешняя тень, ничего сложного. Труднее с присущими тенями. Но и удобнее иногда...

Отвернулась. "За долю секунды, — подумала Мурена с горечью, — я перестала видеть в нём человека, брата, изгнанника. Он сделался только сосуд. А ведь то, что есть в этом сосуде мне даже не надо!.. Почему? И на что же мне опереться, о чём успеть вспомнить за секунду? Неужели милосердие, это просто милосердие к телу? Не вникая, что там есть и чего можно ждать от него. А выдержка, просто выдержка? Любые планы — фантазии!.. Тень я хотела создать совсем не для того. И забыла, немедленно позабыла, не вспомнила даже!.. Небо и море!.. Бест, например, не такой. Я дрянь, чего усложнять! Я — Морское Чудовище…"

— Смотри снова!

«Ну, смотрю...» На третий раз монетки даже не дрогнули. Мурена действительно начала ощущать себя как бы быстрее, впереди их... На четвёртый раз она была в такой глубокой задумчивости, словно и не смотрела, и тень не смотрела тоже. Результат. "Разве это меняет суть: бессердечность, пустоту? Интересно, что за представление ты устроил, Олеандр? Что случилось с тобой, выдал меня нарочно или не рассчитал свои силы? И почему ты всё время молчишь…"

Змею наскучило. Впечатления кончились.

— Отлично, отлично, — похвалил он. — В целом, понятно?

И уполз куда-то зигзагами, вверх-вверх-вверх, абрисом в толще стен. "Скрытный Олеандр..." Мурена обратила внимание, каким взглядом он проводил Монстра, и не заметила ни грана ненависти во взгляде. Олеандр быстро подошёл к Мурене, снял монисто и зацепил ей за пояс. Вот дела, тень снова на него не нападает. Кивнул: так лучше.

— Дроиды, Олеандр, скажи хоть слово!..

Покачал головой: нет. Приложил палец к губам: молчи. И горько усмехнулся.

Глава 10.

Глава 10.

Бест проводил с новеньким, они дружно назвали его Дикарём, всё своё время.

— А чего вы ожидали? — спросил Гром у Миража, обсуждавшего этот факт с Бураном. — Это же Бест. Стратегические цели возвышенны, тактические сужены до предела. Есть новичок, остальное побоку.

Бест присутствовал, между прочим. И Мираж обратился к нему:

— Слушай, как ты свалился?

— Обыкновенно. Я же рассказывал. Проскочил между оводов, от них ветер такой!.. Салют, вы его не знали, оказался слишком близко к тучам, к земле...

— Он спускался на континент?..

— Угу, а я оказался между оводами и ямой...

— Понятно. Бест указывал изгнаннику, как ему жить и где... И свалился.

— Мираж, имей совесть! Жить — по крайней мере, а не как и где, — жить! Он же не знал, что тут делается, на земле, а я в общих чертах знал.

Буран примирительным тоном принял, однако, сторону Миража:

— Бест, может, и не стоило. Всё идёт, как идёт... Для каждого.

— Или не идёт! Думаете выжить в одиночку? Получится?

— И так, и так не получается.

— Это временно. А у тех, что сейчас в подвале вместе сидят, у них хуже получается или лучше, чем у вас, любители сыграть в прятки?! Простите упрёк, но вы были радикально не правы, разбежавшись... Восходящим помогают дроиды. Хищники создают злых теней. У изгнанников есть только изгнанники. Общие знания. Единый мир, один! Всё переменится к лучшему.

— Ну и что нам делать?

— Я подумаю. Нет идей... Пока...

Мираж перебил его, мельком взглянув на новенького вдалеке, среди успокоительной для него древности картин:

— Бест... Чего ты с ним нянчишься? Нам не жалко, но странно, небо и море! Для этого, Дикаря, ты как будто создаёшь иллюзию, что вечность впереди... А где второй изгнанник, с которым он сверзился сюда, а? Зачем ты его обманываешь? Даешь надежду. Сколько ему ещё осталось дней, недель?

— Тысячелетий! Заткнитесь и придумайте план, трепачи! Самая отвратительная привычка: заранее хоронить и других и себя!..

Бест махнул на них обеими руками и ушёл к Изумруду, дальше в тему ловушек вникать. Не его эта тема, по правде.

Маленький томик Бест вертел в руках, название короткое на загадочном языке, внутри — столбцы стихотворений. Изумруд возле торговой пирамидки нашёл, принёс. Амарант смотрел на шуршащие, тонкие, как папиросная бумага, страницы не отрываясь, не поднимая головы, пока Монстр не покинул зал.

— Можешь прочитать? — спросил Бест. — Или так хранил?

— По буквам могу, — ответил Амарант, — а языка не знаю. Дикарь может знать.

Взял томик, руки дрожали и он видел, что Бест нарочно говорит о другом.

— Дроиды светлые... — прошептал Амарант, глядя в стену, куда утёк Змей. — Бест, это единственное, чего я хотел избежать. Всегда ненавидел море.

Бест толкнул его плечом.

— Да ладно тебе. Ты очень уж нервно относишься к физическому... облику. Кстати, знаешь, что в пределах башни её Архитектор слышит всё?

— Догадался.

— Давай о прекрасном, о поэзии! Дикарь окопался в саду? Пошли, найдём его, пусть переведёт.

Горизонт, Крез и Буран, перекочевали к ним с другой стороны условного, опустевшего стола. Крез разглядывал артефакт, бутылку. На прозрачном, чуть сиреневатом стекле вились побеги белых растений, листья и три соцветия наверху, красиво. Горизонт озвучил вопрос:

— Бест, никто из нас не создал и гостем не бывал в Собственном Мире. На что он похож изнутри? Крез носится с этой бутылью не первый день, говорит, что она ему чувство Восходящего смутно напоминает, облачный эскиз, последний взгляд на него перед утратой...

Крез звякнул браслетами, протянул её Бесту. Тот взял недоверчиво, подозревая розыгрыш. Зря. Им хотелось поболтать, забыться, не более того.

— Да! — согласился Бест. — Пожалуй, напоминает. Он словно резной изнутри, Собственный Мир, кружевной, полупрозрачный. Виден весь сразу.

Дикарь приблизился к ним и слушал с напряжённой тоской.

— Он весь, — продолжил Бест, — сверху донизу перекликается. И совершенно открыт, совершенно... Но в то же время, окутан, спрятан от любого вторжения. Но не как тот, кто спрятался в темноте, а... не с чем сравнить. Дроид поёт. Его пение беспрепятственно. Переливается...

— Бест, — Горизонт встал напротив, — почему ты вышел? Не сюда свалился, а вышел вообще?

Бест покачал головой, усмехнулся:

— Вы мне почти не доверяете! Забавно. Давно ли расстались, надолго ли?.. Я не вышел, я вылетел, как только смог! И не — оттуда, это было бы несправедливо говорить так. По отношению к дроиду несправедливо.

— Не оттуда? Сюда? Здесь так прекрасно?

— Я... беспокоился. Я чувствовал себя виноватым. Небо и море, подумали бы о чём дельном!

Буран возразил:

— Мы о дельном, издалека. Ты знаешь другую сторону, другое лицо воплощённых Впечатлений, а мы только одно, змеиное. Мы вот о чём, скоро он предложит тебе смотреть подробно и медленно... Ты согласишься?

— Охотно. Да, помнится, я сам и спросил.

— Бест! Очень трудно затормозить! Невозможно.

— Бросьте. Инструмент, каков бы он ни был, это только инструмент, орудие.

— А кнуты?

Бест взмахнул руками, больная тема.

— А это — оружие!

— Но они, сила их, той же природы: Свободных, но — Впечатлений.

— Важно не из чего, а для чего! В любом случае, я должен попробовать сам, прежде чем спорить с вами.

Бест встал:

— Вот этим я сейчас и займусь.

Парни переглянулись.

— Проклятье дроидов, наоборот вышло, — сказал Буран. — С Бестом всегда так.

Верно, наоборот. Изгнанники к этому времени в какой-то мере чувствовали себя дважды пленниками: Архитектора башни и, неведомой прежде, реальности отчётливо зримых картин, реальности затуманивавшей эту, убедительной, да. Они хотели и предостеречь Беста и ревниво отстранить... Не попав под власть змеевого изобретения, он становился для них живым упрёком, а попав, переставал быть надеждой. Достаточной воли отвергнуть предлагаемое Монстром сами они уже не имели...

Монстр, услышав во второй уже раз просьбу своего гостя, закивал одобрительно, любезно уточняя, просипел:

— А что ты любишь? Что хочешь увидеть?

— Без разницы, мне сам принцип интересен.

— Всё-таки выбери: много людей — много точек обзора, мало — подробней зримое, чуемое...

— Ой, что-то они мне надоели. Давай без людей!

По периметру бассейна кувшины и кувшинчики стояли в несколько рядов, узкий проход между ними. Змей сделал круг, принюхиваясь. Второй… И передал Бесту на невзрачный кувшинчик с рисунком на глиняном круглом боку: птица распахнула крылья над клеткой, в клетке дерево, семь листочков. Простецкий рисунок, несколько линий.

— Сначала морской воды.

— Ясно.

В лапе Монстра очутилась остроклювая тень-воронка:

— Не против? Взгляну что там.

— Разве у других ты спрашиваешь?

— Ну, с ними у меня есть договор. Изначально.

— Ага, договор... Ультиматум.

Змей просипел вслед за ним:

— Ультиматум... Бульканье, а не слово. Буду знать.

— Послушай, — Бест вернулся к не раз обсуждённой теме, — я уверен, что должен быть способ...

— Гость мой, Бест!.. Никого. Из них не останется ни одного, только Пурпурная Рыбка. Выпей. Не пройдёт и минуты, как ты поймёшь меня. Они поняли. И молчат!

— Жизнь опирается на воду любых Впечатлений!

— Выпей, глупец! Попробуй. Дорога не жизнь, это скорее смерть для меня, медленная, насколько возможно... Дорог — выбор! Возможность взять с открытыми глазами...

Глиняный кувшинчик нагрелся в руке. Усмиряя фантазию, распахнувшую перед ним жуткие сцены, Бест обратил свой ум к происходящему и к логике:

— Справедливо. Попробую. И надеюсь понять.

О, ирония судьбы! Сквозь мозаичный орнамент, поплывший перед глазами, на Беста из незапамятной ранней весны хлынул тот самый, едва уловимый свет между рваными облачками. Когда ещё нет весны, но она уже есть. Свет, из-за поисков которого, он проворонил момент воплощения облачного эскиза в Собственный Мир, утратил... Змей был гениален и в своих изобретениях и в своей интуиции. "Да, удивительно... До малейших деталей..." Бест наблюдал за

самым, наверное, заурядным, вечно маячившим над головами изгнанников: таяньем и преображением ряби облачков. И шёл куда-то чужими ногами. Слова Монстра тяжёлым камнем лежали у него на сердце. Впечатление не смыло, не заслонило их. Но оно продолжалось, длилось, птичье чириканье многоголосое, лёд, синие тени на льду. Снова город, предчувствующий весну каждой трещиной на фасаде, каждым стылым двором... Повтор... "Да, прекрасно... Можно любоваться до бесконечности. Даже странно, что нет песни дроида... Повтор..."

Бест резко сел с расширенными глазами, с потрясением на лице:

— Ну конечно!.. Небо и море!

Вылез на бортик бассейна. Змей самодовольно наблюдал за ним:

— Как тебе понравились уличные музыканты?

— Что? Не заметил...

— Не заметил? День прошёл.

— Целый день? Я задумался...

— Не смотрел, а думал?!

— И смотрел, и думал. Послушай, я знаю, как изловить его!

Монстр перебил:

— Никогда не бывало такого... Наверно, причина в том, что ты не изгнанник, ты хозяин...

— Чудесное Впечатление, — покаянно отозвался Бест, — извини, был невнимателен. А теперь слушай, я понял, как его поймать! Сократа... Это же так просто, дроиды!

— Ну и?..

— Помнишь, вы подрались, с Изумрудом, тогда прозвучало: "Тенями — в море, жадностью — на рынках..." На рынках!

— Да, обсуждали, помню, — разочарованно просипел Монстр. — А ты-то помнишь, что мой безумный ученик сам заставил всю землю артефактами на продажу? Он не ценит ни один... У тебя эйфория, а не прозрение... Тенью в артефакте не поймать, не нужно это ему. Артефактом на пирамидку не поймать, как? Уж не настолько он безумен.

— Архитектор! А ради чего он заставил всю землю?

— Ради того, — занудно повторил Монстр, — что в человеке, попавшемся на пирамидку, в упавшем с неба могут быть связные Впечатления... Если же снег остановит Огненный Круг таковых ему не достать... К чему всё это? Я предлагал отравить его человеком!.. Ты отказался. Передумал?

— Нет! Но вот сам пойманный... Ага, ага, вот именно...

— Что, ага?..

— Объясняю. Но сначала скажи, если я самостоятельно придумаю ловушку и поймаю его сам, будешь ли ты мне — должник? Архитектор, что ты дашь мне за это?

Монстр задумался:

— Пока что, пустые слова. Я знаю, чего ты захочешь. Изгнанники — моё сокровище, гость. Не надейся. Ты так жаждешь отнять их у меня, словно единолично намерен съесть. Но если и, правда, сделаешь... Одного. Я отдам тебе одного на выбор. И это щедро с моей стороны.

— Одного?! Выбрать?..

Коротенькой вереницей они промелькнули у Беста перед глазами, смотря на него с ужасом и упрёком, надеждой, отчаяньем, недоверием...

— Нет-нет, невозможно! То есть, да... Я согласен.

"Дроиды, это лучше, чем ничего. А как дальше быть, посмотрим..."

— Слово?

— Слово. Рассказывай. На рынках толкают под руку, притронься и баста, но торговец не

может сам этого сделать, нужен второй. Как ты себе представляешь? Мой маленький ученик силён, кроме того... Заманивают туда, откуда не выйти. Застят глаза. Я вот землю скользкую сделал... Что из этого? И ради чего он должен приблизиться?

— Ничего! Не надо толкать под руку! Сам возьмёт. И второго хищника не надо, и даже первого, торговца тоже не надо! Амарант, бедняга, навёл меня на мысль, спасённый тобой... Неужели после того, что сделал для него, ты сможешь... Ладно, я о другом. Амаранта я вспомнил, пока смотрел Впечатление. Сократ заинтересован лишь во внутренностях? Прекрасно! Дай мне вещь или тень в виде торговой пирамидки и длинное одеяние, длиннее, чем до земли. Вот легенда. Я спустился на землю торговать с её новыми хозяевами. Я глупый, я жадный. Я поднимаю настоящую пирамидку, ставлю торговый шатёр. Рядом кладу пирамидку, для вида, не настоящую, с артефактом. Я зайду в шатёр, и буду ждать Сократа, сколько понадобиться. Ждать... как Амарант, стоя на пирамидке торга, в одеянии до земли, плотном, оно скроет её, скроет её свет! Как считаешь, не нападать же с тенью на меня, такого глупого и безоружного... Никого больше не надо, он сам протянет ко мне свою руку! Я и ловец, и артефакт с согласием на человека!

Огромный Змей взвился на хвосте, пал до земли в скрипнувшие чешуёй кольца, оглушительно хлопнул страшными лапами, сложил их в замок, хрустнул и расхохотался. Просипел затем, не повышая голоса:

— Безупречно. Гость мой, почётный и редкий, он сработает твой план. Ты коварней, чем Женщина в Красном... Ты опасен, гость мой, Бест.

Бест улыбнулся устало. То, и в самом деле, была эйфория. Она прошла.

— Изумруду не говори, Архитектор. И никому не говори. Когда уйду, расскажешь.

— И когда?

— Завтра. Если будет пирамидка.

— Будет. Что ты сделаешь из него там, в Собственном Мире? Чего тебе там не хватает?

"Хищник и есть хищник. Моих друзей мне не хватает там..." — подумал Бест, но ничего не ответил.

Глава 11.

Глава 11.

Не без трепета ожидала Мурена тот момент, когда Бест увидит её преобразившейся, одетой в розовый свет. Сколько раз её обзывали хищницей все, кому не лень. Теперь у них прибавилось оснований. Неужели и он? Объяснялки ничего не изменят. Доверие тонкая вещь.

Они столкнулись ранним утром на верхотуре, на открытой галерее, огибающей башню чуть ниже маленькой комнатки Мурены. Бесту Змей посоветовал ждать его там, раз не желает видеться с кем-либо перед уходом. Он просидел целую ночь, глядя во мрак снаружи и чёрную тоску внутри. Так или иначе, но он становится хищником, раз и навсегда. И дело не в Чёрном Драконе, без которого можно обойтись, дело не в пении дроида, которое вместе с Собственным Миром вернёт ему, оставшись хозяйкой хоть на минуту перед тем, Мурена. Всё это знаки. Ориентиры, вольно, невольно ли поставленные дроидами для людей, указательные знаки... Дроиды!.. Он же сам вытащил этого мальчика из Великого Моря, сам!.. Вспоминал Бест и другое, недавнее. Как на его глазах чистый хозяин спускается к серой пелене над континентом. Поворачивает вспять, бежит. Как отсекают его от облачных миров оводы, зараженные гибельным снегом, как дерётся с тремя одновременно его Чёрный Дракон, побеждает… и не успевает к четвёртому... Как дроид забирает Огненный Круг, как увеличивается до размеров неба грустная морда Белого Дракона, не сумевшего умчать, проигравшего на последнем вираже, и тает. Навсегда. И сколько ещё раз такому суждено повториться? "Я пойду. Конечно, пойду... Я должен".

Мурена спрыгнула со своего балкончика, перехватила фиолетовую сеть, проявившуюся внезапно, раскачалась и приземлилась на галерею. Бест сидел невдалеке.

— Привет... Мурена, ты как рассветное облачко! Красивая. Так меняешься, сделав тень?

— Да!.. — ответила Мурена, выдохнув все тревоги. — Как же я тебя люблю.

Их уединение нарушили.

— Пурпурная Рыбка, — просипел Змей, выползая прямо из стены, — нам с гостем надо поговорить...

Мурена хмыкнула, пожала плечами и, раскинув руки, сиганула вниз. Бест улыбнулся:

— Я не могу так!..

— Зови дракона. Я открою сетку. И приоденься.

На полу галереи стояла вытянутая, полупрозрачная пирамидка, тихо светясь. Рядом с ней одеяние, белое с жёлтым узором, знакомый узор. Бест вздрогнул, уставился на Монстра:

— Эта ткань?..

— Что, не такую хотел?

— Мне надо кое-кого повидать перед уходом...

Монстр озадачился:

— Просто скажи, что случилось?

— Где Дикарь? Новенький?

— Не слежу за ними... Гость мой! — Змей уловил, в чём суть. — У меня море таких тряпок!

Бест поверил, но не успокоился:

— Когда я вернусь, я увижу всех, кого оставляю?

— А ты вернёшься? — переспросил Змей хрипло, с неподдельным изумлением. — А, ну да,

я обещал отдать тебе одного из них... Ты выбрал новенького?

— Никого я не выбирал!

— Ладно, выберешь потом. Будут на месте. Даю слово.

Бест накинул длинную хламиду, взял тень. Холодная, уравновешенная, тяжёлое основание. Вершиной к земле не перевернуть.

— Она может держать артефакт?

— Разумеется, может. Вот ещё кое-что.

Из когтящей, беспокойной лапы Бест взял маленькую вещицу, грубо слепленную, тоже стабильная тень, как птичка глиняная.

— Выпусти, подбрось, где приземлишься. Я изображу в текучих тенях неба, будто ты упал сквозь них.

— Ага.

Бест позвал своего дракона, мощного, синеглазого, появившегося с широким кувырком. Сел, и завис перед башней, глядя на неё снаружи, на её Архитектора, огромного Змея с золотой цепью, страшными лапами и глазами, не видящими его.

— Не беспокойся, — просипел Змей, — твои друзья отлично проводят время. Превосходно.

— Архитектор... Плесни воды на тех, кто в подвале.

— Гость мой, их жизни — моя забота.

Бест хлопнул дракона по шее. Внизу белый, изъеденный кривулями тропинок, проносился под ним материк. "Морская Звезда, первый мой Собственный Мир, сначала я хочу разглядеть тебя, поздороваться..."

Нелегко оказалось найти пятачок бесснежной, красновато-бурой земли, а тропинки слишком узкие. Едва ступив на материк, не успели ещё растаять сапфировые очи Белого Дракона, Бест коснулся тверди рукой и поднял насколько возможно приземистую пирамидку, сплющил её до предела. Артефакт... "Артефакт?! Ну, надо же было забыть!.." Открутил пуговицу с рубашки, поместил сверху. "Чушь какая!.." Роковая вещь, муренина жемчужина спряталась в кармане, не нашёл. Утвердив артефактом торговую подставку, чтоб не растаяла пустой, Бест вскинул руки по сторонам, соединил ладони над головой, и вокруг него лёгкой вуалью образовался шатёр, уходящий вершиной прямиком в его Собственный Мир. Пение дроида, едва слышное, разлилось под шатром. Блаженство. Огляделся сквозь тонкую иллюзорную ткань. Слева пологий холм. Пустая, белая равнина обрывается ущельем вдали. Позёмка. Качаются смерчи, но тропинки не заметает. "Как сделаны они? Удивительно". Бест высунулся наружу, подбросил в небо маленькую птичку-тень и, роняя пуговицу с него, осторожно наступил на острие настоящей торговой подставки... "Попался!!! Дроиды, с неё не сойти!.. Не раньше, чем кто-то придёт! Не раньше, чем выкупят меня... у меня! Небо и море, так вот почему хищники не ловят на рынках этим способом!.." Первый момент паники завершился безудержным смехом. "О, светлые дроиды, только я мог придумать такое!.."

В тучах над равниной определённо что-то происходило. Обнадёжило Беста, может, не придётся очень уж долго ждать. Нашлась жемчужинка... Бест подбрасывал её и ждал, поглядывая на вход, на очертания смерчей, затемняющие вуаль. Он опасался, ясное дело, и внезапного нападения, и челюстей разрывающей тени. Но надеялся сохранить на нужные ему доли секунды ясный рассудок. Бест поймал жемчужину тыльной стороной ладони ловко, как дроид, и снова вгляделся в горизонт. Без толку. Он заметил Сократа лишь вплотную, когда тот широко откинул полог и сбросил белый капюшон с головы.

Жемчужина упала, покатилась, Сократ поднял её и замер на входе. Бест даже

приблизительно не загадывал, что дальше. И вот пред ним спокойно, покачиваясь, стоял маленький юноша с хвостом змеи, отрешённый. Бест всмотрелся в строгие черты, припоминая. Смутно.

— Сократ? — окликнул он, опасаясь не атаки, а того, что юноша-змей исчезнет, растворится обратно в снегах.

— Кто ты? — спросил Сократ металлическим, гулким голосом, раскатившимся по равнине. — Я плохо вижу. Ты знаешь меня?

— Я Бест.

Долго-долго в молчании стояли они лицом к лицу, пока Сократ не сказал:

— Бест. Тени. Великое Море... Чем же тебе отплатить за спасение? Лёгкой смертью или мучительной жизнью, подобно моей, чистый хозяин? Как Архитектор, мой учитель, ты вернулся туда, откуда ушёл. Видишь ли, напрасно... — неожиданно Сократ нараспев произнёс цитату из песни последних времён, саги, которой, собравшись все вместе, провожают беспечное время сухого сезона. — "Ты привёл в свой дом... чудовище, и чудовище... разрушило твой дом..."

— Нет! — Бест покачал головой и ответил цитатой из её же припева, повторяющегося много раз. — "Я принёс в свой дом птенца... и безрассудно покинул... на попеченье других..." Позволь мне исправить ошибку!

Бест протянул ему руку. Прикусил губы, видя, как без опаски, словно дроидом заворожённый, юноша-змей качнулся навстречу... Взял маленькую холодную ладонь... И стремительно перехватил за запястье.

На друзей не глядя, Бест взбежал по ступеням, пропевшим радостно и приветственно. Бросил Змею:

— Ты мой должник.

Исчез в саду. Никто не пошёл за ним, даже Мурена. Змей остался вглядываться, принюхиваться к простору опустевшего континента.

Вечером, когда Бест всё же присоединился к ним за общим столом, сел под золотыми, медными ореолами Морских Факелов, изгнанники коршунами набросились на него:

— Как всё прошло?!

— Как ты додумался до такого?!

Гром обнял его за плечи, не поднимающего глаз:

— Бест, тысячу раз ты прав! Забудь про змеёныша!

Крез и Буран накинули шарф со звёздами, как мантию на него:

— Наш король!.. Ты всегда был первым, по праву!

Амарант пересел поближе:

— Интересно ведь, расскажи! Мы просим.

— Неужели теперь можно выйти, свободно ходить по земле?! — воскликнула Соль.

Монстр одобрительно наблюдал за их радостным оживлением. На последнюю реплику усмехнулся. Незаметно разговор скатился в сторону воспоминаний и проклятий.

— Надеюсь, стать артефактом страшная смерть! — Римлянин швырнул серебряный кубок об пол. — Надеюсь, он не увидел Царя-на-Троне!

— Чем ты сделал его, Бест? — допытывался Мираж.

— Принеси, дай посмотреть на эту штуку! — Горизонт дёрнул за рукав. — Распыли её, разотри в порошок! Он не должен быть и вещью!

Ара смеялся только. Застенчивый Амиго не участвовал в общем веселье. Дикарь наблюдал. Мурена ждала, когда они отвяжутся от Беста. Ауреол и Зарок горячо поддержали слова

Горизонта:

— Он не заслуживает быть вещью!

— Вынеси! Покажи нам! Развей в ядовитом снегу!

И Бест не выдержал:

— Казнить хотите?! Символически? Изгнанники — изгнанника? Даже высшие дроиды не судят людей! Они помогают или нет, но не более! То, что он натворил — его беда, а то, что я — моё дело!

Исподлобья Бест глянул на Мурену прежде, чем продолжить:

— Чем он стал, хотите знать?.. Ничем!.. Я вышел, а он остался — хозяином в Собственном Мире!

Мурена, ахнув, спрятала лицо в ладони и рассмеялась в затопившей зал тишине. "Что поделать, — сказала она себе, — потому ты и Бест..."

Когда присутствующие обрели дар речи, Монстр первым обратился к нему:

— Как он выглядит? Чудовище в облачном мире?

— Как человек, стеклянный... — откликнулся Бест.

— Без присущих теней? Без змеиного тела?

— Совершенно.

— Он не выйдет оттуда, — хрипло пробормотал Монстр, — раз так, я уверен...

— О, абсолютно точно не выйдет, — Бест кивнул, — он спит. Будет спать ещё очень долго. Дольше, чем все мы проживём. Так дроид сказал мне, Я-Владыка. На прощанье... Он лежит на коленях у дроида, поющего над ним. С жемчужиной в руке... Извини, Мурена, не смог отнять. Морские Чудовища, почему-то, страшно любят жемчуг. Не могут пройти мимо. Я подумал, что вот, он проснётся через сотни тысяч лет, и в руке уже есть сокровище, не надо искать, отнимать... Я шучу. Проснётся, увидит и вспомнит всё...

— Надеюсь, не вспомнит! — хором сказали Амарант и Мурена.

— А я надеюсь, что вспомнит, — возразил Бест.

Глава 12.

Глава 12.

Вольно или невольно, Сократ истребил всех чудовищ на континенте. Снег остался. Вокруг башни лежал безлюдный, безопасный, непроходимый, гибельный простор. Смерчи гуляли теперь уже всюду, по тропинкам, и снегу прибыло. Ара, Бест и Соль сидели на открытой нижней галерее. Ара, оправдывая своё имя, полученное когда-то из-за пристрастия к этим цветам, был в сине-жёлтой парче, с лазуритовыми серьгами и перстнем. И Соль в тёмно-синем. А Бест, как всегда, он не наряжался, Монстр с него не требовал. Изгнанники втроём играли с маленькой тридакной. Накрытая хрустальным, большим стаканом, она прыгала внутри, стукаясь о стенки и звеня. Каждый из них клал на пол ладонь недалеко от стакана, после чего тот медленно поднимался, отставлялся в сторону. Тридакна забавно кружилась, подпрыгивая, не зная, в чью сторону бросаться. Когда решалась, один отдёргивал руку, другие дразнили её. Очутившись на свободе, тридакна двигалась всё быстрее, активней, начинала подпрыгивать высоко, целясь в горло, так что приходилось снова накрывать её стаканом.

Змей выполз к изгнанникам из стены и придержал расступившиеся тени. Следом за ним прошёл Олеандр с широким подносом в руках. На подносе белый виноград до косточек просвечен снизу ярким золотом, персики горкой. Олеандр поставил его рядом с изгнанниками, сел поодаль.

— Без рук останетесь, — просипел Змей, разглядевший их игрушку, — она быстро учится. А впрочем, как угодно.

Соль тихонько отодвинулась в сторону при появлении Змея, отодвигалась, пока не спряталась за Олеандра. Он дотянулся и взял для неё персик с подноса. Внезапный, тревожный и сладкий вкус, а образов нет.

— Гость мой, Бест. Скажи, мне кажется, или снега стало больше там? — указал Монстр в просторы. — Смерчи стали выше?

— Да, — согласился Бест, — так и есть.

— Значит, дружочек оставил прощальный подарок... Сейчас я не выйду ради этого. И вы не выйдете. Но Злой Владыка мог бы его найти...

— Это тень?

— Это что-то странное. Пусть поищет. Прибрать, я приберу потом, чтобы повсюду — обычная земля. Сделаю в тучах окна с клапанами... Придут новые изгнанники, будут ходить по ней, торговать. Хозяева хищные придут, и глупые, чистые хозяева... Сейчас, что толку сметать снег, когда он прибывает?

Ара отщипывал губами ягодки от тяжёлой виноградной кисти, держа её на весу:

— Потрясающе... Попробуйте! Виноградина, а в ней виноградники! И синее небо... Попробуй, Бест! Там чьё-то фантазийное Впечатление, люди на острых копытцах...

Бест взял одну:

— Да, неплохо.

— Приятно слышать, — Змей обратился к Бесту. — Выбирай. Пора.

— Что?

— Год прошёл. Выбери одного из них, я не лжец и держу слово. После я выберу для себя.

Ара удивлённо прислушался к их разговору.

— Замолчи! — Бест вскочил на ноги. — Между нами! Какого чёрта ты болтаешь вслух?

— А что такого? Всё честно, открыто.

Бест увлёк его в сторону:

— Дай мне время! Дай мне несколько дней!

— Три дня. Но не больше.

Ушёл, как нож в масло, в тени стены. Олеандр остался, лёжа на животе у края, во что-то напряжённо вглядываясь. Бест заглянул: почудилось, позёмка? Словно белая копна сена ходила в белом снегу. Растянулась, сложилась и пропала за горизонтом. Ветер гоняет рваный, сырой туман. Такой скорости не имеют ни тень, ни дракон. Показалось. Олеандр обернулся тревожно, видел, не видел? Ласточкой прыгнул вниз, в смыкающиеся фиолетовые сети. "Попробовать что ли, — подумал Бест, — раз в жизни?" И прыгнул следом.

Тридакна билась и клацала створками под перевёрнутым хрустальным стаканом. Ара взял персик с подноса. Соль взяла виноградную кисть.

Сиганув за Олеандром с галереи, Бест пролетел насквозь, смыкающиеся позади того, тени стены, пола, следующего нижнего пола башни и приземлился в обсидианово-чёрном, затопленном подвале. Скатился по чьей-то покатой, как холм, скользкой спине, шлёпнулся в воду. Сверху воззрились на него три пары фосфорицирующих глаз, одна над другой, каждая ярче нижней. Из круглой, лишённой зубов пасти высунулся раздвоенный язык, облизал её, облизал всю морду и потянулся к Бесту, подрагивая розовыми, заострёнными кончиками. Он отодвинулся, пятясь, поскользнулся снова, взбежал по ступенькам. Отряхнулся немного и оглядел подвал. Озеро. Холмы глянцевых, чёрных спин. Морда не потеряла направления, она продолжала тянуться к нему. Медленно, на нюх. Столько глаз, не видит что ли? Из воды выбросилось щупальце, обвило длинную шею шестиглазого чудовища. Второе. Третье. Только после этого узкая голова повернулась к ним заторможено и потрогала раздвоенным языком... Дикий вопль потряс своды. Щупальца задымились, разрезанные, тлеющие. Их обладатель выбросил ещё три и огромный пузырь, взорвавшийся удушливым бурым дымом. Треугольная голова взвизгнула, убрала язык. Как сжатый кулак, замахнулась на мощной шее и ударила, ушла под воду. Подвал превратился в бурлящий котёл — брызг, воплей, пара и дыма, глухих ударов, от которых содрогались стены. Буря прекратилась внезапно. Всплыли ошмётки. Чьи? Бест не разобрал. Повсюду из воды, в достойном изумления количестве поднимались глаза на палочках, подплывали к месту сражения. По тёмной воде за ними шли пузыри. Хлюпанье, чавканье. Маленькие, почти человеческие зеленоватые лапки собирали ошмётки. Суетливо кто-то пожирал их.

Олеандр стоял у дальней, внешней стены подвала. Высоко под сводами. Невозмутимо проигнорировав бучу. Стоял на воздухе. Его рука уходила в стену, лицо прислонялось к ней. Он смотрел на кого-то… Гладил? Заметив Беста, резко оттолкнулся и одним прыжком очутился рядом на ступенях. "Что он прячет там? Кого? Злую внешнюю тень? Создаёт здесь и здесь прячет? Сколько же терпения у него?"

Олеандр закрыл ему рот рукой, а другой раздвинул тени стены. Мягко, но непреодолимо толкнул наружу. Ступени проходили сквозь стену. Тоннель. Бест отстранил руку:

— Три дня осталось, — прошептал он, — Олеандр, ты слышал это? Три дня!.. Скажи хоть слово, ты можешь помочь?

Олеандр покачал головой. Грустно. Спокойно.

— Ты на его стороне?

Снова нет. И палец, приложенный к губам.

— На нашей? Скажи мне хоть что-то о нём, у него есть слабости?

Снова нет. Олеандр потащил Беста вверх по ступеням, по тоннелю... Поворот, развилка, коридор.

— Подожди!.. Ты знаешь его лучше других, ближе... Что мне делать?!

Олеандр вздохнул и пальцем нарисовал на ладони Слепое Око Судьбы.

Тянулся вечер. Изгнанники собрались, кучковались вокруг Беста. Не верили, что победив одного, он не спасёт их от другого чудовища. Розовые раковины выплывали из стены. Олеандр сливал Впечатления в кувшины. Подносил Змею, тот указывал: туда или туда, в кладовую, в сад, к бассейну, на стол.

Тогда одновременно случилось две вещи... На очередной раковине, почему-то перевёрнутой, заплывшей по воздуху в зал, лежал котик... Маленький серый кот, отданный за Амаранта. Можно сказать, домой вернулся.

— Котя! — воскликнула Соль и потянулась к нему.

А от лестницы, кубарем со спины дракона влетел Изумруд и крикнул:

— Закройте глаза!.. Все!

Поздно. Соль держала кота в руках. С шубки его разлетались невесомые снежинки, кружась, падали вокруг. Один зрачок кошачьих глаз был светлым солнцем, другой — тонким полумесяцем луны. И Соль смотрела прямо в них. Есть строчка, о смерти, прочитанная когда-то Амарантом, запавшая в память Сократу: "Если рядом ты видишь белое солнце и золотую луну, то значит, стоишь ты на том берегу, которого нет на земле..." Свет кошачьих глаз пролился в распахнутые глаза Соль. Она вскрикнула и схватилась за них, ослеплённая. Маленький, пушистый артефакт вытянулся в струну, сжался, шаровой молнией прошёлся по залу и пропал в стене, беспрепятственный абсолютно. Змей схватил Соль когтями, взметнул до своего лица, отнял её руки от глаз и зарычал:

— Взгляни на меня! Немедленно!

Не живая, не мёртвая Соль всхлипнула, сощурилась и через несколько мгновений смогла разглядеть его мутные, синие глаза.

— Смотри! Или ты пропала!

Свет заструился обратно из зрачков Соль, он уходил под его полуприкрытые веки. Когти сжимались всё сильней, пока от боли она не распахнула глаза совсем широко, две снежинки вылетели из зрачков наружу. Змей обнюхал её от головы до сердца, отпустил. Провёл лапой по своему лицу и сплюнул яркую, быстро растаявшую тень.

— Ого! — просипел он. — Как тебе, Злой Владыка?

В общем, да, преображённый котик стал прощальным подарком, последней идеей Сократа, поддерживающей и превзошедшей гибельный снег.

— А всё потому, — сказал Изумруд, — что ты, морское страшилище, развёл сырость на континенте! Уходи, откуда пришёл, и тени высохнут.

— Уже! — прохрипел Змей. — Только пообедаю... Спешу огорчить тебя, Злой Владыка, взбесившийся артефакт и в сухом воздухе не пропадёт.

— Тогда и я спешу тебя огорчить: он не взбесившийся, он последовательно сужает круги. Через твою крепость орбиты его будут проходить всё чаще. По моим наблюдениям. А они верны.

Изумруд рассказал им, как наткнулась на кота Селена в первый же день, вылетев оглядеться на материк. Он ужаснул её, будучи безопасным, а уж таким!.. Но иррациональный страх и спас

её, не позволил попасть под власть его взгляда. Стремительный, жуткий, повсеместный. Непредсказуемый, как шаровая молния. В какую сторону бежать? Белый Дракон не понимал, что она хочет. А кот, страшный кот мог быть везде... Ступор. Изумруд вернул Селену, разыскав её, закрыв глаза рукой, тогда и её дракон полетел вслед за его драконом.

Нельзя сказать, чтоб он потом его выследил... Как выследишь такое? Наткнулся на берегу. Кот сидел и лакал воду. Он уже не боялся моря, артефакт и тень, поддерживающая сама себя. Свет кошачьих глаз отражался в воде, так Изумруд и смог разглядеть их. Плохая новость...

— Вот ответь мне, Морское Чудовище, зачем же он создавал такое, не нужное ни зачем? Вот тень, она спаяна из двух или более чужеродных Впечатлений, так? Она — спаяна! Её можно разобрать! Или разбить. А эта? Одно — в правом глазу, другое — в левом. Сквозь них дурманящий свет пробивается наружу. Если взглянул в оба глаза одновременно, тень, яд образуются прямо в тебе! В твоих глазах или глубже, сразу в груди. Ну и зачем он придумал такое? Кстати, моё уважение, кроме тебя, чудовище, этой изгнаннице никто не сумел бы помочь.

— Что за Впечатления, — просипел Монстр, — разглядел?

— Обыкновенные. Пока у котика закрыт один глаз, он безопасен в этом смысле.

— А так бывает?

— Да, большую часть времени. Когда излучает снег.

— Понятно. Так что за Впечатления?

— Первое — солнце, это внизу под солнцем ветка дерева с цветами. Бледно-розовыми. И они распускаются, бесконечно раскрываются. Второе — луна, та же ветка, под лунным светом, с плодами. И один из них падает, бесконечно падает... Вроде этого, — Изумруд указал на блюдо с яблоками, — только маленький.

— Дичок, — пробормотал Монстр свистящим шёпотом, — у меня есть такой. То есть, непротиворечивые, простые Впечатления...

— Да, но их невозможно увидеть вместе. Одновременно.

— Невозможно... — Монстр обратился к Соль. — Подойди сюда. Что ты почувствовала?

Соль приблизилась, встала возле Изумруда.

— Горечь, — ответила она тихо. — Страшную горечь и нежелание больше смотреть. Совсем никогда. Оно осталось... Немного.

— Осталось?

Змей поманил Олеандра, сказал ему что-то быстро, и тот вернулся с амфорой.

— Отдай ей. Изгнанница, посмотри его медленно, это Впечатление. Драгоценное, клянусь.

Соль приняла, уставившись в пол, как амфору с ядом. Змей обвил её шею хвостом, приблизил и прошептал хрипло:

— Нет, это не уменьшает и не увеличивает твои шансы... Это просто подарок.

И оттолкнул от себя. Бест наклонился к Амаранту:

— Не могу понять...

— И чего тут непонятного? Ты, Бест, Восходящим быв, только сады собирал? А не паслись там поблизости овцы, коровы? Куры не рыли землю? Хищник, по сути, обыкновенный человек эпохи до дроидов. Они тоже давали своим животным всё: кров, еду и заботу. Ласкали, играли с детёнышами. А потом съедали их. Я понимаю Индиго, дроиды — нечто высшее. Люди всегда хотели сотворить что-то сверх себя, лучшее, чем они сами, но похожее обликом. И однажды у них получилось. Дроиды.

Бест взглянул на уходящую Соль и повторил:

— Не могу понять.

Негромкое, зловещее ворчание послышалось из горла Змея, шипение, скрип. Совсем нехорошим голосом он спросил Изумруда:

— Злой Владыка. Ответь мне честно и всерьёз. Внимательно, без предположений...

— Спрашивай, — согласился Изумруд, выпрямляясь среди подушек, недовольный тоном.

— Проклятый артефакт, он растёт? Видоизменяется? Когда, по твоим прикидкам, он зайдёт на второй круг?

— На последний вопрос отвечаю: не позднее завтрашнего дня. На два первых: нет и нет. Артефакты не растут и не меняются. Что с тобой, ты не знаешь этого, Морское Чудовище? — помолчал и добавил. — Он становится всё быстрей. Скоро его движение станет совсем неуловимо. Котик будет, как дроид, ниоткуда возникать перед глазами. А в остальное время рассыпать снег. Уже сейчас догнать его невозможно. И ловушку не поставить, как на тень. Его не тени движут. Они пребывают в нём и проявляются уже напротив человека. Котик непредсказуем. У него две доминанты — чьи-то, любые глаза и центр материка.

— Благодарю, — сказал Змей сквозь шипение в горле, — а теперь, Злой Владыка, уйди. Может, ещё увидимся.

— Почему ты гонишь его? — насторожился Бест.

— Слишком опасно, — проворчал Змей. — Я не хочу потерять столько сразу. Ярмарка закрывается. Я не нарушил бы обещания, форс-мажор, непредвиденные обстоятельства... Скажи своё слово, гость мой. Так или так, остальным конец. Раньше времени. Жаль.

Чиркнул когтями по полу. Стены зала померкли. Только Морские Факелы разливали своё тяжёлое, красное золото, в огне стенной ниши проблёскивала читая бирюза. Изгнанники замерли. Гром, Горизонт, Мираж переглянулись, кивнув мрачно и коротко. Две вишни качались у Амиго в руке. Мурена рефлекторно схватилась за приручённые монетки своего ожерелья. Амарант закрыл глаза.

Тихим, тигриным шагом, взявшись за рукоять кистеня, Изумруд подошёл к Монстру.

— Я буду драться за них.

— Вижу. Но ты проиграешь. Это мой дом.

— Отойдите к стене. Сядьте на пол, — сказал Изумруд изгнанникам.

И тут Олеандр рассмеялся. Он смеялся так заразительно, отчаянно долго. В сумраке его кожа начала светиться, становясь всё красней и красней. Сначала розовой, как у Мурены, розовой и сияющей, постом пунцовой, алой... ярко, яростно красной до рубинового.

— Подожди, Изумруд, — сказал он, успокоившись, тихо, бесстрастно.

Подошёл к Змею. Покачивая головой, тот смотрел за превращением. Олеандр сел перед ним на корточки, положил голову на кольца змеиного хвоста, повернул своё рубиново-красное лицо к безгубому, страшному и спросил:

— Видишь?..

— Я знал, — просипел Змей. — Мальчик мой, твоей силы не достаточно, чтобы удержать меня даже миг.

Олеандр кивнул и продолжил, когда говорил, его губы вспыхивали алым, и на всё лицо разливался свет:

— Это одна тысячная. Силы и скорости. Ты так много дал мне...

— Она в подземельях, созданная тобой тень? Не заметил. Упустил из виду. Зови. Я разорву её, и покончим с пустяками.

Второй и последний раз в жизни по щеке Олеандра скатилась слеза на змеиную чешую.

— Посмотри на меня, — прошептал он, — Владыка Морской Звезды, посмотри. Один раз я прошу... Единственный раз! Не разрывай, не отнимай у меня, то, что мне так дорого. Вам нужна

скорость? Вы получите скорость, но после... После!.. Верни его мне...

Брови Монстра поползли вверх.

— Есть возможность... — продолжил Олеандр. — Можно догнать, легко. Но то, что я присвоил... То, что украл у тебя!.. Оставь в сохранности. Оставь его мне!

— Не тень? — деловито уточнил Монстр. — Артефакт с тенями?

— Нет! — взвыл Олеандр и ударился головой о стальные кольца хвоста. — Он не нужен тебе! Только мне... Единственный раз я прошу тебя!

Шесть вздрагивающих острых когтей взяли его за подбородок:

— Что бы то ни было, мальчик мой, ты, разумеется, создал это против меня?

— Совсем, совсем нет!

— Как трогательно. Как странно... Для бегства?

— Да!

— Не успел закончить?

— Пожалуйста, дай мне обещание!

Монстр приподнял за подбородок изумительно красивое, рубиново-красное лицо полудроида, задумался, близоруко разглядывая его, и сказал:

— Даю.

Олеандр выдохнул. Сел скрестив ноги на пол, вытер слёзы и проговорил, не обращаясь ни к кому:

— Я столько раз прогонял его... — пожал плечами. — А он возвращается. Я его так люблю...

Глава 13.

Глава 13.

Изгнанники, Изумруд, Змей выслушали, равно поражённые, историю Олеандра, два года молчавшего, не проронившего ни слова в надежде скрыть: не было в нём ни единого Впечатления. Все он потратил, все использовал, теряя не облик человека, но цвет. Монстр зарычал, осознав это. Успокоился:

— Продолжай...

Первую тень Олеандр сделал, как и Мурена, прячась наверху. Простую: тень-нож, присущую, в руке, позволявшую проходить сквозь другие тени. Сквозь стены. А именно — в подвал, где бывал уже с Монстром, где много морской воды и легко сделать тайник, не привлекающий внимания. До сего момента понятно. Дальше, уже в подвале он сделал вторую тень, бегущую, тень-скорость. Небесный бродяжка. Жажда прошла, ему стало невыносимо в плену. Бежать! Даже с риском для жизни. В небо! В облачные миры!.. Он спешил. Не знал, сколько понадобится воды Свободных Впечатлений, делал стоя по щиколотку в морской воде. Получилось. Хотел вырвать её из груди... Мурена поморщилась, вспомнив каково это... И не смог. Не успел. Зверь с широченной пастью набросился на него из воды, вцепился зубами, рванул и сожрал её! Отходя от обиды и боли, Олеандр посидел на ступенях. Разглядел на мелководье ту морду, не сдержал гнева. Осторожно, оглядываясь, спустился к ней, занося руку-нож... Но и морда двинулась к нему. Ткнулась в эту руку мокрым, широким носом раньше, чем отдёрнул или ударил... Вырвав и эту тень! Олеандр отшатнулся назад, взбежал по ступеням, раненный дважды, взбешённый, но не сдавшийся. "Повторим, — сказал он себе, — главное, я умею..." Силой создавшего тень он прошёл стену насквозь и впредь не нуждался в ноже.

На следующий раз Морское Чудовище уже ждало его, положив морду на первые ступени. "Проклятье дроидов!.." Пасть изгибалась в улыбке вокруг плоского, чуткого носа до самых бровей, нависающих над глазами. Олеандр обошёл её, неподвижную, зачерпнул воды, выпил и тогда заметил, что тело чудовища, изогнувшись подковой, лежит, образуя вокруг него маленький, безопасный залив. Когда попил и отошёл от края, хвост чудовища закрутился тремя колечками, помахал ему... Тень-стремление, тень-крепость сплавлял Огненный Круг. Улыбающаяся морда следила, высунувшись из воды. Наученный, Олеандр не приближался. Хорошая, мощная тень, но с ней непросто... Собравшись с силами, Олеандр вырвал её из груди. То были его последние силы. Он полетел без сознания, рука разжалась. Тень была сожрана широкой улыбающейся мордой. Нос к носу с ней Олеандр очнулся невредим. Два уха, свисавшие ниже бровей, двигались, словно чудовище вправду жевало. И улыбалось. Олеандр застонал. "Третий раз попробую, — думал он, уходя по скользким ступеням. — Если нет, судьба против меня. Проклятая тварь!" За спиной проклятая тварь заскулила тихонько, на ультразвуке и ударила по воде хвостом.

— В третий раз случилось вот что. Я поскользнулся на ступенях, скатился вниз. Прежде везло, а тогда — в самую битву подводную! Все против всех! Он спас меня. Тень сожрал.

— В четвёртый раз, — опередила Мурена, — ты вернулся отблагодарить его.

— Угадала.

— О дроиды, Олеандр! Нельзя отобрать Впечатление, не разорвав того, в ком оно... Но можно вырвать тень... Два года? Два года!.. Как ты выдержал это и зачем?

— Сначала я думал, что делаю это для себя. Что он и будет моим тайником. Что он

прорвётся сквозь тучи. Он выходил из башни. Сквозь сеть вылетал. И я летал пару минут на его спине, как на драконе. Выходил свободно.

— Ещё бы! — прорычал Змей.

— И однажды я понял, что да, он прорвётся, но он не дракон... Вынесет меня и рухнет на землю... С тех пор я кормил, навещал его просто так. И пытался прогнать в Великое Море. Но он пасётся под стенами башни и не уходит. Хоть я давно не нужен ему...

Змей дослушал... Метнулся со свистом, схватил Олеандра, за плечи, встряхнул и прорычал:

— Всё, абсолютно всё ты потратил на это чучело?!

— Всё, — склонил голову Олеандр. — Так и есть.

Монстр отшвырнул его. Сел. Успокоился.

— Правильно я понимаю, исходя из твоих первых теней: он бегает, летает? Он бесконечно быстр и крепок?

Олеандр кивнул:

— И ещё он ест снег. Ест любые тени. Кажется, ни одна не может ему повредить.

— Все превращаются в тень его тела?

— Да.

— Мальчик мой, я тебя ненавижу. Позови.

Олеандр вскочил на ноги. Исчез. Вернулся. С напряжённым любопытством изгнанники вглядывались в темноту коридора. Изумруд беззвучно смеялся, покатывался, глядя на Змея. С тихим шорохом, с одним порывом ветра нечто светлое вылетело в зал. Мгновение... С Олеандром рядом лежал лохматый, очень лохматый, копна выцветшего сена, зверь. На животе. Размером с большого дракона. Передние лапы вперёд, задние назад. Хвост тремя колечками. Действительно широченная морда на полу, словно всегда тут лежала, улыбается. До бровей. До ушей. Клычки придавали ей вид не свирепый, но забавный. Мокрый плоский нос скривился в сторону мурениного ожерелья. Потом в сторону Изумруда, стоявшего позади, он совсем не хотел остаться без оружия. Потом зверь унюхал Монстра, сидевшего дальше остальных. Короткая шея вытянулась, расширились жёлтые глаза... Восхищённое: "У-у-у-у-у!.." — раздалось из широкой пасти, светящейся изнутри, и она перешла в совсем уж ослепительную улыбку. Присутствующие все, кроме Монстра, грохнули от смеха.

— Как же я тебя ненавижу... — просипел он.

Бояться такого существа, не представлялось возможным. Пока изгнанники с осторожным любопытством окружали Морское Чудовище, призванное спасти их, Олеандр посерьёзнел. Погрустнел. Он сел, как прежде на корточки пред Змеем и переспросил:

— Правда, ненавидишь?.. Правда?

— Центр башни где-то здесь? — спросил Изумруд Монстра.

— Не где-то здесь, а именно здесь, — проворчал тот.

— Отлично, будем ждать. Есть у тебя сеть настоящая, частая, из верёвок или металла?

— Может и есть... Там, в конце коридора. А, сопрёшь еще что-нибудь!.. Сам принесу.

Уполз. Чёрный Изумруд и огненно-красный Олеандр с двух сторон от мохнатого чуда, бродившего, разглядывающего зал, в два уха объясняли ему, кого предстоит ловить, как надо смотреть на артефакт, а как смотреть не надо.

— У-у-у!.. — отвечал он на их слова протяжно, серьёзно, изумлённо.

"У-у-у!.. Да что вы говорите!.." После очередного такого "У-у-у!..", отсмеявшись, Изумруд

спросил:

— Слушай, это совпадение или он понимает и говорит?

— Всё понимает, — обиделся Олеандр за друга, — а говорит, как может.

В этот самый момент, чудик, они назвали его Ухаха, придумывали имя посерьёзней, а сами называли этим, да и он откликался на него, остановился. Встал на задние лапы. Принюхался к картине в верхнем ряду. Бал, дама, пышное платье. Рама в завитушках, битая, правда. Ухаха чуть отстранился, наклонил голову и с чувством, с видом знатока, многозначительно протянул новое, низкое: "У-у-у-у-у..." Олеандр прыснул. Изумруда согнуло поперёк от смеха:

— Ой, не могу, под небом, на море, это самое забавное чудовище! Не подпускай его к Архитектору близко. У меня будет траур, если что!..

— Он обещал. Ты несправедлив к нему.

— Ага-ага, а вчера что было?

Изумруд прыгнул на мохнатую спину и почти утонул в шерсти. "Поехали вокруг!.."

"Два дня... Два дня..." — стучало в голове у Беста.

Соль лежала на животе перед кипой бумаги, пожелтевшей, но еще плотной. Строка за строкой бежали из-под карандаша, писала быстро-быстро, не отвлекаясь. С помощью Дикаря она освоила скоропись за день. До того, как и остальные, кроме Беста с Амарантом, не умела вообще. Хоть эсперанто эпохи высших дроидов не сложно, большинству оно не требуется, не представляет интереса. Разительная перемена случилась с ней, посмотревшей Впечатление в амфоре. Соль больше не пряталась, не озиралась вокруг. Она была занята. И она спешила. Амарант бросил подушку на пол, кисточки на уголках, сел рядом:

— Впечатление пробудило в тебе жажду творчества?

Соль качнула кудряшками:

— Нет. Его самое и записываю.

Она отвлеклась, потрясла уставшей рукой. Откопала маленький ножик под бумагами.

— Карандаш кончается... Поразительно, задумайся: оно было вначале наполовину чьей-то жизнью, в деталях, наполовину фантазией, затем артефактом, затем Впечатлением об артефакте... И вот теперь я создаю его заново. Это не вода, это то, что было прежде неё. Я хочу успеть. Хочу, чтоб оно существовало артефактом, как в древности, чтобы люди могли брать его в руки, листать, сколько угодно впитывать, не выпивая, делиться с другими людьми...

— Ты успеешь записать ещё много таких.

— Амарант, ты же видишь... И всё-таки, я благодарна. Всё-таки, удивительное изобретение — тени с морской водой, мозаика, сквозь Огненный Круг долгий взгляд в минувшее...

— Тебя так увлекло Впечатление или сама возможность воплотить артефакт? Переписать древние слова. Про что там?

— Возьми, прочитай. Начало снизу. Я нумеровала, — Соль погрызла карандаш. — Естественно, меня впечатлила история. Но Архитектор, откуда он знал, только мельком увидев? Когтями увидев?!

— Вот в чём вопрос.

— Ага! Точно-точно: "Вот в чём вопрос..." Прочитай!

Вторую половину дня Изумруд провёл верхом на Ухаха, одна сеть в руке, наготове. Другая натянута поперёк зала... Ага-ага!.. Прямо сейчас!.. Со сроками он не ошибся. Но котик, ворвавшись сквозь стену, прошёлся по натянутой сети, как по забору, ставя лапку перед лапкой.

Изумруд кинул вторую. Точно и широко... Куда там!.. Был здесь — уже за спиной! Ухаха разворачивался с той же скоростью. Изумруд, даже он, не усидел бы на спине, но шерсть окружала плотно, служа седлом и поводьями, за неё и держался. Когда всадник наклонялся, прячась в шерсти, как в траве, зверь морской проносил его сквозь любые тени. Немного сухого, лёгкого снега от кошачьей шкурки полетело на пол. Кот подошёл к Миражу, закрывшему глаза рукой, стал тереться об ноги. Другой рукой Мираж его погладил. Остановился на шкирке... Как бы ни так!.. Был котик, и нет котика! Обнаружился возле Бурана.

— Не двигайся, — сказал Изумруд. — Можно, я поймаю его вместе с тобой?

— Валяй, — ответил Буран и невольно открыл глаза.

Белый кончик кошачьего хвоста, поднятого трубой, мелькнул перед ним, и сеть, падающая на голову. Изумруд чертыхнулся, собрал, не спешиваясь. "Да, погоняться придётся... Прогулки не миновать". Ухаха зорко следил за котом. Змей — на выходе в верхние коридоры, тоже не с пустыми руками. Бесполезно!.. Сейчас зверёк, а сейчас шаровая молния! Как ветер гудит, взвывает вдруг в бутылочном горлышке, с таким звуком котик и Изумруд исчезли один за другим, прорывая тени стены.

Ещё несколько минут изгнанники не замечали, что можно открывать глаза.

Но вот, оживились. Сетка, натянутая поперёк убрана. Поплыли над коврами, между статуй кувшины, кувшинчики, бокалы, чаши и подносы с плодами, закружились среди бархатных подушек. Бест остался сидеть, глядя в пол, прикрыв глаза рукой, будто козырьком от солнца. "Один день... Один день..." — стучало у него в ушах.

Глава 14.

Глава 14.

Изгнанники ели и пили. Смеялись. Дикарь без запинки произнёс по общей просьбе слово "котик" на ста двадцати четырёх языках, да так складно, в ритм и в рифму, что получился стишок! Сияюще-красный Олеандр приносил и уносил подносы, передавал от Змея персональные угощения гостям, склоняясь в полупоклоне, молчаливый, как всегда. Вот он поставил отдельный поднос перед Соль, не присоединившейся к ним. Абрикосы. Она кивнула и продолжила строку совсем коротеньким огрызком карандаша. Вот Ара, нарядный, весь в жёлтой парче, в эмалевых, лазурных ножных браслетах подошёл к стенной нише. Там котелок над огнём. Он бросает в воду, состоящую наполовину из Свободных, наполовину из связных Впечатлений горстку каких-то листьев из холщового мешка, обернулся к Змею и добавил ещё одну. Подождал недолго и снял с огня. Ароматы и вкусы переплелись с Впечатлениями. Горькие, пряные, золотисто-медовые. В руках не бокалы, а тонкий фарфор. Когда полудроиды пили горячее?! Возможно, хозяева в своих облачных мирах, но уж изгнанникам точно не приходило в голову! Пар вьётся над горячим настоем. Он так нравится им... Змеев дар. Пир для одного. Для которого станет последним.

Пение дроида в Собственном Мире вспомнилось Бесту, царапнуло по сердцу. Но только на миг. Отдал бы по миру за каждого, жаль, больше нету. "Как дети эпохи до дроидов!" Бест ушёл от стола, ненавязчиво, в полумрак… Резное кресло, деревянное, с высокой спинкой, широкими подлокотниками, прямо трон... "Один день!.. Дарующий-Силы, Коронованный, открой мне путь!.. Неужели сейчас мне недостаточно плохо, и будет ещё темней?!" Мурена очутилась рядом с чашкой в руке. Торжественно и весело сказала:

— Это — чай! Это здорово!

Бест отпил. Горячая, горькая, терпкая гадость... Сквозь тюль виден дворик, фонтан... Голубь на чаше фонтана. Образы длятся, потом разрушаются, а не уходят, много морской воды.

— Да, здорово...

Мурена погладила его по щеке, пожала плечами, вернулась к другим.

"Говорите, в прятки?.. Тогда он был зол, верно? На сей раз так не будет. Исчезнет один изгнанник. Исчезнет и всё. И на следующий день живые будут есть, и пить, и смеяться точно так же..." Бест сжимал медальон на груди, тёплый, сейчас — душащий своей неистребимой жизненной силой. Ещё секунда и сорвал бы. Бледное, безгубое лицо наклонилось к нему и просипело:

— Просто исчезнет один... Гость мой, назови того, кто не исчезнет.

— Нет!.. — прошипел Бест, ненавидящим взглядом пытаясь расплавить прикрытые веки.

— Для того, кто тысячи лет дрался в Великом Море, знаешь, как выглядит твой гнев? Оглянись. Посмотри на них. Они просто кусочки сахара. Дважды изгнанник, одержимый дроидом Глупость, назови имя.

— Нет!

— Ты отказываешься от своего права?

— Нет!

— Но так не бывает.

— Бывает!.. Архитектор, не сомневаюсь, Изумруд вернётся с добычей. Не сомневаюсь, ты скажешь: "Весь континент мой". И скажешь правду, весь… Кроме одного изгнанника. Он —

мой!

Бест замолчал, а когда продолжил, голос его сделался ровней и мягче, мягче и твёрже:

— Не называя имени, я предлагаю тебе сыграть на него. В шашки.

Змей хмыкнул. Задумался. Плотоядно скрипнул зубами.

— Я получаю изгнанника. Что получаешь ты?

— Архитектор. Много раз я пытался объяснить тебе, но не смог... Я — не смог...

Сделал паузу. Монстр ждал терпеливо.

— Поэтому, если побеждаю я, ты соглашаешься говорить с дроидом. Вот, что получаю я.

— Ты упрямый. А дроид соглашается говорить со мной?

— О да!

— Отвечать?.. Но у меня нет вопросов! — Змей рассмеялся хрипло.

— Есть. Это наш с тобой общий вопрос. Только аргументов от меня ты не принимаешь.

— И от него не приму! Дроид не избавит вас от меня, глупый дважды изгнанник. Если бы дроиды захотели, не плавали бы подобные мне в Великом Море...

— Так ты согласен?

— Да.

Чистая, ясная рука Беста и страшная лапа Монстра соприкоснулись. Бест сжал раздвоенные пальцы с когтями, добавил:

— Завтра ты повторишь обещание. И мы будем играть открыто, при всех.

— Так и сделаем.

Соль подняла голову, рассеянная, с абрикосом в руке, вскочила и устремилась в след уползающему Змею, просить у него новый карандаш.

По опустевшему залу среди Морских Факелов, огибая их широкие ореолы, каталась Мурена на медном блюде, и тень под ним слушалась её, приученных золотых монеток на её шее. Бест сел на другое, забрался с ногами, поплыл по воздуху к ней. Они стали кружится возле одного из светильников, затем тень Беста, не подчиняющаяся ему, потеряла орбиту. Мурена догнала его.

— Чего-то ты много молчишь... Покататься решил?

— Попрощаться.

— Бест?..

— Завтра, возможно, отправлюсь навестить одного дроида...

— Так Архитектор тебя и отпустит. Зачем говоришь вслух?

— Посмотрим. Ты сердишься за утрату?

— Нет. Бест?..

— Что?

— Они тебе очень верят. Они не так беспечны, как кажется.

— Я знаю.

Два блюда, медное и серебряное снова закружились по двум эллипсам, Морской Факел посередине, заходя в золотой ореол его света и выходя. Приобретшее розовый цвет, лицо Мурены то пылало, как облако на рассвете, то отдалялось в тень. Чёрные пряди волос, скатившись с плеч, разбегались по медной чеканке.

— Бест, мы с тобой оба были правы. В Великом Море есть и чудовища, и гиганты, и чужие миры... Океан так велик.

— Мурена, ты красивая, как дроид. Но не делай больше теней, не рискуй, не становись хищницей.

— Бест?..

— Что?

— Даже здесь жить мне любопытно и весело. Может быть, они обзываются справедливо, может, я хищница, по сути. Мой Огненный Круг не светит другим... Но я не стану жить дольше, чем ты, Бест. Не смогу. Не буду. У меня не получится, Бест.

Её блюдо качнулось и подбросило Мурену сразу до второго лестничного пролёта на стене. Легкий звук убегающих шагов, затихая, прокатился по коридору. Пропал. "Это тебе до кучи, Бест, — подумал он, — до полного счастья".

Утром, выйдя на парадную лестницу, окинуть белые просторы и серые тучи прощальным взглядом, Бест увидел там Изумруда и Змея, набычившихся, лбом ко лбу. Между ними Ухаха вертел довольной мордой, озирая обоих по очереди. Пока ругались, он успел выесть площадку свободной от снега земли.

— Ты не имел права распоряжаться им! — рычал Змей.

— Почему же? Артефакт не твой и охота не твоя. Только сеть, так её я вернул!

Олеандр выбежал мимо Беста, стремительным аккордом пропевшей, лестницей, обошёл двух хищников и поманил мохнатого друга к себе, дальше от них.

— Осторожней! — крикнул ему Изумруд. — В глаза не заглядывай.

— А что такое?

— Припомню тебе... — прошипел Змей.

Изумруд продемонстрировал новшество Олеандру. Ухаха и прежде смотрел так, неодинаково, из-под густых, шерстяных бровей, по сторонам переходящих в длинные, свисающие треугольниками уши. Правый глаз больше открыт, а левый прищурен. Изумруд потрепал чудовище по крутому лбу и дунул в нос. Ухаха поморщился, распахнул оба глаза. В левом, на чёрном зрачке, как на шарике — маленький кот спал сладко, клубочком. От света дёрнул ухом, приподнял голову... Изумруд тут же прикрыл ладонью веко.

— Ты уменьшил артефакт? — поразился Бест.

— Нет. Это только проекция. Кот внутри. И своих качеств ничуть не утратил! — Изумруд попрекнул Олеандра. — Что ж ты ему не дал, кроме скорости, никакой защиты? Пусть будет так. При случае, мохнатому чуду достаточно моргнуть и приглядеться к обидчику левым глазом! Ох, как мы гонялись!.. Ты перелетал с мыса на мыс Туманное Море дроидов? А я — перепрыгивал!.. Ну и скорость!

Олеандр погладил Ухаха, потянул за чёлку:

— Тебе нравится артефакт? Не мешает глядеть?

— У-у-у-р... — прозвучало в ответ.

"Ничуть не мешает".

— У нас событие, Изумруд. Партия "Кто-Тут-Есть".

— И ты не приглашён! — рыкнул Змей над их головами.

Оглушительным ударом хвоста скинул Изумруда со ступеней башни — далеко, тот едва успел позвать дракона, падая на снег, — прежде, чем закрыть её. Ото всех и для всех.

Глава 15.

Глава 15.

Ни круглого сидения, ни покрывал и подушек, ни плодов и кувшинов... На их месте монолитная плита серой стали с углами острыми, как ножи, отполированная до блеска. Только дроидам и самому Монстру под силу принести такое. Видно, тщеславный и злой, он захотел показать изгнанникам в полной мере, с кем имеют дело. Широким кругом, на голом полу сидя, они выслушали Беста в молчании.

Одним своим загнутым когтём, не отмеряя, не прицеливаясь, Монстр расчертил стальную плиту на клетки глубокими бороздами — вжик, вжик, вжик — и никто не сделал бы ровней. Чёрные клетки наискосок заштриховал, только слышался визг и свист металла. Свернулся кольцами, ожидая. Страшный. Представление удалось.

Бест ждал с другой стороны. Перед обоими по набору шашек, рыбок, у Беста белого металла, у Змея чугунных. Цвет успели разыграть. Примагничивались они плотно, едва оторвёшь. Перед Бестом лежит острое стило. Позаботился. Не у всех есть когти.

Нельзя смотреть, как пишет очки другой, на скольких шашках. Игроки развернулись к доске спиной и приступили. Бест огляделся. Лучше не надо. Один Ухаха улыбается. И рубиново-красный Олеандр рядом с ним безмятежен. Остальные...

Олеандр... Слепое Око Судьбы. Так тому и быть. Бест нацарапал его на рыбке. На другой — 31. Расставил пустые медленно так, задумчиво, для виду размышляя над каждой... 31 нельзя ставить в дальний ряд. Значит во второй, посередине. Око Судьбы справа в первом ряду. Монстр тоже расставил. И они начали.

Первые шашки сблизились. Бест взял два очка сразу, одно, следующие два, уже неплохо. Монстр, естественно, ни одного, только пустые "Кто-Тут-Есть".

— Что ж ты не воспользовался Слепым Оком Судьбы? — спросил, задумавшись, Бест.

— Мне слепых своих хватает, — просипел Монстр, — а ты, как я чую, воспользовался...

— Может быть, а может, все мои циферки в заднем ряду...

Бест взял ещё три, намеренно не двигая одну шашку по центру, открывшуюся уже 31. Монстр заметил и стал избегать её. "Сейчас он будет прорываться к последнему ряду... Но где? Если влево, то ещё долго. Если вправо..." Змей сожрал две пустые шашки слева, в обход центральной. Когда его когти зависали над ней, замирал даже под тёплым медальоном Огненный Круг. Двинулся вправо, где мог взять сразу три. Перепрыгнул раз, два... И Слепое Око Судьбы подмигнуло ему.

Вздох облегчения прокатился по залу. "Небо и море, рано вы радуетесь, это только начало..." — с болью подумал Бест. Змей махнул хвостом, сбросил шашки на пол.

— Ты хорошо играешь.

— Это судьба, — отозвался Бест.

— Где же твой дроид? — прохрипел Змей. — Или я должен к нему отправиться? Затруднительно.

— Ты. Но это совсем близко.

Бест запрыгнул на стол, на клетки игровой доски так, чтоб оказаться лицом к лицу.

— Выслушай меня, Архитектор. Сначала свидетели. Мои. Свидетели того, что я честен с

тобой.

— Кто же они?

— Они, Архитектор, первая раса дроидов. Только создавший новое, не существовавшее прежде может звать их, с ними говорить. Я создал конвенцию. Не достаточную. Не точную. Но я создал её! Я могу их позвать. И они будут говорить со мной. Достаточное ли свидетельство?

— Я не требовал никакого. Но да, вполне.

Бест, словно в раскрытую книгу, заглянул в свои ладони, потом сложил их... Улыбнулся и поклонился.

Тихая музыка пришла ниоткуда. Башню залил свет, необычайный, неземной. Два силуэта: янтарный и серебряный, как в двери проходя, один сквозь другой начали спускаться, не приближаясь, внезапно встали рядом и поклонились Бесту. И он им, снова.

— Выражаем почтение...

— Высшие дроиды первой расы!.. Ответьте мне вслух, во всеуслышание, сколько дроидов вообще при любых условиях станут говорить с Хищником Моря?

— Один. Только один, — звоном колокольчиков отозвались они. — Один при любых условиях. И ни один другой!

— Благодарю вас.

Дроиды рассмеялись и рассыпались на огоньки. Свет ушёл. О, какой же тёмной предстала башня изгнанникам!.. О, как же вырос Бест в их глазах, даже не с чем сравнить!.. Восходящие не встречают первой расы. Хозяева тоже. Зачем? Это не запрет, а то, что бывает по случаю, невероятному, немыслимому... Они, изгнанники, видели чудо сейчас!..

Безгубое, страшное лицо Монстра искривилось:

— Любимчик дроидов, шикарный аттракцион. Непонятно зачем. Но я слышал, я верю тебе.

— Вот зачем!

Бест спрыгнул. Снял круглый котелок, висевший возле стенной ниши, у огня, мельком бросил взгляд на Ухаха. Несколько лёгких снежинок вылетело из левого глаза, когда тот ему подмигнул. С котелком в двух руках Бест вернулся на прежнее место. Неглубокий, круглый, блестящий он был полон морской воды. А в ней, огромным шариком мороженого качался белый снежок сократового снега, смертельного, ядовитого снега, и не таял. Бест поднял котелок:

— Вот зачем! Только один. Царь-На-Троне будет говорить с тобой! Выпей или скажи, что ты лжец и не держишь слова!

Готовым задрожать рукам Бест приказал: "Не сметь!.. Как же он сейчас разозлится... Но он так расчетлив, Морское Чудовище. Если и разорвёт меня, успокоится. У них будет год. Ещё целый год надежды".

Змей распрямил свои кольца, взвился, сверху вниз уставился на хлопья снега, на блестящее дно котелка...

— Дважды изгнанник, любимчик дроидов! Этот визит, что я проиграл тебе, обычно называют по-другому!

— Обычно. Но не всегда! — ответил Бест резко. — Ты не знаешь своего срока, и я не знаю. Царь-на-Троне открывает пути.

— Нет, — зарычал Монстр, — я знаю! Ты промахнулся! Морская вода со злым ядом, подумал ты, означает мучительную, медленную смерть!.. А она означает, что я остановлю его!.. Остановлю...

Он наклонился, просипел в лицо:

— Если останусь жив... О, ни на что не надейся, изгнанник!.. Я не лжец. Я держу слово.

И взял котелок. Бест не изменился в лице. Не отвёл взгляда. Изгнанники не узнавали его. Как дроид холода. Хорошо, что на нашей стороне.

— Пей!

Монстр остановился.

— Гость мой, я должник. Послушай, я отпущу с тобой половину из них и открою для вас небо...

— Пей!.. Зачем ты торгуешься? Просто нарушь договор. Или пей!.. Я не торгуюсь.

— Я страшно отомщу тебе!

— Верю. Но сейчас ты должен увидеть лицо Коронованного. Пей!

Монстр скрипнул когтями по котелку и опрокинул его себе в пасть. Закрыл глаза. Простонал невнятно и зигзагами, зигзагами по стенам исчез выше стрельчатых окон. Крупные колючие звёзды глядели из них, ветер выл, ветер...

Бест опустился на клетки стола, спрятал лицо в коленях. Чтобы не заметили. Никто не подошёл к нему. Тишина. Ветер, иллюзорный, тень-ветер, тень-звук... Расходиться некуда и незачем, и страшно. Мурена перебирала монетки ожерелья. Олеандр, облокотившись на мохнатый бок Ухаха, смотрел в пол и в своё сердце, лишь бы не на Беста. Он помог, но он очень-очень сомневался... По разным причинам. День прошёл. Вечер тоже.

Зигзагами, зигзагами вниз Монстр спустился, подобно молнии, ударившей в плиты пола, и просипел тихо:

— Где это место, гость мой? Рынок дроидов, облачный мир?

— Небо и море! — Бест слетел со стола и обнял жуткую морду, прижал к своему плечу. — Ты видел его?! Он знал, что я предложу тебе?! Ты согласен? Прости меня, ради милости дороидов! Выхода не было! Я набрал столько морской воды, чтобы — не — погубить! Прости меня! Что ты видел?

Монстр просипел, освобождаясь:

— Царя-На-Троне. Всё разом. Что за дурацкий вопрос! Ты правильно рассчитал, любимчик дроидов... Если твои друзья не порвут меня на лоскутки. На переходном этапе. Впрочем, так даже лучше.

— Нет! Прости меня! Ведь ты не передумаешь?

— Как я могу передумать, когда ничего не решал? Я видел открытый путь, видел закрытые пути.

— Завтра? — спросил Бест.

— Завтра.

— Ты сомневаешься, — прошептал Бест ему одному, — но причины нет... Там прекрасно... Там всегда светит солнце сквозь аллею, потом светит вдоль, и насквозь с другой стороны... Я был там.

— Замолчи. Я всё проиграл. В Великом Море ты был бы царём чудовищ, самым опасным, гость мой, Бест.

Глава 16.

Глава 16.

— Не беспокойтесь... Всё будет таять последовательно, как создавалось, — таковы были последние слова, услышанные изгнанниками от Монстра, произнесённые сиплым, свистящим голосом чудовища.

Следующим утром его уже не обнаружилось в башне. Она ещё стояла.

На нижней галерее, окружив Беста, изгнанники встречали рассвет, и шестеро не покорившихся присоединились к ним, впервые почти за три года утолив жажду водой связных Впечатлений. Опьянённые и жаждущие мести. Феникс, Кондор, Клад, Сота с шестигранным перстнем на указательном пальце, Чертог, в прошлом обладатель самого большого тайника на континенте, и Альбатрос, ещё один приятель Беста по гонкам, пару раз обошедший-таки его дракона. С покорившимися Архитектору изгнанниками они как-то пока не перемешались... Держались в стороне. Соль издали, через чужие спины поглядывала на Альбатроса, чувствуя себя виноватой. Размышляя, тревожно и беспорядочно, обо всём сразу: жажде и ужасе, плодах и Впечатлениях, трусости и продажности, пределах возможного... Они с Альбатросом не были особо близки, изредка около берега вместе ныряли за артефактами. Хотя, если судить по тому, что всё выловленное оказывалось не нужным ему и доставалось Соль, то были... Альбатрос тоже поглядывал на неё, переменившуюся, большеглазую, в синем бархате до щиколоток... И думал только одно: "Жива".

Феникс и Клад выговаривали что-то Бесту. Он кивал, и каждый кивок означал: нет, нет и нет. Я вас понимаю, но сделаю по-своему.

— А вам не кажется, — подвёл черту Бест, — что это моё право, причём, дважды?

"Ты не один из нас, — подумал Кондор, — причём, трижды". И отошёл от спорщиков. Ясно, за кем останется последнее слово, уж чего-чего, а упрямства Бесту не занимать.

Тучи остановились. Это произошло внезапно. Остановились и слова, и споры. Серая пелена неба разбилась на мозаичные осколки. Мозаика наоборот: осколки грязно-серые, а швы между ними розовые и голубые... Посветлело.

— Уходим отсюда, — сказал Мираж.

— Но куда? В нижние залы, обратно в темень? — Амарант посмотрел на парадную лестницу, волны шли по её исчезающим струнам. — Снаружи снег.

— Спустимся во внутренний двор, побудем в саду, — негромко предложил Дикарь. — Если что будет таять сверху, дотуда не долетит, по стенам скатится.

Так они и сделали. На радость шести освобождённым коллекционерам, еще не пробовавшим змеевых плодов. Валяясь на спине, за всё более и более лёгкой, дружеской болтовнёй, сквозь кроны и жёлтые яблоки они вскоре любовались на беспредельные облачные миры... Как можно было не ценить это чудо? Пусть, навеки недоступное, но такое прекрасное...

Невдалеке от башни, лицом к ней на узкой тропинке, где однажды поднялся на поверхность Сократ, стоял незнакомый изгнанник. Одетый в чёрное. Прозрачный, как битое стекло. С глубокими синими глазами. С золотой цепью на шее, кулон — капля янтаря. Мокрый насквозь от водопада забвения. Высокий как Изумруд, он впервые, первый и последний раз смотрел на свою башню, на своё тающее творение. Повёл в воздухе рукой, обводя её силуэт. И силы в его

руке хватило только на это. С другой тропинки к нему перепрыгнул Гром. Он вздрогнул, отступил, заслоняясь невольно:

— Кто ты?

— Твой Черный Дракон. Бест прислал, будь ты проклят.

Змей узнал голос.

— А... В чём проблема? Прокляни. Собственноручно.

— Пошли. Идти можешь?

— Медленно.

Гром пропустил его перед собой. Гуськом подошли они к чистой площадке на месте парадной лестницы. Ухаха, пасясь мохнатой коровой, выел порядочно проплешин в снегу. Змей отшатнулся и от его широченной улыбки.

— Не узнаёшь? — спросил Гром.

— Узнал уже.

Из-за бока Ухаха показался красный в белом одеянии Олеандр, заметил Змея, крикнул другим, махнул рукой. В беспорядочных каменных руинах, среди поваленных статуй, неповреждённых строений кладовых первыми показались Бест и Фанатик. Шестеро коллекционеров шли за ними. Олеандр подбежал, взял Змея за руки, провёл до горы обломков, и не дал рухнуть на последних шагах... Усадил.

— Тьфу! — Сота отошёл от группы.

— Феникс, пойми, — убеждала Мурена, — это почти невозможно, то, что он сделал! Вы не приняли одолжения, вы молодцы. Но ты лично мог бы оценить хоть сложность задачи! Такую громаду единолично создать — и самому уничтожить… Вырвать из тела тысячелетиями присущие ему тени! Он злой, но гениальный. Это великое существо.

— Хищница ты, — беззлобно отвечал Феникс, — и защищаешь своих. Не старайся, лишнее. Против Беста никто не пойдёт. Он победил. Вчистую. Ему и решать.

Бест присел на корточки рядом со Змеем:

— Архитектор...

— Бест?

— Ты не помнишь меня?

— Я не видел тебя. Никого из вас не видел.

— А, ну да. Позови дракона. Можешь позвать?

Змей откинулся назад. Птичья песня, свистящий нежный щебет распространился из груди. Змей сощурился, улыбнувшись лишь глазами, и пробормотал: "Не зря..." Белый Дракон расправил огромные крылья. Застившей небо бабочкой предстал в полёте. Сложил эти крылья волной, гребнем от хвоста до головы и пал на четыре лапы. Бесподобный. Ни одной гонки у такого не выиграть.

— Держи за загривок, чтоб не исчез, — сказал Бест и позвал своего.

Теперь они стояли рядом, равно крупные, нетерпеливые. Змей приподнялся. Его остроносый дракон повернул ухо, скосил глаз, недоверчивый, счастливый зовом, и прислонил голову к руке.

— Давно не виделись... — прошептал Змей.

Бест на нечеловеческом языке сказал что-то своему дракону, название какое-то. Тот кивнул, фыркнул. И оба дракона согласно кивнули.

— Мой дроид проводит тебя.

— А если когда-нибудь он проводит и меня, то мы сможем повидаться, — сказала Мурена, разглядывая преображённого Змея, как и прочие, не веря своим глазам.

— Посмотри на меня, хищница, Пурпурная Рыбка, — ответил Змей голосом чистым, по-

прежнему властным, — и запомни это жалкое зрелище. Пригодится. Хотя, лучше бы не пригодилось. Увидеться — рад.

"Небо и море! — думал Изумруд, наблюдая издалека светящийся, быстрый Огненный Круг под чёрной рубашкой. — Он совсем юный в сравнении со мной! Кто бы мог подумать, много старше изгнанников, но для меня — юнец..." Бест оглянулся на шестерых, опять собравшихся вместе, на Феникса... Покачал головой.

— Не медли, — сказал он Змею. — Долгий путь.

— Вижу. Спасибо, Бест.

Он встал, поддержанный красной рукой Олеандра, и сел на дракона. Задержал его руку.

— Я промолчал тебе, мой мальчик. Отвечу теперь: неправда. Не ненавижу.

Змей хлопнул дракона по шее, Бест отпустил своего, и два белых дроида, сделав круг, унеслись в облачные миры почти вертикально.

Что подобная махина может растаять до такой степени поступательно, в глубине души не поверил никто. А напрасно. Остались и стены, образовывавшие внутренний двор, не сплошь, но промежутками каменной кладки, обтёсанные, крупные камни, не связанные раствором, надёжно пригнанные. Так что, сад раскинулся в их несовершенной ограде — широкий полумесяц, кое-где открытый, в других местах заслонённый от пустынной земли. Вода забвения продолжала питать его. Но плодов с Впечатлениями уже не будет. И бассейн остался. Он будет таять ещё много лет, сотворённый Змеем независимо от башни, от себя и других теней. Изумруд сидел перед ним часами, опускал руку, разглядывал её, думал.

Морские Чудовища разбежались из затопленного подвала и большей частью погибли, хотя, как знать.

Первые дни ничего не хотелось. Даже пить. А такая коллекция! Розовыми, упавшими раковинами был отмечен путь к Великому Морю... Даже думать о будущем. Только летать среди облаков, заглядывать в рамы, чувствовать лучики на веках. Только сидеть, глядя в свободное небо.

— Откуда в тебе это?.. — как бы риторически спросил Беста Гром. — Всегда был таким или пришло однажды?

— Каким таким? Я считаю, что нужно договариваться. Разговаривать и договариваться. Так правильно. Вот смотри, Змей сделал мне подарок, предложение, хочешь, принимай, хочешь, нет. Ужасное предложение. Выбрать одну жизнь. Из вас, понимаешь? Того, кто не умрёт. Я не смог бы выбрать. Но я сказал — да! И в итоге всё получилось.

— Это только везение, Бест! А предложи он тебе, назвать это имя прямо сразу? Стал бы ты договариваться? Что бы ответил?

— Да. И тогда стал бы. И назвал имя. Твоё, например. Не самого слабого, а самого сильного. Затем пришёл бы к тебе и спросил разрешения сыграть на твою жизнь за все остальные.

Гром не сдержал улыбки:

— Ладно!.. Ты выиграл, Бест.

Там, дальней стороне сада, где любовался на розы Дикарь в самый страшный день своей жизни, где красно-зелёный плющ поднимается по стене, арками перекидывается вправо и влево, к следующим её промежуткам, изгнанники устроили место общего сбора, набросали ковров, подушек. Бест восседал по центру, так и не прельстившийся змеевыми одеяниями, в шароварах

и клетчатой рубашке, с медальоном дроидов на груди. И вот как он начал рассказ в ответ на град их вопросов:

— Есть рынок дроидов...

— Это что-то абсурдное, Бест! — немедленно перебил его Ауреол. — Рынок, где можно купить дроида?!

— Нет! — Бест рассмеялся. — Даже наоборот. Где главы семейств ищут дроидов, а свободные, в основном 2-1, присматриваются к семействам... Как-то так. Общее место. В чём суть: им нужно поле соприкосновения, человек. Место лишь условность. Оно выглядит, как облачный мир со входной рамой, липовая аллея, за ней уже настоящий вход. Но дальше я не ходил. Зайти, означало бы согласиться. Понимаете, тот, кто создал новое, не существовавшее прежде, как однажды люди создали самих дроидов, получает право им...

— ... приказывать, — встряла Мурена.

— Служить!.. И на этом рынке, как поле, как основное условие, я стал бы...

— … хозяином, — не удержалась Мурена.

— Привратником!.. Небо и море, прошу тебя!

Мурена, притворно обиженная, пожала плечами:

— Ну, если привратником, не очень-то интересно...

И ушла объедать вишни поодаль.

— Изумруд, — вздохнул Бест, — что ты делаешь, когда хочешь убедить Селену прекратить спор, а?

Изумруд озадачился:

— Кстати, да, уже чисто, можно позвать её. Да, в общем-то, Бест, Селена не особо разговорчива. Тем более настаивать на своём... Вот только, — он провёл рукой по бусам на чёрной груди, — разве это...

— Ну, ты богато украшен!

— Отнюдь, это совсем не много, то, что оставил. Эти феньки, они, большей частью, защитные. И они мне, как выразиться, не особо нужны... С практической точки зрения!

— У каждого, — усмехнулся Бест, — свои проблемы.

— Ага. И что, ты должен был стать привратником дроидов, но уступил второму чудовищу?

— Уступил?! Там нереально скучно! Но красиво. Справедливости ради. И много музыки, пения дроидов. И солнце... — голос Беста стал мягким, мечтательным. — Там греет, греет и светит солнце... Не важно. Я — здесь!

Вишенка за вишенкой, Мурена наткнулась, кружа по саду, на свой бывший приют. Её комнатка стояла на земле целой и невредимой. Окно с балконом превратилось в дверь с крылечком. "Не пригодился..." Среди подушек Мурена нашла флакончик полный Чистой Воды забвения. "Огонёк дроидов исчез..." Она повертела его в розовых пальцах и вдруг заметила на дне крошечную ярко-синюю бусину...

Глава 17.

Глава 17.

Они пребывали частью пейзажа на Синих Скалах. Индиго и Белый Дракон, не исчезавший, меняющий обличие от скуки на человеческое и обратно. Индиго вспоминал, как искал Солнце, пытался вылететь за облачные миры...

— Нищета изгнания!.. Даже солнца нет. Чужие прихожие, кусочек суши да Великое Море — вот всё, что доступно восприятию!..

Дракон саркастически скривил морду и фыркнул:

— Ну-ну... Байки. Если бы мы доверяли выдумкам высших дроидов, где мы были бы сейчас? У них на побегушках. Доступно восприятию... Помню. Ты думал, что летишь по прямой?

— Насколько это возможно.

— Ты кружил. Миры не беспредельны.

— То есть сейчас, зная, куда я хочу попасть, ты вынесешь меня за пределы?

— Не... Все бы так и делали, не спросясь!.. Главы семейств ревнивы. Сначала надо договориться.

— Сфера закрыта чем-то сверху и у них есть ключ? Или облака, это лабиринт, проход через который знают только они?

— Не то, не то. Ты мыслишь, как человек. Странно, что ты хочешь стать дроидом.

Мурашки по коже пробежали, когда он услышал это со стороны, как что-то обсуждаемое, возможное, почти обыденное...

— Слушай, человек! — дракон приподнялся на локте, простёр руку к небу и проговорил пафосно, глазами смеясь, — пройти до пределов чистого неба, это и значит стать дроидом!

Хлопнул лапой по скале, переменился в человека и откинулся, смеясь.

— Вот, что мне интересно... Почему вы всё время смеётесь, говоря, что угодно? Кроме, разве владыки Дома. Мы такие смешные?

— Нет! — юноша-дракон хохотал. — Быть в человеческом обличье само по себе невероятно смешно для дракона! А для дроидов вообще, ну подумай: выслушать, открыть рот, проговорить что-то медленно, последовательно!.. Зачем?! Ой, ты не понимаешь!.. Ну, поверь, это очень смешно!

— Ладно, я спрошу, а ты повеселись ещё. Как подняться до пределов чистого неба? Бест рассказал мне вот что, единственное. Давным-давно было такое понятие, и дроиды взяли его себе, не за правило, а за исключение из всех прочих правил: "Отчаянье не погубит ни одного". Это правда? Бест объяснил это так, человек погибает от времени, от Морского Чудовища или хищника на рынке, но дроиды не допустят самоубийства, смерти от жажды. Если воля или безумие человека так сильны, дроиды дадут ему и то, что не имеют права давать. Кроме оружия, ведь люди равны для дроидов, один перед другим преимущества не имеет. Шантаж, короче. Это правда?

— В общем, да. Ты же заставил меня говорить с тобой.

— И так...

И дракон рассказал Индиго всё совершенно, без утайки. Тем более что тот бросил Бесту свой медальон, убегая. Сжёг мосты. Что такое на самом деле Синие Скалы? Кровь и плоть дроидов до последнего камня. Скалы, достигающие центра земли. Застывший синий свет,

холодный, и немного красного в синеве. Восходящие потоки ветра над ними достигают чистого голубого неба...

Надо оставаться на вершине, на плоской площадке, где вознёсшиеся из фиолетово-чёрных глубин камни светлеют до безмятежного цвета лазури. Надо жить на лазурной площадке и ждать. Сколько понадобиться. Годы, если ты настолько упрям и настолько несчастен. Пока не откликнется дроид семейства Там, открывающий первые восходящие потоки. Когда он откликнется, ты почувствуешь ветер. Лёгкий-лёгкий. Но он подхватит тебя. Тёплый. Дальше будут только холодные ветра. Но этот, возвращающий без перемен, не должен ранить. Дроид не спросит тебя, сам посмотрит и сам увидит, что тебе надо с такой страшной силой. Он, безо всякого дракона, понесёт сквозь облачные миры. Ты увидишь их прекрасными. Он покажет самые дивные просторы и чудеса в чужих рамах. Он говорит этим: "Жизнь переменчива. И прекрасна. Посмотри, что ты можешь иметь. Куда могут пригласить тебя гостем и творцом. На что можешь любоваться". Собственный Мир — сердце его хозяина. Дроиды не виноваты, что страх победил, что люди так редко приглашают к себе гостей, добро обращают во зло, живое делают мёртвым, свободное — закрытым. Так ты летишь и летишь, не встречая ни дроидов, ни людей. Если, глядя в Собственные Миры, ты пленишься ими, то ветер просто вернёт тебя на землю. Если же нет, наступит время взглянуть на тебя следующему дроиду, Сад.

Ветер станет холодным, непрерывным, ровным. Он понесёт тебя между пылающих облаков в непроглядную ночь. Беззвучную, ни искорки, ни огонька, только ветер. Этим он говорит тебе: "Вспомни, чего ты не увидишь уже никогда". И если ты смутишься, передумаешь, если найдётся что-то всплывшее из глубины памяти на фоне черноты этой ночи, холодный ветер тоже опустит тебя на землю, замёрзшим, но живым. Если же нет, он станет ещё холодней.

Третий дроид открывает глаза. Из семейства Дом. Все Собственные Миры, как на ладони. И ты не отвернёшься ни от какого, не покинешь пределы неба, не увидев их всех. Ты же хочешь стать дроидом, верно? Как перед дроидом, они все перед тобой. Сколько оно занимает времени по человеческим меркам? Не важно, последний ветер не возвращает назад. Что такое многообразие, ты и не подозревал до этого момента. Рамы прекрасных миров с хозяевами, бесконечно тоскующими в них. Миры простые, как росчерк, но полные экстаза. Миры хищников, авантюристов, трусов, великих строителей, знающих каждую деталь, и глупцов, решивших, что им очертаний достаточно. Миры, сложенные из Впечатлений, которым нет имени, а таковых много, на самом деле. Миры, соединившие удивительно разное: чувство раскаянья, переходящее в склонённые ветви над течением, а оно — в отраженье ветвей и обратно — в раскаянье без причины… Вода убегает, отражение остаётся, заворожившее хозяина навсегда… Миры песен: Впечатления, кружащие над одним артефактом, над его струнами, а их шесть... Ореолом они расходятся в полумраке, голосом тихим, грудным. Огарок свечи горит, течёт, не догорает, не может догореть. Хозяин перебирает струны. Впечатления плывут из-под пальцев, улыбаются тебе, обвивают, но ни он, ни ты не знаете им названия, имени нет. Сколькие из людей прошли до чистого неба сквозь всё это?.. И что дальше?

Индиго предстояло узнать самому.

Он летел и летел. Он думал, так будет вечно. Думал, что ветер заблудился в мирах, и он заблудился вместе с ним. Лететь без дракона. Лететь вечно. Почему бы и нет? То же самое. Всё тоже, что было. Миры и оттенки чувств. Облака, миллиарды явлений... Владыка Дом представился ему белый на чёрном троне и, надо же, оно ещё есть, сердце сжалось. "Ни дроидов, ни Беста, ни моего дракона не увижу, я заблудился навеки".

— Иди сюда!!!

Крик разорвал гармонию миров и его отчаянья, хриплый, нетерпеливый. Индиго огляделся, переворачиваясь, как в толще воды. Кучевые, все почему-то отдалившиеся, облачные миры, белые, равновеликие, а прямо перед ним... дивной красоты, точёная тонкая рука держит огромный обруч, пылающий огнём...

— Да иди же сюда!..

Он нырнул. Навсегда оставил его за спиной. И прекрасная рука забрала Огненный Круг...

Индиго продумал, что спал, протёр глаза. Над ним слепящее голубое небо! Звонкое металлическое пение горнов, грохот барабанов и оглушающий гул больших медных труб. Он вскочил на ноги, лёгкий, сильный. Площадь. Трибуны, трон и флаги с геральдикой семейств над ним. Флаги со всех сторон. Под ногами пыль белых облаков. На троне паяц в окружении дев, они то подходят, то пропадают. И шут кричит, обращаясь к нему:

— Будешь ты драться?!

Паяц обнимает за пояс девушку в украшениях зелёных огоньков. К толпе он кричит:

— Она — прекраснейшая?! Сказал Доминго! Или...

Он поворачивается к Индиго.

— Нет! Она, — Индиго вскинул руку, не глядя, с другой стороны от шута стоит девушка, закутанная в розовую вуаль.

— Вызов брошен! — заорал паяц. — Вызов принят! Начали!

Белый конь с длинной гривой, с голубыми глазами вылетает на площадь к Индиго и выносит его навстречу сопернику. При появлении которого...

— Доминго!!! — взрывается толпа.

Царственный белый дроид, в доспехах, на чёрном коне летит по широкой площади. Высший дроид, владыка Дом с копьём в руке, чёрные волосы хлещут его по лицу. Он смеётся, этот дроид, открывая зубы, радостный и злой. Смеётся, придержав коня:

— Редкий случай, второй после моего! Я ждал тебя, дроид Индиго!.. Какой глупый шаг!

Глава Дом вращает копьё, играет, смеётся:

— А знаешь ли ты, что побеждённый надолго переходит в семейство победителя? Индиго, дроид цвета! А знаешь ли ты, что дроиды разрушимы? Разрушимы, разрушимы!..

И направил на него сверкнувшее остриё. Индиго крикнул в ответ, перехватывая копьё, пуская коня во весь опор навстречу:

— А знаешь ли ты, высший дроид, владыка Доминго?! Что я совершенно, совершенно счастлив!..

Глава 18.

Глава 18.

К центру континента не доходили туманы Великого Моря. Можно не караулить, не опасаться теней. Благодать. Но по-прежнему ночами изгнанники зажигали зелёные костры. Ночь — не одни лишь тени.

Первые дни, когда сад стоял одинокий, миновали. Нагулявшись под дождевыми тучами, налюбовавшись чужими облачными мирами, изгнанники на Белых Драконах возвращались в него. Обратно. Домой. Бест слетал к раме мира, так недолго принадлежавшего ему, разыскал поблизости другую группу изгнанников, тех, что при катастрофе успели покинуть континент и пятеро новичков. Позвал на землю. Ухаха, действительно понимавший Олеандра с полуслова, за шкирку притащил ещё нескольких, перехватил раньше, чем ступили на гибельный снег.

И жизнь потекла как прежде. Прошла с новыми изгнанниками первая Общая Встреча ради Слов.

Огромное наследство осталось от Змея, артефакты, две кладовые с закрытыми, запечатанными сосудами изысканных Впечатлений, и главное, бассейн. Мог уничтожить... Неоднозначный дар. Двоякое отношение к нему и хотели коллекционеры, растерявшиеся посреди обилия бесхозных богатств, сделать темой следующей Общей Встречи. Бест согласился. Для себя он не видел в том интриги. Ну, Впечатление, ну, подробное... Селена, тревожно и грустно ей при этом воспоминании, изложила ещё раз последнюю исповедь Сократа. Бест не уловил суть. Только один несомненный минус он видел в применении теней бассейна: чем пристальней смотришь внутрь, тем слабее земные глаза, смотрящие наружу. Но и долгие Впечатления можно смыть Чистой Водой забвения. Он попробовал и убедился — можно. Тяжело, долго. Однако не столь тяжело вымыть, испарить, сколько трудно пожелать избавиться от них! Но уж это пусть каждый решает сам. Ещё после определённого момента Чистая Вода забвения необходима по глотку, чтобы те, долгие Впечатления не всплывали произвольно из глубины сознания, раня его. Чтобы тени, всё еще смешанные с ними, не притягивали к Огненному Кругу, сплавляя их чёрт знает во что. Тени есть тени, любую пищу они стремятся превратить в себя, человеку остаётся голод и холод. Но и это — личное дело каждого, когда и как остановиться. Вот Мурена твёрдо решила остановиться на одной. Зато с ней-то не рассталась!..

— Почему же Сократ не смог? — спросил Буран после рассказа Селены.

Новички слушали… будто сказку. Фанатик задумчиво. Крез, обративший жадность коллекционера на собирание долгих Впечатлений, уже почти близорукий, поддержал вопрос:

— Действительно, для любого ли существует возможность остановиться? От чего это зависит? Если я открыл, — он положил руку себе на грудь, — великую тайну: наслаждение можно проливать прямо на сердце... Что заставит меня остановиться?

Скучающий Бест отреагировал без вдохновения:

— Не знаю. Зато открою тебе вторую великую тайну: можно и не проливать. Разбирайтесь сами, я вас искренне не понимаю. Спрошу у дроидов, если для тебя лично, Крез, оно станет проблемой. А из любопытства не буду.

И ушёл. На мраморе ровной площадки, посреди бывшего центрального зала Амарант разложил белый атласный кусок ткани. Рядом бутылочка с чёрной, густой, вязкой жидкостью. Палочка в руке. Что-то пишет.

— Это тушь такая? — спросил Бест, подходя.

— Понятия не имею. Но ложится ровно.

— Что рисуешь?

— Конвенцию твою.

— Ой, подожди!

Бест воскликнул как раз на последних словах: "... без особых причин".

— Что-то не так? Хотел своей рукой? Перепиши. Мне больше нравятся печатные буквы. И людям понятнее.

— "Не изгонять никого..." — прочитал Бест вслух, забрал палочку и твёрдо вычеркнул "без особых причин", покачал головой. — Пустые слова. Не понимаю, о чём я думал, когда их добавил. Хищники — те же изгнанники. Не отвергать никого, и точка.

— Так перепиши. Шелков тут!..

— Не надо. Пусть остаётся с исправлением. Ты ж понимаешь, вопрос будет вставать снова и снова. А так видно, что его решали уже, и как решили. Путь знают, что не они первые. И потом, это уравновешивает конвенцию: есть и написанные и вычеркнутые слова. Мне нравится.

Олеандр образовался верхом на Ухаха, гулял побережьями.

— О, — приветствовал его Бест, — иди, там, в саду тебя не хватает. Бассейн обсуждают, закрывать ли от новичков.

Олеандр поморщился:

— А твоё мнение?

— Нет.

— Я не люблю его...

Переливчатый шёлк, покрытый иссиня-черными строчками, остался сохнуть на мраморном полу. Четверо вернулись на общую встречу. Не успели усесться, как, выделяясь на фоне облаков сияющей белизной, возник большой, узкокрылый дракон с оранжевыми глазами. Приземлился. Человек в блестящих стальных доспехах сошёл с него и приблизился, не спеша... А что, крепкий металл защитит Огненный Круг... Вот только, для Великого Моря не подходит такая защита!.. Для материка… уж очень серьёзно. Это не изгнанник. Ни робости, ни настороженности. Раскосые серые глаза. Из того же металла? Человек поклонился собранию:

— Перемены на континенте? Центральный Рынок — последнее, что я помню здесь.

Бест поклонился в ответ:

— Некоторые перемены. Ты пришёл торговать? На юг отсюда воссоздаётся рынок. Настоящий, там осталась рама. И свободная от снега земля.

— Благодарю тебя, — сказал пришедший, оглядывая сад. — Могу я вернуться позже?

— Конечно.

И тут Бест заметил своё отражение в блестящем нагрудном доспехе чужака, а за своей спиной Чёрного Дракона во весь рост. За пришедшим же телохранитель не проявился. Вот как?.. Ухаха приоткрыл смертоносный глаз. Олеандр закрыл его ладонью. Они с Бестом переглянулись.

---

notes

Примечания